

ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НЕОФИЛОЛОГИЯ

NEORHIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

2023

ТОМ 9

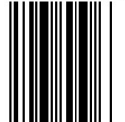
№ 1

ISSN 2587-6953

9 772587 695009

23033 >

ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

НЕОФИЛОЛОГИЯ

2023. Том 9. № 1

NEOPHILOLOGY

2023, VOLUME 9, NO. 1

16+

Неофилология. 2023. Т. 9. № 1

Сквозной номер выпуска – 33

Научно-теоретический журнал. Издаётся с марта 2015 г. Выходит 4 раза в год

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: **5.9.1** – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); **5.9.3** – Теория литературы (филологические науки); **5.9.5** – Русский язык. Языки народов России (филологические науки); **5.9.6** – Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки); **5.9.9** – Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки); **5.10.1** – Теория и история культуры, искусства (культурология) (категория К2).

Индексируется РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка».

Политика журнала. Научно-теоретический журнал «Неофилология» включает научные статьи и рецензии, посвящённые результатам фундаментальных и прикладных исследований ведущих и молодых российских и зарубежных учёных в области языкознания, литературоведения и культурологии. Основное содержание статей направлено на введение в научный оборот новых филологических и культурологических фактов и идей, обладающих общественной значимостью.

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и **двойное слепое рецензирование** членами редколлегии и внешними экспертами, отобранными редакцией.

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

Главный редактор:

А.С. Щербак, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация)

Научный редактор:

С.А. Мызников, чл.-корр. РАН, д. филол. н. (г. Москва, Российская Федерация)

Ответственный секретарь:

И.В. Ильина (г. Тамбов, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:

В.Г. Андреева, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Н.С. Гегелова**, д. филол. н., доц. (г. Москва, Российская Федерация); **Р. Гольдт**, д. филол. н., проф. (г. Майнц, Федеративная Республика Германия); **М.В. Горбаневский**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Е.И. Григорьева**, д. культурологии, проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Е.А. Зверева**, д. филол. н., доц. (г. Тамбов, Российская Федерация); **С.Н. Ильченко**, д. филол. н., доц. (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация); **С.В. Кезина**, д. филол. н., проф. (г. Пенза, Российская Федерация); **И.В. Леонов**, д. культурологии, доц. (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация); **Ю. Накано**, д. филол. н., ассист. проф. (г. Киото, Япония); **О.Н. Новикова**, д. филол. н., доц. (г. Уфа, Российская Федерация); **О.Ю. Осьмухина**, д. филол. н., проф. (г. Саранск, Российская Федерация); **Л.А. Пронина**, д. филос. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Л.В. Рацбургская**, д. филол. н., проф. (г. Н. Новгород, Российская Федерация); **Н.В. Розенберг**, д. филос. н., проф. (г. Пенза, Российская Федерация); **В.В. Смеюха**, д. филол. н., доц. (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация); **В.И. Супрун**, д. филол. н., проф. (г. Волгоград, Российская Федерация); **П.В. Сысоев**, д. пед. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **З.К. Темиргазина**, д. филол. н., проф. (г. Павлодар, Республика Казахстан); **Г.Н. Трофимова**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Л.А. Фурс**, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Л.Е. Хворова**, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Чжан Цзе**, д. филол. н., проф. (г. Нанкин, Китайская Народная Республика); **А.Л. Шарандин**, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Ю.М. Шемчук**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **А.М. Шестерина**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Н.Н. Ярошенко**, д. пед. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

Издатель: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-70137 от 16.06.2017 г.

ISSN 2587-6953 (Print)

ISSN 2782-5868 (Online)

Подписной индекс 80303 в каталоге ООО «УП Урал-Пресс»

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
Телефон редакции: +7(4752)72-34-34 доб. 0440
Электронная почта: ant_scherbak@mail.ru; ilina@tsutmb.ru
Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html>;
<http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng/>

Редакторы: Ю.А. Бирюкова, М.И. Филатова

Редакторы английских текстов: Д.Г. Самодуров, М.А. Сенина

Дизайн обложки: Т.О. Прокофьевой

Администратор сайта: М.А. Сенина

Оригинал-макет подготовлен в объединённой редакции научных журналов

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». 392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 190г.
Электронная почта: izdat_tsu09@mail.ru

Подписано в печать 15.03.2023. Дата выхода в свет 30.03.2023

Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman».

Печать на ризографе. Печ. л. 28,5. Усл. печ. л. 27,6.

Тираж 1000 экз. Заказ № 2350. Свободная цена.

Для цитирования: Неофилология. 2023. Т. 9. № 1. 228 с. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1>

Материалы журнала доступны по лицензии **Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0** Всемирная

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2023

© Журнал «Неофилология», 2023

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

При перепечатке, при цитировании материалов, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за содержание публикаций несёт автор

Neophilology, 2023, vol. 9, no. 1

Continuous issue number – 33

Scientific-theoretical Journal. Published since March 2015. Issued 4 times a year

The journal is on the “Official list of scientific reviewed periodicals for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science” by High Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia on the following fields of science: **5.9.1** – Russian literature and literature of peoples of Russian Federation (philological sciences); **5.9.3** – Theory of literature. Textology (philological sciences); **5.9.5** – Russian language. Languages of peoples of Russia (philological sciences); **5.9.6** – Languages of peoples of foreign countries (Germanic languages) (philological sciences); **5.9.9** – Media Communications and Journalism (philological sciences); **5.10.1** – Theory and history of culture (culturology) (category K2).

Indexed by the RSCI, DOAJ, Ulrich’s Periodicals Directory, ResearchBib, CrossRef, Scientific Electronic Library “eLIBRARY.RU”, Electronic Library “CyberLeninka”.

The mission of the journal. The scientific and theoretical journal “Neophilology” includes scientific articles and reviews on the results of fundamental and applied research by leading and young Russian and foreign scientists in the field of linguistics, literature studies and cultural studies. The main content of the articles is aimed at introducing into scientific circulation new philological and cultural facts and ideas of social significance.

All articles are checked in the “**Antiplaga**” program and **double-blind peer-reviewed** by members of the editorial board and external experts selected by editorial.

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

Editor-in-Chief:

A.S. Shcherbak, Dr. habil. (Philology), Professor (Tambov, Russian Federation)

Scientific Editor:

S.A. Myznikov, Corresponding Member of RAS, Dr. habil. (Philology) (Moscow, Russian Federation)

Executive Editor:

I.V. Ilyina (Tambov, Russian Federation)

Editorial Board:

V.G. Andreeva, Dr. habil. (Philology), Professor (Moscow, Russian Federation); **N.S. Gegelova**, Dr. habil. (Philology), Associate Professor (Moscow, Russian Federation); **R. Goldt**, Dr. habil. (Philology), Professor (Mainz, Federal Republic of Germany); **M.V. Gorbanevskiy**, Dr. habil. (Philology), Professor (Moscow, Russian Federation); **E.I. Grigorieva**, Dr. habil. (Culturology), Professor (Moscow, Russian Federation); **E.A. Zvereva**, Dr. habil. (Philology), Associate Professor (Tambov, Russian Federation); **S.N. Ilchenko**, Dr. habil. (Philology), Associate Professor (St. Petersburg, Russian Federation); **S.V. Kezina**, Dr. habil. (Philology), Professor (Penza, Russian Federation); **I.V. Leonov**, Dr. habil. (Culturology), Associate Professor (St. Petersburg, Russian Federation); **Y. Nakano**, Dr. habil. (Philology), Assistant Professor (Kyoto, Japan); **O.N. Novikova**, Dr. habil. (Philology), Associate Professor (Ufa, Russian Federation); **O.Y. Osmukhina**, Dr. habil. (Philology), Professor (Saransk, Russian Federation); **L.A. Pronina**, Dr. habil. (Philosophy), Professor (Tambov, Russian Federation); **L.V. Ratsiburskaya**, Dr. habil. (Philology), Professor (Nizhny Novgorod, Russian Federation); **N.V. Rozenberg**, Dr. habil. (Philosophy), Professor (Penza, Russian Federation); **V.V. Smeyukha**, Dr. habil. (Philology), Associate Professor (Rostov-on-Don, Russian Federation); **V.I. Sprun**, Dr. habil. (Philology), Professor (Volgograd, Russian Federation); **P.V. Sysoyev**, Dr. habil. (Education), Professor (Tambov, Russian Federation); **Z.K. Temirgazina**, Dr. habil. (Philology), Professor (Pavlodar, Republic of Kazakhstan); **G.N. Trofimova**, Dr. habil. (Philology), Professor (Moscow, Russian Federation); **L.A. Furs**, Dr. habil. (Philology), Professor (Tambov, Russian Federation); **L.E. Khvorova**, Dr. habil. (Philology), Professor (Tambov, Russian Federation); **Zhang Jie**, Dr. habil. (Philology), Professor (Nanjing, People’s Republic of China); **A.L. Sharandin**, Dr. habil. (Philology), Professor (Tambov, Russian Federation); **Y.M. Shemchuk**, Dr. habil. (Philology), Professor (Moscow, Russian Federation); **A.M. Shesterina**, Dr. habil. (Philology), Professor (Moscow, Russian Federation); **N.N. Yaroshenko**, Dr. habil. (Education), Professor (Moscow, Russian Federation)

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Derzhavin Tambov State University” (33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation)

Publisher’s: FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). The mass media registration certificate ПИ no. ФС 77-70137 of June 16, 2017

ISSN 2587-6953 (Print)

ISSN 2782-5868 (Online)

Subscription index in the catalogue LLC “Ural-Press” is 80303

Editorial Office and Publisher address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation

Editors telephone: +7(4752)72-34-34 add 0440

E-mail: ant_scherbak@mail.ru; ilina@tsutmb.ru

Web-site: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html>;
<http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng/>

Editors: Y.A. Biryukova, M.I. Filatova

English texts editors: D.G. Samodurov, M.A. Senina

Cover design T.O. Prokofeva

Web-site administrator M.A. Senina

The original layout is prepared in the Incorporate Editorial of Scientific Journals

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House “Derzhavinskiy” of FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”.

190g Sovetskaya St., Tambov 392008, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

Signed for printing 15.03.2023. Release date 30.03.2023

Format A4 (60×84 1/8). Typeface “Times New Roman”.

Printed on risograph. Pr. sheet 28,5. Conv. pr. sheet 27,6.

Copies printed 1000. Order no. 2350. Free price.

For citation: Neophilology, 2023, vol. 9, no. 1, 228 p. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1>

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”, 2023

© The journal “Neophilology”, 2023

Author’s articles do not necessarily reflect the opinion of the publisher. While reprinting, citing materials, including in electronic media, a reference to the journal is required.

The author is responsible for the contents of publications

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS 6

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

- Мозговой В.И.** Национальный язык в истории русской государственности 8
- Пахомов В.М.** Наследие Михаила Викторовича Панова и разговор о настоящем и будущем русской орфографии 21
- Ефремов В.А., Попович Д.А.** Вербализация телесности в блокадных текстах 31
- Новикова О.Н., Калугина Ю.В.** Зоометафора как способ восприятия новой коронавирусной инфекции COVID-19 43
- Ковтуненко И.В.** Проблемы этичного общения в компьютерно-опосредованной коммуникации 54
- Акинина А.В.** Средства индивидуализации, противоречащие принципам гуманности и морали: парадоксы восприятия, коммерческий потенциал 65

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

- Морозова А.Н., Ивлева А.И.** Структура субстантивно-предложных синтагм в англоязычном тексте патента 78
- Архипова И.В.** Системно-языковые и конкретно-речевые связи в сфере таксиса 89
- Шакирьянов Л.М.** Языковые особенности противопоставления и антонимии в области англоязычных экономических номинаций 97
- Гаврилова И.А.** Функциональная специфика словообразовательных неологизмов в дискурсивном пространстве глянцевого журнала 111

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

- Осьмухина О.Ю., Кадеева Р.А.** Специфика воплощения авторской маски в романе В.П. Аксёнова «Ожог» 121
- Липунцов М.И.** Образ русского духовенства в творчестве А.П. Чехова 132

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- Елепова М.Ю., Кабанова Н.Г.** Мифопоэтика и художественная интертекстуальность сказки Тамары Крюковой «Узник зеркала» 143
- Корниенко С.А., Афанасьева О.В.** Между утопией и трагедией: конвергенция фаустовского мотива «гомункула» и ключевых образов романа «Доктор Живаго» Б. Пастернака 155

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

- Видная О.Е., Середа М.С.** Краеведческий аспект дореволюционной журналистики (на примере публикаций Б.П. Княжинского) 165
- Биткова В.В.** Маркеры фейковой информации в новостях о COVID-19 173
- Прохоров А.В., Попов С.А.** Комьюнити-маркетинг в индустрии спорта (на примере бегового движения) 186
- Ромашкин В.А.** Элементы геймификации в событийном маркетинге 195
-

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

- Житин Р.М., Топильский А.Г.** А.Т. Болотов и создание новых концепций садово-паркового искусства в России (к проблеме трансферта европейских садоводческих практик на русскую «почву») 202

ОБЗОР. РЕЦЕНЗИЯ

- Мурса И.Н., Шадрина К.Д.** Журнал «Юрислингвистика»: реферативный обзор 211

ПЕРСОНАЛИЯ

- Быкова Г.В.** Светлой памяти Иосифа Абрамовича Стернина 220

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF PEOPLES OF RUSSIA

Mozgovoy V.I. National language in the history of Russian statehood	8
Pakhomov V.M. The legacy of Mikhail Viktorovich Panov and a conversation about the present and future of Russian spelling	21
Efremov V.A., Popovich D.A. Verbalization of corporality in blockade texts	31
Novikova O.N., Kalugina Yu.V. Zoometaphor as a way of perceiving the new coronavirus infection COVID-19	43
Kovtunen I.V. Problems of ethical communication in computer-mediated communication	54
Akinina A.V. Means of individualization contrary to the principles of humanity and morality: paradoxes of perception, commercial potential	65

LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (GERMANIC LANGUAGES)

Morozova A.N., Ivleva A.I. The structure of substantive-prepositional syntagmas in the English text of the patent	78
Archipova I.V. System-linguistic and concrete-speech connections in the sphere of taxis	89
Shakiryaynov L.M. Linguistic features of opposition and antonymy in the field of English-language economic nominations	97
Gavrilova I.A. Functional specificity of word-formation neologisms in the discursive space of glossy magazines	111

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF PEOPLES OF RUSSIAN FEDERATION

Osmukhina O.Yu., Kadeeva R.A. The specifics of the embodiment of the author's mask in the novel by V.P. Aksenova "Burn"	121
Lipuntsov M.I. The image of the Russian clergy in the works of A.P. Chekhov	132

THEORY OF LITERATURE

Elepova M.Yu., Kabanova N.G. Mythopoetics and artistic intertextuality of Tamara Kryukova's fairy tale "Prisoner of the Mirror"	143
Kornienko S.A., Afanas'eva O.V. Between utopia and tragedy: the convergence of Faustian motif of "homunculus" and the key images of the novel "Doctor Zhivago" by B. Pasternak	155

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Vidnaia O.E., Sereda M.S. Local history aspect of pre-revolutionary journalism (on the example of B.P. Knyazhinskiy's publications)	165
Bitkova V.V. Fake information markers in COVID-19 news	173
Prokhorov A.V., Popov S.A. Community marketing in the sports industry (on the example of running)	186
Romashkin V.A. Gamification elements in event marketing	195

THEORY AND HISTORY OF CULTURE

- Zhitin R.M., Topilsky A.G.** A.T. Bolotov and the creation of new concepts of landscape gardening in Russia (on the problem of the transfer of European horticultural practices to the Russian “soil”) 202

REVIEW

- Mursa I.N., Shadrina K.D.** Journal “Legal Linguistics”: abstract review 211

PERSONALIA

- Bykova G.V.** In blessed memory of Joseph Abramovich Sternin 220

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 811.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-8-20>

Шифр научной специальности 5.9.5

Национальный язык в истории русской государственности

Владимир Иванович МОЗГОВОЙ

ГО ВПО «Донецкий национальный университет»

283001, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Университетская, 24

 mowi48@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования о взаимосвязи национального языка с государственностью определяется усилением противоречий в современном обществе, связанных с пренебрежением или избирательным отношением политиков к тем или иным процессам языковой идентификации отдельной личности, народа и государства. Цель исследования состоит в том, чтобы вскрыть причины невежественного нигилизма так называемой «титупной нации» по отношению к «неразвитым» или «некоренным» народам. В качестве альтернативного предлагается проект созидательного строительства Российского государства на основе сохранения права каждого из народов на собственную культуру как части общенационального языка. Его особый статус не всегда связан с точечной датой появления нации или конкретного национального языка в эпоху капитализма. Он определяется длительным процессом формирования оригинальной языковой культуры, начиная от Древней Руси и образования Российской империи вплоть до современности, характеризующейся разрушительными последствиями непрофессионального взгляда на проблему языкового строительства. Подвергаются критике вольные толкования понятий государственного, регионального, нетерриториального языков, языков национальностей или родного языка и попытки подогнать нормы жизнедеятельности современного государства под категорию исключительности определённой национальности, одного правящего класса, одной религии или языка общения в условиях взаимопроникновения и взаимозависимости современных культур. В качестве вывода предлагаются способы восстановления традиционной модели русской государственности, связанной с сохранением поликультурной и многонациональной общности, материализованной в национальном языке.

Ключевые слова: нация и классы, язык общения и общности, национальный язык и языки национальностей, государственный и родной язык, региональный и нетерриториальные языки, язык и культура, национально-языковая политика, национализм и патриотизм

Для цитирования: *Мозговой В.И.* Национальный язык в истории русской государственности // Неофилология. 2023. Т. 9. № 1. С. 8-20. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-8-20>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

National language in the history of Russian statehood

Vladimir I. MOZGOVOY

Donetsk National University

24 Universitetskaya St, Donetsk, 283001, Donetsk National Republic

✉ mowi48@mail.ru

Abstract. The research relevance on the relationship between the national language and statehood is determined by intensification of contradictions in modern society associated with the neglect or selective attitude of politicians to certain processes of linguistic identification of an individual, people and state. The purpose of the study is to reveal the reasons for the ignorant nihilism of so-called “titular nation” in relation to the “undeveloped” or “non-indigenous” peoples. As an alternative, a project is proposed for the creative construction of the Russian state on the basis of preserving the right of each peoples to their own culture as part of national language. Its special status is not always associated with the point date of the emergence of a nation or a particular national language in the era of capitalism. It is determined by long process of formation of the original language culture, starting from Ancient Rus’ and the formation of the Russian Empire up to the present, characterized by devastating consequences of an unprofessional view of the problem of language construction. Free interpretations of the concepts of state, regional, non-territorial languages, languages of nationalities or native language and attempts to fit the norms of modern state life under the category of exclusivity of a certain nationality, one ruling class, one religion or language of communication in the conditions of interpenetration and interdependence of modern cultures are criticized. As a conclusion, ways are proposed to restore the traditional model of Russian statehood, associated with the preservation of multicultural and multinational community, materialized in the national language.

Keywords: nation and classes, language of communication and community, national language and languages of nationalities, state and native language, regional and non-territorial languages, language and culture, national-language policy, nationalism and patriotism

For citation: Mozgovoy, V.I. National language in the history of Russian statehood. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2023;9(1):8-20. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-8-20>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Противоречия современной социальной политики, связанные с крайне пренебрежительным отношением «развитых государств» к другим национально-государственным образованиям, всё чаще расцениваются мировым сообществом как начало цивилизационной катастрофы. В России, например, она стала следствием распада СССР и внедрением в сознание граждан непривычной для них идеи о тождественности патриотизма с национализмом, захватившей в первую очередь

многонациональные по факту рождения республики, типа Украины, парадоксально задекларированной в качестве унитарной и независимой. Здесь сразу же после её провозглашения проявилась тенденция к развитию «...наиболее опасных противоречий – межнациональных», практически до основания разрушивших «как идеологию... кровного патриотизма», так и идею независимости, не подкреплённую «...реальными достижениями в государственном строительстве и соци-

ально-экономической сфере»¹. Их долгое время пытались не замечать, но только до тех пор, пока рецидивы украинского национализма, внедрённые в ткань государственной политики, не разделили братские народы, превратив мощный и неделимый потенциал их общенационального языка в пылающие очаги взаимного недоверия и неприятия.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

На повестку дня с явной очевидностью всплывает проблема отношения к государствам, исповедующим концепцию своей особой исключительности, уничтожающей условия для межнационального диалога и внутреннего имманентного развития. В рамках настоящего исследования в качестве альтернативного предлагается проект осмысления феномена русской общности, мотивированной тысячелетним опытом строительства **национального языка**, способного лишь фактом своего существования обеспечить устойчивость **нации** перед грядущими политическими, экономическими и природными вызовами современности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Национальный язык в его энциклопедическом значении понимается как «...язык нации, сложившейся на основе языка народности в процессе её развития в нацию; система нескольких форм существования языка: литературный язык (устная и письменная формы), народно-разговорные разновидности языка и диалекты»². В других словарях это понятие дополняется более конкретными определениями:

1. Национальный язык – «...это **средство общения нации**» (Лингвистический энциклопедический словарь³);

2. «В условиях социалистического сотрудничества народов Советского Союза... он (русский язык. – В. М.) стал **языком межнационального общения, их вторым национальным языком**» (Справочник лингвистических терминов⁴);

3. Национальный – «...это **язык нации** как социально-исторической **этнической общности**» (Словарь социолингвистических терминов⁵) и др.

Однако, несмотря на столь скрупулёзную оценку различных форм национального языка, проблема его функциональной сущности до сих пор остаётся нерешённой. Более того, она рождает целый ряд сопутствующих вопросов, выходящих далеко за рамки языкознания:

1. Национальный язык – это язык общения или общности?

2. Можно ли на основе одного языка сформировать нацию в многонациональном языковом сообществе?

3. Обладает ли государство правом на запрещение языков национальностей во имя сохранения национального языка?

4. Являются ли синонимами понятия «национальный язык» и «язык национальности»?

5. Может ли язык межнационального общения стать вторым национальным и какой тогда первый?

6. Что первично? Нация, предопределяющая появление национального языка, или национальный язык, выступающий в качестве главного элемента формирования нации?

Риторичность подобных вопросов очевидна, но глубина ответов определяется не их иерархией и количеством, а пониманием

¹ Мозговой В.И. Национализм и патриотизм. Уроки современной истории независимой Украины // Распад СССР: 10 лет спустя. Докл. и выступления на междунар. науч. конф. 21–24 июня 2001 г. / под ред. А.В. Бузгалина. М.: Слово, 2002. Т. 1. С. 339.

² Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Сов. энцикл., 1988. С. 870. URL: <https://obuchalka.org/20190108106400/sovetskii-enciklopedicheskii-slovar-prohorov-a-m-1998.html>

³ Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 325. <https://elibrary.ru/rxstyx>

⁴ Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1972. С. 174.

⁵ Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Ин-т языкознания, 2006. С. 148. https://www.studmed.ru/mihalchenko-v-yu-red-slovar-sociolingvisticheskikh-terminov_c0826acf58b.html

сложной, многоплановой и ситуативной природы самого понятия «**нация**».

Его первичное толкование мы находим в марксистской философии. Она соотносит возникновение нации с развитой системой национального рынка и товарно-денежных отношений в западноевропейских государствах⁶. Однако анализ реалий и событий, происходящих в других странах и условиях, доказывает, что одинаковой истории происхождения нации и форм её существования на самом деле быть не может.

В Российской империи, например, возникновение нации было обусловлено длительным процессом формирования национального великорусского языка как средства общности, возникшей ещё до появления капитализма на основе преемственности традиций язычества, патриархальной общины, православия и самодержавия. Россия отставала в этом смысле от прошедших путь индустриальных революций и создания политических наций стран Европы или Америки, но неуклонно превращалась в территорию с оригинальной культурой, аккумулирующей и развивающей ростки любого национального образования, попадающего в её орбиту.

Западная цивилизация, построенная на идеологии пренебрежения к другим народам и культурам, обеспечила себе, с одной стороны, быстрое развитие, но, с другой – катализировала процессы своего не менее быстрого старения. Америка, например, стала такой, какой есть, путём завоевания и практического уничтожения коренного народа – индейцев, что существенным образом повлияло на культуру её эгоистического самосознания.

Парадокс же России состоял в том, что в многочисленных войнах и конфликтах, которые происходили на этой территории, никто, как правило, никакие народы не уничтожал и никакие народы никуда бесследно не исчезали. Нация формировалась здесь не по принципу национального превосходства той или иной культуры и не на основе исключитель-

но капиталистических отношений, а путём создания государственных механизмов, обеспечивающих гуманитарную устойчивость и преемственность всех участвующих в её формировании культур, народов и поколений.

В эпоху социалистического строительства в СССР учение о капиталистической природе нации столкнулось с концепцией интернационального единства народов с контрастирующим правом наций на самоопределение⁷. Наиболее полно она была задекларирована И.В. Сталиным: «Русские марксисты давно уже имеют свою теорию нации. По этой теории нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырёх основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры»⁸.

Здесь мы впервые сталкиваемся с понятием общности, дискуссия о которой «...продолжалась между различными теоретиками в советский период и продолжается по сей день» [1, с. 196], что объясняется спецификой русского пути к государственности. Она изначально формировалась не по национальному признаку и не на приоритете товарно-денежных отношений или рынка, как в Европе, а на основе сплочения разных народов вокруг православной или, позже, любой другой духовно-объединительной идеи. После принятия христианства и канонизации письменного кода «русские земли» стали называться *Русью*, неважно *Киевской*, *Галицкой*, *Черниговской*, *Ладужской* или *Московской*, *Белой*, *Малой* и *Новой*.

Это касалось также и границ распространения княжеской власти. Так, Юрий Долгорукий был князем *Ростово-Суздальским* и одновременно князем *Киевским*, а за-

⁷ Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Ленин В.И. ПСС. М.: Политиздат, 1969. Т. 25. С. 255-320. URL: https://vkpb-skb.ru/images/pdf/Lenin_pss/tom25.pdf

⁸ Сталин И.В. Заключительное слово по докладу об очередных задачах партии и национальном вопросе на X съезде РКП(б) // Сталин И.В. Собрание сочинений: в 13 т. М.: ОГИЗ; ГИЗПЛ, 1949. Т. 11. С. 333. URL: <https://mrasm.ru/wp-content/uploads/2019/12/stalin-i.v.-tom-11-sobranie-sochinenij-v-18-tomah-1949.pdf>

⁶ Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Политиздат, 1961. Т. 21. С. 406-416. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t21.pdf>

тем *Московским*; князь *Даниил Галицкий* получил в 1253 г. от папы римского титул *короля Руси*. По такой же традиции в древних летописях нет ни одного упоминания об *Украинской, Русской или Белорусской Руси*.

Так что современные украинцы, настаивающие на том, что только они имеют право называться родоначальниками Киевской Руси, являются в таком случае первично «русскими», поэтому их отмежевание от русского мира беспочвенно, а призыв «убивать русню» направлен на самих себя.

Явная алогичность мышления стала следствием дилетантского отношения к якобы синонимичным началам языковой жизнедеятельности: содержательного (языковая общность) и формального (речевое общение). Поскольку формальный аспект оказался более простым для понимания, он, несмотря на проблематичность, был зафиксирован в качестве главного для определения национальности и нации, с чем нельзя согласиться.

У **В.И. Теркулова**: «Фактор языка становится, пожалуй, единственным маркером этнического самоопределения при идентификации русских и украинцев... Отличить украинца от русского объективно можно только по тому, на каком языке он говорит»⁹. Однако этот факт не является бесспорным.

Можно, например, говорить по-русски, но отрицать величие русского мира и быть апологетом другой национальности, языка, веры, культуры или бескультурья (П.А. Порошенко, В.А. Зеленский, Д.И. Гордон* (внесён в российский реестр террористов и экстремистов)).

Можно представляться украинцем по факту проживания, по отцу или матери, определять время возникновения того или иного языка по тем или иным экстралингвистическим признакам, но менять свои убеждения «по ситуации».

⁹ Теркулов В.И. Украинский язык: время возникновения // Семантика и функционирование языковых единиц в славянских языках: сб. к юбилею д-ра филол. наук, проф. Н.А. Тупиковой / отв. ред. Д.Ю. Ильин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2022. С. 32.

* Внесён в российский реестр террористов и экстремистов.

Можно, наконец, соглашаться, что «язык – наиважнейшее средство человеческого общения» (В.И. Ленин), но использовать его в качестве главного инструмента войны («Мова – це зброя!») и уничтожения диалогического начала человеческой цивилизации.

Цитирую антирусский и в какой-то мере антиукраинский пассаж Ирины Фарион, прозвучавший из её уст ещё в 2009 г.: «1933 року пройшов російський більшовицький варвар – і зруйнував стіни мовного дому... Новий час постколоніальної України подарував мені потребу пізнати правду... Правда найперше у тому, що мовні факти ставали Долями людей, Долею країни, Долею лінгвістів-творців правопису 1929 року. Їхня Доля через правдиві мовні факти стала їхньою Недолею: їх репресували і розстріляли, а українську мову не інакше як згвалтували російським «языком» – і народилась радянська укромва із такими російськими родими-ми плямами, як *хелоуін* замість *геловін*, *Хемінгуей* замість *Гемінгвей*, *Методій* замість *Методій*, *ефір* замість *етер*, *матеріальний* замість *матеріальний*, *Юліан* замість *Юліан*, *Іуда* замість *Юда*, *аудиторія* замість *авдиторія*, *Фауст* замість *Фавст*, *нема соли* замість *нема соли*, *не знати імені* замість *не знати імені*, *жити у Торонто* замість *жити у Торонті*, *ходити в кіно* замість *до кіна*, *пів'яблука* замість *пів яблука*, *Едип* замість *Едип*, *Уальд* замість *Вайлд* тощо» [2, с. 5-6]. Речь в нём идёт о сознательном изменении современного украинского языка – повальной реформе графика, фонетики, лексики, грамматики, категорически исключающей его родственность с русской языковой культурой. Языковой антилог был затем перенесён в политическую плоскость – отмежевание Украинского государства от общей с Россией истории.

Первично заявленная цель «Україна для українців» (Л.М. Кравчук: 1991–1994) закономерно трансформировалась в концепцию «Україна – не Росія» (Л.Д. Кучма¹⁰: 1994–2005), затем – «Україна – це Європа» (В.А. Ющенко: 2005–2010), «Україна – це

¹⁰ Кучма Л. Украина – не Россия. М.: Время, 2004. 560 с. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/ukraina-nerossiya.html>

Росія і Європа» (В.Ф. Янукович: 2010–2014), а далее – «Україна – не православна Московія» (П.А. Порошенко: 2014 – 2019) и, наконец, «Україна – «анти-Росія», а прогнозно «...і не Європа, і не Росія, і не Україна» (В.А. Зеленский: с 2019 г.).

У **В. Иванишина и Я. Радевича-Винницкого**: «Мова – один із факторів самоорганізації суспільства і невід’ємна ознака таких об’єднань як рід, плем’я, народність, нація» [3]. В такой постановке вопроса речь идёт об общении в пределах нетерриториального образования (род, племя, народность), которое нельзя путать с общностью коллективов, объединённых в политическую или культурно-историческую нацию на основе национального языка.

Народ (народность, род, племя) – это исторический тип внешней структуризации общества, объединённого в границах неоконтуренной территории языком общения и хозяйственно-бытовой и/или психоповеденческой моделью межличностных отношений.

В противовес речевой концепции структуризации общества утверждаем, что **нация возникла как следствие формирования на основе национального языка общности, способной создавать наиболее продуктивные экономические, политические и духовно-социальные модели совместной жизнедеятельности с учётом потенциала всех входящих в неё языков, культур, религий и конфессий.**

На пути к русской государственности она прошла несколько принципиальных этапов своего становления.

1. Языческий (дописьменный) этап. Он определялся хронологическими рамками протогосударства, названного впоследствии Древней Русью, сплотившейся на основе социально-племенных (общинных) и семейных отношений, связанных первично с устноречевыми (фольклорными) атрибутами общения:

А. Этнонимизацией племенных союзов и территорий: *анты, славяне, руси, меря, весь, морьдва* и т. п.;

Б. Антропонимизацией, связанной с одухотворением природных явлений и имён княжеской верхушки, перенесённых на пер-

вичные предметы освоенного и созданного человеком мира: гидронимы (*Волга, Волхов, Илмерь, Припеть, Сель, Сула*) и ойконимы (*Белоозеро, Витебск, Киев, Ладога, Любеч, Новгород, Смоленск, Чернигов*);

В. Теонимизацией природы на основе мифологии и магии, зафиксированной в именах языческого пантеона (*Перун, Хорс, Дажьбог, Стрибог* и др.);

Г. Онимной вариативностью:

а) тотемно-предметной, изменяющейся с возрастом ребёнка: при рождении *Несмеян, Безнос, Дурак* (имена-обереги от злых духов), а по достижении зрелости – *Буран, Волк, Ворон* (имена-конструкты будущей судьбы);

б) субъективно-оценочной: внутренней для семьи (*Любим, Улыба*) и внешней для «мира» (*Крив, Ленея*);

в) семейно-иерархической, фиксирующей порядок рождения ребёнка (*Первушка, Третяк, Сёмко*);

г) культовой, используемой для почитания «рядовых» языческих божеств (*Велес*) и божеств из княжеского пантеона (*Перун, Дажьбог, Стрибог, Мокошь, Хорс, Семаргл*);

д) сословной, согласно которой «элитные» княжеские имена стали принципиально отличаться от прозвищ простолюдинов:

– двусоставностью: *Святослав, Ярополк*;

– иноязычной кастовостью, вписанной в русскую культуру: *Глеб, Игорь* (от сканд. *Gudleifr – gud* «Бог» и *leifr* «потомок»); *Олег, Ольга* (от сканд. *Хельг* «святой»);

– двукомпонентностью – наличием отчества, выполняющих роль своеобразных фамилий (*Всеволод Олегович, Глеб Ростиславич, Олег Святославич*).

2. Православно-христианский этап.

Он был связан с процессом формирования восточнославянской общности, которая, испытав все перипетии славяно-тюркского, балто-норманнского и западнославянского язычества, приняла сначала каноны Священного писания, а затем идеологию православного государства. Одновременно с этим актом (христианизацией и появлением письменного кода) происходила реорганизация структуры государственного управления.

Формирование института наместничества из сыновей великого князя, которые согласовывали свои решения с епископами:

1. По праву рода *Ярослав Мудрый* делит территориальные владения между старшими и младшими сыновьями; при этом ни о какой национально-языковой специфике этих земель и привязке к национальности не могло быть и речи:

– Киев и Новгород становятся вотчиной *Изяслава*;

– Чернигов, муромские и рязанские земли отдаются *Святославу*;

– Переяславль и Ростов – князю *Всеволоду*;

– младшему *Вячеславу* достаётся *Смоленск*;

– князю *Игорю* – *Владимир-Волынский*;

2. Владения передаются по так называемой «лествичной» системе, закреплённой в завещании *Ярослава Мудрого* 1054 г. Исходя из этого документа, старший из сыновей после смерти великого князя получает основной «стол» в *Киеве*, вторым в иерархии считается *Чернигов*, а остальные «столы» делятся между членами рода. С каждой перемены в составе большой княжеской семьи изменяется и территория конкретных княжеств: младшие сородичи, следовавшие за умершим, передвигаются из волости в волость, из одной земли в другую, с младшего стола на старший, поднимаясь «по лестнице». Это приводит к драматичному дроблению их владений, запутанности и конфликтности родственных отношений. Лествичная система, вначале прогрессивная, со временем катализирует усобицы и в конечном итоге приводит к расчленению государства. Выражение «и пошёл брат на брата» наполняется ирреальным смыслом.

Внутренними мотивами раздоров пользуются монголо-татары. В 1237–1240 гг. город Киев подвергается опустошительному набегу орд хана *Батые* и перестаёт играть роль «матери городов русских». Но уже в 1147 г., предвидя угрозу его разрушения, символом Руси объявляется *Москва*, основателем которой становится великий князь Киевский и Московский *Юрий Долгорукий*. Современная якобы «научная» теория о рус-

ском или украинском происхождении Руси, о русской или украинской национальности киевских или московских князей теряет свой смысл даже на уровне исторической легенды.

Показательна в этом отношении история *Москвы* как Третьего Рима.

Первый Рим как *caput mundi* (лат. «столица мира») считался центром цивилизации, носителем верховной власти на земле.

Понятие *Второй Рим* возникло после распада Западной Римской империи в результате нашествия варваров. Этой метафорой стал именоваться *Константинополь* как центр христианской идеологии. Но в 1453 г., когда османы захватили город, он перестал быть средоточием христианства.

Единственным православным централизованным царством, сбросившим с себя монголо-татарское иго, оказалось Русское. Государь как самопровозглашённый властитель *Третьего Рима* обязан был гарантировать сохранение канонів православия не только на Руси, но и во всей Европе.

Возложенная на Русь миссионерская роль превратила её в центр духовности и культуры. Здесь появляются памятники зодчества, архитектуры и литературы (*Десятинная церковь*, *Софийские соборы* в *Киеве*, *Новгороде* и *Полоцке*, *Повесть временных лет*, *Остромирово евангелие*), письменные жанры (*слово*, *житие*), что катализирует процессы утверждения Русского государства как института самодержавия.

Последний фактор имел решающее значение для объединения славян на основе национального языка, закреплённого церковнославянским письмом и кириллическим азбучным кодом. Он стимулирует вхождение в православную семью огромного количества менее сплочённых и даже других по вероисповеданию народов, в том числе и монголо-татар, прошедших через горнило русской культуры, бытового права и традиций самодержавия.

3. **Светско-христианский этап**, на котором обновлённое государство стало опираться на светские документы и управленческие решения, действующие на всей оконтуренной православием территории: от Ладоги до Киева и от Новгорода до Чернигова и Га-

лиции. Этому способствовали внедрённые в ткань Русского государства православные институты:

а) монастыри и храмы – центры культуры и образования (X век), которые стали внедрять идеологию христианства даже среди условно «неграмотного» населения;

б) богослужебные книги, распространяющие грамотность и устраняющие почву для протестных языческих выступлений (к XII веку они уже прекратились);

в) образовательные учреждения, обучающие специально отобранных детей из знатных сословий для службы в качестве священников.

Последовательность и неотвратимость подобных мероприятий ознаменовались эпохальным событием, изменившим первичную модель языковой жизнедеятельности. Она связывалась отныне с появлением старославянского письма. Обладая богатой лексикой и разветвлённой системой словообразовательных средств, старославянский язык стал основой будущего русского литературного языка (а начиная с XIX века, украинского и белорусского как его составных частей), который, имея религиозную основу, принял черты церковнославянского. На нём читали Библию (а если не читали, то получали изложенную в ней информацию из уст священников и проповедников), знакомились с поучениями греческих богословов и монахов, изучали византийские трактаты. На нём же составлялись летописи и описывались жития святых, передающие античные и православные сюжеты, вписанные в великорусский культурный контекст. В нём начали вызревать и новые светские жанры, повествующие о реальных событиях и героях. Они стали предтечей формирования древнерусской литературы, начавшей свою историю с рождения «*Слова о полку Игореве*».

Внедрённые в ткань государства духовно-нравственные каноны, сформулированные на основе кириллической азбуки и церковнославянского письма, создали условия для появления права, регулирующего имущественно-хозяйственные, торговые и культурные отношения с помощью нового атрибута – реальных собственных имён.

Христианство освятило сам факт имяна-речения. Личные имена русичей стали иметь правовой смысл, закреплённый Богом-ономатетом и канонами языковой фиксации: *Николай, Александр, Мария, Иоанн, Даниил, Илия* и т. п. Среди них были не только греческие, древнеримские, древнееврейские, сирийские и египетские словоформы, лишённые первоначального лексического значения, но и языческие прозвища и фамилии, фиксирующие принадлежность их собственников к православному веру. Церковь при этом вынужденно становилась лояльной по отношению к старым языческим и новым светским традициям:

а) двусоставным княжеским именам: *Владимир, Ярослав, Любомир*;

б) именам *Вера, Надежда, Любовь*, удачно калькирующим греческие *Пистис, Элпис, Агапе*;

в) фамилиям на основе языческих прозвищ: *Орёл > Орлов, Лев > Львов, Добрыня > Добрынин, Першой > Першин, Беспят > Беспяткин, Безрук > Безруков, Неупокой > Неупокоев*.

г) скандинавским именам в русской фонетико-графической интерпретации: *Глеб, Олег, Игорь, Ольга*;

д) трёхкомпонентной форме именования, включающей личные имена (*Иван*), вариативные отчества (*Иван сын Петра > Иван Петров сын > Иван Петрович*) и появившиеся на их основе фамилии (*Иванов, Петров*).

4. **Имперский этап**, который окончательно сформировал национальный язык во всех его стилях, включая литературный, ставший визитной карточкой русской нации. К XVIII–XIX векам мировая мощь России стала настолько очевидной, что Европа всё чаще участвовала в её созидательной истории:

– немецкая принцесса *Фике*, ставшая Великой императрицей *Екатериной Второй*, – в становлении и развитии Российской империи;

– лифляндский по происхождению *Фон Визин (Денис Иванович Фонвизин)* – в создании русской классической драматургии;

– принявшие православие датчанин *Виттус Беринг* и эстонец *Фаддей Беллинс-*

хаузен – в формировании русского мореплавания;

– грузин *Пётр Багратион*, ставший русским полководцем, – в укреплении славы русского оружия;

– дворянин польского происхождения *Фёдор Достоевский* – в создании всемирной по звучанию русской литературы;

– англичанин *Джон Юз*, известный как основатель металлургической промышленности в Донбассе и подписывавший в конце своей жизни документы как *Иван Иванович Иванов*, – в русском предпринимательстве [4] и т. д., и т. п.

Это ярко продемонстрировал появившийся в правовой культуре национального языка оригинальный документ – *Гербовник российских дворян*, составленный в начале XIX века, в который на равных были зачислены представители разных национальностей:

а) дети бояр по губерниям и уездам;
б) великорусское московское дворянство;
в) балтийско-немецкое дворянство;
г) украинское и донское казачье дворянство;

д) польская и литовская шляхта;
е) шляхта по губерниям и уездам России;
ж) бессарабское, осетинское, грузинское и армянское дворянство;

з) инородческое дворянство.

Дворяне, вошедшие в этот список, удивительным образом подчёркивали своё отношение к языку и нации. По данным всеобщей переписи 1897 г., среди них 53 % назвали своим родным языком *русский*, 28,6 % – польский, 5,9 % – грузинский, 5,3 % – татарский, 3,4 % – литовский, 2,4 % – немецкий, но никто из них не упомянул об *украинском* или *белорусском* языках, а тем более о своём «иностранным» происхождении – все они считали себя русскими.

Вот почему любая попытка подогнать национально-языковую стратегию Российской империи под стандарты Европы (единство языка, нации и государства, эксплуатирующего колониальные народы) всегда граничила со смутой.

В истории российской государственности её разжигание так или иначе было связано с тремя социальными потрясениями:

– революцией и гражданской войной 1917–1922 гг.;

– разрушением империи и созданием Советского Союза (1922–1991 гг.);

– упразднением СССР и его разделением на Российскую Федерацию и национальные республики (с 1991 г.).

Несмотря на кажущуюся неодинаковость классовых и идеологических приоритетов, сформулированных их организаторами, с точки зрения евангельского «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», сценарий строительства их Вавилонской башни был до банальности одинаков:

– подготовка революционной ситуации с использованием внешней националистической или классовой логики её материализации;

– разработка механизмов уничтожения национального языка с планомерно прогнозируемой заменой кириллического кода на латинский, курсом на униатство, отказом от православия, а затем и христианства вообще;

– унификация цивилизации по национальности, полу, вере и расе;

– превращение человека как уникального явления природы в безвольный инструмент по реализации неосмысленной, но навязанной извне иллюзорной цели (см. об этом подробнее: [5–7]).

О том, что борьба с национальным языком уничтожает русскую государственность, что методы её разрушения вневременны, безнациональны и внеклассовы, свидетельствует, как ни странно, белогвардейский генерал А.И. Деникин, Главнокомандующий Вооружёнными силами Юга России в 1919 г., представивший, на наш взгляд, актуальную и сегодня программу её восстановления:

«...Къ древнему Киеву – матери городов русскихъ – приближаются полки въ неудержимомъ стремленіи вернуть русскому народу утраченное имъ единство.

То единство, безъ котораго великій русскій народъ, обезсиленный и раздробленный, теряя молодія поколѣнія въ братоубійственныхъ междоусобіяхъ, не въ силахъ былъ отстоять свою независимость.

То единство, безъ котораго немислима полная и правильная хозяйственная жизнь,

когда сѣверъ и юго-востокъ и западъ обширной державы въ свободномъ обмѣнѣ несутъ другъ другу все, чѣмъ богатъ каждый край, каждая область.

Въ виду сего въ основу устроения областей Юга Россіи и будетъ положено начало самоуправленія и децентрализаціи при непрѣмномъ уваженіи къ жизненнымъ особенностямъ мѣстнаго быта.

Объявляю государственнымъ языкомъ на всемъ пространствѣ Россіи языкъ Русскій, но считаю совершенно недопустимымъ и запрещаю преслѣдованія малорусскаго языка. Каждый можетъ говорить въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, земствахъ, присутственныхъ мѣстахъ и въ судѣ по малорусски.

Частныя школы, содержимыя на частныя средства, могутъ вести преподаваніе на какомъ угодно языкѣ.

Въ казенныхъ школахъ, если найдутся желающіе, могутъ быть учреждаемы уроки малорусскаго народнаго языка въ его **классическихъ образахъ** (выделено мною. – В. М.) и въ первые годы обученія въ начальной школѣ для облегченія учащимся усвоенія первыхъ зачатковъ знанія.

Равнымъ образомъ не будетъ никакихъ ограниченій въ отношеніи малорусскаго языка въ печати.

То единство, безъ котораго не создалась бы мощная русская рѣчь, въ равной долѣ создано вѣковыми усиліями Кіева, Москвы и Петрограда.

Желая обезсилить Русское государство, прежде чѣмъ объявить ему войну, нѣмцы, задолго до 1914 г., стремились разрушить выкованное въ тяжелой борьбѣ единство русскаго племени.

Съ этой цѣлью ими поддерживалось и раздувалось на югѣ Россіи движеніе, поставившее себѣ цѣлью отдѣленіе отъ Россіи ея девяти южныхъ губерній, подъ именемъ Украинской державы.

Стремленіе отторгнуть отъ Россіи малорусскую вѣтвь русскаго народа не оставлено и понынѣ.

Былые ставленники нѣмцевъ – Петлюра и его соратники, положившіе начало расчлененію Россіи, продолжаютъ и теперь совершать свое злое дѣло по созданію самостоя-

тельной Украинской державы и борьбѣ противъ возрожденія Единой Россіи.

Однако-же, отъ измѣническаго движенія, направленнаго къ раздѣлу Россіи, необходимо совершенно отличать дѣятельность, внушенную любовью къ родному языку.

Промысломъ Божиимъ областямъ юга Россіи предуказаны высокая честь и великая отвѣтственность стать опорой и источникомъ для армій, самоотверженно идущихъ на подвигъ возстановленія Единой Россіи»¹¹.

ВЫВОДЫ

К исторически выстрадавшимъ принципамъ восстановленія единой Россіи следуетъ добавить современное пониманіе места и роли національнаго языка в государственномъ строителствѣ.

1. Беспрепятственное развитие національнаго языка – главное условие укрѣпленія русской государственности. **Национальный язык – средство общности нации. Это тип общенациональнаго мышления, проявленіе философии и психологии опредѣленнаго народа, который может материализоваться в разныхъ языковыхъ системахъ (языкахъ национальностей, литературномъ языкѣ, диалектахъ, региолектахъ, жаргонахъ, просторечіи) и невербальныхъ способахъ передачи національнаго мыслеобразующаго процесса** (живописи, музыкѣ, архитектурѣ, балетѣ, танцахъ, онимосферѣ и др.).

2. За пределами національнаго языка остаются языки общенія, не представляющіе национальную общность:

а) **региональные языки**, которые понимаетъ большинство населенія опредѣленнаго региона (какъ правило, пограничнаго) вне зависимости отъ национальности и территории проживанія и которые используются исключительно для практическихъ целей (например, венгерскій языкъ в Закарпатъѣ, польскій языкъ во Львовѣ, китайскій языкъ в Приамурьѣ и др.);

¹¹ Деникин А.И. Населенію Малороссіи // Кіевлянинъ. Литературная и политическая газета Юго-Западнаго края. 1919. 21 авг. // Телеграм-канал ХРОНИКИ ЮЖНЫХЪ ЗЕМЕЛЬ. 2022. 25 авг. URL: <https://t.me/hronikiyuga> (дата обращенія: 20.10.2022).

б) **нетерриториальные языки** (как правило, мировые), имеющие широкое распространение, но используемые в качестве ситуативных.

3. С точки зрения национального языка, чем больше форм его проявления, тем богаче нация, а не наоборот. Игнорирование этого факта приводит к скрытому конфликту националистического меньшинства с гражданским большинством. Идеология борьбы с языками национальностей во имя «чистоты нации» уничтожает национальный язык, собственный народ и его культуру.

4. Национальную значимость писателей, поэтов, художников, музыкантов следует оценивать не по месту их рождения или языку общения, а по тому, культуру какой нации они представляют. Национальный язык не оперирует конкретным языком национальности. **Национальность – это внешнее проявление природных черт того коллектива, который способен объединяться лишь на уровне языка общения.** Языком национальности может быть в таком случае греческий в Донбассе, крымско-татарский в Крыму, украинский в Ростове и на Кубани, но никак не русский в Украине – на русском языке говорят здесь не только русские и не только в границах определённой территории.

5. Закрепление в 10-й статье Конституции Украины статуса национальных меньшинств для всех языков, кроме украинского, превращает большинство граждан в бесправное меньшинство, потенциально готовое защищать свои права на культуру и язык всеми доступными методами.

6. Неадекватное статуйрование языков в Украине укрепляет позиции безнаказанности, выраженной в запрещении не только русской, но и украинской литературы. Произведения Н.В. Гоголя попадают в разряд запрещённых, «Русские повести» М. Вовчка, дневники Т. Шевченко, творчество М. Булгакова, М. Зощенко изымаются из школьной программы только потому, что их произведения написаны на русском языке.

7. Принудительный мотив при изучении «родного языка» («рідної мови»), которым

объявлен украинский как единственно государственный, не является таковым. Украинский язык в таком случае можно выучить для практических потребностей, но ненавидеть идеологию его исключительности, отказывающую любой другой национальности в существовании родного языка. Появившийся в 90-х гг. XX века шанс строительства Украинского государства на основе общего с Россией национального языка был утрачен надолго, а может быть, навсегда.

8. **Государственный – это язык (или языки), который понимает большинство граждан независимо от их национальности или территории проживания.** Его нельзя статуйровать по национальному признаку: любая «национальная привязка» грозит конфликтом. Если в понимающем диалоге участвуют несколько языков, значит, их «государственное значение» одинаково конституционно. Например, в Чечне – это русский и чеченский, в ДНР – русский и украинский, в Украине – украинский и русский, в Швейцарии – четыре государственных языка, в Канаде – два и т. п.

9. **Юридической формой государственного языка является государственный официальный язык, который представляет государство на международном или международном уровнях.** Государственных языков может быть много, но государственным официальным должен быть только один (юридическая вариативность искажает букву закона).

* * *

Национальный язык – продукт национальной и мировой культуры, не поддающийся политической коррекции: ограничению входящих в него языков общения, идеологическому пересмотру национальных основ графики, грамматики, орфографии, роли религий и т. п. [8]. Необходимость государственного статуйрования языков определяется исключительно социальными критериями их употребления в определённом национально-языковом сообществе.

Список источников

1. Ретинский С.Г. Нация и национальный язык // Фридрих Энгельс и современность: к 200-летию со дня рождения: материалы VII Междунар. конф. / отв. ред. Т.Э. Рагозина. Донецк: ДонНТУ, 2020. С. 196-206. <https://elibrary.ru/znxlsc>
2. Фаріон І. Правопис – корсет мови? Український правопис як культурно-політичний вибір. Львів: Свічадо, 2009. 120 с. URL: https://www.studmed.ru/faron-pravopis-korset-movi-ukrayinskiy-pravopis-yak-kulturno-poltichniy-vibr_a979ad54793.html
3. Іванишин В., Радевич-Винницький Я. Мова і нація. Дрогобыч, 1994. 235 с. URL: https://www.studmed.ru/vanishin-v-radevich-vinnickiy-ya-mova-nacya_583c1cd4534.html
4. Гайдук В.А., Ляшенко В.Г., Мозговой В.И., Навка И.П. Юз и Юзовка / под ред. В.А. Гайдука. Донецк: Фирма «Кардинал», 2000. 320 с. URL: https://www.studmed.ru/gayduk-v-a-lyashenko-v-g-mozgovoy-v-i-navka-i-p-yuz-yuz-vka-yuz-i-yuzovka_2698557acb9.html
5. Мозговой В.И. Кризис языка и иллюзативные трансформации современной действительности // Язык и личность в поликультурном пространства: сб. ст. / под ред. О.С. Фисенко, Л.В. Адониной. М.: Рибэст, 2013. С. 18-24. URL: <https://rusexpert.ru/public/statjy-pdf/Mozgovoy2013.pdf>
6. Мозговой В.И., Вергазова Л.Г. Личность филолога в иллюзативном языковом пространстве // Язык и личность в поликультурном пространства: сб. ст. / под ред. О.С. Фисенко, Л.В. Адониной. М.: Рибэст, 2013. С. 75-79. URL: <https://rusexpert.ru/public/statjy-pdf/MozgVergaz2013.pdf>
7. Мозговой В.И. Язык кризиса. Общество и личность // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы IV Междунар. науч. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. С. 24-26. URL: <https://rusexpert.ru/public/statjy-pdf/Mozgovoy2013-2.pdf>
8. Мозговой В.И. Русская культура в украинском языковом контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский язык и иностранные языки и методика их преподавания. 2010. № 3. С. 163-168. <https://elibrary.ru/muwoub>

References

1. Retinskii S.G. Nation and national language. In: Ragozina T.E. (executive ed.) *Materialy 7 Mezhdunarodnoi konferentsii «Fridrikh Ehngel's i sovremennost': k 200-letiyu so dnya rozhdeniya»* [Proceedings of the 7th International Conference “Friedrich Engels and Modernity: On the 200th Anniversary of His Birth”]. Donetsk, Donetsk National Technical University Publ., 2020, pp. 196-206. (In Russ.) <https://elibrary.ru/znxlsc>
2. Faron I. *Pravopis – korset movi? Ukrain's'kii pravopis yak kul'turno-politichnii vibr.* Lviv, Svichado Publ., 2009, 120 p. (In Ukr.) Available at: https://www.studmed.ru/faron-pravopis-korset-movi-ukrayinskiy-pravopis-yak-kulturno-poltichniy-vibr_a979ad54793.html
3. Ivanishin V., Radevich-Vinnits'kii Ya. *Mova i natsiya.* Drohobych, 1994, 235 p. (In Ukr.) Available at: https://www.studmed.ru/vanishin-v-radevich-vinnickiy-ya-mova-nacya_583c1cd4534.html
4. Gaiduk V.A., Lyashenko V.G., Mozgovoi V.I., Navka I.P. *Yuz i Yuzovka* [Hughes and Hughesovka]. Donetsk, Firm “Kardinal” Publ., 2000, 320 p. (In Russ.) Available at: https://www.studmed.ru/gayduk-v-a-lyashenko-v-g-mozgovoy-v-i-navka-i-p-yuz-yuz-vka-yuz-i-yuzovka_2698557acb9.html
5. Mozgovoy V.I. *Krizis yazyka i illyuzativnye transformatsii sovremennoi deistvitel'nosti* [Crisis of language and illusory transformations of modern reality]. In: Fisenko O.S., Adonina L.V. (ed.) *Sbornik statei «Yazyk i lichnost' v polikul'turnom prostranstva»* [Collection of Works “Language and Personality in a Multicultural Space”]. Moscow, Ribest Publ., 2013, pp. 18-24. (In Russ.) Available at: <https://rusexpert.ru/public/statjy-pdf/Mozgovoy2013.pdf>
6. Mozgovoy V.I., Vergazova L.G. *Lichnost' filologa v illyuzativnom yazykovom pro-stranstve* [The personality of a philologist in an illusory language space]. In: Fisenko O.S., Adonina L.V. (ed.) *Sbornik statei «Yazyk i lichnost' v polikul'turnom prostranstva»* [Collection of Works “Language and Personality in a Multicultural Space”]. Moscow, Ribest Publ., 2013, pp. 75-79. (In Russ.) Available at: <https://rusexpert.ru/public/statjy-pdf/MozgVergaz2013.pdf>
7. Mozgovoy V.I. *Yazyk krizisa. Obshchestvo i lichnost'* [Crisis language. Society and personality]. In: *Materialy 4 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Kontinual'nost' i diskretnost' v yazyke i rechi»* [Proceedings of the 4th International Scientific Conference “Continuity and Discreteness in Language and

Speech”]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2013, pp. 24-26. (In Russ.) Available at: <https://rusexpert.ru/public/statjy-pdf/Mozgovoy2013-2.pdf>

8. Mozgovoy V.I. Russian culture in Ukrainian linguistic context: policy and reality. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkii yazyk i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian and Foreign Languages, Methods of Its Teaching*, 2010, no. 3, pp. 163-168. (In Russ.) <https://elibrary.ru/muwoub>

Информация об авторе

Мозговой Владимир Иванович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, Донецкий национальный университет, г. Донецк, Донецкая Народная Республика, <https://orcid.org/0000-0002-4301-6585>, mowi48@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ литературы, написание текста статьи, редактирование.

Поступила в редакцию 16.11.2022

Поступила после рецензирования 29.01.2023

Принята к публикации 17.02.2023

Information about the author

Vladimir I. Mozgovoy, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of Russian Language Department, Donetsk National University, Donetsk, Donetsk Peoples Republic, <https://orcid.org/0000-0002-4301-6585>, mowi48@mail.ru

Contribution: study conception, literature analysis, manuscript text drafting, editing.

Received: November 16, 2022

Revised: January 29, 2023

Accepted: February 17, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 003.037

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-21-30>

Шифр научной специальности 5.9.5

Наследие Михаила Викторовича Панова и разговор о настоящем и будущем русской орфографии

Владимир Маркович ПАХОМОВ

ФГБУН «Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН»

119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Волхонка, 18/2

✉ vmpakhomov@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено жизненному и научному пути М.В. Панова – выдающегося филолога, педагога, популяризатора науки о языке. Особое внимание уделено научным интересам М.В. Панова в области орфографии, его работе на посту заместителя председателя Орфографической комиссии 1960-х гг., готовившей масштабную орфографическую реформу, и деятельности по популяризации орфографии, которая была связана в первую очередь с необходимостью разъяснить обществу суть предлагавшихся тогда изменений. Осмысление деятельности М.В. Панова – орфографа и просветителя – необходимо для дальнейшей успешной работы не только кодификаторов орфографии, но и популяризаторов лингвистической науки. Несмотря на то, что в наши дни не предполагается реформировать русское письмо и создаваемое в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН полное академическое описание правил современной русской орфографии не предполагает внесения каких-либо изменений в существующие нормы написания слов, задачи лингвистического просвещения нисколько не устарели. Сегодня, как и 60 лет назад, носители языка смешивают сам язык и письмо, произношение и правописание, а комментируя любые новости, связанные с языком, требуют не допустить «реформ языка». Наследие просветителей прошлого может и должно быть использовано современными популяризаторами орфографической науки, главная задача которых сегодня и в обозримом будущем – подготовить почву для спокойного разговора в обществе о судьбах русского правописания.

Ключевые слова: Панов, правила, орфография, фонология, фонетика, социолингвистика, история науки, популяризация науки, Орфографическая комиссия

Для цитирования: *Пахомов В.М.* Наследие Михаила Викторовича Панова и разговор о настоящем и будущем русской орфографии // *Неофилология.* 2023. Т. 9. № 1. С. 21-30. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-21-30>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The legacy of Mikhail Viktorovich Panov and a conversation about the present and future of Russian spelling

Vladimir M. PAKHOMOV

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
18/2 Volkhonka St., Moscow 119019, Russian Federation

 vmpakhomov@gmail.com

Abstract. The study is devoted to the life and scientific path of M.V. Panov – an outstanding philologist, teacher, popularizer of the science of language. Particular attention is paid to the scientific interests of M.V. Panov in the field of spelling, his work as deputy chairman of the Spelling Commission in the 1960s, which was preparing a large-scale spelling reform, and activities to popularize spelling, which was associated primarily with the need to explain to society the essence of the changes proposed then. Understanding of M.V. Panov, a speller and educator, is necessary for the further successful work of not only spelling codifiers, but also popularizers of linguistic science. Despite the fact that today it is not supposed to reform the Russian letter and created at the Institute of the Russian Language. V.V. Vinogradov of the Russian Academy of Sciences, a complete academic description of the rules of modern Russian spelling does not imply any changes to the existing rules for writing words, the tasks of linguistic education are not at all outdated. Today, like 60 years ago, native speakers confuse the language itself and writing, pronunciation and spelling, and when commenting on any news related to the language, they demand that “language reforms” be prevented. The legacy of the enlighteners of the past can and should be used by modern popularizers of orthographic science, whose main task today and in the foreseeable future is to prepare the ground for a calm conversation in society about the fate of Russian spelling.

Keywords: Panov, rules, spelling, phonology, phonetics, sociolinguistics, history of science, popularization of science, Spelling Commission

For citation: Pakhomov, V.M. The legacy of Mikhail Viktorovich Panov and a conversation about the present and future of Russian spelling. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(1):21-30. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-21-30>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Приближается очередной юбилей одной из самых громких орфографических дискуссий в нашей новейшей истории. Ровно 60 лет назад, в 1962–1963 гг., полным ходом шла работа по подготовке масштабной реформы русской орфографии¹. Реформы, как известно, неосуществлённой, отклонённой после

острейшей общественной дискуссии. В памяти народной от неё осталось разве что стойкое и очень наивное представление (разумеется, не соответствующее действительности), что неграмотный руководитель Советского государства Никита Хрущёв никак не мог запомнить правила русской орфографии, а потому повелел, чтобы *заяц* писался через *e*, а *огурцы* с буквой *и*. Высмеянная и в печати, и в кино², и на эстраде³, та несосто-

¹ В мае 1963 г. постановлением Президиума АН СССР была создана Комиссия по усовершенствованию русской орфографии. В постановлении особо подчёркивалось «настойчивое требование советской общест-венности» – «внести усовершенствования и упрощения в систему правописания».

² В 1965 г. на экраны вышел фильм Г. Данелии «Тридцать три» – о том, как у обычного советского человека Ивана Травкина (Евгений Леонов) нашли тридцать третий зуб. В фильме был следующий эпизод: Травкину приснилось, как его отправляют на Марс, он

являющаяся реформа имела, однако, огромное научное и общественное значение. Она привлекла внимание многих носителей языка к проблемам русского письма, способствовала расцвету как научной, так и научно-популярной литературы, посвящённой русской орфографии. «В результате дискуссии учёные признали значимость наблюдений, сделанных людьми, не имеющими специального лингвистического образования, однако пришли к выводу о том, что уровень знаний о языке в обществе низок и что необходимо заниматься просвещением, популяризацией лингвистических знаний. Отчасти результатом дискуссии можно признать появление в 1960–1970-е гг. новых научно-популярных книг о языке для самой широкой публики» [1, с. 20].

Среди этих изданий в первую очередь нужно назвать ставшие классикой книги о русской орфографии «И всё-таки она хорошая!» и «Занимательная орфография», написанные выдающимся лингвистом Михаилом Викторовичем Пановым (1920–2001), столетие со дня рождения которого отечественная русистика широко отмечала совсем недавно, в 2020 г. (увы, нужно оговориться: настолько широко, насколько это позволили ограничения, введённые из-за пандемии коронавируса). Жизненный и творческий путь М.В. Панова, учёного, который в конце XX века стал «признанным главой Московской лингвистической школы» [2, с. 155], – яркая иллюстрация того, как один и тот же человек может одинаково блистательно вести и сугубо научную работу, и работу по распространению научных знаний на самую широкую аудиторию. Рассказывая о том, как устроена наука о языке, в том числе орфографическая наука, М.В. Панов обращался и к школьникам, и к студентам, и к педагогам, и к коллегам-

филологам, и к обширному кругу носителей языка – неспециалистов. Его перу принадлежат не только упомянутые книги, но и статьи в «Энциклопедическом словаре юного филолога» (1984) (М.В. Панов выступил в роли составителя, редактора и одного из основных авторов этого словаря), и новый комплекс учебников русского языка для средней школы, где есть, например, такие слова: «Мы живём, окружённые океаном языка. И часто не замечаем, как он красив...» (цит. по: [3]). Лекции по фонетике, орфоэпии, истории поэтического языка, которые М.В. Панов читал в МГУ им. М.В. Ломоносова, становились событием в филологической жизни Москвы (как впоследствии лекции академика А.А. Зализняка о берестяных грамотах).

С тех пор сменились поколения, настала новая эпоха, но задача популяризации научных знаний о русском языке и русском письме остаётся чрезвычайно актуальной. Сегодня, как и 60 лет назад, колоссальное количество носителей русского языка не различают язык и письмо, произношение и правописание, пытаются бороться с мнимыми «болезнями» языка (такими как, например, заимствования), не замечая болезней настоящих, а любые новости, связанные с русским языком – от выхода в свет нового словаря, допущившего запрещавшийся прежде вариант, до создания Правительственной комиссии по русскому языку, – сопровождаются в СМИ заголовками о «реформе языка».

Необходимость просветительской работы с аудиторией, разъяснения вопросов современного русского правописания для максимально широкого круга носителей языка обусловлена и тем важнейшим обстоятельством, что в настоящее время в отделе культуры русской речи Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН ведётся работа по академическому описанию современной русской орфографии. Обнародование и (хочется на это надеяться) утверждение современного свода правил русской орфографии, несмотря на то, что они не вносят какие-либо изменения в ныне существующие написания слов, всё равно станет заметным в обществе событием, которое потребует грамотного информационного сопровождения.

бежит с чемоданом к точке старта, и тут кто-то из провожающих (по виду – профессор) кричит из-за ограды: «Товарищ Травкин! Извините, что беспокою в такой момент, но очень важно! Скажите, как, по-вашему, нужно писать – *зайц* или *заец*?» – «А как раньше писали, *заяц*, так что, нельзя что ли?» – «Совершенно исключено!» Современным зрителям этот злободневный для 1965 года эпизод уже мало о чём говорит.

³ «Эх, снег-снежок, белая метелица, / Если в зайца вставить «е», с горя он застрелится!» – пели куплеты Павел Рудаков и Станислав Лавров.

Популяризация научных знаний о русском языке и русской орфографии сегодня невозможна без учёта всего, что сделано в этой области нашими великими учителями и предшественниками, среди которых М.В. Панова нужно назвать в первую очередь. По этой причине цель настоящего исследования – вспоминая жизненный и научный путь выдающегося учёного и просветителя, осмыслить его вклад в распространение научных знаний о русской орфографии и отметить те труды и идеи М.В. Панова, которые могут быть использованы и в наши дни для успешной работы популяризаторов орфографической науки, главная задача которых сегодня и в обозримом будущем – подготовить почву для спокойного разговора в обществе о судьбах русского правописания.

Но прежде – хотя бы самыми крупными мазками о человеческом и научном масштабе личности М.В. Панова.

МИХАИЛ ПАНОВ – УЧЁНЫЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Михаил Викторович Панов родился в Москве 21 сентября 1920 г., учился в Московском городском педагогическом институте (который в 1946 г. получит имя В.П. Потёмкина и будет существовать до 1960 г.), окончил его в 1941 г., когда уже началась Великая Отечественная война. «Он прошёл всю войну, находясь на передовой, в составе расчёта противотанкового орудия. Был неоднократно ранен, награждён несколькими орденами и медалью «За отвагу» [4, с. 17].

После войны М.В. Панов работал школьным учителем, поступил в аспирантуру Московского городского педагогического института и преподавал там же. Его кандидатская диссертация была посвящена заударному вокализму современного русского языка. 1950-е гг. в творчестве М.В. Панова – это ставшие широко известными статьи «О значении морфологического критерия для фонологии» (1953), «О слове как единице языка» (1956), «О грамматической форме» (1959), «О частях речи в русском языке» (1960).

С 1958 г. М.В. Панов работал в Институте русского языка АН СССР. В 1962–1964 гг.

он был заместителем председателя Орфографической комиссии при ИРЯ, а с 1964 г. по 1971 г. заведовал в Институте сектором современного русского языка.

«Во 2-й половине 1960-х гг. Панов организовал массовое социолингвистическое исследование, результат которого – вышедшая под его редакцией коллективная монография «Русский язык и советское общество» (1968), заложившая основы московского направления в функциональной социолингвистике, занимающейся проблемами взаимодействия языков и языковых подсистем, социально обусловленных изменений литературной нормы и т. п.

В качестве докторской диссертации Панов защитил книгу «Русская фонетика» (опубликована в 1967 г.) – всеобъемлющее описание фонетического уровня (яруса) русского языка, своего рода фонетическую энциклопедию, обобщение и развитие идей МФШ. В фундаментальном исследовании «История русского литературного произношения XVIII–XX вв.» (завершено в 1970 г., опубликовано в 1990 г.) восстановил русское произношение прошлых эпох, выявил законы его изменения, создал жанр фонетических портретов, устанавливаемых по зафиксированной звучащей речи отдельных лиц либо по написанным ими текстам»⁴.

В 1971 г. М.В. Панов был вынужден покинуть Институт русского языка: ему не простили конфликта с партийным руководством ИРЯ и поддержки инакомыслящих сотрудников. Следующим местом работы учёного стал Институт национальных школ при Министерстве просвещения РСФСР (М.В. Панов работал там вплоть до ликвидации института в 1991 г.); с 1989 г. он профессор кафедры русского языка в Московском государственном открытом педагогическом университете им. М.А. Шолохова. Кроме того, в 1970–1980-х гг. он читал лекции по фонетике, орфоэпии, истории языка русской поэзии в МГУ им. М.В. Ломоносова, и эти лекции выходили далеко за рамки внутривузовского мероприятия:

⁴ Касаткин Л.Л. Панов М.В. // Русский язык: Энциклопедия. М., 2020. С. 473.

«На эти лекции Панова студенты буквально рвались, заранее занимая места (опоздавшие сидели в проходах, стояли вдоль стен амфитеатра...). Съезжалась «вся лингвистическая Москва». Приходили коллеги Панова – известные учёные (например, Е.А. Земская), регулярно посещали их профессора и преподаватели факультета... Панов – единственный на моей памяти университетский лектор, каждая (!) лекция которого завершалась горячими аплодисментами слушателей. Лекции были глубоки по содержанию (за кажущейся простотой – яркие прозрения о природе языка). Они были блестящими по исполнению – это был чарующий театр одного актёра. <...> На лекции Панова ходили с тем же тревожно-радостным чувством, с каким открывали свежий номер «Нового мира», или слушали песни Окуджавы и Высоцкого, или стремились попасть на поэтический вечер либо на премьеру в «Современник»⁵.

Театр – именно так воспринимались теми, кто слушал М.В. Панова, не только его вузовские лекции, но и – ранее – его уроки в школе: «Все, кто хоть немного знает Михаила Викторовича, догадывается, что вести уроки без шуток, затей и забав он не мог. Он был Введенским, Хармсом, ранним Маяковским, Хлебниковым, Кандинским и Пикассо, и кем только он не был! И ещё Таировым и Мейерхольдом, нежно им любимыми. Это был настоящий Театр Панова!» [5, с. 293].

После вынужденного ухода из Института русского языка у М.В. Панова стало гораздо меньше возможностей публиковать свои работы, в 1970-е гг. выходили только отдельные его статьи в научных и методических журналах и сборниках. Следующие его книги появились только в конце 1970-х – начале 1980-х гг.: учебник для вузов «Современный русский язык. Фонетика» (1979); «Изучение состава слова в национальной школе» (1979) (эта книга содержала новые идеи о русском словообразовании); введение и фонетический раздел в учебнике «Совре-

менный русский язык» под ред. В.А. Белошапковой (1981); двухтомный учебник русского языка для учащихся национальных педагогических училищ РСФСР (1982–1983, в соавторстве с Р.Б. Сабатковским; 2-е издание первой части – 1993, 3-е издание первой части – 2002, 2-е издание второй части – 2002); наконец, уже упомянутые выше «Занимательная орфография» и «Энциклопедический словарь юного филолога» (обе – 1984).

В 1990-е гг. продолжилась и научная, и педагогическая, и просветительская деятельность учёного. В монографии «Позиционная морфология» (1999) нашло отражение распространение понятий позиции и нейтрализации (важнейших понятий МФШ) на единицы морфологии и всего языка. В том же 1999 г. вышел в свет том энциклопедии для детей «Языкознание. Русский язык», в подготовке которого М.В. Панов принимал активное участие. Под его руководством в 1990-е гг. был создан ряд школьных учебников русского языка для 5–9-х классов.

М.В. Панов был не только лингвистом (и историком лингвистики, автором многочисленных статей о лингвистах Фортунатовской школы, о своих учителях), но и литературоведом: его перу принадлежат работы по истории и теории поэзии. Он и сам был поэтом: в 1999 г., за два года до смерти М.В. Панова, вышел в свет его сборник стихов «Тишина. Снег»; в 2001 г. был опубликован второй сборник – «Олени навстречу».

Земной путь Михаила Викторовича Панова завершился в Москве 3 ноября 2001 г., он похоронен на Введенском кладбище.

«1920–2001. Даты жизни Михаила Викторовича Панова символичны. Он человек двадцатых годов двадцатого века – с их авангардной мечтательностью, конструктивно-созидательным мышлением, творческим отношением к классической традиции. Вместе с тем он успел перешагнуть рубеж тысячелетий, заглянуть в двадцать первый век, в котором его идеям и его наследию суждена долгая жизнь» [6, с. 14].

Творческое наследие М.В. Панова продолжает подвергаться осмыслению; переиздаются его труды и книги. В 2006 г. вышло в свет 2-е издание «Энциклопедического сло-

⁵ Клобуков Е.В. Памяти Михаила Викторовича Панова // Жизнь языка: Памяти Михаила Викторовича Панова / отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 18.

варя юного лингвиста» (отв. ред. Е.А. Земская, Л.П. Крысин), в 2010-м г. – 2-е издание книги «Занимательная орфография». В 2004–2007 гг. издан двухтомник М.В. Панова «Труды по общему языкознанию и русскому языку» (под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой), в 2007 г. была подготовлена книга «Жизнь языка: Памяти М.В. Панова», в которой собраны воспоминания о нём, расшифровки стенограмм бесед с М.В. Пановым, некоторые не публиковавшиеся ранее его произведения о языке, а также научные статьи его коллег, друзей и учеников.

Наконец, уже в самые последние годы увидели свет и лекции М.В. Панова о русской поэзии: в 2017 г. – лекции, прочитанные в 1970-х – 1980-х гг. в МГУ им. М.В. Ломоносова⁶, а в 2019 г. – лекции, прочитанные в 1996/97 уч. г. в Московском открытом педагогическом институте (в этом курсе в МОПИ на примере творчества крупнейших поэтов Серебряного века М.В. Панов развивал идею поэтического языка как «чистого движения поэтических форм» и показывал это на фонетическом, словесном и образном уровнях)⁷.

МИХАИЛ ПАНОВ И РАБОТА ПО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

В работах М.В. Панова исследовались все ярусы языка. «От фонетики и фонологии как стартовой площадки он идёт к другим ярусам – морфологии, словообразованию, синтаксису, лексике, последовательно исследуя их с функциональной, позиционной, «фонологической» точек зрения» [7, с. 11]. Но всё же орфографический этаж, по словам В.И. Новикова, филолога, писателя, биографа М.В. Панова, «в пановском научно-культурном здании – один из высших. Он символизирует будущее» [8]. Останемся на

⁶ Панов М.В. Язык русской поэзии XVII–XX веков: курс лекций / сост., подг. текста и прим. Т.Ф. Нешумовой. М.: Языки славянской культуры, 2017.

⁷ Панов М.В. Поэтический язык Серебряного века. Символизм. Футуризм. Курс лекций / расшифровка, подг. текста, предисл. и прим. Л.Б. Парубченко. СПб.: Нестор-История, 2019.

этом этаже и тоже заглянем в будущее – через прошлое и настоящее.

1960-е гг., время работы М.В. Панова в Институте русского языка, – это время бурных орфографических дискуссий, обсуждения предложений по реформированию русского правописания. Как уже сказано выше, М.В. Панов был заместителем председателя Орфографической комиссии 1960-х гг., фактическим руководителем её работы и идеологом готовившейся реформы. Но крайне важно напомнить, что реформа разрабатывалась не ради упрощения правил как такового. В первую очередь учёные стремились расширить действие главного нашего орфографического принципа (фонематического) и устранить написания, не соответствовавшие ему. Упрощение письма для орфографистов было только следствием такой систематизации, но никак не самоцелью.

Основные предложения Орфографической комиссии, связанные с изменениями в русском письме, М.В. Панов прокомментировал в статье «Об усовершенствовании русской орфографии», опубликованной в журнале «Вопросы языкознания» (1963. № 2)⁸. Учёный подчёркивал: «Беда русской орфографии в том, что она ещё и сейчас фонематически непоследовательна; в ней сосуществуют три принципа, капризно ограничивающие и отгесняющие друг друга. Именно эта непоследовательность и создаёт трудности в пользовании нашим письмом» [9, с. 83]. И такие написания, как *циплёнок*, *огурци*, *рож*, *спряся*, *лжош*, *изпугаться*, *достоен*, *обидить*, *загарелый* и т. д., – не «пропаганда безграмотности», как написали бы далёкие от лингвистики критики, а последовательное применение фонематического принципа в русской орфографии.

О том же самом, но в научно-популярном ключе, – в книге «И всё-таки она хорошая». Вот как М.В. Панов разбирает, например, недостатки существующего правила о написании *о – ё* после шипящих:

«У нас орфография фонемная. Мы на письме передаём фонему, т. е. звук в его са-

⁸ Перепечатана в кн.: Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М., 2004. С. 522-537.

мой независимой форме, без всяких влияний. На гласные очень сильно влияет безударное положение, оно мнёт, искажает гласные звуки. Поэтому мы безударные гласные проверяем ударными. А здесь, когда пишем *о* – *ё* после шипящих, – как раз наоборот! Ударное положение «проверяем» безударным. Такая «проверка» запутывает учеников, правило даётся им с мучениями»⁹.

Результаты работы Орфографической комиссии 1960-х гг. детально описаны в научных исследованиях, в том числе выполненных в последние годы (см., например, [1]), поэтому не будем здесь подробно на них останавливаться. Скажем только, что, оценивая с позиций сегодняшнего дня дискуссию 1960-х гг., сложно отделаться от мысли: решение вынести предложения лингвистов на широкое общественное обсуждение было фатальной ошибкой (по свидетельству В.И. Новикова, это была инициатива И.Ф. Протченко, второго заместителя председателя Орфографической комиссии; М.В. Панов же считал, что спешить с этим не стоит). Несмотря на то, что немалая часть общества сначала поддерживала реформу (иногда даже слишком рьяно, предлагая ещё более радикальные упрощения), всё же в итоге предложения языковедов были категорически отклонены. «При всей чисто научной, лингвистической обоснованности многих предложений, авторы того проекта упустили из виду неизбежный общественно-культурный шок, вызванный реакцией на ломку ряда традиционно (исторически) сложившихся правил и принципов письма и основанных на них устоявшихся орфографических навыков» [10].

«Увидев страшные слова «огурци», «ноч» и «заец», общественность заходится в экстазе протеста. Рассказывали, что возмущённая толпа даже окружала на Волхонке Институт русского языка и выкрикивала проклятья учёным, искажающим русский язык. Панов выступает в «Известиях» (1964. № 244, 246) со статьёй «О силе привычки», где терпеливо объясняет, что язык и письмо –

разные вещи, что орфография – одежда, которую надо время от времени штопать. Ещё сравнивает этот процесс с лечением зубов: «больно, но лечить надо, потому что будет легче». Панов смотрит в будущее. Орфографические новации болезненны для людей, проживших и проработавших целую жизнь в старом формате грамотности. Им трудно переучиваться. Но ведь реформа может облегчить жизнь новым поколениям – тем, кто будут читать и писать по новым, более стройным и логичным правилам. Понимая, а не зубря» [8].

«Больно, но лечить надо», «безударное положение мнёт гласные звуки», принципы орфографии, «капризно ограничивающие и оттеняющие друг друга» – какими яркими образами, живыми, понятными всем и незатёртыми метафорами учёный говорит о самых сложных теоретических вещах, что в научных, что в научно-популярных своих работах!»¹⁰.

«Панов смотрит в будущее». В будущее устремлена и важнейшая для русистики книга – «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.)», написанная под руководством М.В. Панова. Это «полный свод предложений по усовершенствованию русского письма, которые были высказаны за два с половиной века, она снабжена научно аргументированными доводами за и против каждого из высказанного предложений и большой библиографией. Эта книга служит фундаментом дальнейшей кодификаторской деятельности в области орфографии» [11, с. 10]. Можно смело утверждать, что и это издание, и все научные сборники, которые были выпущены в 1960-е гг. по инициативе М.В. Панова и в которых разрабатывались трудные вопросы русского

⁹ Панов М.В. И всё-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, её достоинствах и недостатках. М.: Наука, 1964. С. 146-147. URL: <https://c.eruditor.one/file/1947447/> (дата обращения: 30.12.2022).

¹⁰ Вспомним оценку, которую дал книге «И всё-таки она хорошая» К.И. Чуковский в своей книге «Живой как жизнь»: «Всех других авторов превзошёл (по части занимательного стиля) талантливый языковед М.В. Панов, умудрившийся изложить самые трудные проблемы русской орфографии так остроумно и весело, с таким избытком затейливых шуток, озорных анекдотов, что его серьёзная, глубокомысленная книга, обогащающая читателя целым комплексом идей и знаний, воспринимается как сочинение юмориста: смеётся буквально на каждой странице».

правописания, подготовили почву для дальнейшего развития орфографии как науки.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. РУССКАЯ ОРФОГРАФИЯ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Станем ли мы свидетелями новых попыток реформировать русскую орфографию? В обозримом будущем – вряд ли. Нынешний социальный и общественно-политический контекст не благоприятствует разговорам о возможности орфографических преобразований; достаточно вспомнить, как в начале 2000-х гг. даже немногочисленные изменения, предложенные Орфографической комиссией РАН под руководством В.В. Лопатина (писать, например, *конвеер*, *парашиут*, *брошура*, *ингъяз*, *пол-мандарина* и др.), были столь же яростно, как и в 1960-е гг., отвергнуты обществом. Отвергнуты всё с теми же рассуждениями о недопустимости «реформы языка» и «уступок безграмотности», хотя и эти изменения предлагались не ради упрощения как такового, а для устранения исключений из ведущих принципов русской графики и орфографии – в рамках работы над новой редакцией правил правописания.

В наши дни эта работа ведётся снова – и, как уже было сказано выше, ныне создаваемые в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН правила русской орфографии, в отличие от проекта начала 2000-х гг. и тем более проекта 1960-х гг., не вносят какие-либо изменения в существующие написания слов и не предусматривают в будущем подобных изменений, то есть опираются на сложившиеся орфографические навыки и нормы.

Но чем больше десятилетий русская орфография будет существовать без серьёзных изменений, чем дальше в прошлое будут уходить ещё памятные многим орфографические дискуссии XX и начала XXI века, чем очевиднее для пишущих будут становиться многочисленные орфографические неудобства, связанные с традиционными, не оправданными современным состоянием языка написаниями, тем больше шансов, что однажды наше общество сможет вернуться к спокойному разговору о судьбах русского правописания. И хочется верить, что если не все, то многие орфографические идеи М.В. Панова, устремлённые в будущее, однажды станут для носителей русского языка настоящим.

Список источников

1. Арутюнова Е.В. Реформы русской орфографии и пунктуации в советское время и постсоветский период: лингвистические и социальные аспекты: автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2015. 27 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01007976848>
2. Красильникова Е.В. Михаил Викторович Панов (1920–2001) // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 155-156. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2002-4/155-156>
3. Кузьмина С.М. О книге «И всё-таки она хорошая!» и её авторе // Русский язык. 2008. № 3. URL: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200800308> (дата обращения: 30.10.2022).
4. Березин Ф.М. Михаил Викторович Панов (1920–2001) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. 2002. № 4. С. 17-18. <https://elibrary.ru/bbwvqn>
5. Капанадзе Л.А. Мемуар о фантастическом учителе // Язык: система и подсистемы. Сб. ст. к 70-летию М.В. Панова / ред. М.Я. Гловинская, Е.А. Земская. М., 1990. С. 291-294. http://www.academia.edu/50734319/Язык_система_и_подсистемы_к_70_летию_М_В_Панова
6. Новиков В.И. Личность // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 9-14. URL: [http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/\(153\)Pages%20from%20Panov-2-2007-v.pdf](http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(153)Pages%20from%20Panov-2-2007-v.pdf)
7. Гловинская М.Я., Кузьмина С.М. Слово о нашем Учителе // Жизнь языка: Памяти Михаила Викторовича Панова / отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. М.: Языки славянских культур: Знак, 2007. С. 11-13. URL: [http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/\(163\)Pages%20from%20Sb-Panova-2007-v.pdf](http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(163)Pages%20from%20Sb-Panova-2007-v.pdf)
8. Новиков В.И. По ту сторону успеха. Повесть о Михаиле Панове // Новый мир. 2015. № 7. URL: https://magazines.gorky.media/novyj_mi/2015/7/po-tu-storonu-uspeha.html (дата обращения: 30.11.2022).

9. Панов М.В. Об усовершенствовании русской орфографии // Вопросы языкознания. 1963. № 2. С. 81-92. URL: <https://magzdb.org/num/2400439>
10. Лопатин В.В. Русская орфография: задачи корректировки // Новый мир. 2001. № 5. С. 136-146. <https://elibrary.ru/pzqqv>
11. Земская Е.А., Кузьмина С.М. О Михаиле Викторовиче Панове // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. С. 8-13. URL: [http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/\(152\)Pages%20from%20Panov-2004-v.pdf](http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(152)Pages%20from%20Panov-2004-v.pdf)

References

1. Arutyunova E.V. *Reformy russkoi orfografii i punktuatsii v sovetskoe vremya i postsovetskii period: lingvisticheskie i sotsial'nye aspekty: avtoref. ... dis. kand. filol. nauk* [Reforms of Russian Spelling and Punctuation in the Soviet Era and the Post-Soviet Period: Linguistic and Social Aspects: Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2015, 27 p. (In Russ.) <https://search.rsl.ru/record/01007976848>
2. Krasil'nikova E.V. Mikhail Viktorovich Panov (1920–2001) [Mikhail Viktorovich Panov (1920–2001)]. *Voprosy yazykoznanija = Topics in the Study of Language*, 2002, no. 4, pp. 155-156. (In Russ.) Available at: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2002-4/155-156>
3. Kuz'mina S.M. О книге «I vse-taki ona khoroshaya!» i ee avtore [About the book “And yet she is good!” and its author]. *Russkii yazyk* [Russian Language], 2008, no. 3. (In Russ.) Available at: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200800308> (accessed: 30.10.2022).
4. Berezin F.M. Mikhail Viktorovich Panov (1920–2001) [Mikhail Viktorovich Panov (1920–2001)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Linguistics*, 2002, no. 4, pp. 17-18. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bbwwqn>
5. Kapanadze L.A. *Memuar o fantasticheskom uchitele* [Memoir of a fantastic teacher]. *Yazyk: sistema i podsystemy. Sbornik statej k 70-letiyu M.V. Panova* [Language: System and Subsystems. Collection of Materials Dedicated to the 70th Anniversary of M.V. Panov]. Moscow, 1990, pp. 291-294. (In Russ.) http://www.academia.edu/50734319/Yazyk_sistema_i_podsystemy_k_70_letiyu_M_V_Panova
6. Novikov V.I. Lichnost' [Personality]. *Panov M.V. Trudy po obshchemu yazykoznaniiyu i russkomu yazyku. T. 2* [Panov M.V. Works on General Linguistics and the Russian Language. Vol. 2]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2007, pp. 9-14. (In Russ.) Available at: [http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/\(153\)Pages%20from%20Panov-2-2007-v.pdf](http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(153)Pages%20from%20Panov-2-2007-v.pdf)
7. Glovinskaya M.Ya., Kuz'mina S.M. Slovo o nashem Uchitele [Word about Our Teacher]. *Zhizn' yazyka: Pamyati Mikhaila Viktorovicha Panova* [The Life of the Language: in Memory of Mikhail Viktorovich Panov]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., Znak Publ., 2007, pp. 11-13. (In Russ.) Available at: [http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/\(163\)Pages%20from%20Sb-Panova-2007-v.pdf](http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(163)Pages%20from%20Sb-Panova-2007-v.pdf)
8. Novikov V.I. Po tu storonu uspekha. Povest' o Mikhaile Panove [On the other side of success. The tale of Mikhail Panov]. *Novyi mir* [New World]. 2015, no. 7. (In Russ.) Available at: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2015/7/po-tu-storonu-uspeha.html (accessed: 30.10.2022).
9. Panov M.V. Ob usovershenstvovanii russkoi orfografii [On the improvement of Russian spelling]. *Voprosy yazykoznanija* [Questions of Linguistics], 1963, no. 2, pp. 81-92. (In Russ.) Available at: <https://magzdb.org/num/2400439>
10. Lopatin V.V. Russkaya orfografiya: zadachi korrekcirovki [Russian spelling: correction tasks]. *Novyi mir* [New world], 2001, no. 5, pp. 136-146. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pzqqv>
11. Zemskaya E.A., Kuz'mina S.M. О Михаиле Викторовиче Панове [About Mikhail Viktorovich Panov]. *Panov M.V. Trudy po obshchemu yazykoznaniiyu i russkomu yazyku. T. 1* [Panov M.V. Works on General Linguistics and the Russian Language. Vol. 1]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004, pp. 8-13. (In Russ.) Available at: [http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/\(152\)Pages%20from%20Panov-2004-v.pdf](http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(152)Pages%20from%20Panov-2004-v.pdf)

Информация об авторе

Пахомов Владимир Маркович, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, Российская Федерация, главный редактор портала «Грамота.ру», член Совета при Президенте РФ по русскому языку, член Орфографической комиссии РАН, <http://orcid.org/0000-0002-6121-6783>, vmpakhomov@gmail.com

Вклад в статью: идея и концепция исследования, поиск и анализ научной литературы, написание статьи.

Поступила в редакцию 17.11.2022

Одобрена после рецензирования 10.02.2023

Принята к публикации 17.02.2023

Information about the author

Vladimir M. Pakhomov, Cand. Sci. (Philology), Research Scholar, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, Editor-in-chief of the “Gramota.ru” portal, <http://orcid.org/0000-0002-6121-6783>, vmpakhomov@gmail.com

Contribution: idea and concept of research, search and analysis of scientific literature, writing the text of the manuscript.

Received: November 17, 2022

Revised: February 10, 2023

Accepted: February 17, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 808.1:821.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-31-42>

Шифр научной специальности 5.9.5

Вербализация телесности в блокадных текстах

Валерий Анатольевич ЕФРЕМОВ¹ , Дарья Алексеевна ПОПОВИЧ²

¹ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

²ООО «Юмакс»

121205, Российская Федерация, г. Москва, б-р Большой, 42, стр. 1

 valef@mail.ru

Аннотация. Современная филология всё чаще обращается к междисциплинарным проблемам, к которым относится и телесность, изучаемая на стыке биологии, медицины, когнитивистики и философии. Одновременно интерес лингвистики к концептуализации и вербализации телесного и психологического индивидуального опыта приводит к необходимости исследования эго-документов, повествующих о тяжелейших, травмирующих жизненных ситуациях (голод, война, инвалидность, смертельная болезнь, потеря близких и др.). Цель работы – экспликация специфики восприятия телесности жителя блокадного Ленинграда через вербализацию собственного и чужого телесного опыта. Выявлен ряд специфических элементов концептуализации телесности (голод, дистрофия, холод, травма и др.). Анализ воспоминаний блокадников убедительно доказывает, что тело осознавалось голодающими жителями как деформированное, уничтожаемое и стремящееся к неминуемой смерти. Рефлексия над телом и телесностью неминуемо приводит к осознанию жёсткой связанности телесности с психикой и моралью. Выявлены и проанализированы такие специфические формы осмысления и вербализации телесности блокадников, как *голодная травма*, *зимняя травма*, *отчуждение тела*. Проведённый анализ травматического телесного опыта жителей блокадного Ленинграда может послужить дальнейшему развитию лингвистических исследований как телесности, так и травматического опыта.

Ключевые слова: блокада, голод, телесность, эго-документы, «Блокадная книга», Л.Я. Гинзбург

Для цитирования: Ефремов В.А., Попович Д.А. Вербализация телесности в блокадных текстах // Неофилология. 2023. Т. 9. № 1. С. 31-42. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-31-42>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Verbalization of corporality in blockade texts

Valery A. EFREMOV¹ , Daria A. POPOVICH²

¹The Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moika Emb., St. Petersburg 191186, Russian Federation

²Umax LLC
1 bldg 42 Bol'shoi Blvd., Moscow 121205, Russian Federation

 valef@mail.ru

Abstract. Modern philology is increasingly turning to interdisciplinary problems, which include corporality, which is studied at the intersection of biology, medicine, cognitive science and philosophy. At the same time, the interest of linguistics in the conceptualization and verbalization of bodily and psychological individual experience leads to the need to study ego-documents that tell about the most difficult, traumatic life situations (hunger, war, disability, fatal illness, loss of loved ones, etc.). The purpose of the work is to explication of the specifics of the perception of the corporality of a resident of besieged Leningrad through the verbalization of one's own and others' bodily experience. The number of specific elements of the conceptualization of corporality (hunger, dystrophy, cold, trauma, etc.) were revealed. An analysis of the memories of the blockade survivors convincingly proves that the body was perceived by the starving inhabitants as deformed, destroyed and striving for inevitable death. Reflection on the body and corporality inevitably leads to the realization of the rigid connection of corporality with the psyche and morality. Such specific forms of comprehension and verbalization of the physicality of blockade runners as hunger trauma, winter trauma, and alienation of the body are identified and analyzed. The analysis of the traumatic bodily experience of the inhabitants of the besieged Leningrad can serve as a further development of linguistic studies of both corporality and traumatic experience.

Keywords: blockade, hunger, physicality, ego-documents, "Blockade Book", L.Ya. Ginzburg

For citation: Efremov, V.A., & Popovich, D.A. Verbalization of corporality in blockade texts. *Neofilologiya* = *Neophilology*. 2023;9(1):31-42. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-31-42>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Блокада Ленинграда – одна из наиболее длительных и экстремальных гуманитарных катастроф в истории человечества. Осмысление этого трагического события середины XX века в последнее время обрело новую степень интенсивности: блокадные тексты, прежде всего эго-документы, становятся предметами возобновлённого изучения не только историков, культурологов и социологов [1; 2], но и антропологов [3] и филологов [4; 5]. Для отечественной гуманитарной мысли всё более очевидной становится мысль о том, что блокадные тексты представляют со-

бой особую нарративную традицию¹. Так, в 2017 г. был издан сборник «Блокадные нарративы» [4], в котором впервые были представлены научные статьи широкого гуманитарного профиля, посвящённые не блокаде как таковой, а блокадным текстам (дневниковым и художественным), а также кино о блокаде и даже блокадным слухам. «Блокадные нарративы» – первый сборник, в котором внимание уделено изображению блока-

¹ Сандомирская И. Блокада в слове: Очерки критической теории и биополитики языка. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 432 с. URL: <https://avidreaders.ru/download/blokada-v-slove-ocherki-kriticheskoy-teorii.html?f=pdf>

ды в различных видах искусства, но в первую очередь, конечно, в дневниковых и художественных текстах.

Примечательно, что тема блокады привлекает внимание не только отечественных, но и зарубежных учёных. В этой связи особый интерес вызывают блокадные тексты Лидии Гинзбург, которые стали объектом научного анализа в работах Эмили Ван Баскирк. Для данной статьи важен следующий тезис исследовательницы: «Показательно, что в «Записках блокадного человека» больше конкретных физических и физиологических деталей, чем в любом другом тексте Гинзбург. Она с пугающей точностью описывает, как перестаёт быть похожим на себя тело, истощённое дистрофией; какие усилия воли требуются, чтобы ходить и даже просто подерживать себя в вертикальном положении»².

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Приведённые выше работы подчёркивают значимость блокадной темы в филологических исследованиях, хотя, безусловно, не представляют собой исчерпывающий список этих трудов. Данный факт свидетельствует о всё возрастающей потребности в изучении блокадных текстов. Важно, что в современных гуманитарных исследованиях можно найти подтверждение гипотезы настоящей работы: мысль о том, что вербализация телесности – одна из ключевых особенностей блокадных текстов, встречается в том или ином виде в работах у Э. Ван Баскирк, А. Пери, П. Барсковой, И. Сандомирской и др.

Собственно лингвистические исследования телесности пока ещё крайне малочисленны, однако уже сейчас можно утверждать, что в русской лингвокультуре при концептуализации тела и телесности можно выделить облигаторные и факультативные признаки. К облигаторным относятся: «1) материальность/осязаемость; 2) целостность/делимость на части; 3) наличие/отсутствие признаков жизни». К факультативным – «возраст тела, его физическое состояние, цвет (кожи) и

психологическое восприятие» [6, с. 92] и ряд других.

Цель исследования – эксплицировать разные аспекты вербализации трансформирующейся телесности в воспоминаниях блокадников.

В настоящей работе вербализация телесности в блокадных текстах рассматривается на материале двух источников: (1) документальной хроники Д.А. Гранина и А.М. Адамовича «Блокадная книга»³ (далее в тексте цитируется это, первое полное издание с указанием страниц) и (2) двух произведений Л.Я. Гинзбург «Записки блокадного человека» (1984) и «Вокруг «записок блокадного человека»⁴ (1987).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Человек, оказавшийся в заблокированном Ленинграде, каждый день боролся за выживание. Анализируя блокадные нарративы, можно наблюдать рефлексивную борьбу, можно реконструировать образ человека как внутренне (морально), так и внешне (телесно) травмированного голодом, холодом, болезнями. При этом вербализации телесных ощущений и трансформаций в воспоминаниях блокадников уделяется особое внимание, поскольку телесные изменения обуславливают главную опасность, которую влечёт за собой голод, – крайнее истощение, ведущее к смерти (ср. идею И. Сандомирской о «дистрофическом письме» блокадных текстов Л.Я. Гинзбург). Именно поэтому «болезненные трансформации тела, вызванные истощением и дистрофией, становились предметом тщательного наблюдения блокадников» [7, с. 170].

Голод. Не вызывает сомнений, что главным патогенным фактором блокады был голод. Безусловно, сама лексема *голод*, являясь наиболее частым в анализируемых текстах, многократно реализуется в каждом из системных, языковых значений: *голодоощущение, голод-состояние, голод-бедствие:*

³ Адамович А.М., Гранин Д.А. Блокадная книга. М.: Сов. писатель, 1983. 432 с.

⁴ Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: «Искусство – СПб», 2011. 768 с.

² Баскирк Э. Проза Лидии Гинзбург. Реальность в поисках литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 121.

«ГОЛОД 1. Острое ощущение потребности в пище, сильное желание есть. *Почувствовать г. Утолить г. Зверский г.* (очень сильный). *Умирать от голоду* (также: очень сильно хотеть есть). 2. Длительное недоедание. *Морить голодом. Умереть с голоду. Из-за голода волки подходили прямо к деревне.* 3. Отсутствие или крайний недостаток продуктов питания как массовое бедствие (вследствие неурожая, войны и т. п.). *Г. из-за засухи. Г. на Волге в двадцатые годы. Г. в блокадном Ленинграде*»⁵.

Однако нельзя не отметить, что блокадный голод представляет собой все же явление особого рода. На это указывают, в частности, многочисленные работы, посвящённые изучению блокадного голода с позиции медицины [8], психологии [9], философии и этики [2] и др. Так, в одном из сугубо медицинских исследований состояние крайнего истощения жителей блокадного Ленинграда получило особое, крайне точное наименование – «жизнь на минимальном пределе» (*vita minima*) [8, с. 5].

Важно отметить, что в разных фрагментах «Блокадной книги» Д.А. Гранина и А.М. Адамовича неоднократно выстраивается своеобразная градация испытаний, которым подвергались блокадники, и голод в этой иерархии занимает самую высокую позицию:

– «Вот-вот обрушатся на Ленинград бомбы – через несколько дней. Потом начнутся зверские систематические обстрелы. *И самое страшное – голод*» (с. 244).

– «Я перенесла всю блокаду. *Хуже всего – это голод*, – утверждает Лидия Сергеевна Усова, которая была тогда рабочей. – *Это страшнее всего*. Наш завод каждый день обстреливался. Но мы не шли в бомбоубежище: совершенно перестали этого бояться. Первое, что мы делали, это хватали кусок хлеба и запихивали в рот; не дай бог, если тебя убьют, а он останется!» (с. 44).

– «Надо было что-то кушать, иначе *неминуема смерть от голода, а это ещё хуже, чем от обстрела*. От голода очень тяжёлая смерть» (с. 24).

Блокадники в воспоминаниях постоянно описывают и сравнивают не только голод и обстрелы, но и смерть от них. Смерть от голода при этом ощущается как более мучительная: для многих жителей блокадного города голод оказывается гораздо страшнее бомб и снарядов.

Перманентный голод провоцировал разного рода отклонения от здорового состояния, которые также определяют специфику блокадного голода. Мотив больного и страдающего тела, доставляющего человеку физические и психологические муки, проходит едва ли не через все блокадные тексты. Безусловно, в эго-документах описываются и травмы, полученные в результате военных действий (например, ранение снарядом, ранение при взрыве бомбы), однако подробнее всего описаны именно болезненные изменения, происходившие с людьми из-за голода: «то, что делалось в результате голода, это было особенно ужасно, как менялся облик человека» (с. 49). Блокадный голод, действительно, представлял собой явление исключительное, поэтому блокадная травма, вызванная голодом, заслуживает отдельного описания.

Неслучайно в текстах Л.Я. Гинзбург неоднократно встречается полутерминологическое словосочетание *голодная травма*: «Не сразу Эн понял, почему каждый день на работе часу во втором им овладевает странное *болезненное* состояние. Потом он догадался – это торопливость, один из оборотней голода или *голодной травмы*» («Вокруг «записок блокадного человека»⁶). С одной стороны, пример иллюстрирует восприятие блокадным человеком чувства голода как болезни, однако, с другой стороны, терминологический характер лексемы *травма* заставляет обратиться к более широкому пониманию слова и концепции, за ним стоящей.

В современной психиатрической литературе «термин «травма» понимается как рана не на теле, а в сознании» [10, с. 122]. Раскрывая этот тезис, Р. Айерман отмечает, что «травма отсылает к реальному событию, физическому или эмоциональному удару, который поражает все чувства и против которого

⁵ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. С. 215.

⁶ Гинзбург Л.Я. Записные книжки. С. 739.

сознание и тело не могут защититься» [10, с. 122]. В связи с обращением к военной действительности особое значение приобретают феномены коллективной и индивидуальной травмы: «нанесенные раны в той же степени коллективны и социальны, в какой они индивидуальны. Индивидуальная и коллективная травмы могут рассматриваться как усиливающие одна другую, обостряющие шок и чувство потери» [10, с. 123]. Иллюстрации к данным рассуждениям регулярно обнаруживаются в текстах Л.Я. Гинзбург: «На фоне всеобщей, общегородской эволюции каждый проделывал свой собственный путь – от непонимания и легкомыслия до *голодной травмы*. Индивидуальное притом было включено в групповое, в типические реакции разных пластов населения на трагедию еды» («Записки блокадного человека»⁷). (Ср. перекликающуюся с идеями Л.Я. Гинзбург современную концептуализацию травмирующего опыта: «травма – это одновременно и конструкт, и реальность; важный способ обозначения и переживания трудного опыта, ответ на вызовы социальности в определённую эпоху»⁸.)

Именно в связи с широким пониманием голода как культурной и одновременно индивидуальной, превращающейся в блокадную болезнь, травмы, в тексте подчёркивается различие между «обыкновенным» чувством голода и голодом, который испытывает «травмированный» блокадой человек: «Мотивировка обыкновенным чувством голода – это нечто оздоравливающее, успокоительное. Как раз в этот час оно начинает обостряться. Но *травмированный человек* плохо переносит желание есть; оно, в свою очередь, порождает томление и страх» («Вокруг «записок блокадного человека»⁹).

Дистрофия. Лексема *дистрофия*, а также дериваты *дистрофический* и *дистрофик* широко представлены в блокадных текстах. Дистрофия настолько глубоко проникает в жизнь ленинградцев, что в текстах блокадни-

ков отмечаются некоторые лексические особенности блокадной речи. Одна из них – эвфемизация реалий голода: «Эвфемистичность в том, что реалии голода обозначаются неподходящими словами, словами, которые нельзя наложить без остатка: «*каша – это вещь*», «*одуматься*» – в применении к каше» («Записки блокадного человека»¹⁰).

Другая характеристика блокадной речи – то языковое явление, которое сама Л.Я. Гинзбург назвала «*голодной фразеологией*»: «И сразу же маниакально немотивированное возобновление темы открытия, темы двух каш, съедаемых подряд. Опять вся прямота голодной фразеологии («*бываю сыта...*»¹¹)). Катастрофический голод неизбежно влечёт за собой телесные трансформации. Изменения чаще всего были вызваны болезнями, преимущественно – дистрофией: «Старшей, Лоре, было тринадцать лет, и она лежала в *голодном параличе, дистрофия* была жуткая» (с. 49). Само прилагательное *голодный* неоднократно употребляется для описания симптомов дистрофии, например, словосочетание *голодный понос* встречается сразу в трёх частях «Блокадной книги».

Разумеется, что блокадный голод влечёт за собой телесные трансформации. Часть из них касается конкретных физиологических внешних изменений:

– **цвет кожи** («И вот приходит – лицо *серо-зелёное* такое» (с. 30); «Вот и сейчас он в пальто, опухший, *бледный*, кожа да кости, только две чёрные бусинки-глазки говорят ещё о прежнем розовом Шурике» (с. 183); «Это очень страшно: затемнённые квартиры, замёрзшие, *совершенно жёлтые*, опухшие люди» (с. 74),

– **телосложение** («Он был такой ужасный, такой грязный, *тощий*» (с. 30); «Был он *худой, истощённый*, и, может, оттого так быстро голод одолел его» (с. 290).

Другие трансформации касаются общего впечатления от физического состояния человека, некий взгляд (со стороны или на самого себя) на травмированного голодом человека:

⁷ Гинзбург Л.Я. Записные книжки. С. 647.

⁸ Миськова Е.В. Травма // Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности / под ред. П. Аронсон. М.: Individuum, 2022. С. 237.

⁹ Гинзбург Л.Я. Записные книжки. С. 739.

¹⁰ Там же. С. 705.

¹¹ Там же.

– «Экспедитор замахала руками, заохала, из её крика поняли, что конфеты везут в детский дом, да и мы, два *заморыша*, были хошой иллюстрацией» (с. 163);

– «И вот как сейчас помню, тощие мы все какие-то, *маленькие, заморенные* дети, и такой же фокусник-мужчина: пиджак на нём болтается, горло шарфом повязано» (с. 174);

– «И все такие *дряблые-дряблые* были» (с. 25).

Для описания тела блокадного человека нередко используются сравнения, причём в качестве объекта сравнения чаще всего выступают соматизмы:

– «Я говорю: «Вы посмотрите на неё!» А она: «Да нет, румяный ребёнок!» – «Вы не смотрите на лицо, у неё же *руки, ноги как плети!*» (с. 46);

– «У мамы пухли *ноги* и стали твёрдыми, как камень» (с. 307);

– «*Ноги* были как *тумбы*, вот такое опухшее лицо, *глаза – щёлки*» (с. 44).

Симптомы дистрофии были разными. Так, в нескольких текстах отмечается, что в теле человека не оставалось мышц или жирового слоя, поскольку их *сжирал голод*, уничтожала *дистрофия*. Люди ощущали не только внешние трансформации тела, но и внутренние: утрату соединительных тканей, органов:

– «Например, одна женщина-врач сказала о себе, что ходила по улицам «всегда мокрая», как ребёнок: *голод сожрал все мышцы*» (с. 25);

– «Алиментарная, третьей степени, дистрофия – это не только скелет без *мышц* (даже сидеть человеку больно), это и пожираемый желудком мозг» (там же);

– «Люди превращались в каких-то, знаете ли, стариков, потому что *уничтожался жировой слой*, и, значит, все мышцы были видны и сосуды тоже» (там же).

Одновременно в проанализированных блокадных текстах широко употребляется глагол *опухать* и его дериваты, что также указывает на симптоматику блокадной дистрофии. (Ср.: «А ведь он уже *пухнет*», – говорят про него, но он ещё не знает об

этом»¹².) Ощущения от опухания (болезненного состояния, вызванного длительным недоеданием) концентрировались внутри организма человека, во внутренних органах: «Я опух, каждая клетка моей ткани содержит воды больше, чем нужно. Распухли все, следовательно, внутренние органы» (дневник Юры Рябинкина)¹³. Для описания опухания использовался и медицинский термин *водянка*: «Юра уже и сам не верит, что кому-то он нужен вот такой – *сонно-вялый* от водянки, обовшивевший» (с. 363). Прилагательное *сонно-вялый* иллюстрирует изменение в поведении человека, вызванное водянкой.

Данные примеры описывают те изменения, которые происходят с человеческим телом в результате двух самых страшных заболеваний блокадного города – дистрофии или водянки. Главным образом перечисленные сравнения указывают на изменение объёма тела: последствия дистрофии сопряжены с его уменьшением, а водянки, напротив, с увеличением, «утяжелением».

Возраст и пол. Внешнее проявление дистрофии, главной блокадной болезни, не сводилось к одному лишь изменению объёма тела. Часто дистрофия искажала реальный возраст человека, о чём вспоминают многие блокадники:

– «Как видите по фотографии, это не тринадцатилетняя девочка, скорее *старуха*» (с. 10);

– «Помню, когда привозили детей, они часто уже есть не могли, так были истощены. Меня поразило и то, что в три с половиной года дети стали совершенно *взрослыми*... Это было страшно» (с. 133);

– «Сейчас все мы *старики*. *Независимо от возраста*. Наши тела и чувства живут ритмом *старости*...» (с. 334);

– «*Дети-старички*, безулыбчивые, молчаливые, вялые, все понимающие и ничего не понимающие» (с. 163).

Особенно очевидными были внешние изменения детей, которые визуально становились похожими на стариков. Наиболее ярко данный процесс отразился в оксюморон-

¹² Гинзбург Л.Я. Записные книжки. С. 615.

¹³ Детская книга войны. Дневники 1941–1945 гг. М.: «Аргументы и факты», 2015. С. 63.

ном определении, выраженном приложении: *дети-старички*.

Визуально искажался не только возраст блокадников, но иногда и такая базовая составляющая телесности, как половая принадлежность: «Я уже настолько похудела, что на ногах совершенно не было тела. *Грудь – как у мужчины, одни соски*» (с. 319). В данном случае соматизм *грудь* выступает маркером пола, однако в другом примере половую идентичность маркирует голос, который также подвергся изменениям в связи с голодом: «Жёлтое лицо, остановившийся взгляд, заметно терялся голос, нельзя было по голосу судить – мужчина это или женщина, дребезжащий голос, существо, потерявшее возраст, пол...» (с. 49).

В телесности блокадного человека сильно искажены не только достаточно подвижные возрастные, но и базовые биологические (гендерные) параметры человеческого тела.

Походка. Ещё более это изменение раскрывает следующий пример: «Каждое движение происходило замедленно. Медленно поднимались руки, медленно шевелились пальцы. Никто не бегал, ходили медленно, с трудом поднимали ногу» (с. 29). Фрагмент интересен тем, что в нём дана характеристика не внешних изменений частей тела, а изменений в движении, замедленность которого влияла на подвижность отдельных частей тела: рук, пальцев, ног. В другой главе «Блокадной книги» описанию походки уделено особое внимание, так как и она стала отличительной чертой жителей осаждённого города: «Никогда я и нигде не видела и не слышала, чтобы человек шёл так, как в блокаду: человек шёл так, как против ветра идут, понимаете, вот *наклонившись всем корпусом вперёд, чтобы не упасть, тяжело вот так переставляя ноги!* Почти все так ходили» (с. 41). Походка блокадников была особенной не только за счёт замедленности, но и за счёт наклона корпуса вперёд, что, по-видимому, облегчало передвижение ослабленных людей.

Не только тело, но даже его специфическое расположение в пространстве маркирует телесность блокадного человека.

Психика. Интерес представляет также и феномен блокадной телесной памяти, обу-

словленной голодом: «Осталось у нас с мужем ещё до сих пор *чувство пережитого голода во рту*. Он иногда говорит: «Есть не хочется, но *горят зубы*, это всё блокада, будь она неладна!» И мне есть не хочется, но *ноет язык*» (с. 23). Память о пережитом голоде как бы концентрируется в отдельных соматизмах: *рот, зубы, язык*. При этом сами ощущения, возникающие в этих частях тела, также не являются типичными для привычного облика голода, но концептуализируют блокадный голод как состояние особого рода: «*зубы горят*», «*язык ноет*».

Голод, безусловно, оказывал влияние и на психическую сферу человека. Из многочисленных примеров можно видеть, что основными каналами воздействия голода на психику становятся *ум (голова, мозг)* и *чувства*. В первом случае главной характеристикой, описывающей воздействие голода на психику человека, становится лексема *безумие*, а также словообразовательно и семантически родственные ей единицы:

– «Работа заглушала непрерывные, доводящие до *безумия* мысли о еде» (с. 77);

– «Мальчики и девочки рвали, стригли бумажки, сидели, покачиваясь из стороны в сторону, что-то ковыряли непрерывно, методично, стараясь как-то заглушить *сводящее с ума чувство голода*» (с. 15);

– «Ну вот, эта Нина прямо, знаете, как *ненормальная от голода*, прямо не знаю что» (там же);

– «Мать издёргалась до предела – на грани *голодного безумия*» (с. 363).

Следует отметить, что голод лишает человека возможности воспринимать мир на прежнем уровне ощущений, делает бесчувственным:

– «Жестокая правда обстоятельств, условий, беспощадная правда чувств (и *голодного бесчувствия*) мучит и поныне блокадника» (с. 56);

– «Мы ложимся спать под звуки сирены, под вой зениток, под звуки обстрелов, и мы засыпаем без усилий, от физической усталости, от привычки засыпать в эти часы, и будит нас только сила звука. Разумом мы знаем, что опасность нам угрожает, но *чувство молчит*» (с. 367).

Дистрофия крайне жёстко влияет на психику человека: «У дистрофиков нет страха» (с. 132). Дистрофия, вызванная голодом, – это физиологическое состояние, однако оно способно вносить изменение в психическую сферу человека, заглушать чувства, притуплять ощущения. При этом важно, что дистрофия блокирует не только эмоции, но и телесные сигналы. Так, словосочетание *атрофия аппетита*, основанное на медицинской метафоре, свидетельствует не об отсутствии аппетита как таковом, а об его патологическом исчезновении. Голод сказывается также и на умственном, когнитивном состоянии человека: «Многие от голодного или полуголодного состояния *отупели* или *поглупели*» (с. 388).

Примечательно, что травмирован человек был не только физически, но и духовно, морально: «Как скоро может скатиться человек с вершин культуры до своего первобытного звериного состояния!» (с. 143). В тексте «Блокадной книги» встречается словосочетание *моральная дистрофия*, построенное на метафорическом переносе: «Вот в чём он ищет точку опоры, чтобы удержаться, не соскользнуть в бездну – *от физической дистрофии к моральной*» (с. 302). Нельзя отрицать, что голодная травма включает в себя не только физические увечья, не только проявления блокадных болезней и голода как такового, но и нравственные муки, моральные терзания: «Человек открывался в своём несовершенстве, он был *унижен физически*, он *нравственно оказывался уязвим*» (с. 303). Причастие *унижен* важно для понимания внутреннего состояния человека, так как унижен он не только физически, но и морально и, главное, унижен самим голодом: «В иссушенном организме душа, страдающая и *униженная голодом*, тоже искала себе пищи» (с. 73).

Специфика восприятия и описания телесности блокадного ленинградца связана с неминуемым, жесточайшим влиянием состояния умирающей телесной оболочки на психику и дух человека.

Зимняя травма и отчуждение тела. Наряду с *голодной травмой* в «Записках блокадного человека» описывается другая кол-

лективная травма – лютый холод, неоднократно называемый Л.Я. Гинзбург *зимней травмой*: «Сейчас, когда люди оказались в первобытной зависимости от течения суток, от температуры, от света, – чувство умирания дня особенно конкретно. В разгаре белых ночей – это *зимняя травма*, страшно цепкая, как все травмы этой зимой» («Вокруг «записок блокадного человека»¹⁴); «В этом была жадность и нервность временного состояния перед второй зимой, думать о которой не хватало храбрости; была в этом *зимняя травма неснимаемой одежды*» («Записки блокадного человека»¹⁵).

Травма неснимаемой одежды, о которой писала Л.Я. Гинзбург, раскрывается и в «Блокадной книге»: «Я побежала в магазин и успела ещё захватить простые хлопчатобумажные, причём чёрные, чулки в резинку. Сколько там было, не помню, кажется, шесть пар, я купила и все шесть пар на себя надела. И вот так эти шесть пар *не снимались*. Представляете, чёрные чулки, шесть пар *не снимались* – это чтобы от холода спастись!» (с. 63). Безусловно, неснимаемая одежда служила ещё одним средством спасения ленинградцев, но теперь уже не от голодной смерти, а от замерзания насмерть.

«Зимняя травма» обусловлена памятью тела о блокадной зиме, главным образом описанной с помощью слов, обозначающих физические характеристики, воспринимаемые человеческим организмом: *температура, свет*. Однако взаимоотношения организма с внешним миром выстраиваются гораздо сложнее, чем обработка информации, поступающей извне: «тело создаёт новые связи внутри самого себя и творит мир в процессе познания» [11, с. 48]. Из этого следует, что исключительным телесный опыт блокадного человека формируют не холод и темнота как таковые, а *замурованное тело*: «Месяцами люди – большая часть жителей города – спали не раздеваясь. Они потеряли из виду своё *тело*. Оно ушло в глубину, *замурованное одеждой*, и там, в глубине, изменялось, перерождалось» («Записки блокадного челове-

¹⁴ Гинзбург Л.Я. Записные книжки. С. 741.

¹⁵ Там же. С. 616.

ка»¹⁶). Данный фрагмент иллюстрирует связь зимней травмы и памяти о телесных ощущениях блокадного человека, а само тело становится территорией, на которой время оставляет безжалостные следы произошедших с человеком событий.

Человек будто переставал ощущать собственное тело, забывал его, о чём свидетельствует, например, следующий фрагмент из «Блокадной книги»: «Другие вспоминают это редчайшее весной 42-го чудо – случайную баню. И про то, каким себя человек вдруг осознавал, ощущал, когда заново видел своё и другие нагие тела» (с. 73). В этом примере описан процесс, который Л.Я. Гинзбург в «Записках блокадного человека» назвала «отчуждением тела»: «Зимой, пока люди открывали в себе кость за костью, совершалось отчуждение тела, расщепление сознательной воли и тела как явления враждебного внешнего мира»¹⁷.

Действительно, раскрывая понятие отчужденного тела, Л.Я. Гинзбург описывает параллельную ситуацию – эпизод, когда человек, моясь, заново видит своё тело, «встречается» с ним: «Самые жизнеспособные иногда мылись, меняли бельё. Тогда уже нельзя было избежать встречи с телом. Человек присматривался к нему со злобным любопытством, одолевающим желание не знать. Оно было незнакомое»¹⁸.

Отчуждённость собственного тела – один из специфических атрибутов телесного самовосприятия блокадника.

Труп. Вербализацию ещё более выраженных телесных изменений, не связанных с той или иной отдельной характеристикой человека, а определяющих его в целом, можно проследить на примере употребления лексемы *труп*: «Менялся облик, лицо, человек был вроде движущегося *трупа*, а известно, что *труп* – это зрелище тяжёлое. Эти жёлтые лица очень страшны, причём заметно остановившийся взгляд» (с. 49). Данный пример интересен в первую очередь тем, что содержит в себе лексемы, которые в совокупности создают ассоциативно-семантическое поле

«Труп». Среди них можно отметить уже упомянутые ранее характеристики цвета лица (*жёлтые лица*) и описание взгляда (*остановившийся взгляд*), а также контекст употребления соматизма *глаза*: *А глазки их были настолько мёртвые, знаете, даже никакого блеска не было, мёртвые глаза, как стеклянные, если можно так выразиться* (с. 168). *Стеклянные глаза* – метафорическое описание того же *остановившегося*, застывшего взгляда. Внешность блокадников, как следует из приведённых фрагментов, была схожа с внешностью мертвецов, поэтому и при описании внешности ленинградцев регулярно встречаются слова *труп, мёртвый, мертвец*:

– «Впечатление, что язык совсем размяк, вата какая-то. Не могу ни шевельнуться, ничего. Просто *трупом* была» (с. 164);

– «Вот смотрите, какие *волосы* и какое *лицо*, совсем как у *мёртвой*» (с. 193).

Таким образом, одним из важнейших векторов концептуализации телесности блокадника, живущего на пределе человеческих возможностей, становится постоянное сопоставление с неодошевлённым (мёртвым) телом.

Смерть и предсмертное состояние. Другая особенность, которую неоднократно отмечали блокадники, – «обострившееся чувство смерти»: «То ли это особенность гибели от дистрофии, от голода, то ли обострившееся чувство смерти, которой так много было крутом, но известно было в то время, что многие *точно ощущали момент её приближения*. Как будто *слышали её подход, видели её*» (с. 81). Людям казалось, что они знают, когда настанет пора умирать. В следующих примерах также реализуется эпистемическая модальность ‘знание’:

– «*Знаешь*, что с каждым днём твои силы иссякают, что ты изнемогаешь от недоедания день ото дня всё больше и больше, и дорога к смерти, голодной смерти, идёт параболой с обратного её конца, что чем дальше, тем быстрее становится этот процесс медленного умирания...» (с. 350);

– «Ослабевши, лежал беспомощным полумертвецом, покуда жизнь не оборвалась окончательно. *Я знала*, что не сегодня-завтра упаду» (с. 376).

¹⁶ Гинзбург Л.Я. Записные книжки. С. 615.

¹⁷ Там же. С. 614.

¹⁸ Там же. С. 614.

Последний пример интересен ещё и определением человека, находящегося в пограничном состоянии – он назван *полумертвецом*, чья жизнь не оборвалась окончательно. Использование наречия *окончательно*, как и приставки *полу-*, обусловлено ощущениями человека, находящегося в пограничном состоянии, в стадии умирания, на пороге смерти.

Смерть в блокадных нарративах часто выступает объектом страха. Л.Я. Гинзбург даже высказывает мысль о том, что смерть, поскольку она недоступна опыту, равна эмоции страха: *Она (смерть) – абстракция небытия или эмоция страха* («Записки блокадного человека»¹⁹). Кроме смерти, в тексте представлены и другие объекты страха, связанные с тем или иным состоянием тела: *страх голода, страх холода*. Специфика объекта страха, а именно отнесённость его к области физиологических реакций на внешние условия, указывает на связь психической и физиологической сфер человеческого существования и также способствует созданию телесности и образа телесного человека на страницах блокадных эго-текстов.

Особенно подробно на страницах исследуемых документов описано предсмертное состояние. Ленинградцы часто описывали сам процесс умирания, подчёркивали его отличие от смерти как таковой: «Умереть не трудно, *умирать* очень тяжело...» Очевидцами неоднократно отмечается, что блокадная смерть, смерть от голода, была *тихой*. Прилагательное *тихий* и наречие *тихо* встречаются в рассказах нескольких жителей Ленинграда:

– «Такой *тихой* смертью умирали, так спокойно...» (с. 76);

– «Дорогой папочка! Пишу я вам это письмо во время моей болезни когда думала, что я умру и пишу из-за того что я жду смерть, а потому что она приходит сама неожиданно и очень *тихо*. В моей смерти прошу никого нивинить. (В тексте ничего не правим. – А. А., Д. Г.)» (с. 179);

– «Массовый голод – это *тихие* смерти: сидел и незаметно уснул, шёл – остановился,

присел... Многие наблюдали, запомнили жуткую *«тихость»* голодных смертей» (с. 41).

С другой стороны, на двоякость представлений о голодной смерти указывают следующие примеры:

– «Видела я и последнюю *агонию* человека: человек карабкался, не мог встать, цеплялся за стенку» (с. 173);

– «Но так как умирать от голода очень *мучительно*, то придётся как-то по-другому умирать. Ты убьёшь меня, а потом и сам...» И говорит это М. Ф., моя жизнерадостная, любящая жизнь жена-друг...» (с. 290);

– «Паника перед голодом, голодным безумием и *мучительным* умиранием часто губила прежде самой смерти» (с. 280).

В этих примерах предсмертное состояние описывается мучительным, заставляющим человека агонизировать, более пугающим, чем сама смерть.

Рассмотренные примеры позволяют заключить, что для блокадного человека смерть и умирание воспринимались как два разных этапа ухода из жизни. Наступающая голодная смерть (умирание) воспринималась ленинградцами одновременно тихой и мучительной. Люди боялись умирания больше, чем самой смерти. Смерть же, в свою очередь, у многих блокадников не была сопряжена с привычным для неё спектром негативных эмоций: люди могли радоваться тому, что человек умер недалеко от морга, продолжительное время жить с мертвецами в одной квартире, не обращать внимания на лежащие на улице трупы. Более того, живые люди в картине мира блокадного человека также сравнивались с трупами, полумертвецами, что ещё раз подчёркивает уникальное физическое состояние блокадного человека – жизнь на минимальном пределе.

ВЫВОДЫ

Итак, проведённое исследование позволяет утверждать, что для блокадных нарративов характерна особая концептуализация человеческого тела и телесности. Трансформации голодного, больного, травмированного, замерзающего, умирающего тела описаны в эго-документах жителей блокад-

¹⁹ Гинзбург Л.Я. Записные книжки. С. 629.

ного Ленинграда с невероятной степенью подробности. С одной стороны, эти автобиографические описания становятся фиксирующим документом эпохи, с другой – попыткой избавиться от сильнейшей травмы, вербализовать чудовищный опыт проживания на грани жизни и смерти, концептуализировать сложнейшие связи телесного и психического, духовного. «К словам обращались, что-

бы преодолеть безмолвное, невыраженное, разрушительное отвращение к дистрофическому телу (равно своему и чужому), к страху, хаосу» [5, с. 11-12].

Таким образом, обращение к человеческой телесности становится ключевым для анализа блокадных нарративов – текстов разных жанров, написанных разными авторами и в разные годы блокады.

Список источников

1. Соболев Г.Л., Ходяков М.В. Противоборство жизни и смерти: некоторые итоги изучения истории блокады Ленинграда // Новейшая история России. 2021. № 2. С. 294-323. <http://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.201>, <https://elibrary.ru/xxqwgw>
2. Яров С.В. Блокадная этика: представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2021. 590 с. URL: <https://spirech.org/b/src/1649673681086-0.pdf>
3. «Я знаю, что так писать нельзя»: Феномен блокадного дневника / сост. А.Ю. Павловская. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2022. 462 с.
4. Блокадные нарративы / сост.: П. Барскова, Р. Николози. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 330 с.
5. Барскова П. Седьмая щелочь: тексты и судьбы блокадных поэтов. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2020. 224 с.
6. Рудова Ю.В. Лингвокультурная специфика репрезентирования телесности (на примере русского и английского юмористического дискурса) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. № 1. С. 90-99. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V158>, <https://elibrary.ru/gzaddr>
7. Воронина Т. Рец.: Alexis Peri. The war within: diaries from the siege of Leningrad. Cambridge, Ma: Harvard University Press, 2017 // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2017. № 3. С. 169-172. <https://elibrary.ru/ytxldb>
8. Симоненко В.Б., Магаева С.В. Основы выживания в блокадном Ленинграде с позиции саногенеза // Клиническая медицина. 2014. № 2. С. 5-14. <https://elibrary.ru/rvmlet>
9. Косенко Л.В. Психологические последствия голода на примере людей, переживших блокаду Ленинграда // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2014. Т. 9. № 2. С. 522-523. <https://elibrary.ru/vqdjff>
10. Айерман Р, Хлевнюк Д. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 121-138. <https://elibrary.ru/qzvgnj>
11. Морина Л.П. Когнитивные аспекты телесности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2013. № 4. С. 46-52. <https://elibrary.ru/ruwgs1>

References

1. Sobolev G.L., Khodyakov M.V. The confrontation between life and death: some results of studying the history of the siege of Leningrad. *Noveishaya istoriya Rossii = Modern History of Russia*, 2021, no. 2, pp. 294-323. (In Russ.) <http://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.201>, <https://elibrary.ru/xxqwgw>
2. Yarov S.V. *Blokadnaya ehtika: predstavleniya o morali v Leningrade v 1941–1942 gg.* [Siege Ethics: Ideas about Morality in Leningrad in 1941–1942]. St. Petersburg, European University Press at Saint-Petersburg, 2021, 590 p. (In Russ.) Available at: <https://spirech.org/b/src/1649673681086-0.pdf>
3. Pavlovskaya A.Yu. «Ya znayu, chto tak pisat' nel'zya»: Fenomen blokadnogo dnevnika [“I Know is Impossible Write like that”: The Phenomenon of the Siege Diary]. St. Petersburg, European University Press at Saint-Petersburg, 2022, 462 p. (In Russ.)
4. Barskova P., Nikolozzi R. *Blokadnye narrativy* [The Narrative of the Siege]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017, 330 p. (In Russ.)

5. Barskova P. *Sed'maya shcheloch': teksty i sud'by blokadnykh poetov* [The Seventh Alkali: Texts and Fates of Blockade Poets]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publishing House, 2020, 224 p. (In Russ.)
6. Rudova Yu.V. Linguocultural features of body representation (exemplified by the Russian and English humorous discourse). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, 2022, no. 1, pp. 90-99. (In Russ.) <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V158>, <https://elibrary.ru/gzaddr>
7. Voronina T. Review: Alexis Peri. The war within: diaries from the siege of Leningrad. Cambridge, Ma, Harvard University Press, 2017. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy = Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 2017, no. 3, pp. 169-172. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ytxldb>
8. Simonenko V.B., Magaeva S.V. Fundamentals of survival in sieged Leningrad from the standpoint of sanogenesis. *Klinicheskaya meditsina = Clinical Medicine (Russian Journal)*, 2014, no. 2, pp. 5-14. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rvmlet>
9. Kosenko L.V. Psychological effects of starvation on the example of the people who survived the siege of Leningrad. *Zdorov'e – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya* [Health is the Basis of Human Potential: Problems and Ways to Solve them], 2014, vol. 9, no. 2, pp. 522-523. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vqjdjff>
10. Aierman R, Khlevnyuk D. Social theory and trauma. *Sotsiologicheskoe obozrenie = Russian Sociological Review*, 2013, vol. 12, no. 1, pp. 121-138. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qzvgmj>
11. Morina L.P. Kognitivnye aspekty telesnosti [Cognitive aspects of corporality]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya = Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 6. Philosophy. Cultural Studies. Political Science. Law. International Relationships*, 2013, no. 4, pp. 46-52. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ruwgs1>

Информация об авторах

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-0247-706X>, valef@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, научное консультирование, общая концепция статьи, анализ полученных результатов, обработка результатов исследования, написание и редактирование статьи.

Попович Дарья Алексеевна, магистр в области педагогического образования, старший преподаватель, ООО «Юмакс», г. Москва, Российская Федерация, darya.popovich@maximumtest.ru

Вклад в статью: анализ литературы, подбор первичного материала, обобщение опыта исследователей, сбор данных, анализ данных, обработка материала, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 05.10.2022
Поступила после рецензирования 16.01.2023
Принята к публикации 17.02.2023

Information about the authors

Valerii A. Efremov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, Head of Russian Language Department, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-0247-706X>, valef@mail.ru

Contribution: study conception, scientific consulting, manuscript general conception, obtained results analysis, research results processing, manuscript drafting and editing.

Daria A. Popovich, Master of Pedagogical Education, Senior Lecturer, Umax LLC, Moscow, Russian Federation, darya.popovich@maximumtest.ru

Contribution: literature analysis, source material acquisition, synthesis of previous research experience, data acquisition, data analysis, manuscript part drafting.

There is no conflict of interests.

Received: October 05, 2022
Revised: January 16, 2023
Accepted: February 17, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 811

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-43-53>

Шифр научной специальности 5.9.5

Зоометафора как способ восприятия новой коронавирусной инфекции COVID-19

Ольга Николаевна НОВИКОВА ✉, Юлия Владимировна КАЛУГИНА

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет»

450001, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, 34

✉ novikova58@bk.ru

Аннотация. Проанализировано восприятие новой коронавирусной инфекции COVID-19 через анималистическую (зоо) метафору представителями студенческой молодёжи. Проведён ассоциативный эксперимент с целью выявления анималистических метафорических моделей «Коронавирус – это ...». Проанализирована тематика полученных метафор; предложена авторская классификация метафорических моделей со сферой-источником «животные»; осмыслено психологическое воздействие коронавируса на индивида. Результаты эксперимента интерпретированы на основе феноменологического подхода с применением методов анкетирования, количественного анализа и анализа документов. Полученные метафоры демонстрируют разнообразное содержание сферы-источника «животные»; их возможно группировать по разным основаниям (по общим признакам, по национально-специфическим признакам, по принципу звуковой и графической схожести). На этапе осмысления нового явления в жизни человечества зоометафоры активно участвуют в формировании наивной и научной картин мира, предоставляют материал для конструирования образа «животного» и отношений «человек – животное».

Ключевые слова: зоометафора, анималистическая метафора, коронавирус, COVID-19, восприятие, ассоциативный эксперимент

Для цитирования: Новикова О.Н., Калугина Ю.В. Зоометафора как способ восприятия новой коронавирусной инфекции COVID-19 // Неофилология. 2023. Т. 9. № 1. С. 43-53. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-43-53>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Zoometaphor as a way of perceiving the new coronavirus infection COVID-19

Olga N. NOVIKOVA , Yuliya V. KALUGINA

Bashkir State Agrarian University

34 50-letiya Oktyabrya St., Ufa, 450001, Republic of Bashkortostan, Russian Federation

 novikova58@bk.ru

Abstract. We analyze the perception of new coronavirus infection COVID-19 through an animalistic (zoo) metaphor by representatives of student youth. We conduct an associative experiment in order to identify animalistic metaphorical models “Coronavirus is ...”. We analyze the themes of the received metaphors; we offer the author’s classification of metaphorical models with the sphere-source “animals”; the psychological impact of the coronavirus on the individual is comprehended. The results of the experiment are interpreted on the basis of a phenomenological approach using the methods of questioning, quantitative analysis and document analysis. The resulting metaphors demonstrate the diverse content of the source sphere “animals”; they can be grouped on different grounds (by common features, by national-specific features, by principle of sound and graphic similarity). At the stage of comprehending a new phenomenon in the life of mankind, zoometaphors are actively involved in the formation of a naive and scientific picture of the world, provide material for constructing the image of an “animal” and the relationship “human-animal”.

Keywords: zoometaphor, animalistic metaphor, coronavirus, COVID-19, perception, associative experiment

For citation: Novikova, O.N., & Kalugina, Yu.V. Zoometaphor as a way of perceiving the new coronavirus infection COVID-19. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(1): 43-53. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-43-53>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование выполнено в русле работ, анализирующих восприятие новой коронавирусной инфекции COVID-19 представителями разных групп общества. Актуальность подобных исследований обусловлена их практической направленностью, так как результаты могут быть использованы в выстраивании стратегий и тактик здравоохранения, при реабилитации переболевших новой болезнью, для понимания психологического воздействия болезни на индивида, а также для повышения эффективности политической риторики [1–7]. Объектом рассмотрения являются метафоры нового заболевания, а предметом выступают процессы ани-

малистической, или зоо-, метафоризации в сознании индивида.

Исследование базируется на том, что метафора рассматривается как инструмент осмысления и категоризации нового явления, а в случае с «коллективной травмой» (термин [5]) – войной, стихийным бедствием, эпидемией и подобным – именно метафора помогает выявить глубоко скрывающиеся эмоции и чувства относительно этих событий; “metaphors symbolically and cognitively frame phenomena at hand, pointing to the ways people understand possible options, view the future, conceive of personal agency, and understand challenges” [8, p. 502; см.: Н.Д. Арутюнова, Э.В. Будаев, А.П. Чудинов, R. Gibbs, M. Johnson, G. Lakoff, J. Littlemore, E. Semino, P.H. Thibodeau и др.].

Анималистическая (зоо) метафора привлекает наше внимание по ряду причин: сфера-источник «животные» является одной из самых традиционных в создании метафорической картины мира у разных народов (М.А. Агбалян, Р.Н. Кадиров, А.О. Кубасова, С. Линь, А.С. Маслов, Е.Н. Мушникова, А.Ф. Сагитова, Ф.Г. Фаткуллина, V. Ana, F. Safamejad и др.); зоометафоры активно используются в дискурсе современных СМИ [9]; начиная с декабря 2020 г. по настоящее время наблюдается «рост как прямого, так и метафорического употребления названий животных» [10, с. 177]). Вслед за С.Б. Козинцом мы рассматриваем анималистическую метафору в широком смысле: «в семантическую сферу «Животное» включаются названия животных, птиц, рыб, насекомых, части тела, части покрова животного, группы животных, места обитания, звуки, издаваемые животными, жилища животных, помещения для содержания и разведения животных» [11, с. 256].

База сферы-источника «животные» расширяется и за счёт всё большего соприкосновения человека с животными, ср.: мода на всё новых и новых домашних животных-компаньонов, разнообразие научно-познавательных передач о животных, привлечение животных к рекламе товаров и услуг и пр. Вместе с тем исследователи подчёркивают пейоративный характер зоометафоры, выражаемые ею жестокость и агрессивность, что наглядно проявилось в портретировании пандемии COVID-19: сама болезнь, её источник, сопутствующие ей явления сравнивались с самыми разнообразными животными, наносящими вред человеку через укусы, удушение и иные способы причинения боли и смерти. Уподобление болезни дикому животному – COVID-19 = *wild animal / lice / mosquito / octopus / tick / bird of prey* (А.В. Нагорная, F. Ceck, F. Colak, R. Kazemani, T. Kozlova, O.N. Prokhorova, N. Rodsap, S. Salzani, S. Taylor, N.F. Zuo и др.) – объяснимо прототипическим признаком «brutality» образа дикого животного [12, с. 127]. Утверждается функционирование в русском языке достаточно продуктивной, несмотря на архаичность, семантической сферы «животное –

болезнь» [13; 14]. Метафора «вирус/болезнь – живое существо» относится к онтологическим метафорам (по классификации Дж. Лаккофа), поскольку её основанием выступает опыт обращения человека с материальными объектами; она помогает осмыслить новое явление в виде отдельных сущностей [15, с. 23].

Следует отметить, что в большинстве «доковидных» исследований речь идёт о переносе образа животного на человека. Сегодня же обращение к образам животных вскрывает отношение представителей разных возрастных, профессиональных и других групп населения к новой инфекции, их личный образ новой опасной болезни. Сравнение результатов по разным группам и странам показывает значительное преобладание негативного восприятия COVID-19, страх и бессилие перед заболеванием. Наиболее частотными животными из сферы-источника метафоры выступают *mosquitoes/москиты*, так как могут поразить каждого, и *lice/блохи*, так как могут переходить от человека к человеку [16]; *snakes/змеи*, *bees/пчёлы*, *ticks/клещи*, так как они страшные, появляются внезапно, без медицинской помощи можно погибнуть от их укуса [6; 17]; *octopus/осьминог* – окружает всё вокруг, как щупальцами [18]; *wild animal / дикое животное*, *bat / летучая мышь*, *spiked hedgehog / колючий ёж* [2], *venomous insect / ядовитое насекомое* [19]; *bloodsucking animal / кровососущее животное* [20]; то есть это животные, перед которыми человек испытывает страх. Ограничение в передвижении, необходимость оставаться дома в течение карантина сравнивается с положением домашнего питомца, попугая в клетке, с черепахой, замкнутой в панцире [21], авторы метафор сосредоточены на пространстве.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

С целью выявления представления о новой коронавирусной инфекции COVID-19 в октябре 2022 г. был проведён ассоциативный эксперимент с представителями российской студенческой молодёжи, представляющей значительную группу населения, в наибольшей степени ощутившую локдаун из-за пере-

вода учебных заведений на дистанционное обучение. Проблематику проведённого эксперимента составили процессы анималистической, или зоо-, метафоризации в сознании студентов высших учебных заведений, связанные с понятием «коронавирус». Решение обозначенной проблемы определило постановку следующих задач:

- выявить анималистические метафорические модели «Коронавирус – это ...»;
- проанализировать тематику полученных метафор;
- предложить авторскую классификацию метафорических моделей со сферой-источником «животные»;
- осмыслить психологическое воздействие коронавируса на индивида.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследовательская модель. В основу проведённого ассоциативного эксперимента лёг феноменологический метод исследования, который заключается в интуитивном, непринуждённом, дескриптивном, аналитическом осмыслении событий сознательной жизни посредством приобретённого опыта [22; 23]. Исследователь в этом случае интерпретирует то, что индивид интерпретирует своей метафорой [24; 25]. Данный метод помог выявить особенности образов, порождаемых участниками эксперимента, и определить их психологическое воздействие на молодых людей.

Для сбора личных сведений респондентов использовался метод анкетирования. Статистическая обработка результатов осуществлялась методом количественного анализа. Анализ документов применялся на этапе извлечения содержащейся в ответах информации об изучаемом объекте и выработки с её помощью объективных и субъективно-оценочных характеристик и показателей исследуемого явления.

Исследовательская группа. В исследовании добровольно приняли участие 134 студента: бакалавры и специалисты 1–4 курсов Башкирского государственного аграрного университета, бакалавры 2–4 курсов и магистранты Института филологического образо-

вания и межкультурных коммуникаций Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Опрос проводился методом удобной (стихийной) выборки: исследовательскую группу составили студенты, с которыми у авторов исследования и их коллег были занятия на момент проведения эксперимента. 85 (63,4 %) респондентов составили женщины и 49 (36,6 %) – мужчины. Возраст участников варьировался в диапазоне 17–25 лет.

Сбор данных. Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе респондентам было предложено подумать, с каким животным у них ассоциируется коронавирус. Для этого необходимо было ответить на вопрос «Коронавирус – это... (указать животное)». На данном этапе участники порождали образы, которые легли в основу анималистической метафоры периода новой коронавирусной инфекции COVID-19. На втором этапе студентов попросили завершить предложение, начинающееся с «*потому что...*», чтобы объяснить значение созданной ими метафоры.

К ограничениям исследования отнесём следующее в его организации: респондентам предлагалось указать только один вид метафоры, *viz* зоометафору; наличие более чем одной необъяснимой метафоры ведёт к трудностям в категоризации полученного материала.

Анализ данных. Обработка персональных данных была проведена при помощи количественного анализа через автоматическую обработку ответов в Google формах. Сами же метафорические модели интерпретировались методом анализа документов, который включает в себя сбор и анализ полученных данных. Ответы анонимны, полученные данные доступны только создателям опроса (авторам статьи).

Создание метафор. Исследовательскую базу составили ответы 134 студентов. Реакции 6 респондентов были приняты нерелевантными и исключены из анализа, так как они не дают ответа на поставленный вопрос: прочерк в ответе; *не ассоциируется ни с каким животным; У меня он не ассоциируется не с каким определённым животным, так*

как многие виды могут передавать инфекцию (здесь и далее по тексту орфография и пунктуация респондентов сохранены).

В результате исследования была создана 131 анималистическая метафора «Коронавирус – это... (указать животное)». Сфера-источник содержательно представлена 48 животными. Созданные метафоры подверглись анализу и классификации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятие коронавируса (сфера-мишень) раскрывается обращением к таким сферам-источникам, которые помогают понять и осмыслить психологическое воздействие исследуемого явления на индивида. Наиболее частотными метафорами оказались метафоры типа: *Коронавирус – это летучая мышь / летучая мышца / летучие мыши (36 реакций); змея / белая змея, с красными пятнами по телу (12); крыса / крысюка (12); ёжик / ёж (7).*

Единичные случаи составили такие реакции, как: *Коронавирус – это олень с рогами, рыба фугу, морское чудовище, морской ёж, касатка* (очевидно, респондент имел в виду касатку – хищника, водное млекопитающее подотряда зубатых китов, семейства дельфиновых, а не касатку – птицу семейства ласточек отряда воробьиных. – О. Н., Ю. К.), *акула, кандиду, медуза, кот, кролик, мошка, пчела, гусеница, медведь, дракон смерти, панголин, муравьед, ленивец, медведь, обезьяна, инфузория-туфелька, бактерия, лев, стервятник, волки-санитары, гиена, скунс, дикобраз, мёртвое животное, похожее на химеру, слизкий монстрик.*

Следует обратить внимание на форму языковой презентации некоторых животных – диминутив, который уже содержит в себе элемент оценочности: *крысюка, ёжик, мышка, монстрик.* Особый интерес вызывает вопрос содержания понятия «животное». Являются ли животными такие объекты из сферы-источника, как *монстрик* (фантастическое существо огромных размеров и/или необыкновенного строения), *Химера* (в греческой мифологии огнедышащее чудовище с головой и шеей льва, туловищем козы и хво-

стом в виде змеи), *морское чудовище* (мифические и фольклорные существа, которые, как считалось, обитают в морях и океанах и нередко достигают огромных размеров), *дракон* (мифическое существо, типично изображаемое в виде большой и сильной змеи или другой рептилии, наделённой волшебными или духовными качествами).

Выявленные метафорические модели позволили выделить несколько групп, объединённых общими признаками:

1. Рукокрылые / двукрылые / птицы (40): *летучая мышь* (ибо в начале пандемии все говорили, что они переносчики; потому что от неё пошло заражение; потому что они заболели, а китайцы их съели; потому что это первое животное, упомянутое с этой болезнью), *стервятник* (птица которая добывает доедает падаль, так же как и корона чистила мир от бездомных и т. п.), *мошка* (которая пьёт кровь человека, потому что несмотря на очень малый размер укус его очень болезненный, а коронавирус тоже очень маленький и для человека представляет серьёзную опасность), *комар* (потому что он укусит и не заметишь во сне, а только потом утром встанешь и поймёшь, что тело тешитесь (чесется. – О. Н., Ю. К.).

2. Пресмыкающиеся (16): *хамелеон* (потому что скрытный, маскируется под другие заболевания), *панголин* (говорилось, что главными переносчиками коронавируса стали летучие мыши. По цепочке он переишёл к другим животным (панголин как промежуточный носитель), а уже от них – к человеку), *змея* (потому что опасная, выделяет яд и отравляет организм (можно и умереть от неё, можно и выжить), сдавливают общество, так же подкрадываются и атакуют незаметно, многих змей сложно заметить и распознать и если вовремя её не найти то последствия будут тяжёлыми), *дракон смерти* (потому что своим дыханием уничтожает людей).

3. Грызуны (15): *крыса* (потому что это заболевание наступает неожиданно; она опасная для здоровья; потому что пришёл неожиданно>нагадил>скрылся в темноте; 1. ассоциация с чумой 2. Последствия

безобидного укуса могут нести отдалённые последствия; потому что он быстро распространился; потому что она как крыса входит внутрь человека и разъедает изнутри, но человек сильное создание и очень легко одолел эту тупую крысу; потому что крысы переносчики болезней), **мышь** (потому что так же подкрался не заметно; потому что может пробраться везде и все её видели), **дикообраз**.

4. Дикие животные (хищники) (13) легли в основу таких сфер-источников, как **волки-санитары** (которые уничтожают самых слабых и больных животных целого стада), **лиса** (потому что хитрая и незаметная, умеет маскироваться), **медведь** (потому что он оставляет шрамы и впадает в долгую спячку), **ёж** (потому что в своём строении имеет «шипики»; потому что он такой же колючий, как и сам вирус), **лев** (потому что лев это царь всех животных, а в слове коронавирус есть слово корона а у царя всегда должна быть корона), **гиена** (потому что бьёт стаей до смерти).

5. Домашние животные (12): **собака** (т. к. в то время у меня появился мой пёс и с ним я гулял во время пандемии), **свинья** (свинья из-за неё весь город мыли), **корова** (потому что созвучно; потому что слово напоминает корову), **кот** (потому что начинается на букву к), **кролик**.

6. Морские животные (7) представлены следующими сферами-источниками: **рыба фугу** (потому что также с шипами), **касатка** (потому что опасная и кровожадная), **акула** (из-за чувства страха и неизбежности), **кандиру** (потому что, попав в организм, она приносит мучения), **медуза** (потому что кусается), **морской ёж** (потому что бактерия неформально имеет форму, похожую на морское создание (морского ежа)), **морское чудище** (живёт на дне, о его существовании мало известно).

7. Насекомые (6): **таракан** (потому что быстро распространяется; мешают жить, причиняют неудобства), **пчела** (потому что он так же кружит над нами, и мы не знаем, сядет ли он на нас или нет), **насекомое** (неуловимое, но возможно захватить), **гусеница** (тоже зелёного цвета).

8. Подотряд млекопитающих (6): **ленивец** (потому что вроде не особо опасен на первый взгляд, но в момент резко может цапнуть (у ленивца ядовитые когти и он достаточно быстр в случае опасности), **медвед** (потому что поражает многих и быстро разносится), **скунс** (потому что, коронавирус такой же вонючий как скунс), **муравьед**, **олень**, **обезьяна**.

9. Паукообразные (5): **клещ** (потому что присасывается ко всем людям без выборно; потому что приходит незаметно, а последствия могут быть плачевными; потому что он крепко прикрепляется к человеку), **паук** (они быстро размножаются, противные и их очень много).

10. Беспозвоночные (4): **червь** (которого никто не видит; потому что схоже с вирусом), **пиявка** (потому что высосал всю жизнь; потому что высасывает жизнь и энергию из людей).

11. Одноклеточные (2): **инфузория-туфелька** (так как они оба имеют схожее внешнее строение), **бактерия** (потому что это бактерия).

Как видим из пояснений, приведённых респондентами, созданные образы вызваны чувством опасности, неизбежности, неизвестности и страха перед болезнью, которая «приносит мучения», «пьёт кровь», «уничтожает слабых».

Немалую роль сыграл и визуальный образ коронавируса. Обычно его изображают как сферу с набором более мелких элементов, похожую на рождественский апельсин, усыпанный гвоздикой. Это объясняет появление в сознании образов инфузории-туфельки, ежа, морского ежа, дикообраза и панголина, тело которого покрыто крупными роговыми ромбическими чешуями. При возникновении опасности панголин зачастую сворачивается в клубок.

ВЫВОДЫ

Разнообразие ассоциативных признаков, приписываемых тем или иным животным, может приводить к различным классификациям. Так, к примеру, можно выделить отдельную группу животных, которые, подоб-

но коронавирусу, умеют маскироваться (хамелеон, лиса, змея). Волков-санитаров и стервятников можно объединить по общему признаку уничтожения слабых и больных. Летучая мышь, мошка, комар, пчела и дракон смерти обладают общей способностью летать, а клещи, комары и мошки пьют кровь человека, как и исследуемая болезнь.

Особое внимание следует обратить на то, что некоторые респонденты строили свои ассоциации по принципу звуковой и графической схожести: корона – корова (*потому что созвучно, потому что слово напоминает корову*) или кот (*потому что начинается на букву к*).

Анализ полученных метафор позволил выявить и национально-специфические сферы-источники. Так, образ **лисы** в русских народных сказках имеет много значений, потому что она может хитрить (коронавирус часто путают с ОРВИ), быть незаметной (бессимптомность болезни). Лиса, как и штаммы коронавируса, всегда разная.

Образ **волка** в первую очередь представляет собой образ свободы, самостоятельности и бесстрашия (подобно коронавирусу, который в одно мгновение захватил весь мир). В любой схватке волк борется до победы или до смерти.

Медведь обычно предстает как могучий, сильный и умный хищник, хозяин тайги, царь русских лесов, неуклюжий с виду, но это только с виду [26]. Так и коронавирус: страшен не только ходом болезни, но и её

последствиями, которые зачастую непредсказуемы.

Валидность проведённой работы обеспечивается соответствием используемых методов для решения поставленных задач, опорой на последние, имеющиеся на момент написания статьи, исследования в области метафорического восприятия новой коронавирусной инфекции и на теорию метафоры.

Исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Проведённый среди обучающихся вузов эксперимент выявил разнообразие восприятия новой коронавирусной инфекции через зоометафору, дающую негативную оценку воспринимаемому явлению.

2. Поскольку сферой-мишенью выступает новое явление в жизни людей, метафоры его восприятия как языковое выражение индивидуального опыта на этапе осмысления пережитого выступают активными участниками развития человеческого знания, формирования как наивной, так и научной картин мира.

3. Поскольку «сложные метафорические уподобления, как правило, в большинстве своём национально маркированы» [27, с. 129], полученные результаты служат отправной точкой исследований в направлениях изучения сути национально-культурной специфики метафоры в свете значительного расширения наполненности сферы-источника «животные», конструирования понятия «животное» и отношений «человек – животные».

Список источников

1. Bilgin O., Yeşilyurt E. Perceptions of university students about coronavirus: a metaphor analysis study // Psycho-Educational Research Reviews. 2021. № 10 (1). P. 118-127. URL: <https://perrjournal.com/index.php/perrjournal/article/view/98>
2. Deng Yu, Yang J., Wan W. Embodied metaphor in communication about lived experiences of the COVID-19 pandemic in Wuhan, China // PLoS ONE. 2021. № 16 (12). P. 1-18. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0261968>
3. Durgun H., Dalcali B.K., Bayraktar F. Mental images of nurses regarding COVID-19: a metaphor study // Journal of Nursing Management. 2022. Vol. 30. Issue 1. P. 53-61. <https://doi.org/10.1111/jonm.13482>
4. Gök A., Kara A. Individuals' conceptions of COVID-19 pandemic through metaphor analysis // Current Psychology. 2022. № 41. P. 449-458. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-01506-z>
5. Stanley B.L., Zanin A.C., Avalos B.L., Tracy S.J., Town S. Collective emotion during collective trauma: a metaphor analysis of the COVID-19 pandemic // Qualitative Health Research. 2021. Vol. 31. Issue 10. P. 1890-1903. <https://doi.org/10.1177/10497323211011589>

6. *Vural Ö.F., Başaran M., Demirtaş Z., Karamanlı A.R., Bayrakçı C.* Students' "COVID-19" and "school" perceptions in the pandemic // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. P. 1-20. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.897177>
7. *Ayyıldız T.K., Akkoç B., Kurt A.* Perception of coronavirus in children through the interpretation of metaphors // *OMEGA – Journal of Death and Dying*. 2022. <https://doi.org/10.1177/00302228221141940>
8. *Malvini Redden S., Clark L., Tracy S.J., Shafer M.S.* How metaphorical framings build and undermine resilience during change: a longitudinal study of metaphors in team-driven planned organizational change // *Communication Monographs*. 2019. Vol. 86. Issue 4. P. 501-525. <https://doi.org/10.1080/03637751.2019.1621361>
9. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с. <https://elibrary.ru/qcnxbj>
10. *Новикова О.Н.* Репрезентация лексической группы «животные» в дискурсе пандемии // Доклады Башкирского университета. 2022. Т. 7. № 3. С. 177-179. <https://doi.org/10.33184/dokbsu-2022.3.8>, <https://elibrary.ru/vhnfit>
11. *Козинец С.Б.* Зоонимы в образном пространстве языка: метафора, сравнение, фразеологизм // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22. № 3. С. 254-260. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-254-260>, <https://elibrary.ru/adjnal>
12. *Будаев Э.В., Кушнерук С.Л., Курочкина М.А.* Коммуникативное сопровождение массовых протестов в СМИ. СПб.: Научоёмкие технологии, 2022. 201 с. <https://elibrary.ru/ncfubi>
13. *Дерюгина Е.В.* Семантические сферы «животное – болезнь» и «животное – исцеление» в русской языковой картине мира // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 2 (31). С. 126-128. <https://elibrary.ru/ogzskl>
14. *Кривошапова Д.А.* Об одной мифологической семантической модели // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. Вып. 4. С. 59-63. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/35952/1/oidl-2003-09.pdf>
15. *Будаев Э.В.* Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. 2007. № 1. С. 19-35. <https://elibrary.ru/pycqcp>
16. *Colak F.* COVID-19 as a metaphor: understanding COVID-19 through social media users // *Disaster Medicine and Public Health Preparedness*. 2022. Vol. 17. P. 1-9. <https://doi.org/10.1017/dmp.2022.83>
17. *Kizilkaya-Namli A., Ucgul G.* Sports high school students' perceptions about COVID-19 // *International Online Journal of Educational Sciences*. 2021. № 13 (2). P. 567-578. <http://doi.org/10.15345/ijoes.2021.02.016>
18. *Koçoğlu E., Aydın M., Dumlupınar Arslan A., Çetinkaya N., Kubat R., Karabulut N.* Teachers' mental associations about the COVID-19: an example of metaphor study // *E-International Journal of Educational Research*. 2021. Vol. 12. Issue 5. P. 141-159. <https://doi.org/10.19160/e-ijer.948005>
19. *Esentaş M., Kadir Yi., Devrim Z., Pınar G.-G.* Metaphoric perceptions of individuals for the concepts of "coronavirus" and "staying at home" // *Gymnasium. Scientific Journal of Education, Sports and Health*. 2021. Vol. 22. № 1. P. 5-18. <https://doi.org/10.29081/gsjesh.2021.22.1.01>
20. *Özmercan-Eminoğlu E., Küçüktepe-Eminoğlu S., Küçüktepe C.* University students' perception of COVID-19: a metaphor analysis // *International Journal of Educational Studies and Policy*. 2020. Vol. 1. Issue 1. P. 36-54. URL: <https://www.ijesp.net/UploadedFiles/JournalIssues/10/ijesp202011-637583196241015916.pdf#page=41>
21. *Erçevik A., Mukba G.* The COVID-19 pandemic: the experiences of children aged 11–14 years in Turkey // *International Journal of Psychology and Educational Studies*. 2021. Vol. 8. Special issue. P. 32-44. <https://doi.org/10.52380/ijpes.2021.8.4.564>
22. *Creswell J.W.* Educational research: planning, conducting, and evaluating quantitative and qualitative research. Boston: Pearson Education Ltd., 2013. 673 p. URL: <http://repository.unmas.ac.id/medias/journal/EBK-00121.pdf>
23. *Guité-Verret A. et al.* Expressing grief through metaphors: family caregivers' experience of care and grief during the COVID-19 pandemic // *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-Being*. 2021. Vol. 16. Issue 1. P. 1-12. <https://doi.org/10.1080/17482631.2021.1996872>
24. *Smith J.A., Megumi F.* Interpretative phenomenological analysis // *Qualitative Research in Psychology: Expanding Perspectives in Methodology and Design* / ed. P.M. Camic. Washington: American Psychological Association, 2021. P. 147-166. <https://doi.org/10.1037/0000252-008>

25. Tuffour I. A critical overview of Interpretative phenomenological analysis: a contemporary qualitative approach // *Journal of Healthcare Communication*. 2017. Vol. 2. Issue 4. P. 52-56. <https://doi.org/10.4172/2472-1654.100093>
26. Дыбо А.В., Никуленко Е.В. Зооморфная метафора «медведь» в русском, английском и языках Южной Сибири // *Язык и культура*. 2019. № 45. С. 78-95. <https://doi.org/10.17223/19996195/45/6>, <https://elibrary.ru/chpltz>
27. Мерзликина О.В. Зооморфные метафоры «домашний скот» в русской и галисийской картинах мира // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 114-132. <https://doi.org/10.17223/19986645/71/7>, <https://elibrary.ru/rohdgm>

References

1. Bilgin O., Yeşilyurt E. Perceptions of university students about coronavirus: a metaphor analysis study. *Psycho-Educational Research Reviews*, 2021, no. 10 (1), pp. 118-127. Available at: <https://perrjournal.com/index.php/perrjournal/article/view/98>
2. Deng Yu, Yang J., Wan W. Embodied metaphor in communication about lived experiences of the COVID-19 pandemic in Wuhan, China. *PLoS ONE*, 2021, no. 16 (12), pp. 1-18. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0261968>
3. Durgun H., Dalcı B.K., Bayraktar F. Mental images of nurses regarding COVID-19: a metaphor study. *Journal of Nursing Management*, 2022, vol. 30, issue 1, pp. 53-61. <https://doi.org/10.1111/jonm.13482>
4. Gök A., Kara A. Individuals' conceptions of COVID-19 pandemic through metaphor analysis. *Current Psychology*, 2022, no. 41, pp. 449-458. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-01506-z>
5. Stanley B.L., Zanin A.C., Avalos B.L., Tracy S.J., Town S. Collective emotion during collective trauma: a metaphor analysis of the COVID-19 pandemic. *Qualitative Health Research*, 2021, vol. 31, issue 10, pp. 1890-1903. <https://doi.org/10.1177/10497323211011589>
6. Vural Ö.F., Başaran M., Demirtaş Z., Karamanlı A.R., Bayrakçı C. Students' "COVID-19" and "school" perceptions in the pandemic. *Frontiers in Psychology*, 2022, vol. 13, pp. 1-20. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.897177>
7. Ayyıldız T.K., Akkoç B., Kurt A. Perception of coronavirus in children through the interpretation of metaphors. *OMEGA – Journal of Death and Dying*, 2022. <https://doi.org/10.1177/00302228221141940>
8. Malvini Redden S., Clark L., Tracy S.J., Shafer M.S. How metaphorical framings build and undermine resilience during change: a longitudinal study of metaphors in team-driven planned organizational change. *Communication Monographs*, 2019, vol. 86, issue 4, p. 501-525. <https://doi.org/10.1080/03637751.2019.1621361>
9. Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2001, 238 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qcnxbj>
10. Novikova O.N. Representation of the lexical group "animals" in the discourse of the pandemic. *Doklady Bashkirskogo universiteta* [Reports of Bashkir State University], 2022, vol. 7, no. 3, pp. 177-179. (In Russ.) <https://doi.org/10.33184/dokbsu-2022.3.8>, <https://elibrary.ru/vhnfit>
11. Kozinets S.B. Zoonyms in the gurative space of the language: metaphor, comparison, phraseological unit. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, no. 3, pp. 254-260. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-254-260>, <https://elibrary.ru/adjnal>
12. Budaev E.V., Kushneruk S.L., Kurochkina M.A. *Kommunikativnoe soprovozhdenie massovykh protestov v SMI* [Communicative Support of Mass Protests in the Media]. St. Petersburg, High Tech Publishing House, 2022, 201 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ncfubi>
13. Deryugina E.V. Semantic spheres "animal – illness" and "animal – healing" in Russian language picture of the world. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii = Cultural Studies of Russian South*, 2009, no. 2 (31), pp. 126-128. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ogzskl>
14. Krivoshchapova D.A. Ob odnoi mifologicheskoi semanticheskoi modeli [About one mythological semantic model]. *Onomastika i dialektnaya leksika* [Onomastics and Dialect Vocabulary]. Yekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2003, issue 4, pp. 59-63. (In Russ.) Available at: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/35952/1/oidl-2003-09.pdf>

15. Budaev E.V. Development of cognitive theory of metaphor. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. 2007, no. 1, pp. 19-35. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pycqcp>
16. Colak F. COVID-19 as a metaphor: understanding COVID-19 through social media users. *Disaster Medicine and Public Health Preparedness*, 2022, vol. 17, pp. 1-9. <https://doi.org/10.1017/dmp.2022.83>
17. Kizilkaya-Namli A., Ucgul G. Sports high school students' perceptions about COVID-19. *International Online Journal of Educational Sciences*, 2021, no. 13 (2), pp. 567-578. <http://doi.org/10.15345/ijoes.2021.02.016>
18. Koçoğlu E., Aydın M., Dumlupınar Arslan A., Çetinkaya N., Kubat R., Karabulut N. Teachers' mental associations about the COVID-19: an example of metaphor study. *E-International Journal of Educational Research*, 2021, vol. 12, issue 5, pp. 141-159. <https://doi.org/10.19160/e-ijer.948005>
19. Esentaş M., Kadir Yi., Devrim Z., Pınar G.-G. Metaphoric perceptions of individuals for the concepts of "coronavirus" and "staying at home". *Gymnasium. Scientific Journal of Education, Sports and Health*, 2021, vol. 22, no. 1, pp. 5-18. <https://doi.org/10.29081/gsjesh.2021.22.1.01>
20. Özmercan-Eminoğlu E., Küçüktepe-Eminoğlu S., Küçüktepe C. University students' perception of COVID-19: a metaphor analysis. *International Journal of Educational Studies and Policy*, 2020, vol. 1, issue 1, pp. 36-54. Available at: <https://www.ijesp.net/UploadedFiles/JournalIssues/10/ijesp202011-637583196241015916.pdf#page=41>
21. Erçevik A., Mukba G. The COVID-19 pandemic: the experiences of children aged 11–14 years in Turkey. *International Journal of Psychology and Educational Studies*, 2021, vol. 8, special issue, pp. 32-44. <https://doi.org/10.52380/ijpes.2021.8.4.564>
22. Creswell J.W. *Educational Research: Planning, Conducting, and Evaluating Quantitative and Qualitative Research*. Boston, Pearson Education Ltd., 2013, 673 p. Available at: <http://repository.unmas.ac.id/medias/journal/EBK-00121.pdf>
23. Guité-Verret A. et al. Expressing grief through metaphors: family care-givers' experience of care and grief during the COVID-19 pandemic. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-Being*, 2021, vol. 16, issue 1, pp. 1-12. <https://doi.org/10.1080/17482631.2021.1996872>
24. Smith J.A., Megumi F. Interpretative phenomenological analysis. In: Camic P.M. (ed.). *Qualitative Research in Psychology: Expanding Perspectives in Methodology and Design*. Washington, American Psychological Association Publ., 2021, pp. 147-166. <https://doi.org/10.1037/0000252-008>
25. Tuffour I. A critical overview of Interpretative phenomenological analysis: a contemporary qualitative approach. *Journal of Healthcare Communication*. 2017, vol. 2, issue 4, pp. 52-56. <https://doi.org/10.4172/2472-1654.100093>
26. Dybo A.V., Nikulenko E.V. The zoomorphic metaphor "bear" in Russian, English and the languages of Southern Siberia. *Yazyk i kul'tura = Language and Culture*, 2019, no. 45, pp. 78-95. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19996195/45/6>, <https://elibrary.ru/chpltz>
27. Merzlikina O.V. Zoomorphic metaphors "livestock" in Russian and Galician language pictures of the world. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Tomsk State University Journal of Philology*, 2021, no. 71, pp. 114-132. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19986645/71/7>, <https://elibrary.ru/rohdgm>

Информация об авторах

Новикова Ольга Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, Башкирский государственный аграрный университет, г. Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-9271-7732>, novikova58@bk.ru

Вклад в статью: анализ научной литературы и теоретическое осмысление исследуемого вопроса, проведение эксперимента, написание части текста статьи, окончательное редактирование.

Information about the authors

Olga N. Novikova, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Foreign Languages Department, Bashkir State Agrarian University, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-9271-7732>, novikova58@bk.ru

Contribution: scientific literature analysis and theoretical understanding of issue under study, experiment processing, part manuscript text drafting, final editing.

Калугина Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Башкирский государственный аграрный университет, г. Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-2675-3428>, kel-2004@yandex.ru

Вклад в статью: концепция исследования, проведение эксперимента, анализ результатов, составление классификации, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 14.11.2022

Поступила после рецензирования 10.02.2023

Принята к публикации 17.02.2023

Yuliya V. Kalugina, Cand. Sci. (Technical), Associate Professor, Associate Professor of Foreign Languages Department, Bashkir State Agrarian University, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-2675-3428>, kel-2004@yandex.ru

Contribution: study conception, experiment processing, results analysis, making a classification, part manuscript text drafting.

There is no conflict of interests.

Received: November 14, 2022

Revised: February 10, 2023

Accepted: February 17, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 811.611.1 + 821

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-54-64>

Шифр научной специальности 5.9.5

Проблемы этичного общения в компьютерно-опосредованной коммуникации

Инна Викторовна КОВТУНЕНКО

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

 iv.kovtunenکو@yandex.ru

Аннотация. Проанализирована проблема, связанная с определением, когда межличностное взаимодействие собеседников в формате компьютерно-опосредованной коммуникации приводит к неэтичному вербальному поведению и почему эта форма поведения реализуется. С опорой на теоретическую концепцию Б.Н. Мирошникова о взаимосвязи Интернета и общества не только выяснено, почему собеседники выбирают конкретные средства компьютерно-опосредованной коммуникации, но и прослежен характер влияния данного выбора на поддержание межличностных отношений и этические проблемы, которые потенциально могут возникнуть при этом. При статистическом анализе данных, полученных методом анкетированного опроса, установлено, что можно говорить о внешних факторах, которые оказывают влияние на поведенческие реакции собеседников в ходе коммуникативного взаимодействия. Выбор коммуникативных стратегий, нацеленных на поддержание межличностных взаимоотношений с адресатом, может быть следствием повышенной осведомлённости говорящего субъекта о своём партнере, текущей обстановке общения, способности соответствующим образом адаптироваться к этой обстановке. Участники виртуальной коммуникации задействуют разнообразные методы поддержания коммуникативного контакта в зависимости от такого фактора, как психологическая личность адресата. Сделан вывод о том, что данный фактор приобретает особое значение в ходе поддержания фатического контакта с незнакомым собеседником в формате компьютерно-опосредованной коммуникации.

Ключевые слова: теоретическая концепция Б.Н. Мирошникова о взаимосвязи Интернета и общества, компьютерно-опосредованная коммуникация, фатический контакт, фактор адресата, этичное/неэтичное общение, анкетированный опрос

Для цитирования: Ковтуненко И.В. Проблемы этичного общения в компьютерно-опосредованной коммуникации // Нефилология. 2023. Т. 9. № 1. С. 54-64. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-54-64>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Problems of ethical communication in computer-mediated communication

Inna V. KOVTUNENKO

Southern Federal University

105/42, Bolshaya Dadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation

✉ iv.kovtunenکو@yandex.ru

Abstract. The problem associated with determining when interpersonal interaction of interlocutors in the format of computer-mediated communication leads to unethical verbal behavior and why this form of behavior is realized is analyzed. Based on the theoretical concept of B.N. Miroshnikov about the relationship between the Internet and society, it was not only found out why the interlocutors choose specific means of computer-mediated communication, but also the nature of the influence of this choice on the maintenance of interpersonal relationships and the ethical problems that could potentially arise in this case are traced. During the statistical analysis of the data obtained by the method of questionnaire survey, it was found that we can talk about external factors that influence the behavioral reactions of interlocutors in the course of communicative interaction. The choice of communication strategies aimed at maintaining interpersonal relationships with the addressee may be the result of the speaker's increased awareness of his partner, the current communication environment, and the ability to adapt to this environment accordingly. Participants in virtual communication use a variety of methods to maintain communicative contact, depending on such factors as the psychological personality of the addressee. It is concluded that this factor is of particular importance in the course of maintaining fatal contact with an unfamiliar interlocutor in the format of computer-mediated communication.

Keywords: B.N. Miroshnikov's theoretical concept on the relationship between the Internet and society, computer-mediated communication, phatic contact, addressee factor, ethical/unethical communication, questionnaire survey

For citation: Kovtunenکو, I.V. Problems of ethical communication in computer-mediated communication. *Neofilologiya – Neophilology*, 2023;9(1):54-64. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-54-64>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В монографии «Сетевой фактор. Интернет и общество» Б.Н. Мирошников, анализируя стереотипы восприятия феномена Сети, доказывает, что компьютерно-опосредованная среда оказывает как позитивное, так и негативное воздействие на процессы межличностного взаимодействия. Автор монографии приходит к выводу, что перспектива этого взаимодействия детерминирована этическим фактором [1, с. 5]. На основании этого вывода можно сделать заключение, что проблема установления и поддержания фа-

тического контакта между виртуальными собеседниками выявляет этическую составляющую, актуальную для исследований, посвященных компьютерно-опосредованной коммуникации.

Межличностные взаимоотношения – это один из конструктивных аспектов результативного функционирования социума. Позитивная перспектива развития этих отношений предполагает их взаимное поддержание после того, как они были установлены собеседниками.

В терминах этики качество межличностных взаимоотношений предопределяется такими характеристиками, как:

- интерактивный и релевантный обмен коммуникативными ролями адресанта и слушающего;
- взаимный контроль собеседников над процессами совместного разворачивания информационного потока;
- доверие участников коммуникации друг к другу [2–4].

Коммуникативная ситуация является сферой устной и невербальной реализации этих характеристик, а также интерактивного обмена письменными сообщениями в офлайн/онлайн формате. В контексте реализации указанного формата коммуникация определяется как компьютерно-опосредованная.

Этот тип коммуникации становится всё более популярным форматом общения между представителями различных слоёв социума, позволяющим инициировать и поддерживать различные типы межличностных отношений. В связи с этим исследователи фокусируют внимание на проблемах воздействия в данном формате коммуникативного взаимодействия, особенностей конструктивного поддерживающего поведения собеседников (например, выражении уверенности, открытости и позитивности) [5]. При этом уделяется мало внимания тем деструктивным формам коммуникативного поведения, которые также влияют на поддержание межличностных отношений. Вместе с тем, как утверждает Б.Н. Мирошников в интервью главному редактору журнала «Национальная оборона», Интернет в определённой степени неуважителен к традициям, установленному порядку и иерархии¹. Это суждение предполагает, что существуют этические проблемы, возникающие в результате использования возможностей, которые обеспечиваются компьютерно-опосредованной коммуникацией.

¹ Аналитическое интервью Б.М. Мирошниковой «Русский язык как важнейшая составляющая национальной безопасности» главному редактору журнала «Национальная оборона» И.Ю.Коротченко представлено в свободном доступе в формате PDF в подразделе «Статьи членов ГЛЭДИС и наших коллег» в разделе «БИБЛИОТЕКА» сайта ГЛЭДИС. URL: <https://rusexpert.ru/public/statjy-pdf/Miroshnikov2020-1.pdf>

Пользователи сети Интернет часто ставят под сомнение нравственность людей, с которыми они установили контакт, что само по себе может привести к неэтичному коммуникативному поведению с их стороны. Компьютерно-опосредованная коммуникация играет неотъемлемую роль в развитии культуры общения, которая активно поддерживается представителями социума. Даже те методы поддержания межличностных отношений, которые воспринимаются как позитивные, могут привести к неэтичному результату.

Исследователям, работающим на стыке взаимодействия русистики и других дисциплин когнитивного цикла, ещё предстоит прийти к консенсусу относительно того, как следует определять феномен компьютерно-опосредованной коммуникации. Для целей настоящего изыскания мы используем следующее определение: коммуникация, опосредованная компьютерными технологиями, – это процесс интерактивного общения, в котором участвуют собеседники, участвующие в процессах контекстуального формирования медиа для различных целей (более подробно см. [1, с. 15, 17, 23]).

Другими словами, компьютерно-опосредованная коммуникация – это электронный процесс виртуального общения между лицами, который предопределяется желаниями или потребностями этих лиц в текущей ситуации межличностного взаимодействия. Данная дефиниция поддерживается теорией социального формирования технологий, базовый принцип которой заключается в том, что пользователи сети Интернет используют одни и те же СМИ для несходных целей различными способами. Эти СМИ часто по-разному влияют на своих пользователей. Виртуальная среда, в которой реализуется компьютерно-опосредованное общение, во многом изоморфна естественной физической среде. Некоторые проблемы, с которыми собеседники сталкиваются в виртуальной среде, можно сравнить с теми, которые имеют место в физической среде.

подавляющее большинство собеседников используют технологии передачи сообщений – как мгновенных, так и отсроченных

во времени – для укрепления межличностных взаимоотношений, поддерживая открытый канал коммуникации и тем самым давая понять адресату, что эти взаимоотношения играют первостепенную роль в конструктивном развитии социальной интеракции. Некоторые пользователи задействуют эти технологии для инициации взаимоотношений, в то время как другие – для их прекращения.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

В данном исследовании анализируется характер воздействия компьютерно-опосредованного формата коммуникации на процессы поддержания фатического контакта между собеседниками, при этом обсуждаются этические дилеммы и следствия, обеспечиваемые техническими возможностями, предлагаемыми данным форматом. Автор публикации иллюстрирует эти контексты взаимодействия собеседников с опорой на методы экспертизы, анализа теоретической литературы по рассматриваемой проблематике, а также проведение пилотного исследования. Цель исследования: определить, как использование формата компьютерно-опосредованной коммуникации для поддержания межличностных отношений может привести к неэтичному вербальному поведению одного из собеседников.

Проведённое пилотное исследование дало возможность собрать первичную информацию о типах коммуникативного поведения собеседников, связанных с поддержанием в виртуальной среде предварительно установленных межличностных взаимоотношений. Студентам бакалавриата и магистрантам Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, обучающимся по программе «Деловая коммуникация и регулирование конфликтов в проектной деятельности», был предложен анкетный опрос. Средний возраст участников составил 21,09 года при возрастном диапазоне 18–26 лет. Девушки составляли 67 % выборки, в то время как доля лиц мужского пола – 33 %, 53 % выборки были европеоидами, 25 % составляли чёрнокожие, 10,7 % были испаноязычными, 7,1 % – азиатского происхожде-

ния и 4,2 % – студенты и магистранты, приехавшие из иных регионов.

Опрос проводился в течение примерно трёх недель и состоял из 59 вопросов, в основном по семибалльной шкале Лайкерта. Шкала была привязана к ответам, предполагающим крайнюю отрицательную и положительную степень (например, совсем не согласен – очень сильно согласен, и никогда не соглашусь). Оценка 1–3 считалась несогласием с пунктом опроса, в то время как 4 рассматривалась как неопределённость/нейтральность, а 5–7 – как согласие.

Эти вопросы касались таких сфер, как:

- демография участников и история установления и поддержания взаимоотношений в виртуальной среде;

- размышления о личном опыте взаимоотношений в виртуальной среде;

- частота использования тех или иных разновидностей компьютерно-опосредованной коммуникации;

- мысли о том, как компьютерно-опосредованная коммуникация в настоящее время влияет на взаимоотношения и коммуникативное поведение собеседников.

Участникам анкетирования также были заданы вопросы о том, каким образом они используют компьютерно-опосредованную коммуникацию для взаимодействия с адресатами. Они должны были указать свой уровень согласия с каждым пунктом. Хотя в ходе опроса участникам было предложено указать, как они используют электронное общение для взаимодействия с различными адресатами, эти вопросы не были связаны с конкретным регистром компьютерно-опосредованной коммуникации (например, текстовые сообщения, электронная почта, чат и блог). Представляется, что эти различия окажутся продуктивными при проведении последующих исследований.

Описательная статистика проводилась по отдельным элементам анкетного опроса с опорой на метод количественного анализа фактических данных. Полученные статистические данные раскрывают актуальную информацию, иллюстрирующую, как использование компьютерно-опосредованной коммуникации в межличностных взаимоотношени-

ях может привести к негативным результатам. Хотя этот метод анализа данных и не является, собственно, строгим, он достаточен для целей, поставленных в данной публикации. Одним из основных ограничений проводимого пилотного исследования был небольшой объём выборки, что повлияло на выбор метода анализа данных и является причиной, по которой интерпретация данных не носит обобщенный характер. Тем не менее, приведённые ниже статистические данные могут быть задействованы в последующих исследованиях в области этики поддержания межличностных взаимоотношений в компьютерно-опосредованной коммуникации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде чем исследовать способы поддержания межличностных взаимоотношений, важно обсудить, как развиваются эти отношения и как они достигают фазу, когда требуется их поддержание. В настоящее время существует ряд теорий и моделей, касающихся различных стадий, которые переживают межличностные отношения. Хотя эти стадии различаются по количеству и названию, общим является то, что все они имеют три основные фазы: первоначальный фатический контакт, рост и стабильность [1, с. 27, 33, 47, 126]. Некоторые теории делают ещё один шаг вперёд и включают фазы распада и разрывания отношений.

Теория стадии межличностных отношений включает пять стадий: знакомство, наращивание, продолжение, ухудшение и окончание. Стадия знакомства – это первоначальное знакомство с личностью адресата. Некоторые собеседники могут оставаться на этой стадии длительное время. Именно на этой поверхностной стадии происходит формирование впечатлений о собеседнике через экспликацию прямой или косвенной информации о нём. Когда люди переходят от знакомства к заботе друг о друге, они вступают в стадию наращивания. На этом этапе партнёры изучают друг друга и предпринимают попытки узнать больше друг о друге. Именно на этой стадии люди сближаются и становятся взаимозависимыми; они задают вопросы

друг другу, чтобы получить информацию о том, стоит ли продолжать межличностные отношения. Стадия продолжения взаимодействия наступает после того, как принято решение об укреплении отношений. На этом этапе снижается неопределённость в отношениях, которые, в свою очередь, становятся глубокими и стабильными. Эту стадию можно считать пиковой стадией отношений, поскольку на последующих стадиях наблюдается ухудшение и угасание отношений. Завершающая фаза предполагает разрыв или закрытие межличностных отношений [6; 7].

Часто бывает трудно точно определить, когда, почему или как отношения перешли с одной стадии на другую. Однако по мере того, как собеседники продвигаются по одному этапу к другому этапу, они должны предпринимать релевантные шаги, чтобы межличностные взаимоотношения не угасали. Когда мы говорим о поддержании этих взаимоотношений, мы на самом деле обсуждаем то, что собеседники делают, чтобы предотвратить прекращение отношений и поддерживать их в желаемом состоянии.

Конструктивное общение является одной из таких необходимых процедур. Коммуникативные действия, используемые для поддержания межличностных отношений на желаемом уровне, формируют соответствующие стратегии. Процессы поддержания межличностных отношений предполагают как элементарный фатический контакт между собеседниками, так и поддержание определённого уровня вовлечённости в общение, предотвращение и устранение проблем в коммуникативных отношениях.

Формы коммуникативного поведения, которые активируются собеседниками для регулирования межличностных отношений, систематизируются в табл. 1.

В первую очередь, вышеприведённая типология предполагает реализацию собеседниками конструктивного и упреждающего коммуникативного поведения. Деструктивное поведение в целях поддержания гармоничных межличностных отношений оказывается нерелевантным. Однако эта форма поведения имеет место в общении (например, некоторые собеседники стратегически

Таблица 1

Типология коммуникативного поведения, поддерживающего межличностные отношения

Table 1

Typology of communicative behavior that supports interpersonal relationships

Форма коммуникативного поведения	Внешние проявления
1. Асоциальные реакции	Выражение недружеского настроения, принуждение к реализации какого-либо деструктивного действия
2. Уверение в чём-либо	Подтверждение важности взаимоотношений с собеседником, определение перспектив общения
3. Уклонение от общения	Игнорирование попыток собеседника поддержать фатический контакт
4. Реализация юмористического эффекта	Выражение шуток, которые иногда граничат с сарказмом
5. Определение совместных планов	Совместная коммуникативная деятельность
6. Опосредованное общение	Обмен суждениями по обсуждаемой проблематике
7. Открытая позиция по обсуждаемому вопросу	Активация информации о межличностных отношениях, которые помогают собеседникам установить статус взаимоотношений
8. Позитивность	Реализация конструктивного (оптимистического, некритичного) настроения в общении
9. Установление социально значимых связей	Инициация взаимодействий с третьими лицами для упрочения контакта с конкретным собеседником
10. Решение совместно намеченных задач	Готовность бескорыстно помогать собеседнику в выполнении его коммуникативных обязанностей

избегают своего партнёра, если он расстроен чем-либо, чтобы обеспечить период «остывания» перед последующим взаимодействием). Необходимо провести дополнительное исследование, чтобы определить, какие деструктивные формы поведения активируются в межличностном взаимодействии, выявить логику, лежащую в основе их применения.

При рассмотрении проблемы поддержания межличностных отношений в виртуальной среде и связанных с этим регистром общения этических и социальных вопросов целесообразно учитывать ряд факторов. По мнению Б.Н. Мирошникова, определённое значение приобретают:

- гендерная характеристика лиц, вступающих в межличностные взаимоотношения: являются ли собеседники одного пола или же это интеракция между представителями разных полов;
- мультикультурная предопределённость общения;
- возрастная характеристика собеседников: являются ли коммуниканты ровесниками или обнаруживается разница в их возрасте;

- динамика межличностных взаимоотношений между двумя собеседниками;

- коммуникативное пространство, в котором поддерживаются межличностные взаимоотношения: общаются ли собеседники исключительно в виртуальной или физической среде или же у них смешанные медиативные отношения [1, с. 17, 29, 45, 89, 139, 194].

Все эти факторы оказывают влияние на тип и частотность поддерживающего коммуникативного поведения (например, открытость и избегание общения). Кроме того, на разных стадиях развития межличностных взаимоотношений у собеседников различается характер восприятия поддерживающего коммуникативного поведения. Поэтому большое значение приобретает такой фактор, как длительность взаимоотношений.

Некоторые из этических проблем, возникающих в компьютерно-опосредованной коммуникации, включают предательство, манипулирование, обман, избегание, нарушение неприкосновенности частной жизни. Любое коммуникативное действие, причиняющее вред адресату, может рассматриваться как неэтичное.

Таблица 2

Результаты анкетного опроса

Table 2

Results of the questionnaire survey

Содержание опроса	Процент согласия (%)			
	5	6	7	Всего
Я часто использую компьютерно-опосредованную коммуникацию для установления и поддержания фатического контакта с незнакомыми собеседниками.	16,07	16,07	48,21	80,35
Реагирую на сообщения собеседника, я:				
1) обмениваюсь с ним личной информацией;	17,85	19,64	37,50	74,99
2) выражаю эмоциональные реакции на сообщения собеседника.	20,27	25,93	24,07	70,27
Обмен сообщениями в регистре компьютерно-опосредованной коммуникации помогает мне:				
3) преодолеть ограничения, связанные с доступностью собеседника;	21,82	10,91	12,73	45,46
4) быть откровенным с собеседником;	12,73	16,36	16,36	45,45
5) вести диалог на актуальные проблемы повседневности;	16,36	9,09	7,27	32,72
6) обсуждать проблему поддержания фатического контакта с конкретным собеседником;	20,00	5,45	5,45	30,90
7) сообщать собеседнику о том, в каком направлении развиваются межличностные взаимоотношения с ним;	11,11	11,11	7,41	29,63
8) получить представления о психологическом портрете собеседника;	10,91	9,09	9,09	29,09
9) эффективно решать возникающие конфликтные ситуации	10,91	9,09	3,64	23,64

Примерно 80 % участников анкетного опроса указали, что они часто используют компьютерно-опосредованную коммуникацию для установления и поддержания фатических контактов с незнакомыми адресатами. При этом возникающие этические проблемы включают конфиденциальность, манипулирование/обман, избегание, идеализацию, недопонимание и представление фактов в ложном свете. Суммарный статистический подсчёт систематизируется в табл. 2.

Самораскрытие и выражение текущего эмоционально-чувственного состояния являются факторами, способствующими развитию межличностных взаимоотношений в виртуальной среде, поскольку это помогает собеседникам лучше узнать друг друга. Следовательно, эти факторы укрепляют доверие между коммуникантами. Приблизительно 75 % участников анкетированного опроса указали, что они используют компьютерно-опосредованную коммуникацию для обмена личной информацией с собеседником, а

45 % отметили, что этот регистр коммуникации помогает им быть открытыми с адресатом. Приведённые статистические данные, в свою очередь, актуализуют два следующих вопроса:

(1) Как адресат потенциально может использовать личностную информацию, переданную собеседником (в данном случае участником анкетированного опроса)?

(2) Какие этические проблемы обнаруживаются в межличностных взаимоотношениях с незнакомым адресатом?

Одним из преимуществ коммуникационных технологий является возможность фиксировать сообщения в письменной форме. Примерно 30 % участников анкетирования указали, что контекст реализации компьютерно-опосредованной коммуникации помогает им обнародовать суждения относительно характера и перспектив развития межличностных взаимоотношений с конкретным адресатом. Для 70 % участников анкетного опроса подобное положение дел оказывается

проблематичным. Так, могут иметь место намеренные или непреднамеренные нарушения конфиденциальности, которые можно квалифицировать как неэтичные. Известно, почему некоторые собеседники осуществляют ревизию взаимоотношений с адресатом. Чтобы выявить это, необходимо провести дальнейшие более детальные исследования.

Благодаря развитию компьютерных технологий важным преимуществом виртуального общения является возможность для собеседников быть «всегда включёнными» в процесс обмена сообщениями. Приблизительно 45 % участников анкетирования отметили, что регистр компьютерно-опосредованной коммуникации помогает им преодолеть ограничения доступности их адресата. Однако не все коммуниканты желают быть круглосуточно доступными в сети Интернет. Такой фактор, как ожидание собеседника может привести к вторжению в его частную жизнь и пространство со стороны партнёра по взаимодействию, а также к такому коммуникативному поведению, как избегание (проявления неэтичного поведения).

Неопределённость времени ожидания конкретного собеседника в сети Интернет можно рассматривать как весомую причину многих неэтичных поступков (например, 13 % участников анкетирования указали, что осуществляли поиск в Интернете, чтобы найти информацию о собеседнике, своевременно не вышедшем на связь). С намерением быть «всегда на связи» собеседник может беспокоиться, если его адресат своевременно не реагирует на попытку общения, что приводит к потере доверия со стороны этого адресата. Подчеркнём, что не все межличностные взаимоотношения собеседников в виртуальной среде развиваются в позитивном русле. Так, часто наблюдаются эмоционально негативная интеракция, в контексте которой неспособность ответить на попытку общения может привести к более существенным последствиям, нежели потеря доверия.

Виртуальная среда оказывает значительное влияние на то, как протекает межличностное взаимодействие, активируется лично-

стная информация собеседниками. Приблизительно 33 % участников анкетного опроса указали, что они используют регистр компьютерно-опосредованной коммуникации для обсуждения актуальной проблематики повседневности, 31 % – для выявления текущего состояния взаимоотношений с конкретным адресатом, 29 % – для того, чтобы составить представления о психологическом портрете партнера по общению.

Известно, что невербальные сигналы в этом регистре коммуникации выражаются посредством специфических знаков («смайликов»). Отсутствие физического проявления невербального поведения приводит к недопониманию, а иногда и к идеализации как «Я» автора сообщений, так и образа адресата. Собеседник может проявлять повышенную симпатию к «онлайн-Я» адресата, что может быть связано с ложной идентификацией или заблуждениями. Коммуниканты также могут вести диалог по целому ряду серьёзных проблем современности с целью манипулирования ситуацией общения.

Наконец, приблизительно 70 % участников опроса признались, что они используют компьютерно-опосредованную коммуникацию, чтобы сообщить своему адресату, что они расстроены из-за него, и 24 % используют этот тип общения для разрешения конфликтов, возникающих в межличностных отношениях. Статистические данные, фиксирующие возможность разрешения конфликтов с виртуальным адресатом, дают возможность пересмотреть проблему манипуляции и обмана в компьютерно-опосредованной среде. Отсутствие физически выраженных невербальных сигналов означает, что у реагирующего собеседника не всегда есть возможность определить, является ли правдой то, что сообщил партнёр по взаимодействию. Кроме того, некоторые собеседники выражают расстройство или гнев с помощью «смайликов», потому что таким образом легко избавиться от своих негативных мыслей. В компьютерно-опосредованной среде также легко игнорировать ответную реплику и избегать адресата, который вызвал отрицательные эмоции.

ВЫВОДЫ

Проведённое пилотное исследование поднимает ряд вопросов, которые определяют перспективу развития как теоретической концепции Б.Н. Мирошникова о взаимодействии Интернета и общества, так и наших последующих изысканий. Например, актуальным является выявление прагматических причин, по которым собеседники, вступая в компьютерно-опосредованную коммуникацию, в течение длительного времени поддерживают фатический контакт с незнакомым адресатом. Систематизации требует и разворачивание общения с этим адресатом в соответствии с определёнными этапами. Перспективным оказывается и вопрос, почему прекращаются эти межличностные отношения, какой желаемый результат преследуют собеседники, поддерживая общение в виртуальной среде.

Очевидно, что ряд факторов влияет на то, успешно ли поддерживаются межличностные отношения с незнакомым адресатом (например, качество, и статус этих взаимоотношений). Одним из важных аспектов последующих исследований является этическое вербальное поведение собеседников, вовлечённых в виртуальную интеракцию, поскольку это поведение влияет на такие важные характеристики взаимоотношений, как доверие, приверженность к сходной проблематике для дискуссий, эмоциональный контакт. Технологии стали настолько всепроникающими в социум, что в виртуальном пространстве не только объективировались традиционные этические проблемы, но и наметилась новая актуальная проблематика, связанная с морально-нравственным обликом собеседников. Необходимо провести более детальное эмпирическое исследование, чтобы непосредственно верифицировать общественные убеждения относительно влияния компьютерно-опосредованной коммуникации на взаимоотношения собеседников и их этические установки.

В межличностном общении этический фактор лежит в основе определения позитивного и негативного потенциала как содержания интерактивного обмена стимулами и реакциями, так и динамического развития межличностных взаимоотношений. Следовательно, как реляционные функции интерактивного обмена, так и поддержание межличностных взаимоотношений предстают узловыми проблемами для исследователей этики в сфере компьютерно-опосредованной коммуникации, поскольку упрочение фатического контакта связано с тем, какие дискурсивные действия предпринимают собеседники, а функции стимулирующих и реагирующих сообщений – с тем, какое эмоционально-волевое состояние собеседники испытывают в момент общения. Этические проблемы, возникающие в межличностном общении виртуальных собеседников, варьируются в зависимости от стадии развития интеракции. Тем не менее, не решён вопрос о том, как этическое вербальное поведение преобразуется собеседниками по мере развития межличностных взаимоотношений.

Предварительные результаты пилотного исследования предполагают, что последующие эксперименты должны дать более убедительные доказательства того, что использование регистра компьютерно-опосредованной коммуникации может негативно влиять на вербальное поведение собеседников и перспективу развития их межличностных взаимоотношений. Стратегии поддержания этих взаимоотношений потенциально могут привести к определённым просчётам в этическом вербальном поведении собеседников. Формы неэтичного вербального поведения, обсуждённые в данной публикации, включают манипулирование, обман, введение в заблуждение и нарушения неприкосновенности частной жизни. Диапазон этого обсуждения, однако, представляет собой лишь верхушку айсберга, поскольку современные компьютерные технологии продолжают размывать границы между этичными и неэтичными поведенческими реакциями собеседников.

Список источников

1. Мирошников Б.Н. Сетевой фактор. Интернет и общество. М.: Кучково поле, 2015. 283 с.
2. Kovtunenکو I.V., Kudryashov I.A. Rhetorical relations of concession and their pragmatic role in the development of blog texts // *Espacios*. 2019. Т. 40. № 40. Р. 1-8. URL: <https://www.revistaespacios.com/a19v40n40/a19v40n40p06.pdf>
3. Ковтуненко И.В., Былкова С.В., Кудряшов И.А., Корман Е.А. Сценарии унисонного разворачивания текста в русскоязычной блогосфере // *Научный диалог*. 2021. № 2. С. 79-94. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-2-79-94>, <https://elibrary.ru/cyodjf>
4. Kovtunenکو I.V., Kurkimbayeva A.M., Kudryashov I.A., Ukolova L.E., Kushvakha K., Kovaleva O.S. Pragmatic mechanisms for the implementation of stimulus and response in the blogs // *Media Watch*. 2020. № 11 (3). С. 458-474. <https://doi.org/10.15655/mw/2020/v11i3/202932>
5. Асланова А.А. Прагматическая структура реагирующего сообщения и типология форм обратной связи в блоговом тексте // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2022. № 3. С. 169-182. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-3-169-182>, <https://elibrary.ru/khwrle>
6. Шаклеин В.М., Ковтуненко И.В. Унисон как проекция фреймовой архитектоники связности в русскоязычных блоговых текстах // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2021. № 1. С. 160-171. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-160-171>, <https://elibrary.ru/snekmx>
7. Шаклеин В.М., Ковтуненко И.В. Модели риторических отношений в русскоязычных блоговых текстах как показатель информационного поведения собеседников // *Русистика*. 2021. № 19 (2). С. 167-169. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-167-179>

References

1. Miroshnikov B.N. *Setevoi faktor. Internet i obshchestvo* [Network Factor. Internet and Society]. Moscow, Kuchkovo pole, 2015, 283 p. (In Russ.)
2. Kovtunenکو I.V., Kudryashov I.A. Rhetorical relations of concession and their pragmatic role in the development of blog texts. *Espacios*, vol. 40, no. 40, pp. 1-8. URL: <http://www.revistaespacios.com/a19v40n40/a19v40n40p06.pdf>
3. Kovtunenکو I.V., Bylkova S.V., Kudryashov I.A., Korman E.A. Scenarios for unison text unfolding in Russian blogosphere. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2021, no. 2, pp. 79-94. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-2-79-94>, <https://elibrary.ru/cyodjf>
4. Kovtunenکو I.V., Kurkimbayeva A.M., Kudryashov I.A., Ukolova L.E., Kushvakha K., Kovaleva O.S. Pragmatic mechanisms for the implementation of stimulus and response in the blogs. *Media Watch*, 2020, no. 11 (3), pp. 458-474. (In Russ.) <https://doi.org/10.15655/mw/2020/v11i3/202932>
5. Aslanova A.A. The pragmatic structure of the responsive message and the typology of feedback forms in the blog text. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki = Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2022, no. 3, p. 169-182. (In Russ.) <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-3-169-182>, <https://elibrary.ru/khwrle>
6. Shaklein V.M., Kovtunenکو I.V. Unison as a projection of frame architectonics of connectivity in the Russian language blog discourse. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki = Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2021, no. 1, p. 160-171. (In Russ.) <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-160-171>, <https://elibrary.ru/snekmx>
7. Shaklein V.M., Kovtunenکو I.V. Models of rhetorical relations in Russian blogging as an indicator of interlocutors' information behavior. *Rusistika = Russian Languages Studies*, 2021, no. 19 (2), pp. 167-169. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-167-179>

Информация об авторе

Ковтуненко Инна Викторовна, доктор филологических наук, доцент кафедры прикладной конфликтологии и медиации, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-2200-6871>, iv.kovtunenko@yandex.ru

Вклад в статью: концепция исследования, поиск и анализ литературы, проведение анкетного опроса, обработка и редактирование материала, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 03.12.2022
Одобрена после рецензирования 25.01.2023
Принята к публикации 17.02.2023

Information about the author

Inna V. Kovtunenko, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor of Applied Conflictology and Mediation Department, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-2200-6871>, iv.kovtunenko@yandex.ru

Contribution to the article: the concept of research, search and analysis of literature, conducting a questionnaire survey, processing and editing the material, manuscript text drafting.

Received: December 03, 2022
Revised: January 25, 2023
Accepted: February 17, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 8

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-65-77>

Шифр научной специальности 5.9.5

Средства индивидуализации, противоречащие принципам гуманности и морали: парадоксы восприятия, коммерческий потенциал

Анастасия Вячеславовна АКИНИНА

РОО «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам»

129164, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кибальчича, 11, корп. 1

✉ akinina21@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования служат средства индивидуализации предприятий, товаров или услуг (преимущественно товарные знаки), противоречащие принципам гуманности и морали, как феномен: их бытование в коммерческой среде, отношение к ним в законодательстве и обществе, типовая характеристика. Актуальность исследования обусловлена двойственной позицией таких наименований: с одной стороны, характеристика «противоречие общественным интересам, принципам гуманности и морали» служит веским основанием для отказа в государственной регистрации знака, с другой стороны, такие наименования во множестве встречаются не только в коммерческой среде, но и в правовой сфере. Цель исследования – охарактеризовать степень распространённости таких обозначений, а также оценить отношение носителей русского языка к подобным номинациям (эстетическую и коммерческую привлекательность). Основным методом исследования послужил эксперимент (опрос). По результатам эксперимента доказано, что обозначения с ярко выраженным «неприличным» смыслом являются наименее эстетически и коммерчески привлекательными для большинства потенциальных покупателей товара/услуги. Сделан вывод о релятивности норм отечественного законодательства в области регистрации и функционирования средств индивидуализации предприятий, товаров и услуг: ввиду отсутствия чётких критериев «противоречия принципам гуманности и морали» в регистрации может быть отказано безобидным, с точки зрения покупателей, обозначением, а обозначение, в котором большинством носителей языка считается аморальный посыл, государственную регистрацию получает.

Ключевые слова: товарный знак, противоречие принципам гуманности и морали, коммерческая номинация, неприличность, аморальность, эксперимент, опрос, средства индивидуализации, интеллектуальная собственность

Для цитирования: Акинина А.В. Средства индивидуализации, противоречащие принципам гуманности и морали: парадоксы восприятия, коммерческий потенциал // Неофилология. 2023. Т. 9. № 1. С. 65-77. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-65-77>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Means of individualization contrary to the principles of humanity and morality: paradoxes of perception, commercial potential

Anastasiya V. AKININA

RPO “Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes”
11 bldg. 1 Kibalchicha St., Moscow, 129164, Russian Federation
 akinina21@mail.ru

Abstract. The subject of work is trademarks that contradict the principles of humanity and morality as a phenomenon: their existence in the commercial environment, the attitude towards them in legislation and society, a typical characteristic. The relevance of the study is due to the dual position of such names: on the one hand, the characteristic “contradiction to public interests, principles of humanity and morality” serves as a good reason for refusing state registration of a mark, on the other hand, such names are found in many not only in the commercial environment, but also in the legal field. The purpose of the study is to characterize the degree of prevalence of such designations, as well as to assess the attitude of native speakers of the Russian language to such nominations (aesthetic and commercial attractiveness). The main research method is an experiment (survey). According to the results of experiment, it is proved that designations with a pronounced “indecent” meaning are the least aesthetically and commercially attractive for the majority of potential buyers of goods/services. The conclusion is made about the relativity of the norms of domestic legislation in the field of registration and functioning of means of individualization of enterprises, goods and services: due to the lack of clear criteria for “contradiction to the principles of humanity and morality”, registration may be denied to designations harmless from the point of view of buyers, and the designation in which the majority of native speakers reads an immoral message receives state registration.

Keywords: trademark, contradiction to the principles of humanity and morality, commercial nomination, indecency, immorality, experiment, survey, means of individualization, intellectual property

For citation: Akinina, A.V. Means of individualization contrary to the principles of humanity and morality: paradoxes of perception, commercial potential. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(1):65-77. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-65-77>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Положительный образ как цель коммерческой номинации. Разбирая различия между рекламным текстом и коммерческим названием, М.Е. Новичихина пишет: «Если рекламный текст существует для продвижения товара или услуги к потребителю, «чтобы сбыть товар, чтобы процветала фирма, чтобы найти хорошего партнера, чтобы хорошо заработать», «вызвать желание купить и превратить это желание в необходимость»,

то коммерческое название ставит целью сформировать положительный образ в сознании индивида» [1, с. 47].

Но так ли это? Вернее, всегда ли целью коммерческой номинации служит именно *положительный образ*?

Согласно статье 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации, одним из веских оснований для отказа в регистрации товарного знака (знака обслуживания) является следующее:

«3. Не допускается государственная регистрация в качестве товарных знаков обозначений, представляющих собой или содержащих элементы:

1) являющиеся ложными или способными ввести в заблуждение потребителя относительно товара либо его изготовителя;

2) противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали»¹.

Аналогично в соответствии с подпунктом 5) пункта 4 статьи 1473 ГК РФ запрещается включать в фирменные наименования «обозначения, противоречащие общественным интересам, а также принципам гуманности и морали»².

Однако практика показывает, что фактически в деловой среде имеют обращение обозначения (товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования), которые являются спорными применительно к правилу соответствия принципам морали. Кроме того, в деловой среде известны и включены в оборот в качестве работающих наименований целые классы неймов, которые вообще не подлежат государственной регистрации (например, коммерческие обозначения и доменные имена). То есть не соответствующее нормам морали наименование может функционировать на рынке (в том числе размещаться в местах неограниченного доступа – в интернет-среде, на вывесках в крупных городах и пр.) и иметь определённую популярность при отсутствии какой-либо государственной и общественной регуляции таких словесных и изобразительных элементов.

В отдельных же случаях вопреки максимум российского законодательства обозначения, которые условно можно назвать «неприличными» (в терминах права – «противоречащими общественным интересам, принципам гуманности и морали»), всё же тем или иным образом получают государственную регистрацию. Например, обозначение

«Ёбидоёби», которое неоднократно получало отказ от Роспатента в регистрации, но в 2020 г. всё же было зарегистрировано по Мадридской системе по классам 39, 40 и 43 МКТУ (приготовление и доставка продуктов питания) и в настоящее время имеет свободное обращение на территории России (рис. 1).

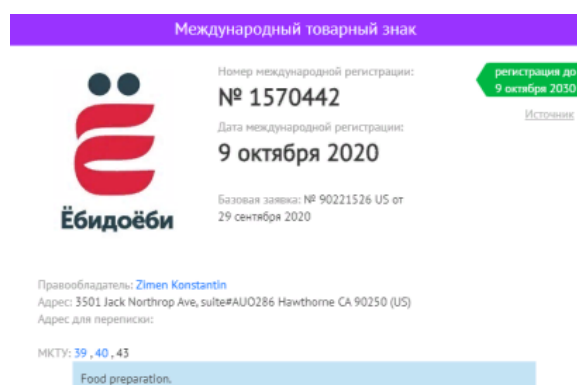

Рис. 1. «Ёбидоёби». Изображение взято с сервиса поиска по базам товарных знаков «Линкмарк»³

Fig. 1. “Ebidoyebi”. The image is taken from the “Linkmark” trademark database search service

Рис. 2. «Pizduk». Изображение взято с сервиса поиска по базам товарных знаков «Линкмарк»

Fig. 2. “Pizduk”. The image is taken from the “Linkmark” trademark database search service

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Статья 1483. Основания для отказа в государственной регистрации товарного знака. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Статья 1473. Фирменное наименование. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Здесь и далее: <https://linkmark.ru/>

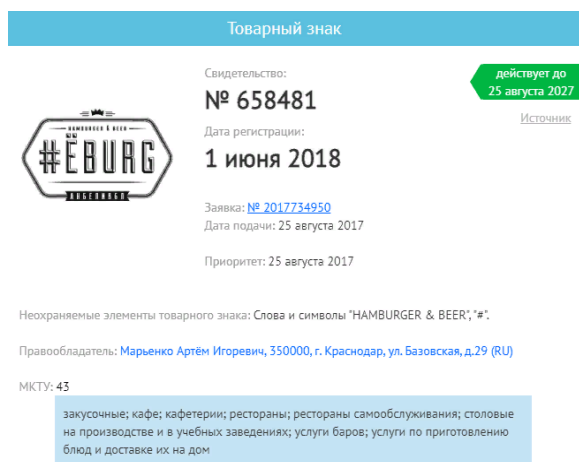

Рис. 3. «ЁBURG». Изображение взято с сервиса поиска по базам товарных знаков «Линкмарк»
Fig. 3. “ЁBURG”. The image is taken from the “Linkmark” trademark database search service

Аналогично весьма неоднозначное обозначение “*pizduk*” благодаря фантазийному шрифтовому начертанию в 2020 г. было зарегистрировано в качестве изобразительного товарного знака по 34 и 35 классам МКТУ (товары для табакокурения) (рис. 2). Однако впоследствии регистрация указанного товарного знака была отменена и в настоящее время не действует.

Ещё один показательный пример – регистрация в качестве товарного знака обозначения, содержащего литеры разных алфавитов – кириллического и латинского. Благодаря указанному смещению литер достигается наложение смыслов и возникновение неприличного для носителя русского языка контекста. Речь о товарном знаке “*ЁBURG*”, в 2017 г. зарегистрированном на краснодарского предпринимателя по 43-му классу МКТУ (закусочные, кафе, рестораны) (рис. 3).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Эксперимент по определению эстетической и коммерческой привлекательности обозначений, противоречащих принципам морали и нравственности. Объектом нашего исследования стали эти и другие элементы коммерческой номинации, подпа-

дающие или могущие подпадать под понятие «противоречия общественным интересам, принципам гуманности и морали». Поскольку понятия непристойности, неприличности, противоречия общественным интересам, противоречия морали (аморальность) не предполагают положительных коннотаций, мы задались вопросом, имеет ли эта группа наименований ожидаемый от элемента коммерческой номинации коммерческий эффект. Для ответа на указанный вопрос был проведён эксперимент с использованием предложенного известным исследователем М.Е. Новичихиной метода выявления субъективных предпочтений наименования и метода определения эстетической привлекательности наименования [2].

Эксперимент представлял собой опрос, для которого нами было отобрано 30 номинаций, с юридической точки зрения относящихся к товарным знакам (зарегистрированным либо имевшим заявки на регистрацию в Роспатенте), фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям. Кроме того, в одном случае было отобрано одно доменное имя (*porcatoika.ru*), поскольку в российском правовом пространстве в последнее время возобладала точка зрения о том, что доменные имена следует относить к средствам индивидуализации [3; 4 и др.]. Наименования отбирались из общедоступных источников (в интернет-среде) без привязки к конкретному региону России. Однако главным условием их отбора была регистрация российским правообладателем на русском языке или с использованием русскоязычных корнесловов. Благодаря этому принципу исключался отбор наименований, явно не имевших для номинатора внутренней формы, в силу чего «неприличный» смысл для русскоговорящего реципиента был бы случайным.

В экспериментальную группу из 30 наименований были включены:

1. «**Ёбидоёби**». Данный товарный знак официально признан судом⁴ неприличным в октябре 2021 г., однако знак имеет обраще-

⁴ Решение Арбитражного суда Волгоградской области (АС Волгоградской области) от 21.03.2022 по делу № А12-35564/2021. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/i2N01hDdd2Wb/> (дата обращения: 27.05.2022).

ние на территории России ввиду Мадридской регистрации.

2. «**Йошкин кот**». Обозначение зарегистрировано на правообладателя из Республики Марий Эл в качестве товарного знака 28 марта 2022 г. по нескольким классам МКТУ (в том числе для хозяйственных товаров, игрушек, продуктов питания). Однако зарегистрировать его удалось только после обращения правообладателя в Суд по интеллектуальным правам⁵, поскольку Роспатент неоднократно отказывал в регистрации знака, ссылаясь на его семантическое сходство с эвфемизмом «Ёшкин кот».

3. «**Точно даст**» – название цветочного салона в Москве (рис. 4).

4. «**Горижопа**». Данный товарный знак не был зарегистрирован (в регистрации отказано), но о подаче заявки на него в Роспатент уральским предпринимателем Маликом Гайсиным сообщалось в прессе в 2019 г.⁶ В итоге М. Гайсину удалось зарегистрировать латинизированный вариант «**Gorighopa**» для косметических продуктов и пищевых добавок.

5. «**Опа поа**» – Комбинированное обозначение из заявки № 2012719592, примечательно фрагментом своего описания: «...изобразительный элемент, выполнен в виде грушевидной фигуры зелёного с оттенками цвета, символизирующего нижнюю заднюю часть женского тела...»⁷

6. «**Ядрёна Матрёна**» – два одноимённых товарных знака зарегистрированы для безалкогольных напитков (классы 32, 35

⁵ Решение Суда по интеллектуальным правам от 15.02.2022 по делу № СИП-1093/2021. Суд признал недействительным решение Роспатента, принятое по результатам рассмотрения возражения на решение об отказе в государственной регистрации товарного знака, и обязал ответчика предоставить правовую охрану обозначению, поскольку из решения административного органа не усматривается какое-либо обоснование вывода о том, что регистрация данного обозначения в качестве товарного знака может создать препятствия для добросовестной деятельности других хозяйствующих субъектов. URL: <http://ipcmagazine.ru/news/6201-news4754> (дата обращения: 27.05.2022).

⁶ Компания Малика Гайсина регистрирует товарный знак «Горижопа». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4088877> (дата обращения: 31.05.2022).

⁷ URL: <https://www.fips.ru/Image/RUTMAP/Images/new2012/700000/710000/719000/2012719592.gif> (дата обращения: 31.05.2022).

МКТУ) и мясных полуфабрикатов (классы 29, 30 МКТУ).

7. «**Ядрён бидон**». В настоящее время государственная охрана товарного знака не действует (истёк срок регистрации); в 2009 г. знак был зарегистрирован для упаковки как товара (классы 6, 16, 32, 35, 40 МКТУ).

8. «**Япона Матрёна**». Знак зарегистрирован в 2011 г. по классам 41, 43 МКТУ (кафе и клубы, развлечения, шоу-программы).

9. «**Ожуеть**»: коммерческое обозначения для заведения общественного питания (кафе) в г. Ялта, Республика Крым (рис. 5). В настоящее время заведение действует, зарегистрировано в сервисе Яндекс.Карты.

Рис. 4. «Точно даст». Изображение взято со страницы организации в социальной сети «ВКонтакте»⁸

Fig. 4. “Tochno dast”. The image is taken from the page of the organization in the social network “VKontakte”

Рис. 5. «Ожуеть». Изображение взято с сервиса «Яндекс.Карты»⁹

Fig. 5. “Ozhuyet”. Image taken from the “Yandex.Maps” service

⁸ URL: <https://vk.com/tochnodastru> (дата обращения: 27.05.2022).

⁹ URL: <https://yandex.ru/maps/org/ozhuyet/18858476825/?ll=34.154290%2C44.491421&z=13> (дата обращения: 28.05.2022).

Рис. 6. “MR BIZDYK BIZDUK PIZDYK PIZDUK”. Изображение взято с сервиса поиска по базам товарных знаков «Линкмарк»

Fig. 6. “MR BIZDYK BIZDUK PIZDYK PIZDUK”. The image is taken from the “Linkmark” trademark database search service

Рис. 7. “popkamoika.ru”. Изображение взято с сервиса поиска по базам товарных знаков «Линкмарк»

Fig. 7. “popkamoika.ru”. The image is taken from the “Linkmark” trademark database search service

10. **Кузькина мать.** Товарный знак подавался на регистрацию по заявке № 2004703031 от 17 февраля 2004 г. Палата по патентным спорам отказала в регистрации, решением Арбитражного суда г. Москва от 10 мая 2006 г. по делу № А40-3949/06-83-37 отказ в регистрации признан законным со следующей формулировкой: «...выражение является просторечно-вульгарным, которое нельзя отнести к общеупотребляемым и считать нормой русского языка для повседневного использования, соответственно, судьба этого выражения, являющегося вульгарным, не может быть материализована в качестве товарного знака, охраняемого государством, что противоречило бы принципам морали»¹⁰.

¹⁰ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 10.05.2006 по делу № А40-3949/06-83-37. URL: <https://sudrf.cntd.ru/rospra-vo/document/813390974> (дата обращения: 28.05.2022).

11. **SuperPopa.** Знак обслуживания зарегистрирован 22 апреля 2019 г. по 41-му классу МКТУ (фитнес-услуги) на правообладателя из г. Москва.

12. «**СУЧКИ**». Товарный знак зарегистрирован в 2019 г. на правообладателя из г. Москва по классам 32, 33 МКТУ для алкогольных напитков¹¹. Начертание зарегистрировано с выраженным ударением на последний слог.

13. “**pizduk**”. Благодаря оригинальной графической манере неоднозначный товарный знак был зарегистрирован в России в октябре 2020 г. по классам 34, 35 МКТУ (товары для табакокурения) в качестве изобразительного знака, но в июне 2021 г. регистрация была отменена.

14. “**Ohueno**”. Коммерческое обозначение для интернет-магазина молодежной одежды¹². В настоящее время интернет-магазин активно работает, нанося указанное обозначение на собственную продукцию. При этом одноименный товарный знак не зарегистрирован в России.

15. «**ЙУХ**». Коммерческое обозначение для заведения общественного питания (кафе-бар) в г. Москва. Кафе располагается рядом с образовательной организацией, и после жалоб родителей организаторы добавили к вывеске расшифровку: «Йорик убил Хамлета»¹³.

16. «**Ты уху ел?**». Коммерческое обозначение для закусочной. В российской практике имеется прецедент, когда собственников кафе «Казачок» в г. Ставрополь оштрафовали за сходный по звучанию слоган «Вы уху ели?» на основании его неэтичности¹⁴.

17. “**MR BIZDYK BIZDUK PIZDYK PIZDUK**”. Изобразительный товарный знак зарегистрирован в январе 2020 г. для детских

¹¹ Лааксо П. Почему Роспатент может не одобрить товарный знак «Сучки», но регистрирует «Тупого жирного зайца». URL: <https://vc.ru/legal/330949-pochemu-rospatent-mozhet-ne-odobrit-tovarnyy-znak-suchki-no-zaregistriruet-tupogo-zhirnogo-zayca> (дата обращения: 27.05.2022).

¹² Российский бренд “Ohueno”. URL: <https://ohueno.shop/> (дата обращения: 02.05.2022).

¹³ Цивина Д. Постмодернизм во всей красе. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4613671> (дата обращения: 27.05.2022).

¹⁴ Ставрополь: рекламный слоган «Вы уху ели?» запретили. URL: <https://re-port.ru/news/27804/> (дата обращения: 02.05.2022).

товаров и развлекательных программ, игровых автоматов и игровых комнат (3, 9, 12, 20, 25, 28, 35 классы МКТУ) на правообладателя из Калужской области (рис. 6).

18. **“porkamoiка.ru”**. Товарный знак зарегистрирован в мае 2018 г. для сантехнических товаров по 11-му классу МКТУ на правообладателя из г. Москва (рис. 7).

19. **“PUK”**. Товарный знак зарегистрирован в марте 2018 г. для электротоваров (9 класс МКТУ), правообладатель – компания «ПИК-ЭНЕРГО» из Московской области.

20. **“shmarket”**. Знак обслуживания зарегистрирован в мае 2020 г. для финансовых услуг по 36, 41, 42 классам МКТУ на правообладателя из г. Москва.

21. **«ГЕЙ»**. Товарный знак зарегистрирован в 2008 г. для печатных периодических изданий по классам 16, 35, 38, 41, 45 (правообладатель – Благотворительный фонд «Промсветильский центр Я+Я»), регистрация действует до 2027 г.

22. **“ЁBURG Анбеливбл”**. Знак обслуживания зарегистрирован в 2018 г. по 43 классу МКТУ для сети кафе на правообладателя из г. Краснодар.

23. **“EBAN”**. Товарный знак зарегистрирован в марте 2022 г. по 16, 18 и 25 классам МКТУ для упаковочных материалов на правообладателя из г. Иваново (рис. 8).

24. **«Ё-БАРЬ настоящий мужской бар»**. Коммерческое обозначение для организации общественного питания (кафе) в г. Новосибирск.

25. **«МИНЕТИН»**. Товарный знак зарегистрирован в декабре 2018 г. по 8 классу МКТУ для декоративной косметики и средств по уходу за волосами на правообладателя из Алтайского края.

26. **«СЕКС»** (с фантазийным написанием, рис. 9). Товарный знак зарегистрирован в 2012 г. (регистрация действует до ноября 2022 г.) для презервативов, белья, игрушек («безделушки для вечеринок») и сборных моделей, телевидения, агентства для презентации услуг, обучения, в том числе гимнастике (10, 25, 28, 35, 38, 41 классы МКТУ).

27. **«СЕКСПозиция Резцов»**. Знак обслуживания зарегистрирован в 2018 г. по 44 классу МКТУ для стоматологических услуг,

правообладатель – ООО «Ортолайт», г. Москва.

28. **«Сексуалити»**. Знак обслуживания зарегистрирован в мае 2022 г. для по 41, 44 классу МКТУ для услуг психологов на правообладателя из г. Ростов-на-Дону.

Товарный знак

Свидетельство: № 858297

Дата регистрации: 17 марта 2022

Заявка: № 2021767896
Дата подачи: 18 октября 2021
Приоритет: 18 октября 2021

Правообладатель: Общество с ограниченной ответственностью «СВИТ КЭТ ШОП», 153003, Ивановская область, г. Иваново, ул. Наговицкой-Икрянистовой, 6, стр. 3, офис 408 (RU)

МКТУ: 16, 18, 25

бумага, картон и изделия из них; печатная продукция; материалы для переплетных работ; фотоснимки; писчебумажные товары, офисные принадлежности за исключением мебели; клейкие вещества для канцелярских и бытовых целей; принадлежности для художников и материалы для рисования; кисти; учебные материалы и наглядные пособия; листы, пленка и мешки пластмассовые для упаковки и пакетирования; шрифты, клише типографские; авторучки; акварели [краски]; альбомы; альманахи; аппараты для ламинирования документов офисные; аппараты множительные; атласы; афиши, плакаты; банкноты; баннеры бумажные; банты бумажные, за исключением галантерейных изделий или украшений для волос; бейджи именные [офисные принадлежности]; белье столовое бумажное; билеты; бирки багажные из бумаги; бланки; бланки уведомлений [канцелярские товары]; блески для канцелярских целей; блокноты; блокноты для рисования, черчения; блокноты [канцелярские товары]; браслеты для удерживания письменных принадлежностей; брошюры; буклеты; бумага в листах [канцелярские

Рис. 8. “EBAN”. Изображение взято с сервиса поиска по базам товарных знаков «Линкмарк»

Fig. 8. “EBAN”. The image is taken from the “Linkmark” trademark database search service

Товарный знак

Свидетельство: № 512089

Дата регистрации: 28 апреля 2014

Заявка: № 2012737927
Дата подачи: 1 ноября 2012
Приоритет: 1 ноября 2012

Правообладатель: Общество с ограниченной ответственностью Центр эффективных технологий и информационных систем “ЦЭТИС”, 125476, Москва, ул. Василия Петушкова, 3, стр. 1 (RU)

МКТУ: 10, 25, 28, 35, 38, 41

безделушки для вечеринок [знаки внимания]; игрушки; игрушки мягкие; игрушки плюшевые; игрушки с подвижными частями; мобайлы [игрушки]; игрушки с сюрпризом [розыгрыши]; модели масштабные сборные [игрушки]; перчатки для игр; шарки для игр; игрушки для развлечения; маски карнавальные; маски театральные

Рис. 9. «СЕКС». Изображение взято с сервиса поиска по базам товарных знаков «Линкмарк»

Fig. 9. “SEKS”. The image is taken from the “Linkmark” trademark database search service

29. «**Фекальник**». Товарный знак зарегистрирован в 2014 г. по 7 классу МКТУ (насосы, клапаны, детали для машин) на правообладателя из г. Москва.

30. «**ЧикиПуки ChikiPuki**». Товарный знак был зарегистрирован на правообладателя из г. Томск в 2012 г. по 28, 30, 41 классам МКТУ для товаров для игр, в том числе игрушек для животных. В настоящее время охрана знака прекращена.

31. «**Полный абзац**». Фирменное наименование – название СМИ, правообладатель – ООО «Медиа-группа «Полный абзац», Омск, деятельность прекращена с 28 мая 2018 г. Согласно словарю «Русское сквернословие» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина, слово «абзац» служит эвфимистической заменой нецензурного «п...дец»¹⁵, и потому указанное обозначение было включено в экспериментальную подборку.

Необходимо отметить, что участникам опроса не сообщались вышеуказанные детали относительно регистрации или бытования обозначений, сообщалась лишь область их действия (для каких товаров или услуг зарегистрированы или применяются).

Опрос проводился в сети Интернет в открытом доступе с 16 августа по 30 сентября 2022 г. Несколько раз об опросе сообщалось на официальном сайте Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. В совокупности опрос прошли 1897 респондентов. Участие было добровольным. Опрос проводился посредством сервиса «Google-формы», обработка и подсчёт голосов, а также итоговые графики генерировались автоматически.

78,8 % (1495 человек) от числа опрошенных составили женщины, 21,2 % (402 человека) – мужчины. Опрос проводился только для респондентов старше 18 лет. По возрастным группам участники распределились следующим образом: 18–25 лет – 2,0 % участников (38 человек), 26–35 лет – 13,4 % (254 человека), 36–45 лет – 29,1 % (552 человека), 46–55 лет – 33,5 % (635 человек), 56–65 лет –

17 % (322 человека), старше 65 лет – 5,0 % (96 человек).

На опрос было вынесено 4 вопроса – о поле и возрасте респондентов, а также вопросы, позволяющие проверить эстетическую привлекательность наименования и его коммерческую эффективность. Так, респондентам предлагалось ответить, какие из указанных обозначений (в соответствии с приведённым выше списком из 31-го наименования) являются для них привлекательными или нейтральными по эмоциональной окраске и какими товарами/услугами они готовы пользоваться, если исходить только из названия данного товара или услуги.

Ответы распределились следующим образом.

На вопрос о том, какие из приведённых обозначений кажутся привлекательными или нейтральными по окраске, получены следующие ответы (можно было дать одновременно несколько ответов):

1. «Ёбидоёби» – 163 (8,6 %).
2. «Йошкин кот» – 1509 (79,5 %).
3. «Точно даст» – 146 (7,7 %).
4. «Горижопа» – 97 (5,1 %).
5. «Опа попа» – 277 (14,6 %).
6. «Ядрёна Матрёна» – 874 (46,1 %).
7. «Ядрён бидон» – 480 (25,3 %).
8. «Япона Матрёна» – 433 (22,8 %).
9. Ожуеть – 122 (6,4 %).
10. Кузькина мать – 1261 (66,5 %).
11. SuperPora – 100 (5,3 %).
12. «СУЧКИ» – 204 (10,8 %).
13. “pizduk” – 161 (8,5 %).
14. “Ohueno” – 164 (8,6 %).
15. «ЙУХ» – 191 (10,1 %).
16. «Ты уху ел?» – 278 (14,7 %).
17. “MR BIZDYK BIZDUK PIZDYK PIZDUK” – 60 (3,2 %).
18. “popkamoika.ru” – 54 (2,8 %).
19. “PUK” – 160 (8,4 %).
20. “shmarket” – 208 (11 %).
21. «ГЕЙ» – 400 (21,1 %).
22. «ЁBURG Анбеливбл” – 170 (9 %).
23. “EBAN” – 45 (2,4 %).
24. «Ё-БАРЪ настоящий мужской бар» – 77 (4,1 %).
25. «МИНЕТИН» – 44 (2,3 %).

¹⁵ Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. С. 26. URL: <https://djvu.online/file/F1Hk2o1ET2VVI>

26. «СЕКС» (с фантазийным написани-ем) – 742 (39,1 %).

27. «СЕКСПозиция Резцов» – 85 (4,5 %).

28. «Сексуалити» – 287 (15,1 %).

29. «Фекальник» – 24 (1,3 %).

30. «ЧикиПуки ChikiPuki» – 438 (23,1 %).

31. «Полный абзац» – 994 (52,4 %).

32. Ни один вариант не привлекает – 193 (10,2 %).

33. Все приведённые слова одинаково привлекательны и/или ощущаются как нейтральные – 9 (0,5 %).

Таким образом, на основании метода выявления субъективных предпочтений наиболее удачными (вызывающими положительные эмоции либо нейтральными) можно считать наименования «Йошкин кот», «Кузькина мать», «Полный абзац» и «Ядрёна Матрёна». Наименее привлекательными оказались обозначения “Gorighopa”, “MR BIZDYK BIZDUK PIZDYK PIZDUK”, “popkamoika.ru”, «Ё-БАРЪ», «СЕКСПозиция Резцов», «ЕВАН», «МИНЕТИН» и «Фекальник».

На вопрос о том, какими товарами/услугами респонденты готовы пользоваться, если судить только по приведённым названиям (при этом было указано, для какой группы товаров/какой услуги предназначены обозначения), были получены следующие ответы:

1. «Ёбидоёби» – ресторан японской кухни – 275 (14,5 %).

2. «Йошкин кот» – хозтовары, игрушки, пищевые продукты и напитки (в том числе спиртные) – 1037 (54,7 %).

3. «Точно даст» – название цветочного салона – 91 (4,8 %).

4. «Горижопа» – лечебная косметика, декоративная косметика, пищевые добавки – 49 (2,6 %).

5. “Gorighopa” – лечебная косметика, декоративная косметика, пищевые добавки – 43 (2,3 %).

6. «Опа попа» – фитнес-услуги – 203 (10,7 %).

7. «Ядрёна Матрёна» – квас и мясные полуфабрикаты – 751 (39,6 %).

8. «Ядрён бидон» – упаковка (упаковочные материалы как товар) – 354 (18,7 %).

9. «Япона Матрёна» – кафе и клубы, развлечения, шоу-программы – 349 (18,4 %).

10. «Ожуеть» – кафе – 108 (5,7 %).

11. «Кузькина мать» – продукты питания – 581 (30,6 %).

12. “SuperPopa” – фитнес-услуги – 164 (8,6 %).

13. «СУЧКИ» – марка пива – 80 (4,2 %).

14. “pizduk” – товары для табакокурения – 51 (2,7 %).

15. “Ohueno” – магазин молодёжной одежды (российский бренд) – 115 (6,1 %).

16. «ЙУХ» – кафе – 170 (9 %).

17. «Ты уху ел?» – закусочная – 312 (16,4 %).

18. “MR BIZDYK BIZDUK PIZDYK PIZDUK” – детские игрушки, игровые автоматы и игровые комнаты – 36 (1,9 %).

19. “popkamoika.ru” – сантехника – 108 (5,7 %).

20. “PUK” – розетки, электротовары, солнечные батареи – 208 (11 %).

21. “shmarket” – финансовые услуги – 112 (5,9 %).

22. «ГЕЙ» – печатное издание – 123 (6,5 %).

23. «ЁBURG Анбеливбл» – сеть кафе – 172 (9,1 %).

24. “ЕВАН” – бумага, картон, упаковочные материалы – 75 (4 %).

25. «Ё-БАРЪ настоящий мужской бар» – кафе-бар – 93 (4,9 %).

26. «МИНЕТИН» – декоративная косметика и средства по уходу за волосами – 46 (2,4 %).

27. «СЕКС» (с фантазийным написани-ем) – презервативы, бельё, игрушки («безделушки для вечеринок») и сборные модели, телевидение, агентства для презентации услуг, обучение, в том числе гимнастике – 316 (16,7 %).

28. «СЕКСПозиция Резцов» – стоматологические услуги – 48 (2,5 %).

29. «Сексуалити» – услуги психологов – 115 (6,1 %).

30. «Фекальник» – насосы, клапаны, детали для машин – 61 (3,2 %).

31. «ЧикиПуки ChikiPuki» – игрушки, в том числе для животных – 274 (14,4 %).

32. «Полный абзац» – название СМИ – 679 (35,8 %).

33. Судя по названию, ни одним товаром (услугой) пользоваться не буду – 482 (25,4 %).

34. Судя по названию, мог(ла) бы воспользоваться любым товаром/услугой (или уже пользуюсь) – 75 (4 %).

Результаты эксперимента во многом примечательны и показательны. Так, известно, что знаки «Йошкин кот» и «Кузькина мать» были объектами официальных претензий со стороны Роспатента и знаку «Кузькина мать» было официально отказано в регистрации. Между тем знаки “Gorighopa”, “MR BIZDYK BIZDUK PIZDYK PIZDUK”, “porkamoiika.ru”, «СЕКСПозиция Резцов», “ЕВАН”, «МИНЕТИН» и «Фекальник» официально зарегистрированы и в настоящее время действуют на территории России. Соответственно, реальная эстетическая привлекательность знака для потребителей в настоящее время мало связана с законодательными требованиями относительно его регистрации и последующего функционирования. Кроме того, результаты эксперимента весьма наглядно демонстрируют, что в российской правовой практике «существует целый ряд моментов, провоцирующих субъективность в процессе» [2, с. 134] экспертной оценки обозначений со смысловым потенциалом «неприличности», несмотря на то, что в официальных пособиях Роспатента для экспертов¹⁶ вроде бы имеются рекомендации по отсеву таких обозначений.

В соответствии с результатами оценки реальной или потенциальной коммерческой эффективности неоднозначных наименова-

ний выявлено, что наиболее привлекательными с этой точки зрения для потенциальных потребителей тоже являются обозначения «Йошкин кот», «Ядрёна Матрёна», «Полный абзац» и «Кузькина мать». Относительно привлекательными – «Ты уху ел?», «Ядрён бидон», «Япона Матрёна», «Ёбидоёби», «СЕКС» и «ЧикиПуки ChikiPuki». Наименее коммерчески привлекательны (менее 5 % ответов) обозначения «Горижопа», “Gorighopa”, “pizduk”, “MR BIZDYK BIZDUK PIZDYK PIZDUK”, “ЕВАН”, «МИНЕТИН» и «Фекальник». Важно, что ещё 25,4 % респондентов отметили, что ни одно из названий не привлекает их настолько, чтобы пользоваться товаром или услугой. Соответственно, четверть потенциальных покупателей из фокусной группы оценили коммерческий потенциал всех приведённых обозначений как крайне низкий.

Тем не менее, как отмечалось выше, несмотря на очевидное отсутствие коммерческой привлекательности у ряда знаков и наименований, многие из них получили государственную охрану и возможность свободного обращения на территории страны (в том числе на вывесках, в рекламных материалах разного типа и пр.). Поскольку речь идёт о коммерческой номинации, следует считать, что фиксация этих наименований (кроме исключённых и отклонённых) в официальных реестрах указывает на то, что с их помощью правообладатели ведут успешную коммерческую деятельность и, следовательно, имеют реальных потребителей.

Соответственно, анализ массива номинаций с признаками неприличности показывает, что негласное требование положительного воздействия коммерческой номинации на потребителя для усиления коммерческого эффекта от обозначения не работает с этой категорией наименований. Необходимо принять слишком много условий во внимание, чтобы назвать формируемый с помощью неприличного наименования образ положительным. «Положительным» для какой категории реципиентов? Даже лица, лояльно относящиеся к сквернословью, осознают его маргинальность в коммуникативном пространстве, распознают наличие сем ‘неприличность’, ‘не-

¹⁶ Руководство по экспертизе товарных знаков в Федеральной службе по интеллектуальной собственности. М.: ФИПС, 2016. 341 с. URL: https://rospatent.gov.ru/activities/inter/bicoop/modern/project/Ruk_tz_ropatent.pdf; Руководство по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов. М.: ФИПС, 2020. 297 с. URL: <https://sudact.ru/law/prikazfgbu-fips-ot-20012020-n-12/ru-kovodstvo-po-osushchestvleniiu-administrativnykh-protse-dur/>

цензурность', 'непристойность' и соответствующих смыслов, которые не дают однозначно маркировать формируемые с помощью подобных наименований образы как положительные с точки зрения принятых в обществе норм общения в стандартных ситуациях.

О реальных причинах привлекательности «неприличных» обозначений. Обращаясь к исследованиям причин распространения сквернословия в современной русскоговорящей среде, исследователи [5–8 и др.] отмечают, что таковыми причинами являются: «издержки воспитания (отсутствие представлений о необходимости речевого этикета и формирования у себя речевой культуры) и недостаточный уровень культуры и образования», а также привычка («Молодые люди не видят границы между положительным и отрицательным, не контролируют свое поведение, речь»). Кроме того, значимую роль в употреблении сквернословия играет «демонстрацией экспрессии, где люди нарушают табу, активно используя мат, но сознательно понимая его запретность. <...> Сами участники исследования утверждают, что в нецензурщине заложена возможность эмоциональной душевной разрядки, т. е. у людей присутствует потребность “выплеснуть положительные эмоции”» [6, с. 52]. Помимо указанных причин, распространению сквернословия в повседневной речи способствует влияние непосредственного социального окружения и желание выразить «несогласие, осуждение, внутреннюю слабость и неуверенность в себе, неуравновешенность, инфантильность, которые скрывает молодой человек, изопрённо бранясь» [6, с. 52].

В случае с коммерческой номинацией, которая является частью и/или результатом продуманной и часто дорогостоящей стратегии продвижения определённого товара или бренда на рынке, невозможно говорить о «влиянии привычки» или «издержках воспитания» при введении «неприличных» слов в коммуникацию. В условиях деловой коммуникации и коммерческих рисков такое введение смыслов может быть только осознанным и целенаправленным. Соответственно, можно предположить, что, распознавая и осознавая «неприличные» смыслы, и номи-

наторы (авторы и собственники провокационных номинаций), и реципиенты получают определённое удовольствие от нарушения границ дозволенного, игры не по правилам, слома шаблона и традиции в деловой коммуникации, к которой принадлежит коммерческая номинация.

Иными словами, «неприличная» номинация в коммерческой сфере является целенаправленным инструментом демонстрации экспрессии (проявление себя через нарушение табу), ожидаемыми последствиями которой для владельцев наименования должны послужить привлечение «своего» круга потребителей (не просто ценящих товар за качество, но поддерживающих жизненную стратегию бунтарства и непохожести) и жёсткая отстройка от конкурентов за счёт намеренной эпатажности (И.А. Стернин метко называет эту функцию сквернословия «средством подавления собеседника, агрессивным средством нападения» [7, с. 11]). Говорить именно о построении положительного (в общепринятом) образа в сознании потребителей как о цели «неприличной» коммерческой номинации не приходится. Выстраиваемый образ скорее носит характер запретного удовольствия от возможности сломать традицию и ощутить себя бунтарём, а также от причастности к узкому кругу «своих» – определённой социальной группе тех, кто ценит «неприличные» и подобную стратегию агрессивного поведения в коммуникации.

В этой связи любопытно, как преломляется категория коммуникативной эффективности по отношению к «неприличным» наименованиям, в частности, к товарным знакам. На наш взгляд, понятие «положительного» в общепринятом смысле, то есть такие характеристики, как «положительные ассоциации в сознании потребителя», «степень благозвучности», следует исключить из категориального аппарата при анализе обозначений с «неприличными» смыслами. Дело в том, что практика показывает: «неприличные» коммерческие номинации (и товарные знаки в частности) вводятся в деловой оборот не для того, чтобы производить положительное впечатление, а для того, чтобы производить впечатление от своеобразного шо-

кового эффекта, базирующегося на резком несоответствии провокационной номинации принятым традициям общения в деловой среде и традициям маркетинга, стремящегося создать располагающий к себе имидж бренда.

Соответственно, коммуникативная эффективность «неприличных» коммерческих наименований строится по иной модели – не на основе общей идеи эстетичности, приязни, а на основе идеи запретного удовольствия, на основе аффекта и эпатажа, которые в русской культуре невозможно отнести к ценностям положительного характера, которые для русской культуры и языковой картины мира, транслируемой русским языком, являются маргинальными.

С этой точки зрения коммуникативно (и коммерчески) эффективными «неприличными» обозначения будут только тогда, когда будут рассчитаны на строго определённую группу потребителей, не разделяющих базовые культурные ценности в данный конкретный момент времени (на данном этапе жизни этих потребителей). Для таких потребителей максимальный коммерческий эффект названия обусловлен не «положительными» (то есть «хорошими») с общепринятой точки зрения) коннотациями, содержащимися в названии, а именно принадлежностью товара или услуги под соответствующей провокационной номинацией к группе оппозиционных традиционной культуре явлений по атмосфе-

ре, мотивации, обстановке в заведении, по декларируемым ценностям и т. д.

ВЫВОДЫ

Проведённый опрос убедительно показал, что в настоящее время в российской правовой среде и коммерческой сфере применительно к обозначениям, противоречащим принципам гуманности и морали, отсутствует связь между коммерческой эффективностью знака и эстетической привлекательностью такого знака для реальных и/или потенциальных покупателей, а также отсутствуют механизмы однозначной правовой (и экспертной) квалификации потенциально «неприличных» наименований. Иными словами, критерии, прописанные в законодательстве и экспертных рекомендациях Роспатента, критерии отграничения обозначений, противоречащих нормам гуманности и морали от непротиворечащих, на практике не работают (либо этих критериев недостаточно). Соответственно, для исследователей и практикующих экспертов, занимающихся экспертизой средств индивидуализации, открываются широкие перспективы для дальнейших научных и практических разработок в этой области, которые должны привести к законодательной кодификации исчерпывающих критериев оценки «неприличных» элементов коммерческой номинации.

Список источников

1. Новичихина М.Е. Коммерческая номинация: теория и практика. Воронеж: Кварта, 2018. 246 с. <https://elibrary.ru/vpbokl>
2. Новичихина М.Е. Лингвистическая экспертиза товарного знака: критерии выделения сильных элементов составного обозначения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21. № 4. С. 133-141. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.10>, <https://elibrary.ru/trrvmw>
3. Серго А.Г., Романенкова Е.И. Опыт всемирной организации интеллектуальной собственности по урегулированию доменных споров // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 151-163. <https://doi.org/10.17223/22253513/43/13>, <https://elibrary.ru/dgrbmc>
4. Стрельников С.В. К вопросу об отнесении доменных имён к средствам индивидуализации // Государственная служба и кадры. 2022. № 2. С. 132-134. <https://doi.org/10.24412/2312-0444-2022-2-132-134>, <https://elibrary.ru/ccejvq>
5. Боброва С.А. Социальная проблема использования ненормативной лексики среди молодёжи как проявление влияния интернет-медиа // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2022. № 1. С. 74-79. <https://doi.org/10.17805/trudy.2022.1.12>, <https://elibrary.ru/rsezfu>
6. Могутова О.А. О причинах сквернословия в вербальном поведении молодёжи // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 2 (70). С. 50-53. <https://doi.org/10.24158/spp.2020.2.7>, <https://elibrary.ru/zyyuga>

7. Стернин И.А. Проблема сквернословия. Воронеж: Истоки, 2011. 21 с. URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Formirovanie_rechevoj_kultury/Problema_skvernosloviya2011.pdf
8. Ярославова Л.А., Сабанов П.А., Самиков А.А. К проблеме использования табуированной лексики в реалиях современного общества // Наука в жизни человека. 2022. № 1. С. 27-35. <https://elibrary.ru/vsptua>

References

1. Novichikhina M.E. *Kommercheskaya nominatsiya: teoriya i praktika* [Commercial Nomination: Theory and Practice]. Voronezh, Kvarta Publ., 2018, 246 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vpbokl>
2. Novichikhina M.E. Criteria for selecting key elements of a compound commercial name in the linguistic expert examination of a trademark. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie = Science Journal of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 133-141. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.10>, <https://elibrary.ru/trrvmw>
3. Sergo A.G., Romanenkova E.I. World intellectual property organisation's experience in domain dispute resolution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal. Law*, 2022, no. 43, pp. 151-163. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/22253513/43/13>, <https://elibrary.ru/dgrbmc>
4. Strelnikov S.V. On the question of attributing domain names to means of individualization. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = Public Service and Personnel*, 2022, no. 2, pp. 132-134. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2312-0444-2022-2-132-134>, <https://elibrary.ru/ccejvq>
5. Bobrova S.A. The social problem of the use of profanity among young people as a manifestation of the influence of internet media. *Nauchnyye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta = Scientific Works of the Moscow University for the Humanities*, 2022, no. 1, pp. 74-79. (In Russ.) <https://doi.org/10.17805/trudy.2022.1.12>, <https://elibrary.ru/rsezfu>
6. Mogutova O.A. On the causes of foul language in the verbal behavior of young people. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 2020, no. 2 (70), pp. 50-53. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/spp.2020.2.7>, <https://elibrary.ru/zytuga>
7. Sternin I.A. *Problema skvernosloviya* [The Problem of Foul Language]. Voronezh, Istoki Publ., 2011, 21 p. (In Russ.) Available at: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Formirovanie_rechevoj_kul-tury/Problema_skvernosloviya2011.pdf
8. Yaroslavova L.A., Sabanov P.A., Samikov A.A. On the problem of using taboo vocabulary in the realities of modern society. *Nauka v zhizni cheloveka = Science in Human Life*, 2022, no. 1, pp. 27-35. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vsptua>

Информация об авторе

Акинина Анастасия Вячеславовна, магистр филологии, независимый эксперт-лингвист (самозанятая), член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), член Палаты судебных экспертов «СУДЭКС», включена в реестр экспертов Судебно-экспертной палаты РФ, член Союза журналистов России, г. Новоалександровск, Ставропольский край, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-1180-945X>, akinina21@mail.ru

Вклад в статью: идея исследования, подбор научной литературы, подбор текстового материала (спорных номинаций, служащих объектом исследования), составление вопросов для эксперимента, изучение ответов респондентов и последующее обобщение результатов опроса, написание текста статьи, подбор иллюстративного материала.

Поступила в редакцию 02.11.2022
Одобрена после рецензирования 07.12.2022
Принята к публикации 19.01.2023

Information about the author

Anastasiya V. Akinina, Master's Degree Student (Philology), independent expert linguist (self-employed), member of the Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes (GLEDID), Novoalexandrovsk, Stavropol Region, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-1180-945X>, akinina21@mail.ru

Contribution: study idea, scientific literature selection, textual material selection (controversial nominations that serve as the object of research), composing questions for the experiment, study of respondents' answers and subsequent generalization of the survey results, manuscript text drafting, illustrative material selection.

Received: November 02, 2022
Revised: December 07, 2022
Accepted: January 19, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 81`367.7

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-78-88>

Шифр научной специальности 5.9.6

Структура субстантивно-предложных синтагм в англоязычном тексте патента

Алевтина Николаевна МОРОЗОВА¹ , Анна Игоревна ИВЛЕВА^{1,2}

¹ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»

443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67

²ФГБУН «Самарский федеральный исследовательский центр РАН»

443020, Российская Федерация, г. Самара, Студенческий пер., 3А

 ivleva.anna@sgspu.ru

Аннотация. В качестве предмета исследования избраны субстантивно-предложные синтагмы в англоязычном тексте патента. Поставлены задачи определить, в какой степени данный тип синтагматики характерен для избранного жанра, и представить типологическое описание структур, базирующихся на ядерной модели N⁺of+N. Актуальность поставленных задач определяется недостаточной изученностью категориальных, языковых и дискурсивных признаков таких структур в английской речи вообще и в текстах патентной документации в частности. В основу эмпирического исследования, проведённого на материале двух корпусов текстов, положены методы синтагматического, конструктивного, сопоставительного и статистического анализа. Установлена частотность субстантивно-предложных синтагм в сравнении с другими типами составных номинативных единиц и отдельные признаки, отличающие предложные сочетания от лексических синтагм. Выявлены конструктивные особенности синтагм; описаны синтаксические процессы распространения простых структур, наиболее значимыми из которых являются развитие, расширение, присоединение; определена специфика реализации в этих процессах таких способов распространения, как лексический и синтаксический, союзный и бессоюзный, адъективный и субстантивный. Полученные результаты дополняют сведения о синтагматике как признаке жанрово-стилевой принадлежности текста. Они могут послужить основой для дальнейших исследований в области синтагматики английской речи и найти применение в обучении английскому языку для профессиональных целей, а также в сопоставительном анализе оригинальных и параллельных текстов на русском языке.

Ключевые слова: синтагматика, субстантивно-предложные синтагмы, номинативные единицы, английская речь, патент

Для цитирования: Морозова А.Н., Ивлева А.И. Структура субстантивно-предложных синтагм в англоязычном тексте патента // Неофилология. 2023. Т. 9. № 1. С. 78-88. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-78-88>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The structure of substantive-prepositional syntagmas in the English text of the patent

Alevtina N. MOROZOVA¹ , Anna I. IVLEVA^{1,2}

¹Samara State University of Social Sciences and Education
65/67 M. Gorky St., Samara, 443099, Russian Federation

²Samara Federal Research Scientific Center of Russian Academy of Science
3A Studencheskii Ln., Samara, 443020, Russian Federation
 ivleva.anna@sgspu.ru

Abstract. Substantive-prepositional syntagmas in the English text of the patent are chosen as the subject of research. We set the task of determine to what extent this type of syntagmatics is typical for the chosen genre and present a typological description of structures based on the N+of+N core model. The relevance of the tasks set is determined by the insufficient knowledge of the categoric, linguistic and discursive features of such structures in English speech in general and in the texts of patent documentation in particular. The basis of the empirical research, carried out on the material of two corpora of texts, is the methods of syntagmatic, constructive, comparative and statistical analysis. The frequency of substantive-prepositional syntagmas in comparison with other types of compound nominative units and individual features that distinguish prepositional combinations from lexical syntagmas have been established. Design features of syntagmas are revealed; the syntactic processes of distribution of simple structures are described, the most significant of which are development, expansion, accession; the specifics of the implementation in these processes of such methods of distribution as lexical and syntactic, allied and non-union, adjective and substantive are determined. The obtained results supplement the information about syntagmatics as a sign of the genre and style of the text. They can serve as a basis for further research in the field of syntagmatics of English speech and find application in teaching English for professional purposes, as well as in a comparative analysis of original and parallel texts in Russian.

Keywords: syntagmatics, substantive-prepositional syntagmas, nominative units, English speech, patent

For citation: Morozova, A.N., & Ivleva, A.I. The structure of substantive-prepositional syntagmas in the English text of the patent. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(1):78-88. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-78-88>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В качестве объекта настоящего исследования избраны синтагмы субстантивно-предложного типа, обычно трактуемые в терминах of-phrase. Обращение к лингвистической литературе свидетельствует о том, что внимание исследователей привлекают, прежде всего, дистрибутивные и функциональные особенности, отличающие такие фразы от конструкций с существительным в форме притяжательного падежа [1; 2]. Струк-

тура и семантика предложных словосочетаний достаточно полно описана в работах С.А. Сучковой и Е.Н. Ворониной. Не претендуя на исчерпывающий анализ структурных характеристик, учёные уделяют основное внимание характеру смысловых отношений между компонентами словосочетания. Первый из филологов¹ избирает в качестве пред-

¹ Сучкова С.А. Субстантивное словосочетание с предлогом "of" в динамике высказывания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 1998. 19 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000278010>

мета исследования тип отношений между компонентами словосочетания и лексико-фразеологические характеристики словосочетаний; второй анализирует их дистрибутивные и лексико-семантические характеристики [3]. Принципиальные различия обнаруживаются в трактовке категориальной природы «of-phrase». Если Е.Н. Воронина исходит из того, что «атрибутивность – основное синтаксическое значение словосочетаний с of...» [3, с. 124], то С.А. Сучкова приходит к выводу о значительной функциональной нагрузке более свободной, по сравнению с атрибутивной, синтаксической связи. Притом что число работ, посвящённых субстантивно-предложным словосочетаниям, невелико, оказывается ограниченным и состав функциональных стилей, на материале которых проводится исследование. Помимо художественных текстов, задействованных в работах вышеназванных исследователей, в качестве материала привлекаются тексты газетно-публицистического стиля [4], в то время как такой важнейший пласт текстового материала, как научно-техническая литература, остаётся в этом плане за пределами внимания исследователей.

В этой связи отметим, что в основной массе исследований, проводимых на материале научно-технической литературы, описание структурных и смысловых особенностей синтагм направлено на решение задач, связанных с вопросами терминологии и перевода [5–8]. Обращает на себя внимание тот факт, что в основе выбора эмпирического материала практически всегда лежит тематический принцип. Так, анализу подвергались тексты, охватывающие такие научно-технические области, как химия протона [9], промышленное и гражданское строительство², возобновляемые источники энергии [10]. На периферии исследования остаётся вопрос о том, в какой степени характеристики синтагм определяются жанровой принадлежностью научно-технического текста. Между тем, как

это показано в целом ряде исследований, синтагматика является ведущим дискурсивным признаком жанрово-стилевой принадлежности текста. Наиболее полно этот тезис аргументирован в трудах Т.Г. Добросклонской, убедительно продемонстрировавшей различия в синтагматических характеристиках основных жанров медийного дискурса [11].

В сфере научно-технической литературы актуальным представляется обращение к текстам патентных описаний. Многие исследователи не выделяют патент как отдельный жанр или считают его специфическим «...периферийным жанром научно-официального подстиля, обслуживающего сферу патентного права и научно-техническую отрасль...» [12, с. 122]. Однако существует точка зрения, согласно которой язык описания изобретений является уникальным жанром и «...совмещает в себе особенности двух стилей – научно-технического и официального...» [13, с. 402]. Достаточно полное освещение получили вопросы, связанные с переводом патентной документации на русский язык [14–17] и композиционной структурой такого рода текстов [18; 19]. Немногочисленны работы, направленные на раскрытие языковых особенностей патентов [12; 14; 20]. При этом синтагматика затрагивается опосредованно, в основном в связи с канцеляризмами, клише и архаизмами. Между тем раскрытие особенностей синтагматики как признака жанрово-стилевой принадлежности текста может способствовать уточнению функциональной природы данного вида дискурса.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Поставив перед собой цель раскрыть морфо-синтаксические особенности субстантивно-предложных синтагм в англоязычном тексте патента, мы считаем важным решение следующих задач: во-первых, определить, в какой степени данный тип синтагматики характерен для избранного жанра по сравнению с другими видами сложных номинативных единиц, имеющих в качестве стержневого элемента существительное, и, во-вторых, представить типологическое описание струк-

² Иванова М.Ю. Именные словосочетания в научно-техническом тексте: На материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград. 2003. 24 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003239769>

тур, базирующихся на ядерной модели N+of+N.

Методологической посылкой проведённого исследования является положение о дихотомии двух различных, хотя и взаимосвязанных, типов синтагматики – синтаксической и лексической, целесообразность разграничения которых подтверждена исследованиями, проводимыми на материале научных, художественных и медийных текстов. Если первый тип включает синтаксические единицы (словосочетания), то второй представлен синтагмами, которые являются результатом соположения двух и более основ существительных и отличаются цельно-оформленностью (нестойкие сложные слова). Метод синтагматического анализа, базирующийся на том, что «...словосочетание представляет собой диалектическое единство коллигации и коллокации, осложнённое различными экстралингвистическими факторами...» [21, с. 124], дополнен методикой конструктивного анализа, подтвердившей свою эффективность при изучении атрибутивной синтагматики [19; 22], а также методами сопоставительного и статистического анализа.

Основным материалом исследования послужил корпус из 100 описаний патентов на изобретения за 2019–2022 гг. в научно-технической области Materials Science (источник <https://patents.google.com/>). Кроме того, в эмпирическую базу работы включён корпус из 100 научных статей по аналогичной тематике науки и техники того же временного периода (источник <https://link.springer.com/>).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первым этапом исследования стал статистический анализ, направленный на выявление частотности субстантивно-предложных синтагм в сопоставлении с другими типами именных (субстантивных) сочетаний, которые включают в себя:

- лексические синтагмы, представляющие собой соединение двух и более субстантивных основ;
- словосочетания с препозитивным определением, выраженным прилагательным;

– синтагмы, в которых сочетаются лексический и синтаксический способы соединения языковых единиц (синтагмы смешанного типа).

Результаты анализа отражены в табл. 1, куда включены данные о количестве синтагм, зарегистрированных в текстах патентов и текстах научных статей.

Из табл. 1 видно, что общее количество субстантивных синтагм (с учётом неоднократного их воспроизведения) в патентах превышает число синтагм данного типа в текстах статей. Больше (на 16 %) по сравнению со статьёй количество именных сочетаний, а следовательно, меньшую роль глагольной синтагматики можно считать проявлением функциональной специфики текста патента. В то же время число субстантивных синтагм без повторов оказывается почти в 2 раза меньшим по сравнению со статьями. Очевидно, это связано с тем, что на первый план в выборе средств языкового выражения в тексте описания патента выходит стремление к точности и однозначности: многочисленные повторы оказываются предпочтительнее опущения отдельных номинаций или их замены дейктическими элементами.

Другое различие обнаруживается в соотношении числа лексических и синтаксических синтагм: в текстах патентов количество синтаксических соединений преобладает над количеством лексических синтагм, причём в наибольшей степени это различие обнаруживается в отношении субстантивно-предложных словосочетаний. Поскольку именно лексические синтагмы являются чаще других субстантивных синтагм терминами (согласно результатам ранее проведённого анализа терминологического состава синтагм в текстах описаний патентов [23]), обнаруженная особенность может свидетельствовать о более узких терминологических полях в текстах патентов.

Считается, что ядерные структуры N+of+N и нестойкие сложные слова N+N являются взаимобратимыми в том смысле, что они могут передавать одно и то же содержание. В ряде случаев это действительно так: Ср. *substrate material – material of substrate, insulation layer – layer of insulation, gap size –*

Таблица 1

Частотность синтагм разных структурных типов в корпусах текстов жанров «патент» и «научная статья»

Table 1

The frequency of syntagmas of different structural types in the corpora of texts of the “patent” and “scientific article” genres

Параметры	Количество текстов	Количество слов	Количество субстантивных синтагм	Количество субстантивных синтагм без повторов	% лексических синтагм	% словосочетаний с препозитивным определением	% предложно-субстантивных словосочетаний	% синтагм смешанного типа
Корпус патентов	100	722727	98026	54933	28,6	32,6	27,1	11,7
Корпус научных статей	100	683200	110638	89967	37,5	27,9	21,2	13,4

size of gap, material conductivity – conductivity of material, base length – length of base. Однако в анализируемом материале семантическое тождество (обратимость) лексических и синтаксических синтагм встречается относительно нечасто: всего 3,4 % ядерных структур N+of+N имеют обратимый аналог в виде нестойкого сложного слова в корпусе патентов и 5,9 % – в корпусе научных статей.

Существенное различие обнаруживается в семантико-синтаксическом содержании отношений между компонентами синтагм. Для предложных сочетаний гораздо более характерны, по сравнению с лексическими синтагмами, предметно-процессные отношения (*separation of electrons, use of p-type, reaction of phenol, creation of air-gaps*), а также предметно-кваликативные отношения (*width of tank, thickness of walls, density of components, depth of ribbon*). Их число в 3–4 раза превышает количество нестойких сложных слов. Для последних более характерны предметно-предметные отношения (*reactor chamber, glass carrier, boron fibre, powder blend*).

В отличие от лексических образований, в словосочетаниях грамматически главный (первичный) компонент во многих примерах обозначает время, количество, размер, вид, способ, меру, часть: *lifetime of cells, extent of penetration, the number of sub-layers, volume of alloy, part of conveyor, type of photoresist*.

Также для текстов рассматриваемого жанра характерны сочетания, в которых подчинённый компонент выступает в качестве ссылки на ту или иную часть описания патента (фигуру, пункт патентной формулы, реализацию изобретения и др.), например: *method of figure, device of claim, pipe of claims, tablet of embodiment, embodiment of figure*, встречаются только в виде предложных словосочетаний.

Выбор лексического или синтаксического соединения компонентов определяется и морфологическими факторами. В лексических синтагмах выборки чаще, чем в синтаксических, в качестве первого компонента представлены слова на -ing (*printing operations, joining methods, roofing materials*) и практически не используются слова во множественном числе, в то время как Т.Р. Беляева отмечает «всё большее распространение употребления множественного числа в номинативных конструкциях, далеко не всегда объяснимое лексикализацией формы множественного числа» [24, с. 69].

Анализ структуры речевых отрезков, в которых отражена базовая синтаксическая модель N+of+N, свидетельствует, прежде всего, о целесообразности разграничения простых и распространённых синтагм.

Простые структуры представлены двухкомпонентными словосочетаниями (*efficiency of reduction, characteristics of parcels, edge of*

liner, usage of glue) и сочетаниями, в которых в качестве первичного (ядерного) и/или вторичного (грамматически подчинённого) компонента синтагмы выступает двухосновное сложное слово: N+N+of+N (*storage interface of apparatus, filing date of invention, water content of material*), N+of+N+N (*plate of coupling bracket, plurality of attachment means, plane of safety barrier*), N+N+of+N+N (*delivering process of paper roll, fixation strength of packaging structure*). Первая из структур (N+N+of+N) встречается в 2 раза реже, чем N+of+N+N, то есть более типично, когда двухосновным словом является вторичный компонент синтагмы. Что касается структуры N+N+of+N+N, то она в анализируемом материале оказывается наименее частотной.

Компоненты простых структур могут подвергаться процессу развёртывания, под которым понимается модификация одного элемента синтагмы другим на основе связи синтаксической зависимости. Данный процесс может носить характер субстантивного или адъективного. В текстах патентов более половины лексических синтагм (56 %) реализуются в составе субстантивно-предложных конструкций; в корпусе научных статей этот показатель составляет лишь 36 %.

Субстантивное развёртывание характеризует следующие структуры:

N+of+N+N+N (*prevalence of home delivery services, structure of zircon refractory bricks*),

N+of+N+N+N+N (*length of base paper reel belt*),

N+N+N+of+N (*inkjet printing composition of aspect*).

В результате данного процесса один из компонентов (чаще ядерный, чем зависимый) выступает как многоосновное, чаще всего трёхэлементное сложное слово (*string compound*), при этом развёртывание никогда не затрагивает оба компонента.

Адъективное развёртывание, осуществляемое за счёт прилагательного или окачествлённого причастия, оказывается гораздо более частотным по сравнению с субстантивным: число синтаксических единиц в 2 раза превышает количество лексических образо-

ваний. Приведём примеры развёрнутых структур с адъективным расширением.

Adj+N+of+N(+N): *multiple layers of silicon, optical thickness of layer, technical problems of dust pollution*;

N+of+Adj/Part.adj+N: (*embodiment of present disclosure, surface of active layer, type of laminated board*).

В отличие от субстантивного развёртывания, типичным здесь является одновременное распространение первичного и вторичного элементов, что обеспечивает фразе структурную симметрию: Adj+N(+N)+of+N+Adj+N(+N), например: *technical problems of present disclosure, outer side of fragile product, multi-layered container of compressible sheet layers, exemplary sheets of embossed cellulose sheets, schematic view of packaging structure, inner wall of bag body*.

Другой особенностью синтагм, в которых развёртывание осуществляется синтаксическим способом, является сочетание данного процесса с расширением, то есть добавлением единицы того же синтаксического статуса: *combination of multiple suitable materials, movement of said external mirror structure*. При этом расширенным в подавляющем большинстве случаев оказывается вторичный компонент конструкции.

Расширение осуществляется как бессоюзным, так и союзным способом: *primary and secondary nested capillaries of figure, geometrical and/or thermal properties of moulding process*. Для союзного способа характерна структурная симметрия компонентов словосочетания: *spacing and relative positions of various cladding elements*. Заметим, что субстантивное расширение союзным способом (*maximum and minimum values of residual stress*) носит единичный характер. Между тем этот способ достаточно распространён в лексических синтагмах, которые не включены в конструкцию of-phrase: *energy dissipation and dispersion effects, platinum single-atom and cluster catalysis, aerospace science and industry corporation, neighboring platinum and ruthenium monomers*.

В речевых отрезках, сочетающих субстантивный и адъективный способы расширения, наблюдается тенденция к включению

в состав конструкции, наряду с нестойкими сложными словами лексикализации, или уподобления слову, то есть превращения в слово синтаксической единицы (словосочетания). Примерами могут служить следующие синтагмы:

- *characteristics of poly vinyl alcohol-starch-cellulosic material based biodegradable composite film;*
- *modified version of well-known embedded-atom-method potential function;*
- *form of aluminium-containing compound of surface-modified material.*

Последний из приведённых примеров иллюстрирует такой типичный для анализируемого материала процесс, как веерное развёртывание. Данный процесс состоит в том, что грамматически зависимый (вторичный) компонент конструкции становится ведущим для последующего сочетания с предлогом «of»: *point of view of core, ejection of droplets of fluid, method of manufacture of article, plurality of layers of semiconductor material, side of interior of melt tank, plan view of ultrasonic device of figure, welding strength of wires of lighting beads*. Веерное развёртывание служит средством распространения как простых, так и сложных структур, однако для последних оно гораздо более характерно (около 86 % примеров).

Нередко в результате образуются структурно громоздкие фразы, как например, *protecting layer of full recycling environmental protection packaging structure of present disclosure, work function measurements of number of patterned single crystal gold flakes*. Расширенное нестойкое сложное слово *work function measurements* становится грамматически главным для слова (*number*) из пяти основ, которое, в свою очередь, развивается за счёт другой пятикомпонентной единицы. Зарегистрированы и такие случаи, когда предлогом связаны не три, а четыре компонента. Несмотря на структурную громоздкость, такие образования оказываются менее сложными для восприятия, поскольку составляющие их компоненты включают атрибутивные словосочетания, семантическая структура которых более прозрачна по сравнению с многоосновными сложными словами:

- *crystalline metal organic framework material;*
- *semiconductor device fabrication techniques;*
- *composite waterproof and heat preservation building materials and preparation methods.*

Что касается других способов распространения компонентов предложной конструкции, то можно отметить полное отсутствие примеров такого синтаксического процесса, как включение (нарушение линейных связей) и низкую частотность спецификации – явления, при котором один синтаксический элемент представляет собой развитие, уточнение другого элемента: *paraffin coating of otherwise chemically inert surfaces, pressure of between 150,000 kPa and 275,000 kPa*.

В то же время типичным структурным признаком субстантивно-предложных сочетаний можно считать присоединение: в качестве модификаторов выступают нумеративные элементы, которые не имеют статуса членов предложения, но вносят дополнительное значение в смысловое содержание синтагмы (*flexible interposer 100 of the present invention, position of the support 4, each electrode 102 of the electrode array 100i, interior 202 of the melt tank 200*).

ВЫВОДЫ

На основании вышеизложенного можно заключить, что наиболее частотными среди составных номинативных единиц в англоязычных текстах патентов являются субстантивно-предложные синтагмы. В отличие от научных статей, тексты рассматриваемого жанра характеризуются высокой степенью повторов, меньшим количеством терминологических единиц и количественным преобладанием синтаксических образований над лексическими. Достаточно редкими являются случаи взаимной обратимости синтагм синтаксического и лексического типов. Различия между двумя типами синтагматики обнаруживаются в отношении семантических отношений между компонентами, тематической принадлежности слов, а также морфологических признаков.

Продуктивным способом установления типологических характеристик синтагм можно считать обращение к процессам распространения простых структур. Наиболее значимыми для анализируемого материала являются процессы развёртывания, расширения и присоединения. Адъективное развёртывание оказывается более частотным по сравнению с субстантивным и отличается тем, что затрагивает как ядерный, так и подчинённый компоненты конструкции. Одновременное распространение первичного и вторичного элементов, обеспечивающее фразе структурную симметрию, характеризует также синтагмы, возникшие в результате расширения простой структуры союзным способом. Типичное для анализируемого материала «вверное» развёртывание оказывается наиболее характерным для сложных синтагм. В случаях, когда развёртыванию под-

вергаются более двух компонентов, в их состав включаются атрибутивные словосочетания, что облегчает восприятие структурно громоздких образований.

Сделанные выводы призваны внести опделённый вклад в теорию синтагматики и расширить представления о специфике синтагменной организации текстов, принадлежащих к тому жанру научно-технической литературы, языковые особенности которого нельзя считать достаточно исследованными. Результаты работы послужат основой для изучения коллокационных характеристик синтагм в текстах патентов, а также сопоставительного анализа оригинальных и параллельных текстов на русском языке. Материалы статьи могут быть востребованы в практике обучения студентов высших учебных заведений английскому языку делового общения и переводу научно-технических текстов.

Список источников

1. Костромин А.Б., Горбатенко О.Г. Притяжательный падеж и категория субъектности английских существительных // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. № 1. С. 47-52. <https://elibrary.ru/rjcyznz>
2. Monakhov S. English and Russian genitive alternations: A study in construction typology // Russian Journal of Linguistics. 2020. № 24 (1). P. 96-116. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-1-96-116>
3. Воронина Е.Н. Атрибутивные словосочетания с предлогом of // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2008. № 3. С. 124-130. <https://elibrary.ru/mctgzp>
4. Даниева М.Д. О дистантности компонентов в предложно-субстантивных словосочетаниях английского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 10 (225). С. 38-41. <https://elibrary.ru/nxswtt>
5. Быкадорова Е.С., Кутень И.А. Перевод атрибутивных словосочетаний при переводе научно-технического текста // Наука и образование: новое время. 2019. № 1 (30). С. 323-331. <https://elibrary.ru/yzporv>
6. Давыдова И.В., Шешукова С.В. Особенности перевода атрибутивных словосочетаний с русского языка на английский язык (на примере научно-технических текстов) // Известия ВГПУ. 2021. № 4 (157). С. 192-196. <https://elibrary.ru/eoxfzq>
7. Захарова О.А., Муртазина Д.А. Перевод атрибутивных словосочетаний с английского языка на русский язык в научно-технических текстах // Апробация. 2015. № 5 (32). С. 26-28. <https://elibrary.ru/udcldz>
8. Федюченко Л.Г. Многокомпонентное терминологическое словосочетание как смысловая доминанта англоязычного технического текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 4. С. 183-186. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.37>, <https://elibrary.ru/xaljnz>
9. Переселяк И.В. Именные словосочетания в структуре английского научного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1994. 26 с. <https://elibrary.ru/zlhnoj>
10. Зяблова Н.Н. Лексико-семантическое поле «Возобновляемые источники энергии»: лексикологический и нормативный статус рекуррентных лексических единиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2016. 22 с. <https://elibrary.ru/zqacqz>
11. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. М.: УРСС, 2010. 288 с. <https://elibrary.ru/qrmwdt>

12. Куркан Н.В. Модель речевого жанра «патент» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 8. С. 122-126. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.8.24>, <https://elibrary.ru/rzekfs>
13. Максименко Е.В. К вопросу о стилистических особенностях перевода патентной документации // Научные труды КубГТУ. 2016. № 4. С. 402-409. <https://elibrary.ru/vxmx fz>
14. Слепнева М.А. Особенности и трудности перевода патентной документации // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 366-368. <https://doi.org/10.26140/bgз3-2019-0803-0092>, <https://elibrary.ru/wzvaqh>
15. Быкова В.Д. Особенности перевода англоязычной патентной документации // Пятые декартовские чтения «Декартовский дуализм и современная картина мира»: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.И. Пирогова, Т.В. Растимешинной. Ч. 2: Единство субъективности сознания и объективности мира. Человек в современной научной картине мира. М.: МИЭТ, 2018. С. 28-36. <https://elibrary.ru/yrfprj>
16. Логинова В.М. Особенности перевода названий и содержания патентов аэрокосмической направленности (по материалам англоязычных источников) // Гагаринские чтения – 2019: сб. тез. докл. XLV Междунар. молодёжной науч. конф. М.: МАИ, 2019. С. 1235-1236. <https://elibrary.ru/emphel>
17. Шершуква Н.В. Особенности перевода научно-технических текстов (на примере перевода патентов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 3 (69). Ч. 2. С. 182-184. <https://elibrary.ru/xxzpm1>
18. Баянкина Е.Г. Дискурсивная структура патента: особенности вводных сегментов (на материале англоязычных патентов) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2014. № 4. С. 7-12. <https://elibrary.ru/thulrf>
19. Соколова Н.В. Текстовые категории англоязычного патента // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 137-145. <https://elibrary.ru/oijldx>
20. Бредихин С.Н. Уровни эквивалентности при повторной экспликации функциональной направленности текста патентов в процессе перевода // Язык и культура: сб. ст. XXVII Междунар. науч. конф. Томск, 2017. С. 171-175. <https://elibrary.ru/zfgvgv>
21. Тер-Минасова С.Г. Синтагматика речи: Онтология и эвристика: общая и английская синтагматика составных номинативных групп. М.: URSS: Либроком, 2009. 198 с. <https://elibrary.ru/quejaz>
22. Власова Л.И. Атрибутивные синтагмы в англоязычном медиатексте жанра «features»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2020. 23 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rs101010244468?page=1&rotate=0&theme=white>
23. Морозова А.Н., Ивлева А.И. Атрибутивные синтагмы лексического типа в англоязычном тексте патента // Язык в пространстве и времен: сб. материалов Междунар. науч. конф. Самара: СГСПУ, 2021. С. 67-80. <https://elibrary.ru/hexxkj>
24. Беляева Т.Р. Атрибутивное существительное во множественном числе в многокомпонентных синтагмах английской научной речи // Учёные записки национального общества прикладной лингвистики. 2021. № 1 (33). С. 57-72. <https://elibrary.ru/nzqdsu>

References

1. Kostromin A.B., Gorbatenko O.G. Possessive form of nouns and English subjective nouns. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian and Foreign Languages and Methods of Teaching*, 2015, no. 1, pp. 47-52. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rjcyzn>
2. Monakhov S. English and Russian genitive alternations: A study in construction typology. *Russian Journal of Linguistics*, 2020, no. 24 (1), pp. 96-116. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-1-96-116>
3. Voronina E.N. Atributivnye slovosochetaniya s predlogom of [Attributive phrases with the preposition of]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova = Vestnik of Kostroma State University*, 2011, no. 3, pp. 124-130. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mtegzp>
4. Danieva M.D. O distantnosti komponentov v predlozho-substantivnykh slovosochetaniyakh angliiskogo yazyka [On the distance of components in prepositional substantive phrases in the English language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2008, no. 10 (225), pp. 38-41. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nxswtt>

5. Bykadorova E.S., Kuten' I.A. Perevod atributivnykh slovosochetanii pri perevode nauchno-tehnicheskogo teksta [Translation of attributive phrases in the translation of scientific and technical text]. *Nauka i obrazovanie: novoe vremya = Science and Education: New Time*, 2019, no. 1 (30), pp. 323-331. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yzporv>
6. Davydova I.V., Sheshukova S.V. Specific features of the translation of the attributive phrases from Russian into English (based on the scientific technical texts). *Izvestiya VGPU = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2021, no. 4 (157), pp. 192-196. (In Russ.) <https://elibrary.ru/eoxfzq>
7. Zakharova O.A., Murtazina D.A. Perevod atributivnykh slovosochetanii s angliiskogo yazyka na russkii yazyk v nauchno-tehnicheskikh tekstakh [Translation of attributive phrases from English into Russian in scientific and technical texts]. *Aprobatsiya = Approbation*, 2015, no. 5 (32), pp. 26-28. (In Russ.) <https://elibrary.ru/udcldz>
8. Fedyuchenko L.G. Multi-component terminological word-combination as a meaningful dominant of the English-language technical text. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 183-186. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.37>, <https://elibrary.ru/xaljnz>
9. Pereselyak I.V. *Imennye slovosochetaniya v strukture angliiskogo nauchnogo teksta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Nominal Phrases in the Structure of the English Scientific Text. Cand. Sci. (Philol.) diss. abstr.]. Minsk, 1994, 26 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zlhnoj>
10. Zyablova N.N. *Leksiko-semanticheskoe pole «Vozobnovlyaemye istochniki ehnergiI»: leksikologicheskii i normativnyi status rekurrentnykh leksicheskikh edinits: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Lexico-Semantic Field "Renewable Energy Sources": Lexicological and Normative Status of Recurrent Lexical Units. Cand. Sci. (Philol.) diss. abstr.]. Samara, 2016, 22 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zqacqz>
11. Dobrosklonskaya T.G. *Questions of studying media texts: the experience of studying modern English media speech*. Moscow, 2010, URSS Publ., 288 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qrmwdt>
12. Kurkan N.V. Model of patent discourse genre. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2020, vol. 13, no. 8, pp. 122-126. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.8.24>, <https://elibrary.ru/rzekfs>
13. Maksimenko E.V. (2016). To the problem of stylistic language translation used in patent documentation. *Nauchnye trudy KuBGTU = Scientific Works of the Kuban State Technological University*, 2016, no. 4, pp. 402-409. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vxmxzf>
14. Slepneva M.A. Features and difficulties of patent translation. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*, 2019, vol. 8, no. 3 (28), pp. 366-368. (In Russ.) <https://doi.org/10.26140/bgz3-2019-0803-0092>, <https://elibrary.ru/wzvaqh>
15. Bykova V.D. Translation peculiarities of English patents. In: Pirogova A.I., Rastimeshina T.V. (sci. ed.). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Pyatye dekartovskie chteniya «Dekartovskii dualizm i sovremennaya kartina mira». Ch. 2. Edinstvo sub"ektivnosti soznaniya i ob"ektivnosti mira. Chelovek v sovremennoi nauchnoi kartine mira* [Materials of the International Scientific and Practical Conference "The Fifth Cartesian Readings" Cartesian dualism and the modern picture of the world". Pt. 2. The Unity of the Subjectivity of Consciousness and the Objectivity of the World. Man in the Modern Scientific Picture of the World]. Moscow, Moscow Institute of Electronic Technology, 2018, pp. 28-36. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yrfprj>
16. Loginova V.M. Osobennosti perevoda nazvanii i sodержaniya patentov aehrokosmicheskoi napravlenosti (po materialam angloyazychnykh istochnikov) [Features of the translation of names and content of aerospace patents (based on materials from English-language sources)]. *Sbornik tezisev dokladov 45 Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii «Gagarinskie chteniya – 2019»* [Collection of Abstracts of the 45th International Youth Scientific Conference "Gagarin Readings – 2019"]. Moscow, Moscow Aviation Institute, 2019, pp. 1235-1236. (In Russ.) <https://elibrary.ru/emphel>
17. Shershukova N.V. Specific features of scientific-technical translation (by the example of patent translations). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2017, no. 3-2 (69), pp. 182-184. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xxzpmf>
18. Bayankina E.G. Discourse structure of patent texts: specific analysis of introductory segments. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogic*, 2014, no. 4, pp. 7-12. (In Russ.) <https://elibrary.ru/thulrf>

19. Sokolova N.V. Textual categories of the English patent. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = The Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication*, 2020, no. 1, pp. 137-145. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oijldx>
20. Bredikhin S.N. Urovni ehkivalentnosti pri povtornoj ehksplikatsii funktsional'noi napravlenosti teksta patentov v protsesse perevoda [Levels of equivalence in the re-explication of the functional orientation of the text of patents in the process of translation]. *Sbornik statei 27 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Yazyk i kul'tura»* [Collection of Works of the 27th International Scientific Conference “Language and Culture”]. Tomsk, 2017, pp. 171-175. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zfgvgv>
21. Ter-Minasova S.G. *Sintagmatika rechi: Ontologiya i ehvristika: obshchaya i angliiskaya sintagmatika sostavnykh nominativnykh grupp* [Syntagmatics of Speech: Ontology and Heuristics: General and English Syntagmatics of Composite Nominative Groups]. Moscow, URSS: Librokom Publ., 2009, 198 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/quejaz>
22. Vlasova L.I. *Atributivnye sintagmy v angloyazychnom mediatekste zhanra «features»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Attributive Syntagmas in the English-Language Media Text of the “Features” Genre. Cand. Sci. (Philol.) diss. abstr.]. Samara, 2020, 23 p. (In Russ.) Available at: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01010244468?page=1&rotate=0&theme=white>
23. Morozova A.N., Ivleva A.I. Attributive syntagmas of lexical type in the English patent texts. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Yazyk v prostranstve i vremeni»* [Collection of Materials of the International Scientific Conference “Language in Space and Time”]. Samara, Samara State University of Social Sciences and Education Publ., 2021, pp. 67-80. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hexxkj>
24. Belyaeva T.R. The plural attributive noun in multi-component syntagms in English scientific discourse. *Uchenye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoi lingvistiki* [Scientific Notes of the National Society of Applied Linguistics], 2021, no. 1 (33), pp. 57-72. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nzqdsu>

Информация об авторах

Морозова Алевтина Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и методики преподавания иностранных языков, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-2741-0926>, morozova@pgsa.ru

Вклад в статью: концепция исследования, проведение синтагматического, стилистического анализа, написание части текста статьи, редактирование.

Ивлева Анна Игоревна, кандидат технических наук, старший научный сотрудник Института проблем управления сложными системами, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, г. Самара, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-2670-6795>, ivleva.anna@sgspu.ru

Вклад в статью: поиск и анализ литературы по теме, изучение баз данных, доступных через Интернет, проведение сопоставительного и статистического анализа, написание части текста статьи, оформление.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 24.11.2022
Поступила после рецензирования 22.12.2022
Принята к публикации 19.01.2023

Information about the authors

Alevtina N. Morozova, Dr. Sci. (Philology), Professor of English and Methods of Teaching Foreign Languages Department, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-2741-0926>, morozova@pgsa.ru

Contribution: study conception, carrying out syntagmatic, stylistic analysis, part manuscript text drafting, editing.

Anna I. Ivleva, Cand. Sci. (Technical), Senior Research Scholar of Institute for Control Problems of Complex Systems, Samara Federal Research Scientific Center of Russian Academy of Science, Samara, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-2670-6795>, ivleva.anna@sgspu.ru

Contribution: relevant literature search and analysis, data bases study, available via the Internet, comparative and statistical analysis, part manuscript text drafting, design.

There is no conflict of interests.

Received: November 24, 2022
Revised: December 22, 2022
Accepted: January 19, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 811.112.2'36 + 81'36

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-89-96>

Шифр научной специальности 5.9.6

Системно-языковые и конкретно-речевые связи в сфере таксиса

Ирина Викторовна АРХИПОВА

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

630126, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Виллойская, 28

✉ irarch@yandex.ru

Аннотация. Предметом настоящего исследования является описание системно-языковых и конкретно-речевых связей функционально-семантических категорий таксиса и категорий/субкатегорий темпоральности, аспектуальности, итеративности, дуративности и фазовости. Цель работы – сфокусированный анализ межкатегориальных связей таксиса с вышеназванными семантическими категориями, детерминирующими актуализацию сопряжённых примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности в немецких высказываниях с предложными девербативами. Актуальность исследования, выполненного в традициях функциональной грамматики и на основе применяемого в ней функционально-семантического подхода, связана с недостаточной изученностью вопроса межкатегориального взаимодействия. Установлены и проанализированы системно-языковые связи взаимодействующих категорий в сфере примарного таксиса в контексте их речевых реализаций в конкретной таксисной среде. Обосновано, что для немецких высказываний с предложными девербативами характерны различные общекатегориальные элементы, детерминирующие актуализацию сопряжённых таксисных категориальных ситуаций в их вариативности. Таковыми являются монотемпоральные и инклюзивно-темпоральные предлоги как таксисные маркеры, а также различные глаголы, девербативы (итеративные, фазовые) и адвербиалы (темпоральные, аспектуальные и др.).

Ключевые слова: таксис, системно-языковые связи, конкретно-речевые связи, функционально-семантические категории, примарно-таксисные категориальные ситуации

Для цитирования: Архипова И.В. Системно-языковые и конкретно-речевые связи в сфере таксиса // Неофилология. 2023. Т. 9. № 1. С. 89-96. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-89-96>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

System-linguistic and concrete-speech connections in the sphere of taxis

Irina V. ARCHIPOVA

Novosibirsk State Pedagogical University
28 Vilyuyskaya St., Novosibirsk, 630126, Russian Federation
 irarch@yandex.ru

Abstract. The subject of this study is the description of the systemic-linguistic and concrete-speech connections of the functional-semantic categories of taxis and the categories/subcategories of temporality, aspectuality, iteration, duration and phaseness. The purpose of the work is a focused analysis of the intercategorical connections of taxis with the above semantic categories, which determine the actualization of conjugate primary-taxis categorial situations of simultaneity and diversity in German utterances with prepositional deverbatives. The relevance of the study, carried out in the traditions of functional grammar and on the basis of the functional-semantic approach used in it, is associated with insufficient knowledge of the issue of intercategorical interaction. The system-linguistic connections of interacting categories in the sphere of primary taxis are established and analyzed in the context of their speech realizations in a specific taxis environment. It is substantiated that German utterances with prepositional deverbatives are characterized by various general categorial elements that determine the actualization of conjugate taxis categorial situations in their variability. These are monotemporal and inclusive-temporal prepositions as taxis markers, as well as various verbs, deverbatives (iterative, phase) and adverbials (temporal, aspectual, etc.).

Keywords: taxis, system-linguistic connections, concrete-speech connections, functional-semantic categories, primary-taxis categorial situations

For citation: Archipova, I.V. System-linguistic and concrete-speech connections in the sphere of taxis. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023,9(1):89-96. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-89-96>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Системные связи в аспекте межкатегориального взаимодействия различных грамматических (морфологических, функционально-семантических) категорий являются объектом пристального рассмотрения ряда современных лингвистов. Особое внимание отечественные исследователи уделяют рассмотрению различных грамматических категорий глагола. Исследователь Ю.А. Пупынин анализирует грамматические категории русского глагола в их системно-парадигматических и функциональных связях¹. Взаимосвя-

зи грамматических категорий анализируются, как правило, в двух аспектах – системно-языковом и функционально-речевом, при этом глагольная парадигма рассматривается «как парадигматически закреплённая реализация фундаментального межкатегориального взаимодействия» [1, с. 13]. Э.Ю. Галазов рассматривает грамматическую категорию времени во взаимодействии с категориями вида, залога и склонения, устанавливая как системные (парадигматические), так и функциональные связи между различными глагольными категориями [2]. Вопросы, связанные с установлением, анализом и описанием

¹ Пупынин Ю.А. Грамматические категории русского глагола в их системно-парадигматических и

функциональных связях // Межкатегориальные связи в грамматике. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 46-60.

межкатегориальных связей функционально-семантических категорий аспектуальности, темпоральности, модальности, каузативности, итеративности и др., находят освещение в ряде работ таких отечественных языковедов, как И.В. Архипова, Н.Л. Кудинова, С.В. Шустова, Е.С. Комиссарова, Н.В. Курбаленко и др. [3–6]. Языковед Н.Л. Кудинова анализирует вопрос взаимодействия категорий таксиса и аспектуальности в высказываниях английского языка [4]. Н.В. Курбаленко описывает межкатегориальные связи категорий каузативности, модальности и императивности [6]. Исследователи С.В. Шустова и Е.С. Комиссарова устанавливают и описывают межкатегориальные связи категории итеративности в немецком языке [5].

В фокусе рассмотрения настоящего исследования находится вопрос описания парадигматических (системно-языковых) и синтагматических (конкретно-речевых) связей таксиса с категориями аспектуальности и темпоральности. Категория таксиса (как и другие категории) «имеет не только парадигматические, так и ярко выраженные синтагматические признаки» [7, с. 234], что подтверждает важность вопроса установления её межкатегориальных связей на парадигматическом и синтагматическом уровнях.

Таксис, аспектуальность и темпоральность являются «близкими» или сопряжёнными друг с другом категориями, поскольку они участвуют в языковой репрезентации идеи времени. Темпоральность рассматривается как «внешнее время» или время протекания обозначаемого в высказывании действия. Аспектуальность трактуется как «внутреннее время» и обозначает характер протекания «индивидуального внутреннего времени» того или иного действия. Таксис понимается как временная соотносённость двух и/или более действий относительно друг друга.

Ракурс рассмотрения системно-языковых и конкретно-речевых связей таксиса, темпоральности и аспектуальности является центрированным, или сфокусированным. В ракурсе центрированного рассмотрения межкатегориальных связей функционально-семантическая категория таксиса определяется как семантический маркер. Семантической базой

межкатегориальных связей рассматриваемых категорий выступает семантическая функция таксиса, состоящая в языковой репрезентации и речевой актуализации хронологических значений одновременности, предшествования и следования.

Материалом исследования явились немецкие высказывания с предложными девербативами, репрезентирующие конкретно-речевые взаимодействия таксиса с другими семантическими категориями и субкатегориями. Эмпирическую базу исследования составили 15000 высказываний с предложными девербативами с темпоральными предложениями *bei, in, mit, während, seit, bis, nach, vor*, полученные методом направленной выборки из Лейпцигского национального корпуса (LC).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Системно-языковые связи таксиса с категориями и субкатегориями аспектуальности и темпоральности обуславливают конкретно-речевую актуализацию таксисных категориальных значений в условиях таксисного синтагматического контекста или таксисной среды. Таксисную среду одновременности и разновременности конституируют немецкие девербативы, глаголы и темпоральные предлоги, выполняющие функцию таксисных маркеров. Немецкие монотемпоральные и инклюзивно-темпоральные предлоги *bei, in, mit, während, seit, bis / bis zu, nach, vor* маркируют таксисные категориальные значения «в чистом виде», то есть категориальные значения примарного таксиса. Инклюзивно-темпоральные предлоги *bei, in, mit* и монотемпоральный предлог *während* выступают в качестве маркеров примарного таксиса одновременности. Монотемпоральные предлоги *seit, bis, nach, vor* эксплицируют примарный таксис предшествования и следования. Например:

(1) *Im Sitzen legt man beide Hände auf die Schultern* (LC).

(2) *Beim Sitzen haben ältere Menschen und Kinder Vorrang* (LC).

(3) *Mit dem Anziehen der Konjunktur steigen die Rohstoffpreise* (LC).

(4) *Während des Lesens verliert die Wirklichkeit an Bedeutung...* (LC).

(5) *Vor dem Ziehen und nach dem Zurückführen in seine Scheide wird das Schwert korrekt in vorgeschriebener Position im vier Meter langen Gürtel auf der linken Körperseite getragen* (LC).

В высказываниях (1)–(5) репрезентированы примарно-таксисные ситуации одновременности, предшествования (строгого) и следования (строгого), маркируемые темпоральными предлогами *in, bei, mit, während, vor, nach*. Категориальные значения строгого следования и строгого предшествования эксплицируются монотемпоральными предлогами *nach* и *vor* и актуализируются при условии «исключающей временной дизъюнкции» обозначаемых в высказывании (5) действий девербативов (см. имена *das dem Ziehen, das Zurückführen*) и состояния глагольного предиката (см. глагол *tragen*).

К общим языковым единицам категорий таксиса, темпоральности, аспектуальности и субкатегорий итеративности, дуративности и фазовости, обуславливающим актуализацию различных сопряжённых таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности, относятся аспектуальные, темпоральные, итеративные, дуративные и фазовые индикаторы, а также фазовые и итеративные глаголы и девербативы.

В высказываниях, содержащих такие языковые средства выражения итеративных категориальных значений, как итеративные глаголы, итеративные девербативы, итеративные адвербиалы и атрибуты, репрезентируются сопряжённые итеративно-таксисные категориальные ситуации, например:

(6) *Beim Rennen kamen sich Mick Schumacher und Mazepin mal wieder in die Quere* (LC).

(7) *Vormittags wurde im Sitzen geturnt* (LC).

(8) *Bei unserer alljährlichen Wiederkehr stellen wir stets aufs Neue fest...* (LC).

В высказываниях (6)–(8) выражены итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, эксплицируемые инклюзивно-темпоральным предлогом *bei*. Актуализация итеративно-таксисных категориальных значений детерминирована итеративными адвербиалами *wieder, vormit-*

tags, stets, которые являются средствами языковой репрезентации субкатегории итеративности.

В следующих высказываниях немецкого языка актуализованы итеративно-примарно-таксисные ситуации одновременности, специфицированные такими итеративными языковыми единицами, как итеративные атрибуты *jeder, ständig* и *mehrfach*, итеративные девербативы *das Klingeln, das Schwenken* и итеративный глагол *zusammesucken*:

(9) *Bei jedem Klingeln an der Tür zuckt sie zusammen* (LC).

(10) *Nach mehrfachem Klopfen und Klingeln wurde die Wohnungstür geöffnet...* (LC).

(11) *Bei mittlerer Hitze und ständigem Schwenken des Topfes wartet man, dass der Amaranth aufpoppt* (LC).

Сопряжённый, или синкретичный, характер актуализируемых в высказываниях (6)–(11) итеративно-таксисных категориальных значений одновременности (см. примеры (6)–(9) и (11)) и следования (см. пример (10)) обусловлен системно-языковыми и конкретно-речевыми связями категории таксиса и субкатегории итеративности.

Системно-языковые связи категории таксиса и субкатегорий фазовости и итеративности специфицируют речевую актуализацию сопряжённых фазово-таксисных и фазово-итеративно-таксисных категориальных ситуаций одновременности или разновременности. Фазово-таксисные категориальные ситуации эксплицируют фазисную детерминацию обозначаемых действий или процессов, то есть указывают на одну из фаз их протекания или осуществления – начальную (ингрессивную), срединную или конечную (эгрессивную). В качестве языковых средств репрезентации различных фазовых значений употребляются фазовые глаголы (*beginnen, anfangen, starten, fortsetzen, fortfahren, dauern, enden, beenden* и др.), фазовые девербативы (*das Beginnen, der Beginn, das Starten, die Fortsetzung, das Fortsetzen, das Beenden* и др.), а также фазовые адвербиалы (*schließlich, endlich* и др.).

В высказывании (12) репрезентирована сопряжённая итеративно-фазово-таксисная ситуация строгого следования, детерминиро-

ванная итеративными девербативами *das Klingeln, das Klopfen* и эгрессивно-фазовым адвербиалом *schließlich*:

(12) *Nach Klingeln und Klopfen sei schließlich geöffnet worden* (LC).

Сопряжённые фазово-примарно-таксисные ситуации актуализируются в следующих высказываниях немецкого языка:

(13) *Der letzte Tag vor Ort begann mit ganz frühem Aufstehen* (LC).

(14) *Mit seinem Eintreffen beginnt die Luft buchstäblich zu vibrieren* (LC).

(15) *Mit der Begegnung gegen den FC Augsburg beginnen richtungsweisende Wochen für den Berliner Bundesligisten* (LC).

(16) *Mit Beginn des Abzugs der internationalen Truppen haben die Islamisten mehrere Offensiven in dem Land gestartet* (LC).

(17) *Mit seinem Rücktritt vom Kanzleramt hat Sebastian Kurz die Staatskrise in Österreich vorerst beendet* (LC).

(18) *Android 12 bringt eine neue Animation beim Starten von Apps* (LC).

(19) *Bei der Fortsetzung bot die Verteidigung als letzten Strohalm eine weitere Zeugin auf* (LC).

(20) *Beim Beenden der Spielvariante erscheint nun "Speichern und Beenden" als erste Option im Pop-up, damit ihr euren Speicherstand manuell auswählen könnt* (LC).

(21) *Bis zum Eintreffen der Feuerwehr begannen die Beamten einer Naumburger Polizeistreife mit dem Löschen der Flammen* (LC).

(22) *Nach Erscheinen des Artikels hatte das SEM damit begonnen, die Vorwürfe zu prüfen.*

В высказываниях (13)–(16) актуализованы ингрессивно-фазово-таксисные категориальные ситуации частичной одновременности, маркируемые инклюзивно-темпоральным предлогом *mit*. Фазово-таксисные категориальные значения специфицированы фазовыми глаголами ингрессивной семантики *beginnen* и *starten*. В примере (17) в силу наличия эгрессивно-фазового глагола *beenden* репрезентирована эгрессивно-фазово-таксисная категориальная ситуация частичной одновременности. Событие, обозначаемое девербативом *der Rücktritt* с инклюзивно-темпоральным предлогом *mit*, частично совпадает с действием фазового глагола *beenden*, является

при этом его «отправным пунктом» или некоторой конечной точкой (в силу глагольной семантики эгрессивности).

В высказываниях (18)–(20) с инклюзивно-темпоральным предлогом *bei* актуализированы различные фазово-примарно-таксисные значения частичной одновременности, которые специфицированы наличием фазовых девербативов *das Starten, das Beenden, die Fortsetzung*.

В высказываниях (21)–(22) репрезентированы ингрессивно-фазово-таксисные значения нестрогого предшествования и строгого следования, маркируемые монотемпоральными предлогами *bis* и *nach*. В высказывании (21) при актуализации категориального значения нестрогого предшествования действие глагола и событие девербатива *das Eintreffen* находятся в отношении «неисключающей временной дизъюнкции».

Системно-языковые связи категорий таксиса, темпоральности и аспектуальности при их «выходе в речь» специфицируют сопряжённые темпорально-таксисные категориальные ситуации, репрезентирующие такие общекатегориальные единицы, как темпоральные атрибуты и адвербиалы, включающие различную темпоральную лексику (календарные имена существительные *das Jahr, der Tag, die Woche* и др., имена прилагательные, наречия), а также различные аспектуальные адвербиалы и атрибуты дуративной и др. семантики, например:

(23) *Nach ihrem Treffen am Vormittag hatte der Ex-Premier erklärt, für das Staatsoberhaupt seien vorgezogene Neuwahlen nicht die vorrangige Lösung der Regierungskrise* (LC).

(24) *Zwei Tage nach ihrer Rückkehr habe ich per E-Mail die Telefonrechnung erhalten* (LC).

(25) *Fünf Tage nach ihrem Eintritt in die Umlaufbahn hat die Raumsonde der Vereinigten Arabischen Emirate das erste Bild vom Mars geschickt* (LC).

(26) *Ein Jahr nach Eintritt in die Partei sei er in den Kreisvorstand Wittenberg gewählt worden* (LC).

(27) *Nur zehn Minuten nach Eintreten des Herzstillstandes ist die Überlebenschance praktisch null* (LC).

(28) *Noch einen Tag vor seinem Rücktritt betonte Kurz, dass er einen Rücktritt wegen der Korruptionsaffäre ablehne* (LC).

(29) *Kurz vor dem Wiedersehen werden die letzten Minuten am Nürnberger Flughafen zu quälend langen Stunden* (LC).

В высказывании (23) с монотемпоральным предлогом *nach* выражена темпорально-примарно-таксисная ситуация строгого следования, детерминированная темпоральным адвербиалом *am Vormittag*. В высказываниях (24)–(27) актуализованы аспектуально-примарно-таксисные значения строгого следования, специфицированные аспектуальными бикомпонентными адвербиалами *zwei Tage, fünf Tage, ein Jahr, zehn Minuten*. Они выступают в качестве временных делимитаторов, конкретизирующих длительность или протяжённость временного интервала между обозначаемыми в высказываниях (23)–(27) действиями, процессами глаголов и событиями девербативов (см. имена *der Eintritt, das Eintreten, die Rückkehr*). В высказываниях (28)–(29) с монотемпоральным предлогом *vor* выражены аспектуально-примарно-таксисные ситуации строгого предшествования. В качестве общекатегориальных элементов, обуславливающих аспектуально-таксисную актуализацию, выступают аспектуальные адвербиалы *einen Tag* и *kurz*.

При наличии в высказываниях целого ряда или комплекса общекатегориальных единиц возможна актуализация таких сопряжённых примарно-таксисных категориальных ситуаций, как аспектуально-фазово-примарно-таксисные, темпорально-фазово-примарно-таксисные и дуративно-итеративно-примарно-таксисные, например:

(30) *Kurz nach dem Eintreffen wurde mit der ersten Begehung begonnen* (LC).

(31) *Kurz vor dem Eintreffen der Beamten stieg sie schließlich aus...* (LC).

(32) *Am Tag vor dem Eintreffen des Sturms werden schließlich alle gefährdeten Menschen evakuiert* (LC).

(33) *Zehn Jahre nach seinem Rücktritt steht der Showmaster wieder auf der großen Bühne* (LC).

(34) *Meist schläft der Starrer eine Stunde vor dem Klingeln des Weckers...* (LC).

В высказываниях (30)–(31) актуализованы аспектуально-фазово-таксисные значения строгого предшествования, специфицированные семантическим взаимодействием фазовых индикаторов, в частности, ингрессивно-фазового глагола *beginnen*, эгрессивно-фазового адвербиала *schließlich* и аспектуального недуративного адвербиала *kurz*. В высказывании (32) репрезентирована темпорально-эгрессивно-фазово-таксисная ситуация строгого предшествования. Она обусловлена темпоральным адвербиалом *am Tag* и фазовым адвербиалом эгрессивной семантики *schließlich*. В высказываниях (33)–(34) актуализованы сопряжённые аспектуально-итеративно-таксисные ситуации строгого следования (см. пример (33)) и строгого предшествования (см. пример (34)). В качестве диагностических индикаторов актуализируемых таксисных ситуаций выступают аспектуальный адвербиал *zehn Jahre*, итеративные наречия *wieder, meist*, а также итеративный девербатив *das Klingeln*. Наличие в высказываниях аспектуальных/итеративных адвербиалов и итеративных девербативов как некоторых общих единиц рассматриваемых взаимодействующих категорий подтверждает факт наличия системно-языковых и конкретно-речевых связей.

ВЫВОДЫ

Таким образом, центрированный ракурс рассмотрения системно-языковых связей категории таксиса, в частности субкатегории примарного таксиса с категориями и субкатегориями темпоральности, аспектуальности, итеративности, дуративности и фазовости, детерминирует речевую актуализацию различных таксисных категориальных значений одновременности и разновременности в условиях таксисного синтагматического контекста или таксисной среды. Комплексный функционально-семантический подход к анализу межкатегориального взаимодействия в сфере примарного таксиса предполагает рассмотрение не только системных межкатегориальных связей категорий таксиса, темпоральности и аспектуальности, но и её учёт их конкретно-речевых

проявлений в определённой таксисной среде, в том числе учёт особенностей функционирования различных общекатегориальных языковых единиц – темпоральных предлогов, а также темпоральных, аспектуальных, итеративных, дуративных, фазовых адвербиалов и атрибутов, а также фазовых и итеративных глаголов и девербативов.

Наличие в высказываниях общих элементов взаимодействующих категорий подтверждает их системно-языковые и конкретно-речевые связи и является фактором, специфицирующим актуализацию сопряжённых примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности, предшествования и следования.

Список источников

1. Бондарко А.В. О взаимосвязях категорий грамматики // Системные связи в грамматике и тексте. Материалы чтений памяти Ю.А. Пупынина. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 13-23. URL: <https://iling.spb.ru/conf/pupynin2010.pdf>
2. Галазов Э.Ю. Грамматическая категория времени во взаимосвязях и взаимодействии с другими глагольными грамматическими категориями // Lingua-universum. 2018. № 3. С. 15-19. <https://elibrary.ru/yxbnui>
3. Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках. Новосибирск, 2020. 173 с. <https://elibrary.ru/vjppjq>
4. Кудинова Н.Л. Взаимодействие категорий таксиса и аспектуальности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-2 (52). С. 115-117. <https://elibrary.ru/uiopxj>
5. Шустова С.В., Комиссарова Е.С. К вопросу о межкатегориальном взаимодействии (на примере категории итеративности в немецком языке) // Евразийский вестник гуманитарных исследований. 2015. № 1 (2). С. 115-118. <https://elibrary.ru/ucvazb>
6. Курбаленко Н.В. О межкатегориальных связях (на примере каузативности, модальности и императивности) // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2020. № 4 (107). С. 80-86. <https://elibrary.ru/abjcyu>
7. Бондарко А.В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / под общ. ред. А.В. Бондарко. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 234-242. URL: https://www.studmed.ru/bondarko-a-v-otv-red-teoriya-funkcionalnoy-grammatiki-vvedenie-aspektualnost-vremennaya-lokalizovannost-taksis_9d89c4df1-cc.html

References

1. Bondarko A.V. O vzaimosvyazyakh kategorii grammatiki [On the relationship of categories of grammar]. *Sistemnye svyazi v grammatike i tekste. Materialy chtenii pamyati Yu.A. Pupynina* [System Connections in Grammar and Text. Materials of Readings in Memory of Yu.A. Pupynin.]. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2011, pp. 13-23. (In Russ.) Available at: <https://iling.spb.ru/conf/pupynin2010.pdf>
2. Galazov Eh.Yu. Grammaticheskaya kategoriya vremeni vo vzaimosvyazyakh i vzaimodeistvii s drugimi glagol'nymi grammaticheskimi kategoriyami [The grammatical category of time in relationships and interaction with other verbal grammatical categories] *Lingua-universum*, 2018, no. 3, pp. 15-19. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yxbnui>
3. Arkhipova I.V. *Kategoriya taksisa v raznostrukturnykh yazykakh* [The category of taxis in multi-structural languages]. Novosibirsk, 2020, 173 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vjppjq>
4. Kudinova N.L. Interaction of the categories of taxis and aspectuality. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2015, no. 10-2 (52), pp. 115-117. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uiopxj>
5. Shustova S.V., Komissarova E.S. On the issue of category interaction (by the example of the category of interativeness in the German language). *Evraziiskii vestnik gumanitarnykh issledovaniy* [Eurasian Herald of Humanitarian Research], 2015, no. 1 (2), pp. 115-118. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ucvazb>
6. Kurbalenko N.V. Intercategory relations (in terms of causation, modality and imperativeness). *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 1: Filologiya = Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1. Philology*, 2020, no. 4 (107), pp. 80-86. (In Russ.) <https://elibrary.ru/abjcyu>

7. Bondarko A.V. Obshchaya kharakteristika semantiki i struktury polya taksisa [General characteristics of the semantics and structure of the taxis field]. *Teoriya funktsional'noi grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Functional Grammar Theory: Introduction, Aspectuality, Temporal Localization, Taxis]. Moscow, LENAND Publ., 2017, pp. 234-242. (In Russ.) Available at: https://www.studmed.ru/bondarko-a-v-otv-red-teoriya-funktsionalnoy-grammatiki-vvedenie-aspektualnost-vremennaya-lokalizovannost-taksis_9d89c4df1cc.html

Информация об авторе

Архипова Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германских языков, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-0685-335X>, irarch@yandex.ru

Вклад в статью: идея, поиск и анализ научной литературы, поиск и анализ примеров из Лейпцигского национального корпуса, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 26.10.2022
Одобрена после рецензирования 09.01.2023
Принята к публикации 19.01.2023

Information about the author

Irina V. Archipova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Romano-Germanic Languages Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-0685-335X>, irarch@yandex.ru

Contribution: idea, scientific literature search and analysis, search and analysis of examples from the Leipzig National Corpus, manuscript text drafting.

Received: October 26, 2022
Revised: January 09, 2023
Accepted: January 19, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 811.111-26, 800

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-97-110>

Шифр научной специальности 5.9.6

Языковые особенности противопоставления и антонимии в области англоязычных экономических номинаций

Лев Морисович ШАКИРЬЯНОВ

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

450076, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32

✉ levshakiryarov@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено анализу реализации противоположных лексических единиц финансовой направленности, находящихся в оппозиции друг к другу в рамках простых и сложных структур, в которых задействованы один (противопоставление) и два процесса (антонимия) номинации. Теоретическая значимость анализа состоит в обобщении лингвистических учений по проблеме оппозиций и антонимии разных лет. Цель работы заключается в описании простых структур с точки зрения классификации противопоставления по частеречной принадлежности и по способу образования отношений, а сложных – с позиций словообразования, лексико-семантических средств, а также комбинации и тех, и других. Задачи исследования составляют анализ грамматических категорий падежа, одушевлённости/неодушевлённости и числа. Его новизна заключается в том, что, в отличие от традиционного рассмотрения антонимов как противоположностей между двумя и более структурами, здесь также рассматривается антонимия внутри одного элемента (противопоставление), под которым и понимается номинация. Применены такие общенаучные методы, как анализ, синтез, сравнение, обобщение. Для выполнения частных задач использован метод сплошной выборки и экспериментальная методика логико-семантической классификации противопоставления и антонимов, которая позволяет выявить две классификации первого явления внутри одной номинации и три классификации второго явления внутри двух номинаций.

Ключевые слова: антонимы, противопоставление, части речи, словообразование, грамматические категории, экономика

Для цитирования: Шакирьянов Л.М. Языковые особенности противопоставления и антонимии в области англоязычных экономических номинаций // Неофилология. 2023. Т. 9. № 1. С. 97-110. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-97-110>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Linguistic features of opposition and antonymy in the field of English-language economic nominations

Lev M. SHAKIRYANOV

Bashkir State University

32 Zaki Validi St., Ufa 450076, Republic of Bashkortostan, Russian Federation

 levshakiryano@gmail.com

Abstract. The study is devoted to the analysis of the implementation of opposite lexical units of financial orientation, which are in opposition to each other within the framework of simple and complex structures, in which one (contradiction) and two processes (antonymy) of nomination are involved. The theoretical significance of the analysis lies in the generalization of linguistic teachings on the problem of oppositions and antonyms of different years. The purpose of the work is to describe simple structures from the point of view of classifying opposition by part-of-speech and by the method of forming relations, and complex structures from the standpoint of word formation, lexico-semantic means, as well as a combination of both. The objectives of the study are to analyze the grammatical categories of case, animateness/inanimateness and number. Its novelty lies in the fact that, in contrast to the traditional consideration of antonyms as opposites between two or more structures, antonymy is also considered here within one element (opposition), which is understood as nomination. Such general scientific methods as analysis, synthesis, comparison, generalization are applied. To perform particular tasks, the continuous sampling method and the experimental method of logical-semantic classification of opposition and antonyms were used, which allows us to identify two classifications of the first phenomenon within one nomination and three classifications of the second phenomenon within two nominations.

Keywords: antonyms, opposition, parts of speech, word formation, grammatical categories, economics

For citation: Shakiryano, L.M. Linguistic features of opposition and antonymy in the field of English-language economic nominations. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(1):97-110. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-97-110>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Неудивительно, что исследование «опозиций»¹ возникло в языкознании раньше, чем «антонимии»², поскольку большую часть случаев противопоставления составляют бинарные противоположности.

Вместе с тем антонимия³ сама не всегда рассматривалась как противоположность между только двумя языковыми элементами. Так, типы антонимов иногда насчитывали до восьми разновидностей.

По частеречной принадлежности антонимы делились на антонимы-субстантивы,

¹ *Trubetzkoy N. Grundzüge der Phonologie // Travaux du cercle linguistique de Prague. 1939. № 7. P. 706-712. https://doi.org/10.1007/978-94-017-6059-1_32*

² *Комиссаров В.Н. Словарь антонимов современного английского языка. М.: Междунар. отношения, 1964. 288 с. URL: https://fileskachat.com/view/89943_e88aeaa2117ead29245b66e0ae81e92d.html*

³ Все выявленные примеры в рамках одной номинации представляют собой противопоставление, то есть случаи, где есть указание на различие, противоположность признаков одного и другого, случаи же примеров в рамках двух номинаций представляют собой антонимию, или противоположность по значению языковых единиц одного уровня.

антонимы-адъективы и т. д.⁴; по морфемной структуре противопоставления антонимы были однокорневыми и разнокорневыми. В рамках типа лексической номинации они включали лексические антонимы и фразеологические антонимы⁵.

С точки зрения лексической сочетаемости антонимы можно было разделить на две группы: 1) антонимы с относительно «полным совпадением сочетаемости»; 2) антонимы с частичным совпадением сочетаемости⁶. С позиции контекстуального критерия выделяли системные, системно-речевые и речевые противоположности, с позиции же семантического – контрадикторные, контрарные и другие антонимы.

В этой связи настоящее исследование не покажется новым, так как оно содержит уже имеющиеся разновидности противоположностей, так или иначе рассматриваемые ранее. Новизна же его состоит в том, что, в отличие от традиционного рассмотрения антонимов как противоположностей между двумя и более элементами, здесь также рассматривается антонимия внутри одного элемента.

Как и принято, данная работа также опирается на следующие разделы знаний, без которых не обходится ни одно значимое исследование антонимии, а учёные, работавшие и работающие в данных областях, продолжают считаться незыблемыми авторитетами:

– философия и теория познания (Аристотель, Г. Гадамер, Г. Гегель, И. Кант, А.Ф. Лосев, Платон, И.Г. Фихте, Ф. Шеллинг);

– теория значения и словообразования (Г.Б. Антрушина, Ю.Д. Апресян, О.С. Ахманова, И.М. Кобозева, О.Д. Мешков, Ю.В. Федосов и др.);

⁴ Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1959. 350 с.; Антрушина Г.Б. Лексикология английского языка. М.: Дрофа, 2001. 288 с. URL: <https://nashol.me/20180722102219/leksikologiya-angliiskogo-yazika-antrushina-g-b-afanaseva-o-v-morozova-n-n-2001.html>

⁵ Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: Эллис, 2008. 270 с. URL: https://www.studmed.ru/alefirenko-nf-frazeologiya-v-svete-sovremennyh-lingvisticheskikh-paradigm_d3f6eed0c68.html

⁶ Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с. <https://elibrary.ru/pwfjrv>

– теория антонимии (И.В. Арнольд, О.С. Ахманова, В.А. Иванова, В.Н. Комиссаров, М.Р. Львов, Е.Н. Миллер, Л.А. Новиков, С.Г. Шафиков, N. Webster, J. Richards, J. Platt, H. Weber и др.).

После возникновения антонимии учёные продолжали работать над проблемой определения элементов, составляющих данное явление; из наиболее значимых определений можно привести следующие:

– антонимы – это «слова противоположного значения»⁷;

– антонимы – это «слова разного звучания, которые выражают противоположные, но соотносительные друг с другом понятия»⁸;

– антонимы – это «слова, противоположные по сигнификативному значению»⁹;

– антонимы – это «слова разного звучания, выражающие противоположные, но соотносительные друг с другом понятия»¹⁰;

– антонимы – это «слова, противопоставленные по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку, причём эти слова должны находиться на крайних точках соответствующей лексико-семантической парадигмы»¹¹;

– антонимы – это «лингвистически сопряжённые пары слов»¹².

Спустя десятилетия проблема антонимии по-прежнему остаётся актуальной – она освещается в следующих группах исследований:

⁷ Комиссаров В.Н. Словарь антонимов современного английского языка. URL: https://fileskachat.com/view/89943_e8aeaea2117ead29245b66e0ae81e92d.html

⁸ Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1964. 316 с.

⁹ Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. 271 с. URL: https://www.studmed.ru/stepanov-yu-s-osnovy-obschego-yazykoznaniya_3a532f9b4b8.html

¹⁰ Прохорова В.Н. О словах с противоположными значениями в русских говорах // Филологические науки. 1961. № 1. С. 122-127. URL: https://www.elibrary.ru/title_about.asp?id=9221

¹¹ Шмелёв Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. 244 с. URL: <https://b.eruditor.one/file/3053963/>

¹² Соколова Н.Л. К проблеме определения и классификации антонимов и их стилистического использования // Филологические науки. 1977. № 6. С. 60-69. URL: https://www.elibrary.ru/title_about.asp?id=9221

- сопоставительные исследования антонимии (К.А. Покоякова, Р.А. Майтиева и др.);
- исследования антонимии в редких языках (Т.Г. Бочина, С.Н. Саввинова, Р.Х. Дзуганова, Б.А. Берберов, М.З. Валиева):
 - кабардино-черкесский;
 - карачаево-балкарский;
 - татарский;
 - тувинский;
 - эвенский;
- анализ извечных вопросов, касающихся типологии антонимов (в том числе сопоставления словарей) (С.А. Ермаков, Н.Л. Лаврова, Т.В. Викторина).

Остановимся на сопоставительных исследованиях антонимии. Одними из таких являются труды К.А. Покояковой. В них учёный проводит сопоставительное исследование образа мира в языковом сознании носителей хакасского и русского языков с опорой на базовую оценочную оппозицию хороший/плохой (чахсы/хомай). Исследователю удаётся выявить «доминирование ассоциаций антропоцентрической направленности в восприятии характеристик хороший/плохой, их связи с образом человека в первую очередь, а также более разнообразный набор в русском языковом сознании реакций, конкретизирующих номинации семейных и межличностных отношений, различных видов деятельности» [1, с. 63]. Также сопоставительные исследования представлены в работах Р.А. Майтиевой. В них исследователь проводит сопоставительный анализ антонимичных устойчивых сочетаний русского и английского языков, отмечая, что фразеологическая антонимия исследуемых языков относится к явлениям не столь распространённым. При этом Р.А. Майтиевой удаётся выявить, что «наибольшее количество фразеологизмов-антонимов встречается среди вербальных фразеологизмов, а наиболее продуктивным способом образования фразеологических единиц-антонимов считается замена одного из компонентов фразеологической единицы на антонимичный, а также посредством применения отрицательной частицы» [2, с. 34].

Приведём некоторые исследования антонимии в редких языках. Так, в работах Т.Г. Бочиной рассматриваются различные реализации в тувинских пословицах и поговорках принципа контраста, универсального способа познания окружающего мира и дихотомического структурирования знания. Учёный демонстрирует «роль параллелизма в ритмико-композиционном построении тувинских паремий, выявляются разные виды параллелизмов, основанных на сходстве и контрасте» [3, с. 37]. В работах С.Н. Саввиновой анализируется лексическая антонимия имён существительных в эвенском языке. Необходимость исследования видится автором в их «большом значении для систематического описания семантики лексики» [4, с. 42]. В исследовании имена существительные делятся в соответствии с лексическими значениями по семантическим подгруппам. В исследованиях Р.Х. Дзугановой анализируются лексико-грамматические и морфонологические особенности антонимических пар и их функционирование в кабардино-черкесском языке. Научная новизна работ заключается в том, что в них «впервые на основе фактического материала определяются лексические, грамматические и морфонологические особенности разнонаправленных моделей в глаголе указанного языка, а также устанавливается степень регулярности моделей исследуемой группы» [5, с. 1439]. Б.А. Берберов исследует типологию антонимов, характерную для карачаево-балкарской загадки. Учёный проводит текстологический анализ с элементами сплошной выборки на материале фундаментального сборника национальных загадок в количестве 1447 единиц. Одним из важных результатов исследования является установление закона соотнесённости между загадкой и антонимией. Исследователю удаётся выявить, что этноспецифическую сущность антонимов в карачаево-балкарских загадках определяет бинарная оппозиция «верх – низ», обусловленная детерминацией горного ландшафта, а вторую позицию по численности занимают цветовые антитезы, среди которых наблюдается доминирование чёрно-белых композиционных моделей. Б.А. Берберов проводит также различие ме-

жду «узуальными, или стабилизированными в языке антонимами, и контекстуальными, то есть словами, обретающими статус антонима только в заданном контексте» [6, с. 126]. В исследованиях М.З. Валиевой на материале татарских письменных источников XVII–XVIII веков рассматривается функционирование языковых антонимов со значением «здоровье» – «болезнь». В них учёный подчёркивает актуальность таких исследований, которая заключается в том, что «семантико-стилистические и функциональные особенности парадигматических отношений, в том числе антонимов в письменных источниках XVII–XVIII веков, изучены недостаточно» [7, с. 17].

В работах С.А. Ермакова при исследовании вопроса создания словарей синонимов и антонимов противоположности рассматриваются как «индикаторы степени проявления доминантного опорного семантического признака» [8, с. 161]. Кроме того, учёный, используя методику лексикографического обобщения словарных дефиниций, осуществляет семную интерпретацию значений слов с применением аспектно-структурного подхода с трафаретной моделью семного описания.

Работы Н.А. Лавровой посвящены типологической классификация антонимов. В них исследуется многослойная сущность антонимии, а также её логической связи с другими системными отношениями в лексике. Филологу удаётся доказать, что «требования, предъявляемые к классическим синонимам, также могут предъявляться и к классическим антонимам» [9, с. 62].

Исследования Т.В. Викторинной посвящены роли антонимии в создании контраста в рассказах А.И. Куприна. В них учёный описывает типы антонимов, используемые писателем, и их функции, а также примеры межчастеречной антонимии. Кроме того, исследователем изучаются стилистические приёмы, основанные на антонимии, выявляется характерная особенность идиостиля А.И. Куприна, а именно контрастное изображение мира художественной действительности [10, с. 103].

Нам пришлось проделать немалый путь от понимания антонимии как логико-семантической категории контраста до при-

знания её в значительной степени относящейся к оппозиционным структурам.

Элементом, внутри которого рассматривается антонимия, называется *номинация*, содержащая слова и словосочетания. Подобным образом связаны простые структуры. Кроме того, исследуются сложные структуры, относящиеся к традиционному рассмотрению антонимов как явлению между двумя и более элементами. По сути, *номинация* – это процесс именования посредством соответствующей характеризующей языковой единицы (детерминирующей лексемы) какого-либо объекта или явления в закономерном ряду определённой системы и категории.

Итак, внутри одной номинации противопоставление классифицируется по частеречной принадлежности и по способу образования. По частеречной принадлежности оно, как и прежде, делится на антонимы-субстантивы, антонимы-адъективы и т. д. По способу образования антонимы представляют собой противоположности внутри одного словосочетания, в словах с дефисным написанием, где каждая из частей противопоставлена другой части, а также в одном слове словосочетания, элементы которого контрастируют за счёт чередования положительных и отрицательных полюсов.

Внутри двух номинаций антонимы реализуются за счёт словообразовательных средств, за счёт лексико-семантических средств, а также за счёт комбинации обоих видов.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Цель данной работы заключается в том, чтобы дополнить существующие особенности антонимов в части их упорядочения при изучении более частных случаев реализации противопоставления и антонимии между экономическими терминами.

Так, для выполнения данной цели ставится задача по исследованию реализации противопоставления внутри одной номинации и антонимии внутри двух номинаций. Такая классификация содержит деления по грамматическим категориям, частям речи и словообразовательным частям слов. К грамматическим категориям отнесены категории

падежа, одушевлённости/неодушевлённости и числа. Среди частей речи анализируются субстантивы, вербы, адвербы, адъективы, местоимения, предлоги, союзы, частицы. В качестве вербов также исследуются инфинитивы, герундиальные вербы и отглагольные причастия. В качестве адъективов рассматриваются отглагольные адъективы, неотглагольные адъективы, герундиальные адъективы, негерундиальные адъективы. В качестве союзов анализируются соединительные союзы, разделительные союзы и подчинительные союзы. В качестве частиц исследуются частицы *no* и *to*. Среди словообразовательных частей слова выделяются корни слова, аффиксы (суффиксы и префиксы) и окончания. Здесь также отдельно исследуется конверсия как способ словообразования.

Выбор *методов* анализа, использованных в исследовании, обусловлен его целью, задачами и характером языкового материала. В ходе исследования применяются такие общенаучные методы, как анализ, синтез, сравнение, обобщение. Для выполнения частных задач используются метод сплошной выборки и экспериментальная методика логико-семантической классификации противопоставления и антонимов. Последняя заключается в упорядочении всевозможных случаев реализации экономических терминов как реализующихся внутри одной номинации и внутри двух номинаций. Методика позволяет выявить две классификации противопоставления **внутри одной номинаций (противопоставление)** и три классификации **внутри двух номинаций (антонимия)**.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках классификации антонимов **внутри одной номинации (противопоставление) по частеречной принадлежности** возможна реализация между субстантивами, вербами, адвербами, адъективами, местоимениями, предлогами. Также возможны частные случаи реализации противопоставления – совместная реализация некоторых из элементов (вербов и адъективов, вербов и субстантивов, субстантивов и адъективов, адъективов и предлогов). Кроме того, воз-

можна совместная реализация отдельных элементов и словосочетаний, а также реализация противопоставления за счёт словосочетаний. Частные случаи реализации приведены в других наших работах.

При делении противоположностей **внутри одной номинации (противопоставление) по частеречной принадлежности субстантивы** анализируются в свете грамматической категории одушевлённости/неодушевлённости. Здесь исследуются одушевлённые (*contest between master and laborer*) и неодушевлённые (*activity analysis of production and allocation*) субстантивы. Также рассматривается грамматическая категория числа. В этой связи анализируются субстантивы в единственном числе (*activity analysis of production and allocation*), субстантивы во множественном числе (*assets and liabilities*) и субстантивы в единственном/множественном числе (*balance of income and expenditures*).

В рамках анализа классификации антонимии **внутри одной номинации (противопоставление) по частеречной принадлежности вербы** могут быть представлены инфинитивами. Здесь рассматриваются инфинитивы с частицей *to* (*order to buy or to sell at best*) и без неё (*feed-gain relationship*). Также анализируется реализация вербов в качестве атрибутов (*feed-gain relationship*) и изолированная реализация вербов (*order to buy or to sell at best*). Кроме того, вербы могут быть выражены герундиальными вербами (Participle 1) (*starting-and-stopping costs*) и отглагольными причастиями (Participle 2). Во втором случае анализу подлежит реализация в качестве атрибутов – атрибутов в препозиции (*lost and found department*) и атрибутов в постпозиции (*currency lost or destroyed*), и изолированная реализация вербов (*asked and bid*).

В качестве иллюстрации реализации противопоставления в рамках классификации антонимов **внутри одной номинации (противопоставление) по частеречной принадлежности между адвербами** можно привести следующие словосочетания: *jointly and severally, pilotage inwards or outwards, prices tend downwards or upwards, ten points off or on, to jockey back and forth*. Вопрос о дальнейшем делении примеров пока остаётся

открытым, хотя можно выделить пространственные наречия с вертикальной локализацией (*prices tend downwards or upwards*), пространственные наречия с горизонтальной локализацией (*pilotage inwards or outwards, to jockey back and forth*) и наречия без определённой локализации (*jointly and severally, ten points off or on*).

При классифицировании антонимов **внутри одной номинации (противопоставление) по частеречной принадлежности адъективы** рассматриваются в свете реализации противопоставления между адъективами (*bad money drives out good*) и внутри адъективов. В рамках последней антонимы могут быть выражены непосредственно адъективами (*black-and-white advertisement*) и субстантивами (*age-sex classification*). Кроме того, допускается их вербально-субстантивное выражение (*try-and-error method*).

Примерами реализации противопоставления при делении антонимов **внутри одной номинации (противопоставление) по частеречной принадлежности между местоимениями** являются фразы *many-vs-many duel* и *to make a bargain all-or-nothing*.

В рамках классификации антонимов **внутри одной номинации (противопоставление) по частеречной принадлежности между предложениями** примерами являются словосочетания *at or better, first-in-first-out, first-in-first-out costing, first-in-first-out method, free in and out* и т. д.

Классификация антонимов **внутри одной номинации (противопоставление) по способу образования противопоставления** содержит способы реализации антонимии в рамках одного словосочетания (*asked and bid*). Также здесь рассматривается актуализация противопоставления в словах с дефисным написанием, где каждая из частей контрадикторно противопоставлена другой части (*adaptation of supply-to-demand*). В качестве ещё одного способа анализируется реализация антонимии в одном слове словосочетания, элементы которого контрастируют за счёт чередования отрицательных и положительных полюсов (*breakeven order value*).

В рамках классификации антонимов **внутри одной номинации (противопостав-**

ление) по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания рассматривается реализация противопоставления с помощью вспомогательных средств (*activity analysis of production and allocation*) и без них (*bad money drives out good*). В свете первой реализации исследуется реализация противопоставления с помощью союзов (*activity analysis of production and allocation*), предлогов (*conversion of surplus value into capital*) и частиц (*ratio of reserves to liabilities*).

В рамках классификации антонимов **внутри одной номинации (противопоставление) по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания с помощью союзов** последние могут быть представлены соединительными союзами и подчинительными союзами.

Примерами **использования соединительных союзов** при классификации антонимов **внутри одной номинации (противопоставление) по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** являются следующие словосочетания:

- *balance on goods and services;*
- *balancing of demand and supply;*
- *bargain and sale;*
- *debit and credit;*
- *divorce of requirements of production and producers;*
- *equation of demand and supply;*
- *equilibrium of sales and purchases;*
- *export of goods and services;*
- *extras for size and quality;*
- *fluctuations of supply and demand;*
- *goods and services expenditure(s);*
- *import of goods and services;*
- *import quotas and tariffs;*
- *inequality of supply and demand;*
- *interaction of supply and demand;*
- *joint and several liability;*
- *labor and capital;*
- *labor and wages department;*
- *leads and lags;*
- *master and servant;*
- *minimum of risk and maximum of revenue;*
- *odd and even;*

– *population making according to sex and age;*

– *ratio between gold and silver.*

При использовании **разделительных союзов** в рамках классификации антонимов **внутри одной номинации (противопоставление) по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** противопоставление может реализовываться как с использованием частицы *no*, так и без неё.

Иллюстрацией использования частицы *no* при применении **разделительных союзов** в рамках классификации антонимов **внутри одной номинации (противопоставление) по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** является словосочетание *berth or no berth*.

Примерами реализации противопоставления с помощью **разделительных союзов** в рамках классификации антонимов **внутри одной номинации (противопоставление) по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** без использования частицы *no* являются следующие словосочетания:

– *at or better;*

– *currency lost or destroyed;*

– *coining value of an ounce of gold or silver;*

– *cost or market whichever is lower;*

– *order to buy or to sell at best;*

– *prices tend downwards or upwards;*

– *ten points off or on;*

– *to post credit or debit to the account;*

– *to yield a fair or poor return.*

В рамках классификации антонимов **внутри одной номинации (противопоставление) по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** при реализации противопоставления с помощью **предлогов** рассматриваются классификация предлогов и состав предлогов.

При изучении **классификации предлогов** в рамках классификации антонимов **внутри одной номинации (противопоставление) по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** анализу подвергаются предлоги *by, for, from, into, in relation to, over, per, with*.

Примером реализации антонимов с помощью предлога *by* при изучении **классификации предлогов** в рамках классифицирования антонимов **внутри одной номинации (противопоставление) по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** является словосочетание *displacement of human labor by machinery*.

В свете использования предлога *for* при исследовании **классификации предлогов** в рамках классифицирования антонимов **внутри одной номинации (противопоставление) по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** подвергаются анализу случаи антонимии между словами/словосочетаниями в единственном/множественном числе (*to substitute machinery for workers*) и словами/словосочетаниями исключительно во множественном числе (*to trade fixed assets for current assets*).

При реализации антонимов с помощью предлога *from* при исследовании **классификации предлогов** в рамках классифицирования антонимов **внутри одной номинации (противопоставление) по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** возможна реализация противопоставления исключительно между словами (*deviation of prices from value, divergence of price from value*) и между словами/словосочетаниями (*divorce of producer from the means of production*).

В связи с реализацией антонимов с помощью предлога *into* при исследовании **классификации предлогов** в рамках классифицирования антонимов **внутри одной номинации (противопоставление) по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** рассматриваются случаи реализации противопоставления между словами (*to convert pounds into dollars*) и случаи реализации противопоставления между словами/словосочетаниями. Последние содержат примеры антонимии между словами/словосочетаниями в единственном числе (*conversion of surplus value into capital, to convert a firm into a limited company*) и словами/словосочетаниями во множественном числе (*equalization of values*

of commodities into prices of production, to convert a firm into a limited company).

Примером реализации антонимов с помощью предлога *in relation to* при исследовании **классификации предлогов** в рамках классифицирования антонимов **внутри одной номинации (противопоставление) по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** является фраза *depreciation of currency in relation to gold*.

При реализации антонимов с помощью предлога *over* при исследовании **классификации предлогов** в рамках классифицирования антонимов **внутри одной номинации (противопоставление) по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** противопоставление может актуализироваться между словами в единственном числе (*excess of birth over death*) и словами во множественном числе (*excess of receipts over expenses*).

Случаи реализации антонимов с помощью предлога *per* при исследовании **классификации предлогов** в рамках классифицирования антонимов **внутри одной номинации (противопоставление) по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** могут быть проиллюстрированы фразой *number of divorces per new marriages*.

Примером реализации противопоставления с помощью предлога *with* при изучении **классификации предлогов** в рамках классифицирования антонимов **внутри одной номинации (противопоставление) по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** служит словосочетание *to coordinate receipts with expenditures*.

При изучении **состава предлогов** в рамках классифицирования антонимов **внутри одной номинации (противопоставление) по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** исследованию подлежат предлоги из нескольких слов (*depreciation of currency in relation to gold*) и предлоги из одного слова (*conversion of surplus value into capital* и т. д.).

Актуализация противопоставления с помощью частиц в рамках исследования анто-

нимов **внутри одной номинации (противопоставление) по способу образования противопоставления в рамках одного словосочетания** может быть проиллюстрирована словосочетаниями (*ratio of reserves to liabilities, subordination of labor to capital*).

Два других раздела классификации антонимии **внутри одной номинации (противопоставление) по способу образования противопоставления**, а именно – случаи реализации противопоставления **в словах с дефисным написанием**, а также **антонимы в одном слове словосочетания** содержат более частные случаи реализации и рассмотрены в других работах автора [11; 12].

При рассмотрении противопоставления **внутри двух номинаций (антонимия) за счёт словообразовательных средств** проводится различие между отглагольными (*clearing house stocks / nonclearing house stocks*) и неотглагольными прилагательными (*assessable stock/nonassessable stock*). Также возможно образование противопоставления за счёт аффикса *non-*, происходящего от частицы *no* (*broker's loan / nonbroker's loan*), образования за счёт самой частицы *no* (*of value / of no value*). Одним из способов является образование противопоставления за счёт реализации аффиксов в одном из терминов (*ab-, il-, in-, un-, non-*) (*biased/unbiased*) и при помощи двухполосных аффиксов (*declaration inwards/declaration outwards*).

При реализации противопоставления **за счёт словообразовательных средств внутри двух номинаций (антонимия)** также актуализируются следующие аффиксы:

- *-less* (*effectual/effectless*);
- *-after-* (*crop/aftercrop*);
- *-a-* (*periodicity/aperiodicity*);
- *-anti-* (*Malthusianism/anti-Malthusianism*);
- *-co-* (*creditor/co-creditor*);
- *-counter-* (*offer/counteroffer*);
- *-cross-* (*elasticity/cross-elasticity*);
- *-de-* (*control/decontrol*);
- *-dis-* (*economy/diseconomy*);
- *-extra-* (*budgetary funds / extra-budgetary funds*);
- *-half-* (*finished goods / half-finished goods*);
- *-hyper-* (*employment/hyperemployment*);

- *mid-* (*month population / midmonth population*);
- *multi-* (*plant development / multiplant development*);
- *mini-* (*recession/minirecession*);
- *pre-* (*contract/precontract*);
- *quasi-* (*contractual/quasi-contractual*);
- *re-* (*costs of sales / costs of resales*);
- *semi-* (*natural economy / seminatural economy*);
- *sub-* (*agency/subagency*);
- *super-* (*corporate control / supercorporate control*).

Кроме того, при реализации противопоставления за счёт словообразовательных средств внутри двух номинаций (антонимия) происходит реализация префиксов греческого происхождения *iso-* («равенство, единообразие, сходство») (*cost curve / isocost curve*), *neo-* (*classical economies / neoclassical economies*), *pseudo-* (*shadow price / pseudoshadow price*), аффикса латинского происхождения *ante-* (*nuptial/antenuptial*) и префикса французского происхождения *-mal* (*adjustment/maladjustment*).

В рамках реализации противопоставления внутри двух номинаций (антонимия) за счёт лексико-семантических средств возможна актуализация антонимов за счёт атрибута *deputy*, адъективов *double* и *new*, предлогов *of/under*. Кроме того, возможна актуализация антонимов за счёт латинских атрибутов *de facto / de jure*, латинских атрибутов *prior/posterior*. В качестве ещё одного способа используются латинские наречия *a priori / a posteriori*, латинские предлоги *cum* и *ex*, а также латинские атрибуты *ex ante* и *ex post*.

Примером актуализации противопоставления внутри двух номинаций (антонимия) за счёт лексико-семантических средств за счёт атрибута *deputy* являются словосочетания *chief engineer / deputy chief engineer*.

Иллюстрацией актуализации контрадикторных логико-семантических отношений внутри двух номинаций (антонимия) за счёт лексико-семантических средств за счёт адъектива *double* являются фразы *logarithmic chart / double logarithmic chart*.

Случаи актуализации противопоставления внутри двух номинаций (антонимия)

за счёт лексико-семантических средств за счёт адъектива *new* могут быть проиллюстрированы словосочетаниями *construction activity/new construction activity, reproduction cost/reproduction new cost*.

Примером актуализации противопоставления внутри двух номинаций за счёт лексико-семантических средств за счёт предлогов *of/under* является пара словосочетаний *to be of age / to be under age*.

Примерами актуализации противопоставления внутри двух номинаций (антонимия) за счёт лексико-семантических средств за счёт латинских атрибутов *de facto / de jure* являются словосочетания *de facto address / de jure address, de facto census / de jure census, de facto enumeration / de jure enumeration, de facto household / de jure household, de facto marriage / de jure marriage, de facto population / de jure population*.

Реализация противопоставления внутри двух номинаций (антонимия) за счёт лексико-семантических средств за счёт латинских атрибутов *prior/posterior* может быть проиллюстрирована фразами *prior distribution / posterior distribution*.

Примером реализации противопоставления внутри двух номинаций (антонимия) за счёт лексико-семантических средств за счёт латинских наречий *a priori / a posteriori* являются фразы *a priori method / a posteriori method*.

Иллюстрацией противопоставления внутри двух номинаций (антонимия) за счёт лексико-семантических средств при помощи латинских предлогов *cum* и *ex* являются словосочетания *cum interest / ex interest*.

Актуализация противопоставления внутри двух номинаций (антонимия) за счёт лексико-семантических средств при помощи латинских атрибутов *ex ante* и *ex post* протекает в словосочетаниях *ex ante analysis / ex post analysis, ex ante savings / ex post savings*.

При реализации противопоставления внутри двух номинаций (антонимия) за счёт совместного использования словообразовательных и лексико-семантических средств антонимия актуализируется за счёт продуктивных элементов *on* и *off*. Кроме то-

го, она может актуализироваться за счёт аффиксов *macro-/micro-* и *mono-/poly-*, при помощи прилагательных *upper/lower*, предлогов *above/below*. Дополнительными способами служат реализация двухполюсных аффиксов *in-/out-* в терминах, описывающих горизонтальное перемещение в пространстве, использование фразовых/нефразовых глаголов, а также реализация противопоставления с помощью словообразовательных префиксов *inter-/intra-*.

В рамках реализации противопоставления **внутри двух номинаций (антонимия) за счёт совместного использования словообразовательных и лексико-семантических средств за счёт продуктивных элементов *on* и *off*** рассматривается актуализация непосредственно за счёт одного элемента *off* (*diagonal element / off-diagonal element*), а также актуализация за счёт обоих элементов *on* и *off* (*on-line installations / off-line installations*).

Примерами реализации противопоставления **за счёт совместного использования словообразовательных и лексико-семантических средств за счёт аффиксов *macro-* и *micro-*** в свете классификации антонимов **внутри двух номинаций (антонимия)** являются словосочетания *macroeconomic analysis / microeconomic analysis*, *macroeconomic relationship / microeconomic relationship*, *macroeconomic theory / microeconomic theory*, *macrodemography/microdemography*, *macroeconomics/microeconomics*.

При реализации противопоставления **внутри двух номинаций (антонимия) за счёт совместного использования словообразовательных и лексико-семантических средств при помощи прилагательных *upper/ lower*** неизменяемые элементы могут представлять собой как отдельные слова (*upper value / lower value*), так и словосочетания, содержащие герундиальный атрибут и субстантив (*upper turning point / lower turning point*).

В случае, когда происходит образование антонимов **внутри двух номинаций (антонимия) за счёт совместного использования словообразовательных и лексико-семантических средств при помощи предлогов *above/below***, последние образуют противо-

поставленные фразы *above the line / below the line*, которые могут использоваться в качестве антонимов как самостоятельно, так и служить дополнением к другим словами (*expenditure(s) above the line / expenditure(s) below the line*, *revenue above the line / revenue below the line*). При реализации фраз *above the line / below the line* в качестве дополнения к более разветвлённым словосочетаниям, в последних неизменяемые элементы могут использоваться как только в единственном числе (*revenue above the line / revenue below the line*), так и в обоих числах (*expenditure(s) above the line / expenditure(s) below the line*).

В рамках реализации антонимов **внутри двух номинаций (антонимия) за счёт совместного использования словообразовательных и лексико-семантических средств при помощи двухполюсных аффиксов *in-/out-*** противопоставление может возникать как между отдельными словами (*inborn/outborn*, *inflow/outflow*, *inmarriage/outmarriage*), так и между словосочетаниями, где контрастируют атрибуты к словам (*entry inwards / entry outwards*, *incoming advice / outgoing advice*, *inflow of gold / outflow of gold*, *inflow of money / outflow of money*).

При реализации двухполюсных аффиксов *in-/out-* в терминах, описывающих горизонтальное перемещение в пространстве, противопоставление может возникать между отдельными субстантивами (*inflow/outflow*, *inmarriage/outmarriage*) и отдельными адъективами (*inborn/outborn*).

При реализации двухполюсных аффиксов *in-/out-* в терминах, описывающих горизонтальное перемещение в пространстве, когда противопоставление возникает между словосочетаниями, атрибуты могут быть выражены субстантивами (*inflow of gold / outflow of gold*, *inflow of money / outflow of money*), адвербами (*entry inwards / entry outwards*) и адъективами (*incoming advice / outgoing advice*).

Внутри двух номинаций (антонимия) за счёт совместного использования словообразовательных и лексико-семантических средств возможна реализация противопоставления между **фразовыми** (*to look up / to look down*, *to mark down rate / to mark up rate*, *to move up / to move down*, *to write down / to*

write off, write up / write down) и **нефразовыми глаголами** (*to increase / to decrease*).

При возникновении контрадикторных отношений между фразовыми глаголами последние могут использоваться как с прямым дополнением (*to mark down rate / to mark up rate*), так и нет (*to look up / to look down, to move up / to move down, to write down / to write off, write up / write down*).

Фразовый глагол может реализовываться как в 2-х позициях (*to move down / to move up, to phase in / to phase out, to put down / to put up, to write up / to write down*), так и в одной из них, в то время как во второй реализуется нефразовый глагол (*to write out / to pay, to write down / to increase, to give way / to increase*).

Субстантивная реализация контрадикторных смыслов возможна как между существительными, образованными от фразовых глаголов (*write-up/decrease*), так и между существительными, образованными без участия таких глаголов (*increase/decrease*).

Возможна реализация контрадикторных смысловых характеристик совмещённого типа, то есть где одно существительное образовано от фразового глагола, а второе – без участия такого глагола (*winding-up/opening*).

Примерами реализации противопоставления **внутри двух номинаций (антонимия) за счёт совместного использования словообразовательных и лексико-семантических средств с помощью словообразовательных префиксов *inter-/intra*** являются словосочетания *intercohort change / intracohort change, intergeneration mobility / intrageneration mobility, intergenerational/intragenerational, interindustry economies / intraindustry economies, interplant economies / intraplant economies*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, отмечаются следующие языковые особенности реализации противопоставления внутри одной и антонимии внутри двух номинаций между англоязычными экономическими терминами.

Реализация противопоставления между экономическими терминами происходит внутри одной номинации и внутри двух номинаций. Способы актуализации противо-

поставления содержат деления по грамматическим категориям, частям речи и словообразовательным частям слов.

Среди грамматических категорий отдельно рассматриваются категории падежа, одушевлённости/неодушевлённости и числа. В качестве частей речи рассматриваются субстантивы, вербы, адвербы, адъективы, местоимения, предлоги, союзы, частицы.

Исследование вербов предполагает анализ инфинитивов, герундиальных вербов и отглагольных причастий. В качестве адъективов анализируются отглагольные адъективы, неотглагольные адъективы, герундиальные адъективы, негерундиальные адъективы. Среди союзов, участвующих в противопоставлении, можно выделить соединительные союзы, разделительные союзы и подчинительные союзы.

При исследовании реализации антонимов в качестве частиц активное участие принимают частицы *no* и *to*. Частица *no* служит элементом противопоставления антонимов при классифицировании их по способу образования, с помощью вспомогательных средств за счёт разделительных союзов в рамках одного словосочетания. Кроме того, с помощью частицы *no* образуется аффикс *non-*, с помощью которого происходит противопоставление между антонимами. Этот феномен наблюдается при образовании антонимов за счёт словообразовательных средств, при классифицировании противопоставленных единиц по способу образования внутри двух номинаций. Сам феномен рассматривается в свете различия антонимов по частеречной принадлежности. Так, выделяются отглагольные прилагательные (сложные прилагательные и простые прилагательные), неотглагольные прилагательные, субстантивы и субстантивы в притяжательном падеже с апострофом. Также феномен рассматривается в рамках различия по способу образования. Здесь можно наблюдать дефисное и недефисное образование антонимов. Ещё одним способом является реализация противопоставления за счёт самой частицы *no*. Данный феномен способствует классификации антонимов по способу образования. Так, выделяют дефисное и недефисное образование

противоположности. Так антонимы классифицируются по расположению частицы. В этой связи она может располагаться в составе сложных прилагательных и обособленно.

Частица *to* является способом противопоставления вербов-инфинитивов, выявляемых при классифицировании антонимов по частеречной принадлежности. Также она служит одним из вспомогательных средств реализации противоположности в рамках одного словосочетания при их классифицировании по способу образования. Кроме то-

го, частица участвует в качестве вспомогательного средства при реализации антонимов в словах с дефисным написанием, где каждая из частей контрадикторно противопоставлена другой части. Здесь она выявляется при классифицировании противопоставления по способу образования.

Среди словообразовательных частей слова выделяются корни слова, аффиксы (суффиксы и префиксы) и окончания. При таком подходе отдельно исследуется конверсия как способ словообразования.

Список источников

1. Покоякова К.А. Базовая оппозитивная пара хороший/плохой в хакасском и русском языковом сознании // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 6-3 (69). С. 63-66. <http://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-6-3-63-66>, <https://elibrary.ru/ohviki>
2. Майтиева Р.А. Сопоставительный анализ антонимичных устойчивых сочетаний русского и английского языков // Universum: филология и искусствоведение. 2022. № 3 (93). С. 34-35. <https://elibrary.ru/qydffox>
3. Бочина Т.Г. Контраст в тувинских пословицах // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 37-46. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>, <https://elibrary.ru/julski>
4. Саввинова С.Н. Лексическая антонимия имён существительных в эвенском языке // The Scientific Heritage. 2021. № 78-5 (78). С. 42-43. <http://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-78-5-42-43>, <https://elibrary.ru/zjkcyw>
5. Дзуганова Р.Х. Аблаутные чередования и словообразовательные аффиксы как средство образования глагольных антонимов в кабардино-черкесском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 5. С. 1439-1443. <https://doi.org/10.30853/phil20220215>, <https://elibrary.ru/uorjrx>
6. Берберов Б.А. Функциональный потенциал антонимов в карачаево-балкарской загадке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2021. № 3 (101). С. 126-132. <https://doi.org/10.35330/1991-6639-2021-3-101-126-132>, <https://elibrary.ru/tjrbpr>
7. Валиева М.З. Специфика функционирования языковых антонимов в письменных памятниках татарского языка XVII–XVIII вв. (на примере лексических единиц со значением («здоровье» – «болезнь»)) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2022. № 1 (114). С. 17-22. <https://doi.org/10.26293/chgpu.2022.114.1.003>, <https://elibrary.ru/qjkdtk>
8. Ермаков С.А. К вопросу о создании словарей синонимов и антонимов (на материале английского языка) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 2 (165). С. 161-166. <https://elibrary.ru/kivbfx>
9. Лаврова Н.А. К вопросу об определении антонимии и о типологической классификации антонимов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 7 (779). С. 62-71. <https://elibrary.ru/hfvixl>
10. Викторина Т.В. Антонимия как средство создания контраста в рассказах А.И. Куприна // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 3. С. 103-106. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.21>, <https://elibrary.ru/fjvbey>
11. Шакирьянов Л.М. Логико-семантические отношения контраста в парадигматике и синтагматике // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1. С. 249-250. <https://elibrary.ru/oxtmfl>
12. Шакирьянов Л.М. Логико-семантическая категория контраста в финансово-экономическом медиадискурсе (на материале англоязычных интернет-источников): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2014. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007857760>

References

1. Pokoyakova K.A. Basic opposing pair good/bad in the Khakass and Russian language consciousness. *Mezhdunarodny zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of the Humanities and*

- Natural Science*, 2022, no. 6-3 (69), pp. 63-66. (In Russ.) <http://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-6-3-63-66>, <https://elibrary.ru/ohviki>
2. Maytiyeva R.A. Comparative analysis of antonymous stable combinations of Russian and English languages. *Universum: filologiya i iskusstvedeniye = Universum: Philology and Art Criticism*, 2022, no. 3 (93), pp. 34-35. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qydfx>
 3. Bochina T.G. Contrast in Tuvan proverbs. *Novyye issledovaniya Tuva = The New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 37-46. (In Russ.) <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>, <https://elibrary.ru/julski>
 4. Savvinova S.N. Lexical anthonymy of nuns in Even language. *The Scientific Heritage*, 2021, no. 78-5 (78), pp. 42-43. (In Russ.) <http://doi.org/10.24412/9215-0365-2021-78-5-42-43>, <https://elibrary.ru/zjkcy>
 5. Dzuganova R.K. Ablaut alternations and derivational affixes as a means of forming verbal antonyms in the Kabardian-Circassian language. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 2022, vol. 15, no. 5, pp. 1439-1443. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/phil20220215>, <https://elibrary.ru/uorjrx>
 6. Berberov B.A. Functional potential of antonyms in the Karachay-Balkarian riddle. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN = News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of Russian Academy of Scienc*, 2021, no. 3 (101), pp. 126-132. (In Russ.) <https://doi.org/10.35330/1991-6639-2021-3-101-126-132>, <https://elibrary.ru/tjrbpr>
 7. Valiyeva M.Z. Specifics of functioning of linguistic antonyms in written monuments of the Tatar language of the 17th–18th centuries (on the example of lexical units with the meaning “salamatlek” – “chir” (“health” – “disease”). *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Y. Yakovleva = I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 2022, no. 1 (114), pp. 17-22. (In Russ.) <https://doi.org/10.26293/chgpu.2022.114.1.003>, <https://elibrary.ru/qjkdtk>
 8. Ermakov S.A. On the issue of creating dictionaries of synonyms and antonyms (on the material of the English language). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2022, no. 2 (165), pp. 161-166. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kivbfx>
 9. Lavrova N.A. To the question of the definition of antonymy and the typological classification of antonyms. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2017, no. 7 (779), pp. 62-71. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hfvixl>
 10. Viktorina T.V. Antonymy as a means to create contrast in a. I. Kuprin’s stories. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 103-106. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.21>, <https://elibrary.ru/fjvbcy>
 11. Shakiryaynov L.M. Logical and semantic relations of contrast in paradigmatics and syntagmatics. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of Bashkir University*, 2012, vol. 17, no. 1, pp. 249-250. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oxtmfl>
 12. Shakiryaynov L.M. *Logiko-semanticheskaya kategoriya kontrasta v finansovo-ehkonomicheskom media-diskurse (na materiale angloyazychnykh internet-istochnikov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Logical and Semantic Category of Contrast in the Financial and Economic Media Discourse (On the Material of English-Language Internet Sources). Cand. Sci. (Philol.) diss. abstr.]. Ufa, 2014. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007857760>

Информация об авторе

Шакирьянов Лев Морисович, кандидат филологических наук, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-3110-8271>, levshakiryaynov@gmail.com

Вклад в статью: концепция исследования, анализ научной литературы, обобщение лингвистических учений, анализ, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 23.10.2022
Поступила после рецензирования 02.12.2022
Принята к публикации 19.01.2023

Information about the author

Lev M. Shakiryaynov, Cand. Sci. (Philology), Bashkir State University, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-3110-8271>, levshakiryaynov@gmail.com

Contribution: research concept, scientific literature analysis, generalization of linguistic teachings, analysis, article text writing.

Received: October 23, 2022
Revised: December 02, 2022
Accepted: January 19, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 811.111

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-111-120>

Шифр научной специальности 5.9.6

Функциональная специфика словообразовательных неологизмов в дискурсивном пространстве глянцевого журнала

Ирина Александровна ГАВРИЛОВА

ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»

454080, Российская Федерация, г. Челябинск, просп. Ленина, 69

 gavrilovaia@cspu.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в изучении функциональных характеристик словообразовательных неологизмов в современных англоязычных глянцевого журналах. Задачи сводятся к анализу научно-теоретической литературы по проблемам неологии, выбору методом сплошной выборки неолексем предметной области «мода и стиль», образованных морфологическими способами, и их систематизации относительно выполняемых ими в гламурном дискурсе функций. В качестве источников взяты электронные версии ежемесячных женских журналов “Cosmopolitan”, “Elle”, “Fashion” за 2017–2022 гг. При интерпретации фактического материала использовались данные словарей Online Etymology Dictionary и Dictionary.com и комплексная методология: общенаучный метод наблюдения, словообразовательный анализ, дефиниционный анализ, описательно-аналитический метод. Выводы свидетельствуют об активной лингвокреативной словообразовательной деятельности в модном секторе экономики. Сформулирован тезис о функциональном синкретизме словообразовательных неологизмов в коммуникативном пространстве обслуживающих его средств массовой информации. Выделены и проиллюстрированы примерами номинативная, информативная, эмоционально-экспрессивная, оценочная и фатическая (контактоустанавливающая) взаимообусловленные функции неонимаций. Отмечено значительное преобладание первых двух. Полученные данные могут быть использованы в курсах лекций по стилистике, основам медиакommunikации и лексикологии современного английского языка.

Ключевые слова: медиадискурс, неологизм, словосложение, аффиксация, аббревиация, контаминация

Для цитирования: Гаврилова И.А. Функциональная специфика словообразовательных неологизмов в дискурсивном пространстве глянцевого журнала // Неофилология. 2023. Т. 9. № 1. С. 111-120. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-111-120>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Functional specificity of word-formation neologisms in the discursive space of glossy magazines

Irina A. GAVRILOVA

South-Ural State Humanitarian Pedagogical University
69 Lenina Ave., Chelyabinsk, 454080, Russian Federation
 gavrilovaia@cspu.ru

Abstract. The purpose of the research is to study the functional characteristics of word-forming neologisms in modern English-language glossy magazines. The tasks are reduced to the analysis of scientific and theoretical literature on the problems of neology, the selection of neo-lexemes of the subject area “fashion and style”, formed by morphological methods, by the method of continuous sampling, and their systematization in relation to the functions they perform in the glamorous discourse. The sources are electronic versions of the monthly women’s magazines “Cosmopolitan”, “Elle”, “Fashion” for 2017–2022. When interpreting the factual material, data from the Online Etymology Dictionary and Dictionary.com dictionaries and a comprehensive methodology are used: the general scientific method of observation, word-formation analysis, definitional analysis, descriptive-analytical method. The findings indicate an active linguo-creative word-formation activity in the fashion sector of the economy. We formulate the thesis about the functional syncretism of derivational neologisms in the communicative space of the mass media serving it. We single out and illustrate with examples the nominative, informative, emotionally expressive, evaluative and phatic (contact-establishing) interdependent functions of neonominations. We note a significant predominance of the first two. The data obtained can be used in lecture courses on stylistics, the basics of media communication and the lexicology of modern English.

Keywords: media discourse, neologism, composition, affixation, abbreviation, contamination

For citation: Gavrilova, I.A. Functional specificity of word-formation neologisms in the discursive space of glossy magazines. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(1):111-120. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-111-120>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Неослабевающее внимание научного сообщества к изучению неологизмов обусловлено их ингерентным потенциалом фиксации изменений концептуальной и языковой картин мира носителей языка под влиянием экстралингвистических факторов.

В этом отношении определённый интерес представляет «глянцевый» сегмент медийного дискурса, который «предлагает читателям эталон современных образов и стилей жизни» [1, с. 131] в рамках гламурной парадигмы, активно продвигающей символы элитарности и успеха: бренды премиум-класса, изысканные аксессуары, престижный

отдых и развлечения, ценностное отношение к здоровью, ухоженность и уверенность в себе, профессиональную самореализацию, проэкологическое поведение и др. Будучи чрезвычайно динамичным, дискурс глянцевого журналов восприимчив к преобразованиям, затрагивающим различные сферы социальных, экономических и культурных практик, и, соответственно, к появлению новых номинативных единиц, заполняющих образовавшиеся в языке смысловые лакуны.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Настоящее исследование посвящено анализу особенностей функционирования слово-

образовательных неологизмов в англоязычных глянцевах журналах. Иллюстративный материал исследования представлен репрезентативной выборкой неологических единиц и их контекстов, извлечённых из интернет-версий таких популярных ежемесячных женских глянцевах журналов о красоте, моде, досуге и здоровье, как “Cosmopolitan”, “Elle”, “Fashion” на синхронном срезе 2017–2022 гг. При разработке темы привлекались данные авторитетных лексикографических источников: Online Etymology Dictionary¹ и Dictionary.com².

Ведущими исследовательскими методами являются метод сплошной выборки, общенаучный метод наблюдения, опирающийся на непосредственное восприятие объективных проявлений изучаемого феномена, словообразовательный анализ, включающий этапы выявления словообразовательных средств и словообразовательных значений формантов, по которым определяются способы словообразования, дефиниционный анализ, а также описательно-аналитический метод в комбинации с приёмами классификации и интерпретации качественных особенностей языкового материала.

Большое число научных трудов по проблемам неологии свидетельствует об актуальности данных знаний для языковедения. Теоретический анализ литературы показывает основные тенденции современных исследований языковых новообразований: изучение особенностей пополнения неологизмами различных пластов лексики [2; 3], описание деривационных процессов в неоминациях [4–6], рассмотрение вопросов лексикографической фиксации неологизмов [7; 8], раскрытие специфики перевода неологических единиц [9], когнитивные, прагмалингвистические и лингвокультурологические исследования неолексем [10–12], выявление индивидуально-авторских новообразований в творчестве отдельно взятых поэтов или писателей [13; 14] и др.

Вслед за Е.В. Розен примем за рабочее следующее определение: «Неологизмами называются всякие вновь организованные в языке слова в течение всего времени, пока они отмечаются как новые в языковом сознании носителей языка»³.

Исходя из специфики раскрытия функциональных свойств неологических единиц в дискурсе глянцевах журналов и основываясь на общих принципах типологии, предполагающих выделение любых разновидностей явления по дифференцирующим основаниям, нами была составлена следующая классификация функций словообразовательных неологизмов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Номинативная и информативная функции словообразовательных неологизмов в дискурсе глянцевах журналов. Исследование лексических новаций в дискурсе глянцевах журналов обнаруживает, что доминирующими функциями словообразовательных неологизмов выступают номинативная, связанная с их способностью называть новейшие лайфстайл-тренды, актуальные тенденции и реалии в мире моды, и коррелирующая с ней информативная, обеспечивающая транслирование социокультурного опыта. При этом продуктивность морфологических способов словопроизводства на базе существующих основ и аффиксов (по классификации Н.М. Шанского)⁴ демонстрирует гибкое реагирование словообразовательного механизма языка на внеязыковые изменения.

Рассмотрим основные типы морфологического словообразования (сложение, аффиксацию и аббревиацию) в выделенной группе неолексем с номинативной и информативной функциональной нагрузкой.

³ Розен Е.В. Новая лексика в современном немецком языке // Иностраные языки в школе. 1966. № 4. С. 53. URL: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=8730

⁴ Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык: в 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология. М.: Просвещение, 1987. С. 65. URL: <https://library.tou.edu.kz/fulltext/buuk/b881.pdf>

¹ Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (accessed: 05.11.2022).

² Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/> (accessed: 05.11.2022).

Достаточно частотен в создании сложных неониминантов в сфере моды элемент-core, этимологически восходящий к праиндоевропейскому корню (PIE root) **kerd-* (сердце)⁵ (греч. *kardia*, армян. *sirt*, ирл. *críde*, лит. *širdis*, рус. сердце, англ. *heorte* > *heart*, нем. *Herz* и т. д.) и означающий «суть, сущность, сердцевина, стержень». В составе композита он играет направляющую роль, выдвигая на первый план фундаментальные характеристики номинируемого явления. Например, двухкомпонентная лексическая единица *cottagecore* (Пример 1) появилась для обозначения пасторального стиля в одежде, поэтизирующего умиротворённую сельскую жизнь и проявляющегося в обилии цветочных мотивов, фасонов с пышными рукавами, натуральных тканей; композит *pothcore* (Пример 2) создан для наименования сознательно ненавязчивого стиля одежды, а лексема *regency-core* (Пример 2) – для описания эксцентричного «королевского» стиля с ажурными корсажами, украшениями бантами, рюшами, тюлем, вышивкой и искусственными цветами.

(1) *In Hill House Home's latest collection, Victorian Romance, they not only upgraded their popular dress but also added new styles and whimsical prints to some of their existing ensembles. Bless the fact that the brand really bumped up their cottagecore energy and incorporated graphics that were inspired by classic paintings and dramatic florals in this capsule* (Elle, 02.02.2022)⁶.

(2) *Are You Over Normcore? Meet Its Fancy Sibling, Regency-Core. Designers and influencers are looking back to long-past eras – with some welcome modern updates* (Elle, 22.07.2021)⁷.

Среди префиксов, которые участвуют в создании аффиксальных неологизмов, реали-

зующих номинативную и информативную функции, заслуживают упоминания элементы *pan-* и *demi-*. Префикс греческого происхождения *pan-* означает «каждый, целый, всеохватывающий». Так, в медиадискурсе журнала *Elle* зафиксирована неолексема *pangender*, созданная по словообразовательной модели “*pan-* + *Adjective*” (по аналогии с *pan-African*, *pan-American*, *pan-European*, *pan-German*, *panislamic*) для обозначения гендерной идентичности, которая не ограничивается мужским или женским полом и охватывает оба пола (Пример 3).

(3) *Nonbinary genders are those that fall outside of the traditional “male” and “female” gender categories. <...> Other times you’ll hear a different term: genderqueer, or genderfluid, or pangender – the list goes on* (Elle, 18.03.2017)⁸.

Неологизм *demisexual* (Пример 4) со значением «относящийся к человеку, испытывающему сексуальное влечение только к людям, с которыми у него есть эмоциональная связь», образован с участием словообразовательного элемента *demi-* (полу-) (от лат. *dimidius* «половина»), который изначально употреблялся в английском языке только в заимствованиях из французского.

(4) *Here’s What Dating as a Demisexual Is *Really* Like, According to Three People* (Cosmopolitan, 25.10.2021)⁹.

Новые слова, обозначающие изменения в модной индустрии, создаются также путём суффиксации. В частности, фанатов моды, одержимо отслеживающих и перенимающих нововведения, именуют неологизмом *fashionista* (Пример 5), который получен путём добавления к английской лексеме *fashion* испанского суффикса *-ista* с ореолом иностранной экзотики.

(5) *While I was over here obsessing with Hailey’s wedding guest ensemble, other*

⁵ Core. URL: https://www.etymonline.com/word/core#etymonline_v_19074 (accessed: 09.11.2022)

⁶ Hill House Home’s Fan-Favorite Nap Dress Now Has Pockets. URL: <https://www.elle.com/fashion/shopping/a38963530/hill-house-nap-dress-pockets/> (accessed: 05.11.2022).

⁷ Are You Over Normcore? Meet Its Fancy Sibling, Regency-Core. URL: <https://www.elle.com/fashion/a36664409/regencycore-fashion-influencers/> (accessed: 05.11.2022).

⁸ I Don’t Identify as a Woman. Will the Women’s Movement Still Fight for Me? URL: <https://www.elle.com/culture/a43889/womens-march-non-binary-gender-nonconforming/> (accessed: 05.11.2022).

⁹ Here’s What Dating as a Demisexual Is *Really* Like, According to Three People. URL: <https://www.cosmopolitan.com/sex-love/a38029208/demisexuals-on-demisexuality-roundtable/> (accessed: 05.11.2022).

fashionistas were cashing out <...> (Cosmopolitan, 16.11.2021)¹⁰.

В информационно-коммуникативном пространстве гляцевых журналов выделяются также сокращённые новообразования с преимущественно номинативной функциональной нагрузкой. Например, образованный с помощью адъективного суффикса *-like* неологизм *LBD-like* (Пример 6) имеет в своём составе инициальную аббревиатуру буквенного типа понятия “little black dress”, введённого в употребление французским модельером Коко Шанель ещё в 1920-х гг. Возвращение былой популярности коктейльного платья чёрного цвета длиной до колен предопределило репрезентацию современного опыта познания в виде новой лексической единицы. Мы наблюдаем, как в словообразовательных неологизмах находит своё отражение цикличность моды. Через процесс неологизации обретают второе дыхание давно заданные и прошедшие период спада тренды.

(6) *Meanwhile, Valentina, 14, opted for sheer label-emblazoned tights with an LBD-like top and miniskirt, while Mathilde, 21, donned dark denim all the way to the floor* (Elle, 07.03.2022)¹¹.

В нашем корпусе примеров есть неоминации из области моды и стиля жизни, полученные в результате сложнослоговой аббревиации: сложносокращённые слова и слова-вставки, магистральными функциями которых также выступают номинативная и информативная.

Так, представительниц новой субкультуры, обитающих главным образом на виртуальных площадках для создания, просмотра и обмена короткими видео- и gif-изображениями (TikTok, Tumblr, Twitch и др.) и сочетающих в своём луке элементы эмо, готики и аниме: ярко окрашенные и собранные в два пучка волосы, нарисованные веснушки, на-

кладные ресницы, разноцветные заколки и пирсинг, называют сложносокращённым неологизмом *e-girls* (дериватом от *electronic girls*) (Пример 7), образованным посредством объединения полного слова с частью другого с применением апокопы, то есть усечения одного или нескольких конечных звуков.

(7) *Using only their dance skills and messy childhood bedrooms as a backdrop, Gen Z users ignited a new trend funnel, quickly giving rise to aesthetics like “e-girl”, “cottagecore”, and “light and dark academia”, influencing young shoppers everywhere* (Fashion, 21.07.2021)¹².

Тематика публицистических материалов в гляцевых журналах охватывает широкий круг вопросов психологии межличностной интеракции. Неологические единицы объективируют новые явления и грани общения. В частности, аббревированное слово-вставка, образованное путём внедрения одной лексемы в структуру другой (*three + couple = throuple*), номинирует такой формат романтических отношений, в котором участвуют трое (Пример 8).

(8) *Who Knows What’s Going on Between Taika, Rita, and Tessa, but I Was in a Throuple and Can Give You the Details* (Cosmopolitan, 07.06.2021)¹³.

Эмоционально-экспрессивная и оценочная нагрузка словообразовательных неологизмов в мире моды и стиля. Эмоционально-экспрессивная функция словообразовательных неологизмов актуализируется в контекстах-описаниях рекламных фотографий, на которых показаны модные коллекции одежды, косметические и парфюмерные новинки, ювелирные изделия, предметы интерьера или фешенебельные курорты. На иллюстрациях представлены целостные образы вещей без выделения деталей. Комментарии же выбирают из этого единства значимые элементы и подчёркивают их, используя экспрессивные средства языка, к числу которых

¹⁰ Hailey Baldwin’s Sparkling Sequin Dress Features Flowers on the Boobs. URL: <https://www.cosmopolitan.com/entertainment/celebs/a38267915/hailey-bieber-sequin-dress/> (accessed: 05.11.2022).

¹¹ Salma Hayek’s Daughters Attended Balenciaga’s Paris Fashion Week Show With Their Parents. URL: <https://www.elle.com/culture/celebrities/a39352533/salma-hayek-daughters-valentina-mathilde-balenciaga-paris-fashion-week/> (accessed: 05.11.2022).

¹² Can I Dress Like a TikTok Teen if I’m Not Part of Gen Z? URL: <https://fashionmagazine.com/style/tiktok-fashion-older-women/> (accessed: 05.11.2022).

¹³ Who Knows What’s Going on Between Taika, Rita, and Tessa, but I Was in a Throuple and Can Give You the Details. Super-hot threesomes and more. URL: <https://www.cosmopolitan.com/sex-love/a36620624/throuple-polyamory-in-real-life/> (accessed: 05.11.2022).

можно отнести неологизмы. В значении новой лексической единицы, в отличие от канонической, содержится временная коннотация новизны, которая автоматически придаёт ей рематичность. В частности, экспрессивный потенциал неологизма *bodycon* (деривата от *body-conscious*), означающего «подчёркивающий идеальную фигуру», эксплицирован в примечаниях к снимкам с красной дорожки event-мероприятия журнала Elle “Women in Hollywood” (Пример 9).

(9) *Bieber attended ELLE’s 2022 Women in Hollywood event at the Getty Center wearing brown bodycon dress by Saint Laurent* (Elle, 18.10.2022)¹⁴.

Интересную подгруппу экспрессивных новообразований образуют авторские многокомпонентные комбинации, созданные в рамках конкретного речевого акта. К примеру, в заметке о косметической марке Becca Cosmetics, сделавшей ставку на естественную, освещённую изнутри красоту, участникам медийной коммуникации презентованы образы как с помощью визуальных (эффектные кадры), так и вербальных (эпитеты-неологизмы) составляющих. Неолексемы *see-them-from-space* и *lit-from-within*, популяризирующие концепцию компании, способствуют повышению степени узнаваемости бренда (Пример 10).

(10) *The brand that paved the way for natural, lit-from-within beauty is officially closing its doors come September 2021. Becca Cosmetics, the brand responsible for see-them-from-space highlighted cheekbones, is the latest company to be hit hard by COVID-19* (Fashion, 25.02.2021)¹⁵.

В гляцевых публикациях о светской жизни обнаружены также неологические единицы с негативной эмоциональной окраской, например: перо *baby* (Пример 11). Перо является сокращением от *perotism* и указы-

вает на привилегии и возможности карьерного роста, которые человек получает в основном благодаря семейным отношениям, а *baby* придаёт выражению насмешливый и ироничный оттенок. В пометах словаря Dictionary.com отмечается, что этот неологизм, употребляющийся в социальных сетях как минимум с 2018 г., получил широкое распространение в декабре 2022 г. после появления на обложке журнала New York Magazine в анонсе статьи о знаменитых детях голливудских звёзд, что превратило его в предмет всевозможных мемов и шуток.

(11) *Lottie Moss Deletes Twitter After Getting Backlash for Her Defense of Nepo Babies. Awk times!* (Cosmopolitan, 23.12.2022)¹⁶.

Особенности фатического (контакто-устанавливающего) использования словообразовательных неологизмов в коммуникативном пространстве гляцевых журналов. Введение неологизмов в заголовочный ансамбль в статьях о *must-have* вещах сезона маркирует их фатическое употребление с целью привлечения внимания и установления контакта с аудиторией. Они являются своеобразными показателями ультрасовременного и актуального *fashion*-содержания материала, стимулирующими его прочтение. Примером может служить заголовок с неологической единицей *Y2K* (*Year 2000 = Year + 2 + Kilo*), обозначающей новый виток моды с эстетикой «нулевых»: акцентом на люксовые бренды, пастельные оттенки, открытый живот, смелый макияж, *Barbie*- и *Winx*-образы (Пример 12).

(12) *Paris Hilton Takes a Break From the Metaverse to Design Sunglasses. Plus, she indulges us in a game of Y2K fashion-inspired This or That* (Elle, 09.02.2022)¹⁷.

Статьи о модной вещной атрибутике, как правило, написаны эмоциональным живым языком, направленным на создание «уз общ-

¹⁴ Hailey Bieber Steps Out in Brown Bodycon Dress at ELLE’s 2022 Women in Hollywood Event. URL: <https://www.elle.com/culture/celebrities/a41663295/hailey-bieber-dress-elle-women-in-hollywood-event-2022/> (accessed: 05.11.2022).

¹⁵ Becca Cosmetics Is Closing Due To COVID-19 Losses. URL: <https://fashionmagazine.com/beauty-grooming/makeup/becca-cosmetics-closing-covid-pandemic/> (accessed: 05.11.2022).

¹⁶ Lottie Moss Deletes Twitter After Getting Backlash for Her Defense of Nepo Babies. URL: <https://www.cosmopolitan.com/entertainment/celebs/a42327543/lottie-moss-deletes-twitter-nepo-babies/> (accessed: 05.11.2022).

¹⁷ Paris Hilton Takes a Break From the Metaverse to Design Sunglasses. URL: <https://www.elle.com/fashion/celebrity-style/a39374269/paris-hilton-metaverse-quay-collaboration-interview/> (accessed: 05.11.2022).

ности» (термин Б. Малиновского) с читателями и активизацию потребительского интереса. Авторы глянцевого издания стремятся привлечь внимание с первых строк и удержать его до конца. Среди прочих элементов выразительной разговорной речи (обилия восклицательных предложений, сокращённых форм, прямых обращений, фразовых глаголов, идиоматических выражений и т. д.) встречаются аббревиатурованные неологизмы из сферы современной деловой и сетевой коммуникации, которые используются fashion-медиа для вовлечения читающей публики в дружескую атмосферу речевого взаимодействия и приобщения к гламуру. Приведём в пример неологизму ООО (out of office), употребляемую в качестве уведомления коллег или клиентов об отсутствии сотрудника на рабочем месте по причине болезни, отпуска и т. д. (Пример 13).

(13) *Hold it right there! Milan-based line La Double J now offers a range of bags to suit any schedule, from a work day to when you're OOO. A tote dubbed the Big Mama bag is oversized, unstructured and meant to cart around anything from a beach towel to gym gear; it's smaller counterpart comes with both top handles and a shoulder strap to suit your on-the-go needs* (Fashion, 17.01.2020)¹⁸.

Читательский отклик на вынесенные на обсуждение важные социальные проблемы может быть простимулирован журналистами через словотворчество. Например, использование индивидуально-авторского композита blue-binning в сочетании с другими экспрессивными средствами языка в публикации о разумном потреблении, стремлении к нулевым отходам, сокращении первичных материалов в пользу переработанных, является частью коммуникативной стратегии адресанта и апеллирует к экологическому самосознанию адресата (Пример 14).

(14) *If you're diligently blue-binning your empties and believe that you're doing a good deed, you'll probably be surprised to learn that only 9 per cent of all plastic waste ever made has been recycled, according to research pub-*

lished in Science Advances. Yes, ever (Fashion, 19.04.2021)¹⁹.

ВЫВОДЫ

Мода и стиль как важные элементы повседневной творческой, общественной и хозяйственной жизни выступают источниками разного рода инноваций и способствуют активной лингвокреативной деятельности. Большинство неологических единиц в гламурном медийном дискурсе построены продуктивными узуальными способами: сложением и аффиксацией. Значительное же количество компрессионных (аббревиатурованных и контаминативных) новообразований говорит о способности лаконичных по форме лексических единиц передавать ёмкое и нетривиальное содержание, что отвечает эстетическим, маркетинговым и другим потребностям энергично развивающегося модного сектора экономики и обслуживающих его средств массовой информации.

Функциональный потенциал словообразовательных неологизмов в глянцевого журналах представлен довольно широким диапазоном взаимообусловленных функций: номинативной, информативной, эмоционально-экспрессивной, оценочной и фатической. При этом обобщение исследовательского опыта в области описания неологизмов из сферы фэшн-индустрии и стильного образа жизни позволяет не только экспонировать продуктивные словообразовательные модели в английском языке и их дискурсивную реализацию, но и проследить актуальные тенденции в речевом поведении англоговорящего социума.

Иллюстративный материал изыскания может быть использован при проведении занятий как по теоретическим учебным дисциплинам (лексикология, стилистика, основы медиакommunikации и др.), так и в практических курсах устной и письменной речи на английском языке.

¹⁸ La Double J Just Launched a Bold Handbag Collection. URL: <https://fashionmagazine.com/style/la-double-j-handbags/> (accessed: 05.11.2022).

¹⁹ How Beauty Brands Are Rising to the Challenge of Eco-Conscious Packaging and Zero-Waste Products. URL: <https://fashionmagazine.com/beauty-grooming/zero-waste-beauty-brands/> (accessed: 05.11.2022).

Список источников

1. Лазеева Н.В., Прохорова Л.П. Рекламный аспект речевого жанра «переписка с читателем» в дискурсе глянцевого журналов // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 4 (426). С. 130-136. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10417>, <https://elibrary.ru/vshaku>
2. Катермина В.В., Соловьёва Н.С. Аксиологический потенциал английских неологизмов-гастронимов // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2022. № 2. С. 123-135. https://doi.org/10.51955/2312-1327_2022_2_123, <https://elibrary.ru/rnrnna>
3. Хуснуллина Ю.А. Способы словообразования и структурные типы неологизмов компьютерно-опосредованной коммуникации // Преподаватель XXI век. 2021. № 4. Ч. 2. С. 338-343. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-4-338-343>, <https://elibrary.ru/hkyuah>
4. Аккуратова И.Б., Дойникова М.И. Образование неологизмов с англоязычным компонентом “lockdown” в современном немецком языке // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 3. С. 9-27. <https://doi.org/10.24224/2227-12952022-11-3-9-27>, <https://elibrary.ru/rznmlh>
5. Завадская А.В. Словообразовательные неологизмы эпохи пандемии коронавируса в медийном пространстве // Нефилология. 2022. Т. 8. № 2. С. 286-294. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-2-286-294>, <https://elibrary.ru/ubhirx>
6. Столярова И.А., Шехтман Н.А. Лингвокреативные механизмы словосложения (На материале номинативных комплексов в романе Джеймса Джойса «Улисс»). Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. 164 с. URL: <http://www.james-joyce.ru/articles/lingvokreativnie-mehanizmy-slovoslozheniya.htm> (дата обращения: 05.11.2022).
7. Буцева Т.Н., Зеленин А.В. Проблемы описания композитов и их начальных компонентов в толковой лексикографии // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44. № 3. С. 8-22. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2022.746>, <https://elibrary.ru/rsmlwm>
8. Смолоногина Е.А., Ситникова И.О. Параметры лексикографического описания новой лексики современного немецкого языка в электронном словаре неологизмов Института немецкого языка им. Лейбница // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 2. С. 140-158. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-2-140-158>, <https://elibrary.ru/hwuwjtd>
9. Гейко Н.Р. Неологизмы в общественно-политической лексике (переводческий аспект) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 3 (20). С. 64-68. <https://elibrary.ru/vodclj>
10. Бычкова О.Н. Когнитивно-семантические характеристики неологизации в современном английском метеорологическом дискурсе // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2022. № 3 (89). С. 39-51. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.87.22.004>, <https://elibrary.ru/wpdacv>
11. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Ясаи Л., Палоши И.В. Прагматика процессов неодеривации в русском языке последних десятилетий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 1. С. 149-153. https://doi.org/10.52452/19931778_2022_1_149, <https://elibrary.ru/yuamps>
12. Юдина Н.В., Селиверстова О.А. Неологизмы психологической семантики русского и английского языков как компонент языковой картины мира и объект языковой политики и планирования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 10. С. 3351-3357. <https://doi.org/10.30853/phil20220558>, <https://elibrary.ru/sqlyjj>
13. Захарова Ю.Г. Лексические неологизмы и потенциальные слова в письмах А.П. Чехова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21. № 5. С. 17-28. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.2>, <https://elibrary.ru/vfyxcz>
14. Немцева А.А. «Всюду со мной море...»: семантические и словообразовательные неологизмы в раннем творчестве И. Сельвинского // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2022. Т. 8 (74). № 1. С. 149-157. <https://elibrary.ru/gzjkbbs>

References

1. Lazeeva N.V., Prokhorova L.P. Advertising aspect of speech genre “reader correspondence” in the discourse of glossy magazines. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2019, no. 4 (426), pp. 130-136. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10417>, <https://elibrary.ru/vshaku>
2. Katermina V.V., Solov'eva N.S. Axiological potential of English gastronym neologisms. *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk = Crede Experto: Transport, Society, Education, Language*, 2022, no. 2, pp. 123-135. (In Russ.) https://doi.org/10.51955/2312-1327_2022_2_123, <https://elibrary.ru/rnrnna>
3. Khusnullina Yu.A. Word formation methods and structural types of neologisms of computer-mediated communication. *Prepodavatel' XXI vek [Lecturer of the 21st Century]*, 2021, no. 4, pt 2, pp. 338-343. (In Russ.) <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-4-338-343>, <https://elibrary.ru/hkyuah>
4. Akkuratova I.B., Doinikova M.I. Obrazovanie neologizmov s angloyazychnym komponentom “lockdown” v sovremennom nemetskom yazyke [Formation of neologisms with English component “lockdown” in modern German]. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, 2022, vol. 11, no. 3, pp. 9-27. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-12952022-11-3-9-27>, <https://elibrary.ru/rznm1h>
5. Zavadskaya A.V. Word-formation neologisms of the coronavirus pandemic era in the media space. *Neofilologiya = Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 2, pp. 286-294. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-2-286-294>, <https://elibrary.ru/ubhirx>
6. Stolyarova I.A., Shekhtman N.A. *Lingvokreativnye mekhanizmy slovoslozheniya (Na materiale nominativnykh kompleksov v romane Dzheimsa Dzhoisa «Ulyss») [Linguocreative Mechanisms of Compounding (On the Material of Nominative Complexes in James Joyce's Novel “Ulysses”)]*. Orenburg, Orenburg State Pedagogical University Publ., 2003, 164 p. (In Russ.) Available at: <http://www.james-joyce.ru/articles/lingvokreativnye-mekhanizmy-slovoslozheniya.htm> (accessed: 05.11.2022).
7. Butseva T.N., Zelenin A.V. Some problems of describing language composites and their initial components in explanatory lexicography. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2022, vol. 44, no. 3, pp. 8-22. (In Russ.) <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2022.746>, <https://elibrary.ru/rsmlwm>
8. Smolonogina E.A., Sitnikova I.O. Parameters of lexicographic description of new vocabulary of modern German in electronic dictionary of neologisms of Leibniz Institute for German Language. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, 2022, vol. 11, no. 2, pp. 140-158. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-2-140-158>, <https://elibrary.ru/hwuwj>
9. Geiko N.R. Neologisms in social and political vocabulary (translation aspect). *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya = Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 2018, no. 3 (20), pp. 64-68. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vodclj>
10. Bychkova O.N. Cognitive-semantic characteristics of neologization in modern English meteorological discourse. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova = Vestnik of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University*, 2022, no. 3 (89), pp. 39-51. (In Russ.) <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.87.22.004>, <https://elibrary.ru/wpdacv>
11. Radbil' T.B., Ratsiburskaya L.V., Yasai L., Paloshi I.V. Pragmatics of neo-derivational processes in the newest Russian. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2022, no. 1, pp. 149-153. (In Russ.) https://doi.org/10.52452/19931778_2022_1_149, <https://elibrary.ru/yuamps>
12. Yudina N.V., Seliverstova O.A. Neologisms of psychological semantics of the Russian and English languages as a component of the linguistic worldview and an object of language policy and planning. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2022, vol. 15, no. 10, pp. 3351-3357. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/phil20220558>, <https://elibrary.ru/sqlyjj>
13. Zakharova Yu.G. Lexical neologisms and potential words in the letters by A.P. Chekhov. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie = Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2022, vol. 21, no. 5, pp. 17-28. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.2>, <https://elibrary.ru/vfyxcz>
14. Nemtseva A.A. “The sea is everywhere with me...”: semantic and word-forming neologisms in the early work of I. Selvinsky. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo*.

Filologicheskie nauki = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences, 2022, vol. 8 (74), no. 1, pp. 149-157. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gzjkbb>

Информация об авторе

Гаврилова Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Российская Федерация, <http://orcid.org/0000-0003-3261-9046>, gavrilovaia@cspu.ru

Вклад в статью: формулировка идеи и разработка концепции исследования, анализ научной литературы, составление корпуса примеров, систематизация и интерпретация языкового материала, написание и оформление статьи.

Поступила в редакцию 10.12.2022

Поступила после рецензирования 15.02.2023

Принята к публикации 17.02.2023

Information about the author

Irina A. Gavrilova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of English Philology Department, South-Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation, <http://orcid.org/0000-0003-3261-9046>, gavrilovaia@cspu.ru

Contribution: idea formulation and study concept development, scientific literature analysis, compiling a corpus of examples, language material systematization and interpretation, manuscript drafting and design.

Received: December 10, 2023

Revised: February 15, 2023

Accepted: February 17, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 82-3:801.73

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-121-131>

Шифр научной специальности 5.9.1

Специфика воплощения авторской маски в романе В.П. Аксёнова «Ожог»

Ольга Юрьевна ОСЬМУХИНА , Регина Альбертовна КАДЕЕВА ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68/1 osmukhina@inbox.ru

Аннотация. Проанализирована специфика функционирования авторской маски в романе В.П. Аксёнова «Ожог». Авторская маска рассмотрена как средство позиционирования автором себя в тексте. Для анализа использованы понятия «автор», «нарратор», «авторская маска». Впервые феномен авторской маски в романе «Ожог» подвергся целостному изучению. В результате исследования установлено, что в романе В.П. Аксёнова благодаря разветвлённой системе авторских масок создаётся сложное и многомерное нарративное пространство. Посредством маски как образа «возможного другого» прозаик осмысливает провокационные для эстетики позднего социализма темы: отношения художника с властью, родиной, существование творческой личности в тоталитарном государстве. Система авторских масок Аполлинариевичей демонстрирует не только возможные варианты личной судьбы «автора реального», но и поведенческую стратегию выживания мыслящего и думающего интеллигента в рамках тоталитарной системы. Авторская маска Толи фон Штейнбока вводится Аксёновым в роман, чтобы в полной мере отразить собственное «магаданское» детство, представить сложный психологический автопортрет. Ключевыми средствами создания авторских масок становятся, во-первых, многочисленные автобиографические параллели и соответствия, порождённые тотальной рефлексией прозаика о себе самом; во-вторых, устойчивые переходы от первого лица к третьему и, наоборот, запутывающие читателя и превращающие текст в экспериментальное пространство литературной игры. Материалы исследования и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах истории отечественной литературы XX века, спецкурсах и спецсеминарах, посвящённых творчеству В. Аксёнова. Поскольку авторская маска становится вполне расхожим приёмом и в постмодернистской словесности, использованная методология вполне применима для осмысления прозы 1990–2000-х гг., где наблюдается игра с авторскими «голосами» (В. Пелевин, В. Сорокин, А. Кабаков и др.).

Ключевые слова: В.П. Аксёнов, автор, авторская маска, нарратор, роман

Для цитирования: *Осьмухина О.Ю., Кадеева Р.А.* Специфика воплощения авторской маски в романе В.П. Аксёнова «Ожог» // *Неофилология.* 2023. Т. 9. № 1. С. 121-131. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-121-131>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The specifics of the embodiment of the author's mask in the novel by V.P. Aksenova "Burn"

Olga Yu. OSMUKHINA , Regina A. KADEEVA

National Research Ogarev Mordovia State University
68/1 Bolshevistskaya St, Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation
 osmukhina@inbox.ru

Abstract. The specifics of the functioning of the author's mask in the novel by V.P. Aksenov "Burn". The author's mask is considered as a means of positioning the author in the text. The concepts of "author", "narrator", "author's mask" were used for the analysis. For the first time, the phenomenon of the author's mask in the novel "The Burn" was subjected to a holistic study. As a result of the study, it was found that in the novel by V.P. Aksenov, thanks to the branched system of author's masks, a complex and multidimensional narrative space is created. Through the mask as an image of a "possible other", the prose writer comprehends the topics provocative for the aesthetics of late socialism: the relationship of the artist with the authorities, the homeland, the existence of a creative personality in a totalitarian state. The system of Apollinarievich's author's masks demonstrates not only the possible options for the personal fate of the "author of the real", but also the behavioral strategy for the survival of a thinking and thinking intellectual within the framework of a totalitarian system. The author's mask of Tolya von Steinbock is introduced by Aksenov into the novel in order to fully reflect his own "Magadan" childhood, to present a complex psychological self-portrait. The key means of creating author's masks are, firstly, numerous autobiographical parallels and correspondences generated by the total reflection of the prose writer about himself; secondly, steady transitions from the first person to the third and, on the contrary, confusing the reader and turning the text into an experimental space of a literary game. The research materials and general conclusions can be used in university courses in the history of Russian literature of the twentieth century, special courses and special seminars dedicated to the work of V. Aksenov. Since the author's mask is becoming quite a common technique in postmodern literature, the methodology used is quite applicable to comprehend the prose of the 1990s–2000s, where there is a play with the author's "voices" (V. Pelevin, V. Sorokin, A. Kabakov and others.).

Keywords: V.P. Aksenov, author, author's mask, narrator, novel

For citation: Osmukhina, O.Yu., & Kadeeva, R.A. The specifics of the embodiment of the author's mask in the novel by V.P. Aksenova "Burn". *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(1):121-131. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-121-131>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Общеизвестно, что в условиях противостояния официальной нормативности в период позднего социализма участники литературного андеграунда обращаются в своих художественных экспериментах к карнавализации как способу мирозидения и творчества, подпитываясь в том числе идеями

М.М. Бахтина [1; 2]. Карнавальность и маскарадность как черты функционирования андеграунда 1960–1970-х гг., конечно, не исчерпывают его своеобразия, но «являются имманентными свойствами, позволяющими объяснить многие тематико-стилистические особенности андеграундного творчества и повышенную перформативность поведения участников андеграунда» [3, с. 87] как в по-

вседневном плане, так и в литературном творчестве. Одним из ключевых способов игры с контекстом, средством сокрытия и одновременно – явления автором себя в пределах текстового пространства, средством самоописания и глубинной саморефлексии становится маска [4; 5]: достаточно вспомнить созданные в этот период произведения Евг. Попова, Э. Лимонова, Юза Алешковского, В. Ерофеева и др.

Особое место в этом контексте занимает роман В.П. Аксёнова «Ожог» (1975) – один из важнейших текстов писателя, в котором воплотились и его тяга к эксперименту с нарративными инстанциями, и стремление дать исторический срез жизни русской интеллигенции, и предельная авторская рефлексия, на что указывает само заглавие. Прочитывающееся в прямом значении как травма, тяжесть которой определяется степенью глубины и проникновения, метафорически оно становится не столько «определением» собственно авторского биографического опыта, сколько отражением авторской рефлексии относительно себя самого и саморефлексией по поводу «травматического» жизненного и творческого опыта. Роман фактически делит всё творчество прозаика на два этапа, становится переломным. Так, близкие аксёновские друзья и впоследствии биографы Евг. Попов и А. Кабаков назовут эту книгу «пограничной»: «Аксёновых, по крайней мере, два – до «Ожога» и после «Ожога»¹. Напомним, что «Ожог» писался в Москве в 1969–1975-х гг., но его публикации в России после скандала с альманахом «МетрОполь» едва ли была возможна, а потому книга вышла в свет в США и Италии в 1980 г., но лишь после отъезда писателя за рубеж с чтением лекций в американских университетах и последующего за этим лишения его советского гражданства.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

В пространство романа органично вплетены разные эпохи, все они взаимодействуют

и проникают друг в друга, образуя сложный с точки зрения структуры текст. Здесь и недолгая свобода конца 1950-х гг., всепоглощающая надежда и болезненное крушение иллюзий 1960-х гг., и удушающая атмосфера отчаяния начала 1970-х гг., причём как для творческой интеллигенции в целом, так и для самого В. Аксёнова, игравшего видную роль в московской литературной «тусовке». Отметим, что практически всё многогранное в жанровом и стилевом отношении творчество писателя (от вполне традиционных в нарративном плане «Звёздного билета», «Апельсинов из Марокко» до приключенческой детской дилогии «Мой дедушка – памятник», сатирико-фантастической «Затоваренной бочкотары», коллективных детективного романа «Смеётся тот, кто смеётся» и пародии на шпионский роман «Джин Грин – неприкасаемый», исповедальных по характеру «Лендлизовских» и др.) отмечено тяготением к «вторжению» фигуры «реального» автора в текстовое пространство, предельным автобиографичным характером персонажей [6–15]. Автобиографичность в высшей степени присуща и роману «Ожог». Как справедливо замечает А.В. Полупанова, «различные формы авторского присутствия и взаимодействия автора с героями, постоянное «обнаружение» автором своего «я» также становятся смысло- и структурообразующим элементом произведения» [16, с. 194]. Соответственно, ключевой задачей нашего исследования становится выявление «форм авторского присутствия», важнейшей из которых оказывается маска.

Здесь мы полагаем необходимым обосновать используемый нами терминологический аппарат. Под **авторской маской** мы будем понимать «форму репрезентации автора «реального» в пределах художественного произведения, воплощённую в образе фиктивного автора-нарратора, который мистифицирует читателя игровым тождеством/несоответствием (биографическим и стилистическим) с ним. Кроме того, уточним, что под «автором реальным» мы подразумеваем «автора первичного» [4], то есть непосредственно «создателя текста» [17, с. 73], тогда как автора фиктивного мы отождеств-

¹ Кабаков А.А., Попов Е. Аксёнов. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 185. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=205914&p=1> (дата обращения: 02.06.2022).

ляем с авторской маской как репрезентантом авторской фигуры в тексте.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Присутствие в тексте «Ожога» В. Аксёнова автора биографического становится возможным благодаря многочисленным героям-маскам, за которыми прячется сам автор реальный. Именно авторская маска оказывается своеобразным воплощением авторского сознания в романе, одной из форм присутствия «автора реального». Отметим, что важнейшие маркеры авторской маски: автобиографические параллели и соответствия; мотивы двойничества и зеркальности; переход повествователя от первого лица к третьему и наоборот, а также изменение тона повествователя (семантическое отождествление грамматического лица, взаимозаменяемость местоимений «я»/«он» в автореференциальном значении) [17, с. 78].

Сложный повествовательный план «Ожога» репрезентован изменением тона повествования, взаимозаменяемостью местоимений и постоянной, практически неоправданной, сменой повествовательных инстанций. Оговоримся, что фигура нарратора здесь не маркирована. Нарратор, хотя и присутствует в тексте, не является фигурой, полностью берущей на себя роль фиктивного автора. Граница автора и героя в тексте размыта. Весьма примечательно, к примеру, начало третьей книги романа. Здесь автор словно запутался, где «кончается» он и «начинается» его герой: «Он (или я?) заходит в магазин «Суперсам»². Очевидно, что в процитированном пассаже авторскую маску маркирует та самая взаимозаменяемость местоимений «я»/«он»; кроме того, «мнимое» смятение нарратора намекает читателю и на фантомность созданного мира, и на очевидную «расщеплённость» авторской фигуры. Примечательно, что фиксированная позиция нарратора отсутствует, вследствие чего повествование от первого лица свободно может смениться повествованием в третьем лице и наоборот, по-

вествовательный же регистр будет соответствовать персонажу. Подобная нелинейность повествования делает текст многомерным и объёмным, отражает авторское стремление сделать повествование частью литературной игры. Как отмечал М.М. Бахтин, любой «романист нуждается в какой-то существенной формально-жанровой маске, которая определила бы как его позицию для видения жизни, так и позицию для опубликования этой жизни» [2, с. 89].

Система образов романа, на первый взгляд, сложна и многогранна. Аксёнов «расщепляет» главного героя на пять отдельно существующих личностей – своеобразных социальных типажей шестидесятых: учёный Аристарх Аполлинариевич Куницер, лабух-саксофонист Самсон Аполлинариевич Саблер, писатель Пантелей Аполлинариевич Пантелей, врач Геннадий Аполлинариевич Малкольмов и скульптор Радий Аполлинариевич Хвасищев. Корейский исследователь творчества писателя Ын Кюм Чой полагает, что «каждый из пяти героев воспринимается как реинкарнация главного автопсихологического героя» [12, с. 210]. Согласимся с мнением учёного и уточним, что подобным автопсихологическим героем, несомненно, является герой «магаданских страниц» романа – Толя фон Штейнбок. Доказательством служит эпизод в зале в суда: «Между прочим, на шее незадачливого Пантелея действительно висел католический крест, оставшийся ещё со времён Толи фон Штейнбока. Тогда, накануне разлуки, мама и Мартин, узники магаданского семикилометрового радиуса, вручили юноше этот маленький религиозный предмет с крошечной серебряной фигуркой Распятого. **Впоследствии все пятеро наследников нищего багажа хранили крестик**, тщательно оберегая его от посторонних глаз, стыдась – вот именно стыдась – его несовременного смысла»³ (выделено нами. – О. О., Р. К.). Таким образом, Толя фон Штейнбок – общее прошлое всех пяти героев.

Пять главных героев, в свою очередь, представлены как инвариант жизни и судьбы одной личности – Апполинариевича, кото-

² Аксёнов В.П. Ожог. М.: Изографъ: ЭКСМО, 2005. С. 431.

³ Там же. С. 109.

рому переданы личностно-авторские черты и автобиографические подробности самого прозаика. Маска Апполинариевича во всех её ипостасях становится для Аксёнова возможностью отразить в романе личную трагедию, продемонстрировать отношение к власти, мало того, она оказывается средством освобождения от советского диктата. Маркирует авторскую маску в «Ожоге» ряд автобиографических параллелей: алкогольная зависимость, увлечение джазом, профессия врача, детство, проведённое на Колыме, – всё это «приметы» автора реального. Так, герой романа, то есть каждый из Апполинариевичей, не представляет свою жизнь без алкоголя: «–Уже не можешь без этого? – Сильвестр укоризненно показал на коньяк. – Наоборот, – ответил Самсик, – с этим уже могу»⁴. В книге «Аксёнов» современники писателя проведут параллель между героем и автором «Ожога»: «Герой до половины текста пьёт запоем – и с половины бросает пить. Но дело в том, что – нечего скрывать – Вася до половины написал «Ожог», когда ещё пил со страшной силой, а потом пить бросил, и пошла уже совсем другая книга»⁵. В данном случае читатель имеет дело с уникальным явлением, когда герой романа фактически повторяет судьбу автора, а судьба автора сказывается на характере текста.

Не случаен в романе и образ полячки Алисы – объекта недостижимой любви героев. Алиса – значимая фигура «Ожога», она предстаёт метафорой свободы, к которой стремятся герои: «Та женщина, рыжая, золотистая, с яркой мгновенной улыбкой-вспышкой, женщина, которую я не знал всю жизнь, а только лишь ждал всю жизнь и понимал, что её зовут Алисой»⁶. Прототипом Алисы, как установлено исследователем [18; 19], является любимая женщина писателя – Майя, которой посвящён роман. Примечательно, что сам Аксёнов впоследствии подчеркнёт: «В романах всегда отражался мой романтический опыт. Хотя в романе «Ожог» очень близко описываются наши отношения с

Майей. Там она зовётся Алисой» (цит. по: [18, с. 46]).

Возвращаясь к персонажной системе романа, отметим, что автобиографические параллели и соответствия здесь многочисленны. Это касается, к примеру, хорошо известного аксёновского увлечения джазом. В возрасте четырнадцати-пятнадцати лет писатель впервые познакомился с джазом в Казани на просмотре американского мюзикла «Серенада солнечной долины», где он остался под огромным впечатлением от мелодии Гарри Уоррена. Джазовая музыка сопровождала Аксёнова и в Магадане, и в Петербурге, что впоследствии отразилось в его произведениях. Заметим, что именно Аксёновым в литературе наиболее исчерпывающе отражена культурно-историческая значимость джаза для России, на что указывает его биограф Дм. Петров: «Если бы Вася не стал писателем, то явно бы стал играть джаз» [19, с. 67]. В романе «Ожог» в образе джазмена Самсона Саблера, по всей видимости, воплощена авторская нереализованная мечта стать музыкантом. Самсон Саблер, соответственно, – ещё одна из авторских масок В. Аксёнова, его проводник не просто в мир запрещённой «буржуазной» музыки, но и личной трагедии. Так, в текст романа, в ту его часть, где повествуется о Самсоне Саблере, вводятся фактически собственные авторские воспоминания: «Это было в ноябре 1956 года на вечере Горного института в Ленинграде в оркестре первого ленинградского джазмена Кости Роготова»⁷. Важное значение имеет и лирическая вставка «А у нас в России джаза нету-у-у, И чуваки киряют квас...»⁸. Её писатель словно напоминает о том, что до него и его романа джаз в России был явлением мало-значительным. Биографы Аксёнова также предполагают, что «Аксёнов ввёл джаз в русскую литературу. Например, через роман «Ожог»⁹. Особого внимания заслуживают стихотворные джазовые импровизации о недостатках советского режима, представленные в форме откровенного публичного бунта. Это, главным образом, «Песня Петро-

⁴ Аксёнов В.П. Ожог. С. 25.

⁵ Кабаков А.А., Попов Е. Аксёнов. С. 183.

⁶ Там же. С. 23.

⁷ Там же. С. 27.

⁸ Там же. С. 28.

⁹ Там же. С. 75.

градского сакса образца осени Пятьдесят шестого»: «И пусть теперь все знают – у меня нет прав!» Или: «И пусть все знают, я скорее лопну, чем замолчу!»¹⁰ Подобные заявления стоит рассматривать как факт неприятия регламентированной советской действительности, бунт против удушающей тоталитарной системы, нежелание с ней мириться. Показательны, кроме того, строки: «Пусть знают все, что зачат я в санблоке, на тряпках двумя врагами народа, троцкистом и бухаринкой»¹¹. Это, по нашему мнению, прямая отсылка к авторской биографии: так, в 1937 г. мать писателя Евгению Гинзбург обвинили в участии в троцкистской террористической организации, отца – в «притуплении большевистской бдительности и антигосударственной практике работы». Оба были признаны врагами народа. Таким образом, авторская маска джазмена Саблера, маркированная широким автобиографическим контекстом, необходима автору реальному как средство тотальной рефлексии о собственном жизненном пути и советском государственном устройстве.

Ещё одной авторской маской оказывается врач Малькольмов. Она также не случайна – сам писатель, как известно, учился в институте, а впоследствии работал карантинным врачом на Крайнем Севере, в Карелии и в туберкулёзной больнице в Москве. Герой «Ожога», врач Малькольмов, рассказывая о себе, упоминает: «Я приехал туда в качестве искуснейшего советского специалиста по африканскому туберкулёзу»¹². Фамилия же его есть не что иное, как ироническая автоотсылка к увлечению писателем западной, прежде всего «американской» культурой, что в процессе литературного скандала с «МетрОполем», как известно, будет одним из обвинений в его адрес со стороны номенклатурного руководства Союза писателей, прежде всего первого секретаря правления Союза писателей Москвы Феликса Кузнецова, полагавшего, что «В.П. Аксёнов якобы с самого начала своей литературной деятельности собирался эмигрировать в Соединённые

Штаты»¹³. В качестве подтверждения процитируем весьма примечательный фрагмент стенограммы заседания московского отделения Союза писателей:

«Ф. Кузнецов. Не успели договориться, потому и говорили по-разному. Да, давление было, но это было дружеское давление, давление убеждения. Никакого крика, оскорблений, угроз. Наоборот, были некоторые мне угрозы. Мы пригласили на четверг секретариат, крупных писателей – Трифонова, Евдокимова, Семёнова, а они не пришли, сорвали секретариат. За день до этого, вечером Аксёнов позвонил мне и в резкой форме сказал, что, зачем ты, Феликс, вызываешь ребят, угрожаешь им. Сказал, что обратятся к Брежневу, и повесил трубку. Я не успел ему сказать, чтоб жаловались Картеру.

В. Аксёнов. Никсону...

Ф. Кузнецов. Вот вы и заговорили, Василий Павлович, на своём языке!...»¹⁴.

В образе писателя Пантелея Аполлинариевича Пантелея в романе воплощена преимущественно одна из ипостасей реального автора: Аксёнов-антисоветчик, и это подлинный взгляд на себя со стороны, по М.М. Бахтину «глазами возможного Другого» [1, с. 362]. Маска Пантелея даёт возможность свободно выражать своё мнение относительно власти вообще и личности Сталина в частности. Показателен с этой точки зрения эпизод в зале суда: «Зал с восторгом заулюлюкал, глядя на поднятого державным пальцем классического битника. Вот он, Пантелей зловерный, который раскольник, мешает нашим польским товарищам строить социализм, который бескостным своим блудливым языком мелет вредный вздор про оттепель да про «наследников Сталина». Вот он, облик врага»¹⁵. Или: «И вы этим гордитесь, Пантелей? Гордитесь тем, что вы не коммунист? Видали гуся – он не коммунист!»¹⁶ Примечательны в процитированных

¹³ Поэтика погрома. Дело «МетрОполя»: Стенограмма расширенного заседания секретариата МО СП СССР от 22 января 1979 года (подгот. текста, публ., вступ. ст. и коммент. М. Заламбани) // Новое литературное обозрение. 2006. № 82. С. 267.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Аксёнов В.П. Ожог. С. 109.

¹⁶ Там же. С. 112.

¹⁰ Кабаков А.А., Попов Е. Аксёнов. С. 29.

¹¹ Аксёнов В.П. Ожог. С. 30.

¹² Там же. С. 57.

фрагментах два момента. Во-первых, происходящее в зале суда также имеет вполне реальное, фактическое основание. Аксёнов, по сути, в этом эпизоде описал заседание партии в Свердловском зале Кремля 7 марта 1963 г., куда пригласили деятелей искусства, своим творчеством «подрывавших» авторитет советского государства, среди которых был и Василий Аксёнов. К слову, и в образе Кукиты Кусеевича пародийно обыгран Никита Сергеевич Хрущёв (на это указывают уже и сами имя и фамилия, правда, фонетически искажённые, но вполне узнаваемые), который присутствовал на заседании. Во-вторых, сцена в суде, на наш взгляд, предсказывает ход заседания по делу «МетрОполя», о чём свидетельствует его стенограмма от 22 января 1979 г., согласно которой Аксёнов и его коллеги, организаторы альманаха, подвергаются точно таким же обвинениям: «Н. Грибачёв (перебивает). Да что вы тут говорите, как да что вам там говорили. Это – неважно. Я вам скажу, как сталинградский комбат. Это – антисоветская пропаганда. <...> Где здесь новаторство? <...> Ю. Жуков. (Говорит про «политику и литературу», что «кое-кто на Западе» хочет изнутри разложить наше общество, чтобы облегчить расправу с ним.) Уверен, что альманах будет напечатан на Западе. (Говорит об аполитичности писателей, интеллигенции.) «От рюмки – к письменному столу». Можно в партию не вступать, можно получать высокие гонорары, квартиры, а платить за это – не надо». <...> А сейчас очень накалена международная обстановка. Аксёнов. Уважаю его как писателя, но всегда поражаюсь его пренебрежению классовой борьбой. Нейтралитета быть не может»¹⁷.

Отметим, что представленный карнавал масок подтверждает бахтинский тезис о том, что «маска связана с <...> нарушениями естественных границ» [1, с. 22]. В художественном поле «Ожога» очевидно нарушение естественных границ времени и пространства, а также границ между реальным автором и вымышленным персонажем. В.П. Аксёнов создает роман в высшей степени экспери-

ментальный, в котором повествователь, с одной стороны, по законам реалистического повествования, возвышается над героями, с другой – сам становится одним из них, создавая постоянное смысловое напряжение отношений «автор – повествователь – герои – читатель». В целом, важной чертой взаимоотношений автора – героя – маски в романе становится «стирание границ между персонажем и автором» [17, с. 24], что обусловлено автобиографическими параллелями и соответствиями, в основе которых лежит авторская рефлексия.

Особого внимания заслуживают так называемые «магаданские страницы» романа. Эта часть книги предельно автобиографична, а потому ирония предыдущих частей здесь сменяется пронзительными размышлениями о себе, собственном месте в мире, судьбе страны в период сталинских репрессий. Так, уже в первых строках этой части автор-повествователь отмечает: «Перед тем, как приступить ко второй книге, автор должен заявить, что претендует на чрезвычайное проникновение в глубину избранной им проблемы»¹⁸, тем самым подчёркивая значимость для него темы сталинских лагерей, травмировавших сознание сотен тысяч взрослых и детей, оказавшихся репрессированными и даже спустя десятилетия эту травму не живших.

На первый взгляд, «магаданская» часть существует отдельно от остальных частей в идейном и смысловом плане, но с самого начала сюжетного развёртывания автор так или иначе отсылает читателя к событиям Магадана посредством воспоминаний о мальчишке Толе фон Штейнбоке: «...однажды меня вдруг одолели воспоминания о прошлом, о юноше фон Штейнбоке, о сопках под луной, о зелёной звёздочке над магаданским санпропускником»¹⁹. Или, к примеру: «Я вдруг отчётливо вспомнил вечер в третьем Сангородке, чёрные крыши бараков, зелёное небо и узенький месяц над Волчьей сопкой и Толлю фон Штейнбока, идущего рядом со спецпереселенцем Саней Гурченко»²⁰. Разрабаты-

¹⁸ Аксёнов В.П. Ожог. С. 207.

¹⁹ Там же. С. 60.

²⁰ Там же. С. 116.

¹⁷ Поэтика погрома. Дело «МетрОполя» ... С. 272.

вая в «Ожоге» тему Магадана, Аксёнов создаёт своего рода «роман в романе» с совершенно особым сюжетом и принципиально новым кругом персонажей. Толя фон Штейнбок, его мама, её муж Вальтер, Саня Гурченко даны в оппозиции с бывшими заключёнными и «завсегдатаями» Колымского края.

Автобиографические детали в этой части романа переданы Толе фон Штейнбоку, чей образ имеет сложную структуру. Являясь отдельно функционирующим, полноценным персонажем в рамках сюжетного развёртывания, он в то же время представляет собой связующее звено всех пяти героев. Образ мальчика, приехавшего в Магадан к своей матери, – это, несомненно, авторская маска Аксёнова. Равно как и в начале романа, неотъемлемой составляющей авторской маски становятся автобиографические параллели. «Автор реальный» отдаёт персонажу своё детство и юность. Используя авторскую маску, писатель стремится представить собственное прошлое так, чтобы «выявить» себя во времени, заново пережить и изжить травматический детский опыт. По наблюдению Ын Кюн Чоя, природа данной маски преимущественно психологическая: «Не только авторская судьба, но в гораздо большей степени – сокровенные переживания автора не просто присутствуют, но доминируют в тексте» [12, с. 209]. Действительно, юному Толе фон Штейнбоку прозаик передоверяет страшные «магаданские» эпизоды своей жизни. Показательны с этой точки зрения фрагменты первых дней его пребывания рядом с матерью в Магадане. Равно как и когда-то Аксёнов, Толя фон Штейнбок наблюдал за многочисленными колоннами: «Слышалось шлёпанье сотен подошв, глухой неразличимый говор, окрики «ваньков», рычание собак. В глухой синеве проплывали белые пятна лиц, иной раз в глубине колонны кто-нибудь затягивался сигаркой и освещались чьи-то губы, кончик носа и подбородок»²¹.

Говоря об автобиографических параллелях как маркерах авторской маски, стоит заметить, что имя матери (Евгения Гинзбург) в романе заменено на имя Татьяна Штейнбок.

Однако Аксёнов сохраняет документальные факты, он точен в деталях, таких, например, как дата ареста: «В тридцать седьмом, после ареста коммунистки Татьяны, «бойцы наркомвнудела» пришли за стариками фон Штейнбоками»²². Другим элементом *pop-fiction* в структуре художественного повествования становится указание на характер преступления: «– Жидюга старый, троцкистку воспитал! – орал на фармацевта следователь»²³. Наличие документальности и фактологической точности призвано создать в читательском восприятии иллюзию некоей достоверности повествования.

Психологическая природа маски также заслуживает внимания. Ранняя разлука с родителями, скитания из детских домов в дома родственников, отъезд к матери в Магадан и собственно жизнь в Магадане произвели неизгладимые впечатления на маленького Василия Аксёнова, что и отразилось на чувствах и переживаниях Толи фон Штейнбока. Психологический портрет героя состоит из смешанных чувств страха перед главным антагонистом Чепцовым, радости от встречи с матерью, парадоксального ощущения свободы на Колыме: «Быть может, в 1949 году Магадан был самым свободным городом России»²⁴, – рассуждает он о заключённых.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в романе В.П. Аксёнова «Ожог» создаётся сложное и многомерное нарративное пространство, конструируемое в том числе благодаря разветвлённой системе авторских масок. Именно посредством маски как образа «возможного другого» прозаик осмысливает достаточно провокационные для эстетики позднего социализма темы: отношения художника с властью, родиной, существование творческой личности в тоталитарном государстве. Личная трагедия ранней утраты обоих родителей в полной мере отражена в «магаданской» части романа, где центральным персонажем становится юный Толя фон Штейнбок, чья авторская маска

²² Там же. С. 212.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 215.

²¹ Аксёнов В.П. Ожог. С. 209.

вводится Аксёновым в роман, дабы в полной мере отразить своё «магаданское» детство, изобразить сложный психологический автопортрет. Точное следование фактам собственной биографии и постоянная смена масок позволяет преодолеть бунт главного героя, показать его двойную жизнь в рамках абсурдной советской системы. Система авторских масок Аполлинариевичей фактически демонстрирует не только возможные варианты личной судьбы «автора реального», но шире – поведенческую стратегию выживания

мыслящего и думающего интеллигента в контексте тоталитаризма. Ключевыми средствами создания авторских масок становятся в романе, во-первых, многочисленные автобиографические параллели и соответствия, порождённые тотальной рефлексией прозаика о себе самом, собственной судьбе, ближнем окружении; во-вторых, устойчивые переходы от первого лица к третьему и наоборот, запутывающие читателя и маркирующие текст как экспериментальное пространство литературной игры.

Список источников

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари, 1997. Т. 5. 732 с. https://www.studmed.ru/bahтин-mm-sobranie-sochineniy-v-7-mi-tomah_85d1db1e855.html
2. Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 300 с. http://publ.lib.ru/ARCHIVES/B/BAHTIN_Mihail_Mihaylovich/_Bahtin_M.M.html (дата обращения: 02.06.2022).
3. Соколов С.С. Карнавал в гетто: некоторые черты литературного андеграунда 1960–1970-х гг. в СССР // Вестник культуры и искусств. 2017. № 2 (50). С. 87-97. <https://elibrary.ru/ytnwlvz>
4. Осмухина О.Ю. Авторская маска в русской прозе 1760–1830-х гг.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2009. 40 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004664768.pdf (дата обращения: 02.06.2022)
5. Попов И.В. Художественный мир произведений Василия Аксёнова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2006. 19 с. <https://elibrary.ru/nocygf>
6. Аксёнова В.В. Жанровое своеобразие прозы В. Аксёнова 1960–1970-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2011. 18 с. <https://elibrary.ru/qhjggf>
7. Барруэло Гонзалез Е.Ю. К вопросу о жанрово-стилевых исканиях В. Аксёнова // Известия Российского государственного университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 18. № 44. С. 58-64. <https://elibrary.ru/kvasaf>
8. Власова В.Н., Чернышенко О.В. Место романа «Ожог» в постмодернистской эстетике В.П. Аксёнова // Евразийский союз учёных. 2015. № 6-4 (15). С. 152-155. <https://elibrary.ru/upweni>
9. Ефимова Н. Изображение государственной власти в произведениях В.П. Аксёнова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1995. № 3. С. 31-39. <https://www.elibrary.ru/contents.asp?titleid=8510>
10. Харитонов Д.В. Поиски нравственных доминант советской интеллигенцией в романе В. Аксёнова «Ожог» // Вестник ЧелГУ. 2003. Т. 2. № 1. С. 26-34. <https://elibrary.ru/qisxoz>
11. Чернышенко О.В. Романы В.П. Аксёнова: жанровое своеобразие, проблема героя и особенности авторской философии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 26 с. <https://elibrary.ru/znnngxj>
12. Чой Ын Кюн. «Магаданские страницы» в романе В. Аксёнова «Ожог» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 3 (119). С. 208-211. <https://elibrary.ru/pyesbh>
13. Чой Ын Кюн. Образ двойственности персонажей в романе «Ожог» В.П. Аксёнова // Учёные записки Российского государственного социального университета. 2012. № 4 (104). С. 165-168. <https://elibrary.ru/rnkfnfb>
14. Чой Ын Кюн. Проблема психологизма в романе В. Аксёнова «Ожог» // ФилоLogos. 2013. № 17 (2). С. 81-87. <https://elibrary.ru/rnkqzn>
15. Шиновников И.П. Мениппейная поэтика в романе В.П. Аксёнова «Ожог» // Филология и человек. 2012. № 2. С. 95-106. <https://elibrary.ru/oyetzd>
16. Полупанова А.В. Поэтика авторского самовыражения в прозе В.П. Аксёнова // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 15. С. 194-201. <https://elibrary.ru/rpwrzd>
17. Осмухина О.Ю. Русская литература сквозь призму идентичности: маска как форма авторской репрезентации в прозе XX столетия. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. 284 с. <https://elibrary.ru/pclcnq>

18. Петров Д.П. Одна и та же дама // Огонёк. № 33. С. 45-48. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2001677> (дата обращения: 25.06.2022).
19. Петров Д.П. Аксёнов. М.: Молодая гвардия, 2012. 437 с. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/aksenov1.html?p=1> (дата обращения: 25.06.2022).

References

1. Bakhtin M.M. *Sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vol.]. Moscow, Russkoye slovo Publ., 1997, vol. 5, 732 p. (In Russ.). Available at: https://www.studmed.ru/bakhtin-mm-sobranie-sochineniy-v-7-mi-tomah_85d1db1e855.html
2. Bakhtin M.M. *Epos i roman* [Epic and Novel]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000, 300 p. (In Russ.). Available at: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/B/BAHTIN_Mihail_Mihaylovich/_Bakhtin_M.M..html (accessed: 02.06.2022).
3. Sokovikov S.S. A carnival in the ghetto: some features of the literary underground of the 1960s–1970s in the USSR. *Vestnik kul'tury i iskusstv = Culture and Arts Herald*. 2017, no. 2 (50), pp. 87-97. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ytnwlz>
4. Osmukhina O.Y. *Avtorskaya maska v russkoy proze 1760–1830-kh gg.: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [The Author's Mask in Russian Prose of the 1760s–1830s. Dr. Sci. (Philol.) diss. abstr.]. Saransk, 2009, 40 p. (In Russ.). Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004664768.pdf (accessed: 02.06.2022)
5. Popov I.V. *Khudozhestvennyy mir proizvedeniy Vasiliya Akseanova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Artistic World of the Works of Vasily Akseanova. Cand. Sci. (Philol.) diss. abstr.]. Arkhangel'sk, 2006. 19 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nocygf>
6. Akseanova V.V. *Zhanrovoye svoyeobraziye prozy V. Akseanova 1960–1970-kh godov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Genre Originality of V. Akseanova's Prose of the 1960s–1970s. Cand. Sci. (Philol.) diss. abstr.]. Astrakhan, 2011, 17 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qhjggf>
7. Barruelo Gonzalez E.Y. V. Akseanova's genre and style searching. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, 2007, vol. 18, no. 44, pp. 58-64. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kvasaf>
8. Vlasova V.N., Chernyshenko O.V. Mesto romana «Ozhog» v postmodernistskoy estetike V.P. Akseanova [The place of the novel “The Burn” in the postmodern aesthetics of V.P. Akseanova]. *Evraziyskiy soyuz uchenykh = Eurasian Union of Scientists*, 2015, no. 6-4 (15), pp. 152-155. (In Russ.) <https://elibrary.ru/upweni>
9. Efimova N. Izobrazheniye gosudarstvennoy vlasti v proizvedeniyakh V.P. Akseanova [The image of state power in the works of V.P. Akseanova]. *Vestnik Moskovskogo universiteta = Moscow University Bulletin* 1995, no. 3, pp. 31-39. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/contents.asp?titleid=8510>
10. Kharitonov D.V. Poiski нравstvennykh dominant sovetskoy intelligentsiyey v romane V. Akseanova «Ozhog» [The search for moral dominants by the Soviet intelligentsia in V. Akseanova's novel “The Burn”]. *Vestnik ChelGU = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2003, vol. 2, no. 1, pp. 26-34. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qisxoz>
11. Chernyshenko O.V. *Romany V.P. Akseanova: zhanrovoye svoyeobraziye, problema geroya i oso-bennosti avtorskoy filosofii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Novels by V.P. Akseanova: Genre Originality, the Problem of the Hero and Features of the Author's Philosophy. Cand. Sci. (Philol.) diss. abstr.]. Krasnodar, 2007, 26 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zngxj>
12. Choy Yn Kyun. “Magadan scenes” in novel “Burn” by V. Akseanova. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 2013, issue 3 (119), pp. 208-211. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pyesbh>
13. Choy Yn Kyun. Obraz dvoystvennosti personazhey v romane «Ozhog» V.P. Akseanova [The image of the duality of characters in the novel “The Burn” by V.P. Akseanova]. *Uchenyye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta = Scientific Notes of the Russian State Social University*, 2012, no. 4 (104), pp. 165-168. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rnkfnb>
14. Choy Yn Kyun. Psychological problem in novel “Burn” by V. Akseanova. *FiloLogos = PhiloLogos*, 2013, issue 17 (2), pp. 81-87. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rnkqzn>
15. Shinovnikov I.P. Menippeynaya poetika v romane V.P. Akseanova «Ozhog» [Menippean poetics in V.P. Akseanova “Burn”]. *Filologiya i chelovek = Philology and Human*, 2012, no. 2, pp. 95-106. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oyetzd>

16. Polupanova A.V. Poetika avtorskogo samovyrazheniya v proze V.P. Aksenova [The poetics of the author's self-expression in the prose of V.P. Aksenova]. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy nauki = Topical Issues of Modern Science*, 2010, no. 15, pp. 194-201. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rpwrzd>
17. Osmukhina O.Y. *Russkaya literatura skvoz' prizmu identichnosti: maska kak forma avtorskoy reprezentatsii v proze XX stoletiya* [Russian Literature through the Prism of Identity: Mask as a Form of Author's Representation in Prose of the 20th Century]. Saransk, National Research Mordovia State University Publ., 2009, 284 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pclcq9>
18. Petrov D.P. Odná i tá zhe dama [The same Lady]. *Ogonek* [Twinkle], 2012, no. 33, pp. 45-48. (In Russ.) Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2001677> (accessed: 25.06.2022).
19. Petrov D.P. *Aksenov* [Aksenov]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2012, 437 p. (In Russ.) Available at: <https://avidreaders.ru/read-book/aksenov1.html?p=1> (accessed: 25.06.2022).

Информация об авторах

Осьмухина Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Республика Мордовия, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-1456-4793>, osmukhina@inbox.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ литературы, написание части текста статьи, редактирование статьи.

Кадеева Регина Альбертовна, научный сотрудник лаборатории фольклора, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Республика Мордовия, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-7320-2656>, reginakadeeva@mail.ru

Вклад в статью: анализ литературы, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 22.09.2022
Одобрена после рецензирования 10.12.2022
Принята к публикации 19.01.2023

Information about the authors

Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, Professor, Head of Russian and Foreign Literature Department, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-1456-4793>, osmukhina@inbox.ru

Contribution: study conception, literature analysis, part manuscript text drafting, manuscript editing.

Regina A. Kadeeva, Research Scholar of Folklore Laboratory, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-7320-2656>, reginakadeeva@mail.ru

Contribution: literature analysis, part manuscript text drafting.

There is no conflict of interests.

Received: September 22, 2022
Revised: December 10, 2022
Accepted: January 19, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 82.09; 241

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-132-142>

Шифр научной специальности 5.9.1

Образ русского духовенства в творчестве А.П. Чехова

Михаил Игоревич ЛИПУНЦОВ

Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования
«Тамбовская духовная семинария Тамбовской епархии Русской православной церкви»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. М. Горького, 3

 mishlen68@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению образов представителей духовенства Русской православной церкви в художественном творчестве А.П. Чехова. Актуальность обусловлена проблемой отторжения общества от Церкви во второй половине XIX века. Цель исследования – показать особенности изображения церковной жизни в художественных произведениях А.П. Чехова. С помощью таблиц продемонстрированы типы священнослужителей и их оценка писателем и его персонажами. Рассмотрены взаимоотношения светского общества и духовного сословия, сложившиеся во второй половине XIX века. В творчестве писателя невозможно выделить отрицательные, положительные или переходные типы духовенства, так как часто оценка того или иного священнослужителя одним из героев и/или группой лиц в повествовании является субъективной, чего нельзя сказать о рассказчике, оценка которого зачастую положительная и сочувственная. Проанализированы и обоснованы выводы, сделанные протопресвитером Александром Шмеманом в лекции, записанной на аудиокассету в 1970-е гг. в г. Сан-Франциско. Сделан вывод о том, что лишь А.П. Чехову во второй половине XIX столетия удалось по-настоящему разглядеть и изобразить в русской художественной литературе «живого» священника с его сущностью: внутренним духовным миром и взаимоотношением с окружающими.

Ключевые слова: творчество А.П. Чехова, образы духовенства Русской православной церкви, оценка писателя, протопресвитер Александр Шмеман

Для цитирования: Липунцов М.И. Образ русского духовенства в творчестве А.П. Чехова // Нефилология. 2023. Т. 9. № 1. С. 132-142. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-132-142>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The image of the Russian clergy in the works of A.P. Chekhov

Mikhail I. LIPUNTSOV

Tambov Seminary of Tambov Diocese of the Russian Orthodox Church

3 M. Gorkiy St., Tambov, 392000, Russian Federation

✉ mishlen68@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the consideration of the images of representatives of the clergy of the Russian Orthodox Church in the artistic work of A.P. Chekhov. The relevance is due to the problem of rejection of society from the Church in the second half of the XIX century. The purpose of the study is to show the features of the image of church life in the works of art by A.P. Chekhov. With the help of tables, the types of clergymen and their assessment by the writer and his characters are demonstrated. The relationship between secular society and the clergy that developed in the second half of the 19th century is considered. In the writer's work, it is impossible to single out negative, positive or transitional types of clergy, since often the assessment of one or another clergyman by one of the characters and/or a group of persons in the narrative is subjective, which cannot be said about the narrator, whose assessment is often positive and sympathetic. The conclusions made by protopresbyter Alexander Schmemmann in a lecture recorded on audiotape in the 1970s are analyzed and substantiated. in San Francisco. It is concluded that only A.P. Chekhov in the second half of the 19th century managed to truly discern and depict in Russian fiction a "living" priest with his essence: the inner spiritual world and relationships with others.

Keywords: creativity of A.P. Chekhov, images of the clergy of the Russian Orthodox Church, writer's assessment, protopresbyter Alexander Schmemmann

For citation: Lipuntsov, M.I. The image of the Russian clergy in the works of A.P. Chekhov. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(1):132-142. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-132-142>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Антон Павлович Чехов одним из немногих русских писателей второй половины XIX века изобразил жизнь священнослужителей. В данном исследовании анализируются образы духовенства в произведениях писателя, определяются типы священно- и церковнослужителей, а также раскрывается характер восприятия обществом служителей Церкви Христовой.

Предметом настоящего исследования является образ духовенства в творчестве А.П. Чехова. Актуальность обусловлена проблемой отторжения общества от Церкви во второй половине XIX века и в настоящее время, а также влиянием русской классиче-

ской литературы на формирование общественного мнения и отношения к Церкви. В работе поднимаются актуальные вопросы духовного руководства, взаимоотношений пастыря и паствы. Цель исследования – показать особенности изображения церковной жизни в художественных произведениях А.П. Чехова. В работе последовательно решаются следующие задачи: 1) определить общественный взгляд на Православную церковь; 2) ответить на вопросы: как писатель характеризует быт и взаимоотношения духовенства друг с другом, приходскую жизнь и взаимоотношение пастыря и паствы; 3) изучить, какие в текстах произведений представлены системные характеристики персонажей – представителей духовенства, исходя

из внутренней логики повествования и авторской позиции.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды: Э.Г. Манукян «Языковое представление мира священнослужителей в произведениях А.П. Чехова» [1]; И.Ф. Гнусова «Образ священнослужителей в прозе А.П. Чехова в контексте русской и английской традиции (Н.С. Лесков и Дж. Элиот)» [2]; Е.А. Абрашова «Христианские мотивы в прозе А.П. Чехова» [3]; О.А. Платонова «И.С. Шмёлев и А.П. Чехов: творческий диалог» [4].

Не рассматривая вопросы веры самого писателя, остановимся на отношении А.П. Чехова к духовенству в жизни. По мнению профессора М.М. Дунаева, «отношение Чехова к священству уважительное и сочувственное, нередко сострадательное» [5]. Митрополит Вениамин (Федченков) после прочтения рассказа «На страстной неделе» заметил, что, «касясь православного духовенства, он нигде не пишет о нём худо» [5]. Так, писатель и переводчик Б.К. Зайцев отмечал: «...Чехов ... даёт удивительную защиту, и даже превознесение того самого духовенства, которому готовили уже буревестники мученический венец. А.П. Чехов превосходно знал жизнь и не склонен был к односторонности, приглаживанию. И вот, оказывается, если взять его изображения духовного сословия, почти вовсе нет обликов отрицательных» [6].

Особую оценку творчеству А.П. Чехова среди представителей духовенства дал известный богослов XX столетия протопресвитер А. Шмеман. В одном из своих высказываний, сохранившихся на аудиокассете, прот. Александр заметил, что А.П. Чехов как художник был более искренним, чем в жизни, а именно у Антона Павловича есть единственный и совершенно особенный образ русского духовенства. Шмеман считал образ чеховского духовенства по глубине и правдивости в описании выше, чем у Н.С. Лескова и Ф.М. Достоевского, а трагизм и уникальность положения священнослужителей в социуме видел в оторванности от мира интеллигенции и простого народа, но не по вине духовенства, а по вине самой интеллигенции. Именно А.П. Чехов почувствовал трагизм

положения русского духовенства. Русская литература в целом «этого священника, дьякона увидела... либо бытово, либо анекдотически, либо со снисходительной улыбкой, либо с жалостью – «всё было бы хорошо, если бы не это поповское православие» [7].

Прот. Александр, рассматривая несколько рассказов писателя в хронологической последовательности («Кошмар», «Письмо», «Степь», «Архиерей»), делает вывод о чеховском священнике: «...не просто простота, веселие и ясность и что говорили они какими-то словесами не очень важными, но которые по-славянски красиво звучали, а в сущности имели они как раз то целостное видение мира и жизни, от которого стихийно отходила наша светская культура, которое постепенно перестало быть изнутри критерием изгнания, красоты, искусства, радости» [7]. «Русское духовенство, лишённое в полной мере возможности проявить себя, было носителем духовной красоты, правды и трансцендентности», – этими словами отец Александр Шмеман подытоживает своё выступление по А.П. Чехову [7].

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДУХОВЕНСТВА

В наполненных множеством «говорящих» деталей произведениях А.П. Чехова с предельной точностью отражены положительные и отрицательные стороны представителей духовенства второй половины XIX века. В рассказе «Убийство» священника описывает один из героев: «поп-картёжник»; «курит и водку пьёт»; «женатый, скоромник и табачник». Данную характеристику священнослужителю даёт мнимый христианин Яков Иваныч Терехов, ростовщик и торговец водкой: в Якова Иваныча «вошёл зверь», а нужно было «каяться, опомниться, образумиться, жить и молиться как-нибудь иначе»¹. Итог рассказа: в Страстной понедельник «великие постники и богомолы» брат и сестра Тереховы убивают родного брата за то, что

¹ Чехов А.П. Убийство // Lib.ru: библиотека М. Мошкова: сайт. URL: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0090.shtml (дата обращения: 01.03.2020).

он вкусил масла, когда уставом вовсе не полагается ел. «После убийства они Богу уже не молились и лампы не зажигали»². Яков Иваныч уже не имел никакой веры, получив 20 лет каторги. Автор подчёркивает символическое изменение фамилии героя: из библейского Иакова Богомолова (таким прозвищем звали в народе Тереховых) он превращается в «веник», именно так величают Якова на каторге. Для сестры Дашутки всё заканчивается не так плохо: на поселении она выходит замуж и рождает троих детей. Таким образом, в рассказе священника критикует человек, оказавшийся убийцей.

В «Острове Сахалин» (1893) несколько раз упоминается о духовенстве, некоторые эпизоды в неблагоприятном ключе: священники не постыятся, не противятся сожительству ссыльных с чужими женщинами, занимаются золотым промыслом. Были священники и среди каторжников, но писатель не вдаётся в подробности о мотивах ссылки. Духовенству отдельно посвящена целая глава, в которой мы узнаём о сахалинском миссионере иеромонахе Ираклии. Будучи вместе с о. Ираклием во Владивостоке, Антон Павлович становится свидетелем сцены, когда встрече с иеромонахом радуется крестьянин из ссыльных – духовное чадо миссионера. Это говорит о тёплом отношении ссыльных к участникам миссии. Не оставляли без внимания Сахалин и правящие архиереи. Епископ Гурий (Буртасовский) посещал остров для встречи с арестантами, претерпевая все невзгоды, которые выпадали на долю рядовых священников [5]. Сами священники, по словам писателя, «всегда держались в стороне от наказания и относились к ссыльным не как к преступникам, а как к людям, и в этом отношении проявляли больше такта и понимания своего долга, чем врачи или агрономы, которые часто вмешивались не в своё дело»³. Очень важно, что писатель приводит пример святости на Сахалине: подвижник отец Симеон Казанский передвигался по острову пешком, на собаках и оленях, замерзал, его

заносило снегом, переносил болезни, спасался из опрокинутой лодки и не жаловался. По отношению к каторжным он говорил, что для Создателя мира мы все равны. Заметим, что в статье С.В. Пряшникова о первом священнике острова «Сахалин» Симеоне Никаноровиче Казанском перечисляются тождественные с описанием у А.П. Чехова качества подвижника, но С.В. Пряшников не ссылается на писателя. Таким образом, повесть «Остров Сахалин» является настоящим документом, подтверждающим миссионерские труды отца Симеона [8].

Представителем духовенства в произведении «Степь» является отец Христофор Сирийский (табл. 1). С его благословения едет поступать в гимназию главный герой повести мальчик Егорушка, духовником семьи которого является о. Христофор. Поездка сопряжена с продажей шерсти для зятя священнослужителя, но духовное лицо интересуется не деньгами, вырученными для зятя с продажи, а участие в поездке и общение с людьми. Владелец постоялого двора Мойсей Моейсеич пытается напугать священника доносом архиерею про купеческие дела священнослужителя. Отец Христофор отвечает, что товар не его, а зятя Михайлы, которому он взялся помогать, так как зять пока не готов к таким поездкам. Однако сам священник не доверил продажи шерсти купцу Кузмичеву, получив хорошую выгоду от отказа в посредничестве. Это говорит о купеческих качествах служителя алтаря, его ловкости и смекалке. Духовник советует Егору во всём уповать на Бога и постигать науки, приводя в пример М.В. Ломоносова, проделавшего дальний путь в Москву. Однако сам священник, будучи выпускником гимназии, в академию не поехал, оправдывая себя фразой «послушание паче поста и молитвы!»⁴. В произведении отцу Христофору противопоставляется старик-старообрядец Пантелей Захаров Холодов, сопровождающий подводы с шерстью. Пантелей чаще, чем священник, рассуждает о духовном, его жизнь омрачена смертью двух маленьких детей от пожара. В конце произ-

² Чехов А.П. Убийство ...

³ Чехов А.П. Остров Сахалин // Lib.ru: библиотека М. Мошкова: сайт. URL: <http://lib.ru/LITRA/CHEHOW/sakhalin.txt> (дата обращения: 01.05.2020).

⁴ Чехов А.П. Степь // Lib.ru: библиотека Максима Мошкова: сайт. URL: <http://lib.ru/LITRA/CHEHOW/step.txt> (дата обращения: 01.05.2020).

ведения именно отец Христофор, а не Пантелей, излечивает Егорушку молитвой с растиранием маслом и уксусом, то есть с применением медицинских средств. Действия отца Христофора исцеляют мальчика, и именно со священником мальчику тяжело расставаться. Несмотря на все, казалось бы, внешние негативные купеческие качества, главный герой расположен больше к священнику Русской православной церкви, а не к Пантелею-старобрядцу.

Из рассказа «Ведьма» (1886) мы узнаём, что приход может быть расформирован, если помещик уехал из имения и за ним уехали крестьяне. В таком случае приход не на что содержать, и он закрывается. Дьячок Савелий стал служить при храме благодаря жеманности на дочери старого дьячка, а жениха прислала по просьбе умирающего старика

сама консистория. Дьячок и дьячиха, оставшиеся при храме, живут тем, что дьячок присматривает за церковью вместо сторожа. При приходе также есть сенокос и огороды, но семье недостаточно достаётся с покоса из-за ближайшего к храму священника отца Никодима села Дядькино (табл. 2). Церковнослужители по-разному относятся к соседу-священнослужителю.

Отец Савва Жезлов (табл. 3) – престарелый священник из рассказа «Святая простота» – сумел накопить 1500 руб. за 40 лет служения. Таким образом, в год он откладывал 37,5 рубля, в месяц около 3 рублей. Учитывая всю сложность перенесения стоимости царского рубля на современный курс, понятно, что это небольшие деньги по сравнению, например, с заработком адвоката на тот момент.

Таблица 1

Характеристика героя отца Христофора Сирийского, настоятеля Николаевской церкви, и мужика Пантелея (А.П. Чехов. «Степь»)

Table 1

Characteristics of the hero of Father Christopher the Syrian, rector of the Nicholas Church, and the peasant Pantelei (A.P. Chekhov. “Steppe”)

Внешний облик о. Христофора	Духовная жизнь	Мирские качества
70-летний, небольшого роста, длинноволосый старичок в сером парусиновом кафтане, в широкополом цилиндре и шитом, цветном поясе. Без рясы был похож на Робинзона Крузе. «Удивлённо глядел на мир Божий и улыбался так широко, что, казалось, улыбка захватывала даже поля цилиндра; лицо его было красно и имело озябший вид»	Отец Христфор любит молиться. Несмотря на то, что Кузмичеву необходимо было догнать Власова для продажи шерсти, священник потратил четверть часа, чтобы прочитать положенные Уставом в этот день кафизмы. «Человек мягкий, легкомысленный и смешливый, во всю свою жизнь не знал ни одного такого дела, которое, как удав, могло бы сковать его душу»	Едет продавать шерсть зятю Михайлы. Кузмичев мог бы обойтись и без священника в этом деле. Всего достиг, дочерей выдал замуж, «качается как сыр в масле». Ловко считает большое количество денег. Называет Соломона глупым человеком

Таблица 2

Сравнительная характеристика отца Якова (А.П. Чехов. «Ведьма»)

Table 2

Comparative characteristics of father Yakov (A.P. Chekhov. “The Witch”)

Священник	Глазами дьячихи	Глазами дьячка
Отец Никодим из Дядькино	«Завидушие глаза, служит тут на Николу летнего да на Николу зимнего и за это почти всё себе берёт. Заступиться некому!»	«Святая душа, светильник церкви, а ежели берёт, то по уставу!»

Таблица 3

Характеристика отца Саввы Жезлова (А.П. Чехов. «Святая простота»)

Table 3

Characteristics of Father Savva Zhezlov (A.P. Chekhov. "Holy Simplicity")

Священник	Описание по тексту	Отношение сына к отцу
Отец Савва Жезлов	Престарелый священник, настоятель городского храма. Всю жизнь копил деньги, чтобы отдать сыну и сироткам-племянницам. Любит сына	Сын впервые с 15 лет заезжает к отцу, которого не воспринимает всерьёз

БЫТ И НЕВЕРНАЯ ОЦЕНКА ДУХОВЕНСТВА ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ СВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Священник в рассказе «Кошмар» (1886) – отец Яков из Синькова (табл. 4). Молодой неприменный член по крестьянским делам присутствия Павел Михайлович Кунин рассуждает о том, почему архиерей рукоположил в учителя народу такого священника-неряху и что сделал бы он, если бы сам был священником.

Из его рассказа мы видим, каким в конце XIX в. представляли идеального священника.

1. Необходимо обязательно открыть церковно-приходскую школу. При этом найти на неё деньги: у помещика, мужиков и т. д., но найти. Для начального этапа, для школы, со слов отца Якова, необходимо 200 рублей.

2. Священник должен уметь сочинять «зажигательные проповеди». Но если вдруг у батюшки проповеди не получаются, то ему может помочь приезжий филантроп.

3. Духовенству необходимо иметь маститую манеру в совершении богослужений.

4. Плохой учитель принесёт школе гораздо меньше вреда, чем плохой священник.

Об этих рекомендациях рассуждает человек, который сам не пожертвовал на школу и за год ни разу не был в церкви, прихожанином которой считался. То есть за этот год он ни разу не причащался. Иронизируя над тем, как потешается над священником диакон, Кунин даже не знает, что священнослужитель служит без диакона. Нищенство деревянной Синьковской церкви представлено несоразмерным облачением (видимо, приход не мог позволить сшить ризу под малорослого священника), внешним и внутренним убранным.

Вместо клироса – старый сильный дьячок и маленький мальчик-дискант. А.П. Чехов точно передаёт уставные особенности: отец Яков кадит на обедне именно во время чтения часов. Был воскресный день, поэтому часы читались обыкновенные. Можно предположить, что в рассказе зарисовывается период Великого поста, так как снег ещё не растаял, но, в любом случае, в воскресные дни часы читаются в обыкновенном порядке.

Кунин видит источником падения в народе религиозного чувства именно священство, его внешнюю форму: обряд и благолепие, не вникая, как, например, священник относится к людям (табл. 5).

В рассказе упоминается попадьё, которая называет мужа Яшей. Косвенно со слов рассказчика можно догадаться, что она хорошо следила за хозяйством, так как на окнах дома белели занавески. Со слов же Кунина, наоборот, она была неряхой, так как с утра после обедни не был согрет самовар. На самом деле самовара не было вовсе из-за бедности. Попадье менее двадцати лет, она из хорошего дома, именно ей отец Яков приносит недоеденные крендельки и пытается устроиться к Кунину писарем на лишние 10 руб. в месяц. Внешнее наносное впечатление Павла Михайловича Кунина никак не соотносится с настоящим внутренним духовным миром священника. Из 150 рублей в год (для сравнения, в «Острове Сахалин» местный священник зарабатывает 1000 руб.), которые получает сельский священник, 40 он тратит на поддержание учёбы брата Петра в Духовном училище, 3 – на поддержку служившего до него и уволенного за штат за пьянство отца Авраамия, 20 – консистории за приходское место.

Таблица 4

Быт отца Якова (А.П. Чехов. «Кошмар»)

Table 4

The life of father Yakov (A.P. Chekhov. “Nightmare”)

Внешнее убранство дома	Внутреннее убранство жилища
Дом священника снаружи ничем не отличался от крестьянских изб, только солома на крыше лежала ровнее да на окнах белели занавесочки	Полы глиняные. Стены оклеены дешёвыми обоями. Обстановка поражала скудостью. «Глядя на мебель, можно было подумать, что отец Яков ходил по дворам и собирал её по частям». Повесил шляпу на большой уродливый гвоздик

Таблица 5

Характеристика отца Якова (А.П. Чехов. «Кошмар»)

Table 5

Characteristics of father Yakov (A.P. Chekhov. “Nightmare”)

Описание по тексту	Отношение Кунина к отцу Якову
28-летний сельский священник. «Вздёрнутый нос, ярко-красные щёки и большие серо-голубые глаза с жидкими, едва заметными бровями. Длинные рыжие волосы, сухие и гладкие, спускались на плечи прямыми палками. Усы ещё только начинали формироваться в настоящие, мужские усы, а бородка принадлежала к тому сорту никуда не годных бород, который у семинаристов почему-то называется «скоктанием»: реденькая, сильно просвечивающая; погладить и почесать её гребнем нельзя, можно разве только пощипать...» «На нём была ряска, цвета жидкого цикорного кофе, с большими латками на обоих локтях». «Лицо это было бесстрастно, неподвижно и ничего не выражало, кроме застенчивой робости и беспокойства». «Взял из сухарницы один кренделёк, откусил от него кусочек, потом повертел в руках и быстро сунул его себе в карман»	«Какое аляповатое, бабье лицо!» «Странный субъект». «Не может поприличней одеться». «Несолидные и жалкие на вид священники». «Не в меру робок и глуповат». «Какой странный, дикий человек». «Грязен, неряха, груб, глуп и, наверное, пьяница». «Бревно! Пень!»

Авторская характеристика священнослужителя. Перечислим настоящие качества священнослужителя, каким представляет его сам рассказчик: отец Яков самокритичен, не сребролюбив, не просит денег у мужиков, не имеет лошади и ходит в соседние деревни пешком по 8–10 км в непролазную грязь. Священник заботится о каждом, знает всё про прихожан, и прихожане, крестьяне, любят его: «Кучер Андрей и мальчик Парамон, прыгая через лужи и обрызгивая отца Якова грязью, подбежали к нему под благословение»⁵.

Услышав «исповедь» священника, Павел Михайлович изменяется сам: он готов по-

мочь и священнику, и попадье, и Авраамии, и жене доктора. Но Кунин уже написал архиерею донос на пастыря, на духовного отца. Доносы пишет тип людей, встречающих священника «по одежке», а не по внутреннему содержанию. Скорее всего, архиерей после этого письма снял отца Якова с прихода и отправил за штат, поставив в условия, подобные заштатному Авраамии. В этом достаточно раннем рассказе А.П. Чехов по-настоящему проник в душу сельского батюшки, увидев все тонкие переживания бедного священнослужителя.

Главная сюжетная линия рассказа «Святой ночью» (1886): послушник монастыря Иероним в Святую пасхальную ночь нахо-

⁵ Чехов А.П. Кошмар.

дится не в храме, а за послушанием на пароме. По мнению писателя, в Пасхальную ночь даже на пароме можно быть со Христом. Переправа начинается и заканчивается словами «Христос Воскресе!». Послушник перевозит людей в монастырь и из монастыря, являясь как бы проводником человека в горный мир. Но людям нужно не Воскресение Христово, а освящение куличей в Пасхальную ночь. Рассказчик сокрушается, что в такую ночь послушника, любящего и понимающего гимнографические тексты, оставили на пароме. Паромщик Иероним хорошо знает устав и цитирует практически дословно тексты тропарей третьей и девятой песней Пасхального канона прп. Иоанна Дамаскина, а также несколько акафистов.

Праведный поп-пьяница Анастасий. Обращаясь к характеристике священнослужителей в рассказе «Письмо» (табл. 6), следует отметить, что поп-пьяница Анастасий (с греч. Воскресение) на Пасху оказывается ближе ко Христу, чем благочинный Феодор. Отец Анастасий находится под запретом, не служит длинных служб Страстной седмицы, не причащается за Пасхальной литургией, не постится в Великую субботу, выпив три рюмки водки, но он поступает как милосердный отец, отговаривая дьякона не посылать обличительное письмо «блудному» сыну в город. Сопоставление отцов Анастасия и Феодора наводит на притчу о Мытаре и Фарисее. Напомним, что фарисей, войдя в храм, вспоминал о том, как он платит десятину и приносит дар Богу. Снова этимология имени намекает нам на фарисейство отца Феодора (Θεόδωρος – Божий дар): превосходство над диаконом и отцом Анастасием, что он не такой грешный, как они. Отец Анастасий, напротив, раскаивается в своих грехах: «Когда образ и подобие потерял, только одного и хочу, чтоб меня добрые люди простили»⁶.

Ещё одна деталь рассказа: за деньги можно было не только тайно повенчаться, но и купить чиновникам и офицерам свидетельства о говении – обязательные документы о

том, что чиновник или офицер говел и исповедовался Великим постом.

Одно из последних произведений А.П. Чехова повествует о жизни провинциального Преосвященного епископа. Оно так и называется «Архиерей» (1902). Викарный Преосвященный Пётр (в крещении – Павел), живущий в Панкратиевском мужском монастыре в 16 км за городом, был низкого происхождения, родом из бедного села Лесополье, сын дьякона, внук священника и правнук дьякона. Продолжительное время жил и служил за границей. Его путь от преподавателя греческого языка в семинарии, монашества, инспекторства, защиты диссертации, ректорства в 32 года, служения архимандритом, болезни и лечения за границей до епископского сана. Мать архиерея – Мария Тимофеевна, которую владыка не видит 9 лет и не узнаёт во время богослужения в церкви, что неудивительно, так как в ежедневных пастырских трудах и с первыми признаками тифа преосвященный вполне мог не узнать своей родной матери, слившейся с толпой похожих женщин преклонного возраста в церкви. Здесь прослеживается не просто аналогия со Священным Писанием, когда, по словам прот. А. Шмемана, во время «последнего истощания Христа происходит истощание владыки Петра, подчёркиваемое присутствием его матери» [7], но создаётся целостная картина параллелизма евангельских событий от Входа Господня в Иерусалим до Великой субботы. Евангельские события отображаются здесь и сейчас, а Преосвященный Пётр в них как бы тоже участвует. В этом особенность православного богослужения: каждый литургический год мы сопереживаем заново. Отдельно о данном параллелизме, который встречается во многих произведениях А.П. Чехова и который является его творческой особенностью, указано в статье «Литургическое пространство в творчестве А.П. Чехова» [9], а также данная тема поверхностно затрагивается в статье А.А. Новиковой-Строгановой «Пасхальность русской литературы» [10]. Конечно, переживая события Страстной седмицы, епископ Пётр не сопоставляется со Христом (хотя именно Христа должен представлять любой епископ), но архипастырь

⁶ Чехов А.П. Письмо // Lib.ru: библиотека М. Мошкова: сайт. URL: <http://lib.ru/LITRA/CHENOW/pismo.txt> (дата обращения: 01.05.2020).

Таблица 6

Характеристики героев рассказа А.П. Чехова «Письмо»

Table 6

Characteristics of the heroes of the story A.P. Chekhov "Letter"

Герои	Авторская характеристика	Быт	Характеристика другими персонажами
Отец Феодор Орлов	Благочинный. «Благообразный, хорошо упитанный мужчина, лет пятидесяти, как всегда важный и строгий, с привычным, никогда не сходящим с лица выражением достоинства»	Жил в собственном доме	«Дар, истинный дар!» «Не женились бы, о. Фёдор, давно бы вы в архиереях были, истинно, были бы!» «Евангелие будет читать по-латынски! И по-латынски он знает, и по-гречески знает...»
Отец Анастасий	Священник одного из подгородних сёл. «Старик 65-ти лет, дряхлый не по годам, костлявый и сутуловатый, с старчески тёмным, исхудалым лицом, с красными веками и длинной, узкой, как у рыбы, спиной; одет он был в щегольскую светло-лиловую, но слишком просторную для него рясу» Вёл нетрезвую жизнь, не ладил с причтом и с миром, небрежно вёл метрические записи и отчётность – в этом его обвиняли формально	Был беден и имел девять человек детей	«Лучшее, что мог бы сделать теперь о. Анастасий, это – как можно скорее умереть, навсегда уйти с этого света»
Дьякон Любимов	Человек старый, с плешью во всё темя, но ещё крепкий, черноволосый и с густыми, чёрными, как у грузина, бровями	Вдовец, жил в маленьком, трёх-оконном домике	Умел родить, умей и наставить

страдает, а в страдании ему сострадает Сам Христос. И эта Страстная седмица, так или иначе, перерождает главного героя.

Вернёмся к матушке владыки. Мать с терпением воспринимает его «отречение», гордится им и по смерти. Павел очень любил её в детстве и имел детскую наивную веру. Родительница будущего архиерея ездила с ним в детстве по богатым людям, чтобы просить деньги, как и сейчас она приехала к нему просить денег с маленькой Катей. Пообещав дать деньги, архиерей так этого и не сделал. Эти средства были необходимы, чтобы поддержать сестру архиерея Варвару, оставшуюся вдовой с четырьмя детьми. Владыка сразу перевёл тему. «Его сердили неразвитость, робость; и всё это мелкое и ненужное угнетало его своею массою»⁷, он был лицемером: в церкви был кротким, но у просителей внушал страх. Главный герой задаёт себе вопрос: «Почему же его родная мать спокойно беседует с Сысоем, но не с ним, и

почему он, её сын, внушает у матери страх?»⁸. Не люди его сделали таким, но он сам, вот о чём говорит нам писатель. В храме, где было много людей, он не мог разглядеть человека: «...и, читая, он изредка поднимал глаза и видел по обе стороны целое море огней, слышал треск свечей, но людей не было видно»⁹. Не только людей, не только отдельно взятую личность, но и собственную мать. В горячке он сумел себе признаться: «Какой я архиерей? – продолжал тихо преосвященный. – Мне бы быть деревенским священником, дьячком... или простым монахом... Меня давит всё это... давит...»¹⁰. Когда он умирал, разорвался барьер между ним и матерью, не случайно она стала называть его по имени, данном в святом Крещении, «Павлуша». Вдруг из грозного епископа Петра архиерей стал сыном Павлушей, которого целовала плачущая мать. Это великое произведение о возврате человека в детство и к детской вере, к свободе во Христе и со Христом.

⁷ Чехов А.П. Архиерей. URL: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_1902_arhierey.shtml (дата обращения: 01.05.2020).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Преосвященного епископа по смерти ждала участь многих архиереев Русской православной церкви, когда через месяц был назначен новый викарный архиерей, а о преосвященном Петре уже никто не вспоминал, а потом и совсем забыли, кроме родной матери, которой часто не верили, что сын её был владыкой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тема духовенства в творчестве А.П. Чехова, действительно, обширна: останавливаясь на нескольких произведениях, нам удалось увидеть отрицательные и положительные типы. Но эти оценки могут различаться исходя из того, кто её даёт. Важно, что Антон Павлович без прикрас, так, как есть, изобразил русское священство второй половины XIX века. И здесь нельзя не согласиться с мнением протопресвитера Александра Шмемана о духовной красоте, трагизме и трансцендентности русского духовенства прошлой эпохи. Духовное лицо в произведениях писателя может перерождаться, поп-пьяница даёт правильный мудрый совет, а монах, находясь

на послушании, переправляя через реку паломников, по праву также участвует в богослужении, при этом отсутствуя в храме. Что-то необычное для житийных клише у А.П. Чехова становится самым реальным, а авторская оценка, как правило, сочувствует духовенству и поддерживает его. В этом смысле священники А.П. Чехова более живые и реальные, чем у других писателей. У А.П. Чехова мы не встретим старца Зосимы, через которого Ф.М. Достоевский, и достаточно удачно, устраивает встречу священства с простым народом. Типы чеховского духовенства нельзя однозначно поделить на положительных, отрицательных или переходных, так как внешне успешный и толковый священник оказывается с духовным изъяном, и наоборот, поп-пьяница даёт мудрый духовный совет. Анализ духовенства в произведениях А.П. Чехова позволяет провести аналогию и с современностью, когда в священнике одни хотят видеть нестяжателя, другие – умелого администратора, третьи выдвигают свои определённые требования. Возможно, каждому стоит повнимательнее всмотреться в пастыря, как это сделал Антон Павлович Чехов.

Список источников

1. Манукян Э.Г. Языковое представление мира священнослужителей в произведениях А.П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2022. 240 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/yazykovoe-predstavlenie-mira-svyashchennosluzhitelei-v-proizvedeniyakh-ap-chekhova> (дата обращения: 12.01.2022).
2. Гнюсова И.Ф. Образ священнослужителей в прозе А.П. Чехова в контексте русской и английской традиции (Н.С. Лесков и Дж. Элиот) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 34-42. <https://doi.org/10.17223/15617793/401/5>, <https://elibrary.ru/vhlunr>
3. Абрашова Е.А. Христианские мотивы в прозе А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 15 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002668364?page=1&rotate=0&theme=white>
4. Платонова О.А. И.С. Шмелёв и А.П. Чехов: творческий диалог: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. 22 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004078579.pdf
5. Дунаев М.М. Чехов: в поисках веры: к 100-летию со дня смерти великого писателя // MDUNAEV.RU: персональный сайт М.М. Дунаева. URL: <https://mdunaev.ru/stati/chekhov-v-poiskakh-very> (дата обращения: 21.12.2021).
6. Зайцев Б.К. Чехов // Lib.ru: библиотека Максима Мошкова: сайт. URL: http://az.lib.ru/z/zajcew_b_k/text_1954_chekhov.shtml (дата обращения: 01.03.2020).
7. Шмеман А., прот. Только Чехов не проглядел русского священника // Духовенство Русской православной церкви в XX веке: биографическая база данных и собрание материалов. URL: <https://www.pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/publication/11/> (дата обращения: 01.12.2021).
8. Пряшников С.В. История Православия на Сахалине. Первый священник острова Симеон Никанорович Казанский // Молодой учёный. 2018. № 13 (199). С. 271-276. <https://elibrary.ru/yurqkx>
9. Липунцов М.И., священ. Литургическое пространство в творчестве А.П. Чехова. // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2021. № 4 (17). С. 196-211. https://doi.org/10.51216/2687-072X_2021_4_196, <https://elibrary.ru/vescdm>

10. Новикова-Строганова А.А. Истинное чудо (Пасхальность русской литературы) // Богослов.ru: научный богословский портал. URL: <https://bogoslov.ru/article/4895712> (дата обращения: 01.12.2021).

References

1. Manukyan Eh.G. *Yazykovoe predstavlenie mira svyashchennosluzhitelei v proizvedeniyakh A.P. Chekhova: dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic Representation of the World of Clergy in the Works of A.P. Chekhov: Cand. Sci. (Philol.) diss.]. Stavropol, 2022, 240 p. (In Russ.) Available at: <https://www.dissercat.com/content/yazykovoe-predstavlenie-mira-svyashchennosluzhitelei-v-proizvedeniyakh-ap-chekhova> (accessed 12.01.2022).
2. Gnyusova I.F. The character of the clergyman in A.P. Chekhov's prose in the context of Russian and English literature tradition (N.S. Leskov and George Eliot). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2015, no. 401, pp. 34-42. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/15617793/401/5>, <https://elibrary.ru/vhlunr>
3. Abrashova E.A. *Khristianskie motivy v proze A.P. Chekhova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Christian Motives in the Prose of A.P. Chekhov: Cand. Sci. (Philol.) diss. abstr.]. Moscow, 2004, 15 p. (In Russ.) Available at: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002668364?page=1&rotate=0&theme=white>
4. Platonova O.A. *I.S. Shmelev i A.P. Chekhov: tvorcheskii dialog: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk* [I.S. Shmelev and A.P. Chekhov: Creative Dialogue: Cand. Sci. (Philol.) diss. abstr.]. Tver, 2008, 22 p. (In Russ.) Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004078579.pdf
5. Dunaev M.M. Chekhov: v poiskakh very: k 100-letiyu so dnya smerti velikogo pisatelya [Chekhov: in search of faith: on the 100th anniversary of the death of the great writer]. *MDUNAEV.RU: personal'nyi sait M.M. Dunaeva* [MDUNAEV.RU: personal website of M.M. Dunaev]. (In Russ.) Available at: <https://mdunaev.ru/stati/chekhov-v-poiskakh-very> (accessed 21.12.2021).
6. Zaitsev B.K. Chekhov [Chekhov]. *Lib.ru: biblioteka Maksima Moshkova: sait* [Lib.ru: Maxim Moshkov's library: website]. Available at: http://az.lib.ru/z/zajcew_b_k/text_1954_chekhov.shtml (accessed 01.03.2020).
7. Shmeman A., protopresbyter. Tol'ko Chekhov ne proglyadel russkogo svyashchennika [Only Chekhov didn't overlook the Russian priest]. *Dukhovenstvo Russkoi pravoslavnoi tserkvi v XX veke: biograficheskaya baza dannykh i sobranie materialov* [Clergy of the Russian Orthodox Church in the 20th Century: a Biographical Database and Collection of Materials]. (In Russ.) Available at: <https://www.pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/publication/11/> (accessed 01.12.2021).
8. Pryashnikov S.V. Istoriya Pravoslaviya na Sakhaline. Pervyi svyashchennik ostrova Simeon Nikanorovich Kazanskii [History of Orthodoxy on Sakhalin. The first priest of the island Simeon Nikanorovich Kazansky]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2018, no. 13 (199), pp. 271-276. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yurqkx>
9. Lipuntsov M.I., priest. Liturgical space in the works of A.P. Chekhov. *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of the Tambov Theological Seminary], 2021, no. 4 (17), pp. 196-211. (In Russ.) https://doi.org/10.51216/2687-072X_2021_4_196, <https://elibrary.ru/vescdm>
10. Novikova-Stroganova A.A. Istinnoe chudo (Paskhal'nost' russkoi literatury) [True miracle (Easter of Russian literature)]. *Bogoslov.ru: nauchnyi bogoslovskii portal* [Bogoslov.ru: Scientific Theological Portal]. (In Russ.) Available at: <https://bogoslov.ru/article/4895712> (accessed 01.12.2021).

Информация об авторе

Липунцов Михаил Игоревич, старший преподаватель кафедры филологических и церковно-практических дисциплин, Тамбовская духовная семинария, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-4699-4162>, mishlen68@mail.ru

Вклад в статью: поиск научной литературы, анализ художественного текста, обобщение опыта исследователей, обработка и редактирование материала.

Поступила в редакцию 07.11.2022
Одобрена после рецензирования 24.01.2023
Принята к публикации 17.02.2023

Information about the author

Mikhail I. Lipuntsov, Senior Lecturer of Philological and Church-Practical Disciplines Department, Tambov Theological Seminary, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-4699-4162>, mishlen68@mail.ru

Contribution: literature search and analysis, literary text analysis, synthesis of researches experience, processing and editing material.

Received: November 07, 2022
Revised: January 24, 2023
Accepted: February 17, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 82-34

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-143-154>

Шифр научной специальности 5.9.3

Мифопоэтика и художественная интертекстуальность сказки Тамары Крюковой «Узник зеркала»

Марина Юрьевна ЕЛЕПОВА , Наталия Григорьевна КАБАНОВА

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова»

163002, Российская Федерация, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17

 nataliakabanova30@gmail.com

Аннотация. Сказка Т. Крюковой «Узник зеркала», центральная часть тетралогии о королеве Злате и Лунном рыцаре, аккумулирует в себе различные мифологические, фольклорные и литературные модели. В ней присутствуют разнообразные формы литературной интертекстуальности, важнейшую роль для понимания скрытых смыслов сказки играют мифопоэтические образы и репрезентативные аллюзии. Лейтмотив зазеркального мира, являющийся основным для сказки «Узник зеркала», продолжает традиции античной мифологии, а затем русской и европейской литературы XIX–XX веков, представляющей мир в отражённом виде. Феномен диалога текста с другими текстами, предложенный М.М. Бахтиным, позволяет выявить глубокие содержательные пласты рассматриваемого сочинения. Приём мифологического бриколажа, проявляющийся в использовании персонажей и сюжетных ходов древнегреческой мифологии, позволяет продемонстрировать, по Бахтину, «праздник возрождения смысла»: персонажи античных мифов Пан, Нарцисс символизируют демоническое начало и безысходность греха, исключение составляет нимфа Эхо, которая предстаёт как олицетворение самоотверженной любви и выступает в несвойственной для её мифологического статуса роли волшебной помощницы детей. В сказке есть и смешение разнородных персонажей, некоторые совмещают в себе черты античного прообраза и персонажа русского фольклора (Одарка). Традиционные действующие лица русских народных сказок (Медведь, Лиса, Кот) получают новый статус вершителей суда и наказания. Реминисценции из сказок Ш. Перро и Г.-Х. Андерсена, Л. Кэрролла и В. Губарева усложняют художественный рисунок произведения. Тема судьбы, фатума, сквозная в произведении, претерпевает в сказке серьёзную трансформацию. В античном фатуме по мере развития сюжета всё отчётливее проступают черты божественного промысла в христианском понимании. Позиция Варги, отрицающей личную вину и ответственность за грех, предстаёт как несостоятельная, образ Зеркала Суда прямо отсылает читателя к этическому учению христианства. Сказочный дискурс позволяет автору в сложном взаимодействии заимствованных и оригинальных персонажей, мотивов, сюжетных ходов декларировать христианскую парадигму нравственных ценностей.

Ключевые слова: Т. Крюкова, «Узник зеркала», интертекстуальность, мифологический бриколаж, персонажи русского фольклора, литературные реминисценции, тема судьбы

Для цитирования: Елепова М.Ю., Кабанова Н.Г. Мифопоэтика и художественная интертекстуальность сказки Тамары Крюковой «Узник зеркала» // Неофилология. 2023. Т. 9. № 1. С. 143-154. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-143-154>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Mythopoeics and artistic intertextuality of Tamara Kryukova's fairy tale "Prisoner of the mirror"

Marina Yu. ELEPOVA , Natalia G. KABANOVA

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
17 Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk, 163002, Russian Federation
 nataliakabanova30@gmail.com

Abstract. T. Kryukova's fairy tale "Prisoner of the mirror", the central part of the tetralogy about Queen Zlata and Moon Knight, accumulates various mythological, folklore and literary models. It contains various forms of literary intertextuality, the most important role for understanding the hidden meanings of a fairy tale is played by mythopoeic images and representative allusions. The leitmotif of the looking-glass world, which is the main one for the fairy tale "Prisoner of the mirror", continues the traditions of ancient mythology, and then Russian and European literature of the 19th–20th centuries, representing the world in a reflected form. The phenomenon of the dialogue of text with other texts, proposed by M.M. Bakhtin, makes it possible to reveal the deep content layers of the work in question. The technique of mythological bricolage, which is manifested in the use of characters and plot moves of ancient Greek mythology, makes it possible to demonstrate, according to Bakhtin, the "holiday of the meaning revival": the characters of ancient myths Pan, Narcissus symbolize the demonic beginning and the hopelessness of sin, with the exception of the nymph Echo, who appears as the personification of selfless love and acts in an unusual role for her mythological status as a magical assistant to children. In the fairy tale there is also a mixture of heterogeneous characters, some combine the features of an ancient prototype and a character of Russian folklore (Odarka). The traditional characters of Russian folk tales (Bear, Fox, Cat) receive a new status of arbiters of judgment and punishment. Reminiscences from the fairy tales of Ch. Perrault and H.-C. Andersen, L. Carroll and V. Gubarev complicate the artistic drawing of the work. The fate theme, fate, which runs through the work, undergoes a serious transformation in the fairy tale. In ancient fate, as the plot develops, the features of divine providence in the Christian sense become more and more distinct. The position of Varga, who denies personal guilt and responsibility for sin, appears as untenable, the image of the Mirror of Judgment directly refers the reader to the ethical teachings of Christianity. Fairy tale discourse allows the author to declare the Christian paradigm of moral values in a complex interaction of borrowed and original characters, motives, plot moves.

Keywords: T. Kryukova, "Prisoner of the mirror", intertextuality, mythological bricolage, Russian folklore characters, literary reminiscences, fate theme

For citation: Elepova, M.Yu., & Kabanova, N.G. Mythopoeics and artistic intertextuality of Tamara Kryukova's fairy tale "Prisoner of the Mirror". *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(1):143-154. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-143-154>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В разные периоды истории русской литературы господствовал тот или иной жанр. В начале XIX века, в эпоху романтизма, возник интерес к сказке как народно-эпическо-

му жанру, в результате чего появились многочисленные литературные обработки фольклорных сказок. По определению М.Н. Липовецкого: «Литературная сказка – это в принципе то же самое, что и фольклорная сказка, но в отличие от народной литератур-

ная сказка создана писателем и поэтому несёт на себе печать неповторимой творческой индивидуальности автора»¹. Литературная сказка начинает своё существование в системе авторского творчества как продолжение народной сказки. Это залог общих типологических особенностей сказок, принадлежащих разным национальным культурам, в том числе сказок русской и французской, и разным эпохам.

В России оформление жанра литературной сказки происходит в XIX веке в произведениях А.С. Пушкина, В.Ф. Одоевского, А. Погорельского, М.Е. Салтыкова-Щедрина и других писателей. Именно в первой четверти XIX столетия начинается активное научное изучение фольклорной сказки, что определяет, в конечном счёте, и интерес к ней писателей. С другой стороны, появлению русской литературной сказки способствовал романтизм как ведущий художественный метод литературы того периода: эстетическая природа романтизма с его двоемирием, фантастическими мотивами, стремлением героя к идеалу и эскапизмом оказалась удивительно близка к особенностям жанра сказки.

Литературная сказка многолика. По мнению Э.И. Ивановой, наиболее полно определяет её специфику формулировка Л.Ю. Брауде (в статье «К истории понятия литературная сказка», опубликованной в 1977 г. в Серии литературы и языка Известий АН СССР): «Литературная сказка – авторское художественное прозаическое или поэтическое произведение, основанное либо на фольклорных источниках, либо придуманное самим писателем, но в любом случае подчинённое его воле; произведение, преимущественно фантастическое, рисующее чудесные приключения вымышленных или традиционных сказочных героев и некоторых случаях ориентированное на детей; произведение, в котором волшебство, чудо играет роль сюжетобразующего фактора, помогает охарактеризовать персонажей»².

¹ *Липовецкий М.Н.* Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х годов). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992. С. 3.

² *Брауде Л.Ю.* Скандинавская литературная сказка. М.: Наука, 1979. 208 с.

Современные авторы также обращаются к сказочному жанру, модернизируя его жанровую систему и уже известные сказочные сюжеты, а также трансформируя образную систему, используя сказочные и мифологические мотивы, насыщая свои произведения художественной интертекстуальностью и аллюзионностью. Современная сказка нередко становится органичным сплавом языческих воззрений, архаических представлений о мире и христианских мотивов как русского фольклора, так и устно-поэтического творчества других народов, но принципиально переосмысленных. Каждая эпоха оставляет свой непреходящий след в сознании народа, а значит, и в фольклоре. В.Я. Пропп первым обращает внимание на тот факт, что сюжеты фольклорных сказок берутся из реальной жизни, и историческое время влияет на развитие событий, пафос и идею сказки. «Литературная сказка органично восприняла всё ценное, что было выработано фольклором: духовный опыт народа, идеалы и надежды, представления о мире и человеке, добре и зле, правде и справедливости, – соединив нравственные ценности и художественные достижения народа с авторским талантом»³.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Целью исследования является выявление особенностей мифопоэтики и художественной интертекстуальности современной литературной сказки Тамары Крюковой «Узник зеркала».

Тамара Шамильевна Крюкова – автор книг для детей и юношества. Её произведения относятся к разным жанрам и предназначены для читателей разных возрастов. Жанровый репертуар писательницы разнообразен: это и фантастические, и реалистические повести, повести-сказки, рассказы, сказки и стихи. Первая книга «Тайна людей с двойными лицами» появилась на свет после командировки Т. Крюковой вместе с мужем в Южный Йемен и имеет двойное авторство. С собственными книгами писательницы широкая

³ *Овчинникова Л.В.* Русская литературная сказка XX века (история, классификация, поэтика). М.: Флинта: Наука, 2003. 312 с.

читающая публика познакомилась в 1996 г., но с 1990 г. Т. Крюкова печатала свои замечательные сказочные зарисовки в журнале «Мурзилка», в частности «Дом вверх дном». Замечательные произведения Крюковой полюбилися читателям, она получила признание после первых же своих писательских шагов. Уже в 1997 г. литератор вступила в Союз писателей России, а с 2004 г. стала ежегодно получать литературные награды за своё творчество: лауреат Международного театрального фестиваля «Счастливые дети», лауреат первой премии Международного общественного фонда «Русская культура» за возрождение литературы для подростков России, лауреат первой премии конкурса на лучшую книгу о подростках, проводимого Издательским советом Русской православной церкви, лауреат первой премии IV Всероссийского конкурса произведений для детей и юношества «Алые паруса», организованного Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям. В 2008 г. писательница стала лауреатом премии Правительства Российской Федерации в области образования за работу над комплектом учебников «Русский язык», который получил статус федерального.

Тамара Крюкова является председателем Оргкомитета Международного молодёжного проекта «Мы пишем Книгу Мира» по инициативе Московского городского Дворца детского (юношеского) творчества.

Некоторые её произведения экранированы. По мотивам повестей «Костя+Ника» и «Потапов, к доске!» сняты два полнометражных художественных фильма. Фильму «Костяника. Время лета» были присуждены многочисленные награды, в том числе Гран-при XIV Международного кинофестиваля «Артек», X Всероссийского фестиваля «Орлёнок», VI Международного детского фестиваля искусств «Кинотаврик», IV Международного фестиваля стран АТР “Pacific Meridian” и др.

В 2007 г. Тамара Крюкова представляла Россию на Международном фестивале «БиблиОбраз» в программе «Открывая друг друга», целью которой было знакомство читателей разных стран с современными авторами,

чьих произведения предназначаются для подростков.

Её произведения переведены на английский, немецкий, польский, словацкий, чешский, венгерский, болгарский, украинский, литовский, азербайджанский, армянский и киргизский языки.

Сказка Тамары Крюковой «Узник зеркала» (2001) вошла в тетралогия сказочных историй о королеве Злате, её сыне Глебе и Лунном рыцаре и является продолжением приключений тщеславной и горделивой матери Глеба, а главным героем сказочного дискурса уже является сам Глеб. Первая часть сказочной тетралогии, объединённой сюжетом и авторским замыслом, называется «Гордечка» и повествует о жизни Златы; вторая часть «Кубок чародея» рассказывает о рождении Глеба и появлении его двойника. Третья часть «Узник зеркала» является центральной во всём цикле и повествует об испытаниях принца Глеба в Зазеркалье. Четвёртая часть этой тетралогии – сказка «Лунный рыцарь», герой которой – бывший король Святозар в своём стремлении осчастливить всех своих подданных невольно превратил их в алчных и ленивых людей, а из статуса благодетеля в их сознании перешёл в ранг врагов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследуемой нами сказке «Узник зеркала» присутствуют уже знакомые читателю герои и появляются новые, например, цыганская девочка Марика, которая будет одной из главных действующих фигур в следующей сказке писательницы «Волшебница с острова Гроз». Сказка «Узник зеркала», таким образом, является частью серии сказок, но при этом занимает главное место в цикле повествований о судьбе сказочных героев. Она глубока по своему нравственному подтексту, наполнена разнообразными формами литературной интертекстуальности, мифопоэтическими образами и вкраплениями, требующими от читателя решения своеобразного «аллюзивного ребуса». Лейтмотив зазеркального мира, являющийся основным для сказки «Узник зеркала», продолжает традицию ан-

тичной мифологии, а затем русской и европейской литературы XIX–XX веков, представляющую мир в отражённом виде. Образ зеркала фигурирует в древнегреческом мифе о Персее и как зеркальная гладь воды в мифе о Нарциссе, в литературных европейских и русских сказках XIX века: братьев Гримм и Э.-Т.-А. Гофмана, Г.-Х. Андерсена и Оскара Уайльда, А.С. Пушкина и П. Бажова, Р.Р. Толкиена и Дж. Роулинг и др.

Зазеркалье как особая сказочная страна особенно ярко представлена в знаменитой сказке английского писателя Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» (1871) и сказке советского писателя Виталия Губарева «Королевство кривых зеркал» (1951).

В сказке Кэрролла смыслом пребывания героини в Зазеркалье становится преодоление ею законов времени и пространства. В произведении наглядно представлена идея зеркальной симметрии. Все асимметричные предметы предстают «вывернутыми» или же у них левая и правая половины меняются местами. Время течёт тоже «задом наперёд»: например, пироги сначала раздают гостям, а потом уже режут на части, «завтра никогда не бывает сегодня», а из пальца начинает идти кровь ещё до того, как он будет уколот. Кэрролл создаёт невероятное сказочное произведение о пути познания, самосовершенствовании, самопознания главной героини. Зазеркальный мир Губарева направлен на обличение социальных пороков, он открывает недостатки в поведении пионерки Оли, даёт ей возможность посмотреть на себя со стороны, осознать недостатки и вместе со своим отражением Яло спасти мальчика Гурда и освободить горожан от власти Нушрока и ему подобных.

В сказке Крюковой приключения Глеба и Марики в Зазеркалье отсылают читателя к предшествующей литературной традиции, заставляя «всматриваться» в мифопоэтические образы и репрезентативные аллюзии, являющиеся одной из распространённых форм интертекстуальности и играющие важнейшую роль для понимания скрытых смыслов сказки Т. Крюковой, поскольку благодаря их использованию в новом контексте возрождаются образы, имена, фразы и фраг-

менты из известных произведений. Это позволяет читателю через аллюзивный зеркальный мир разных литературных источников уяснить глубинный подтекст произведения. Зеркало для Тамары Крюковой становится отражением интенционального состояния (намерения), выражающего «определённую ментальную направленность субъекта речи к действительным или возможным объектам и состояниям мира [1, с. 381-382]. В границах сказочного пространства этот магический предмет выступает как граница между «нашим» и «чужим» мирами. Следовательно, автор говорит о том, что зеркало обладает возможностью организовывать структуру мира. Этот подход созвучен концепции Ю.М. Лотмана в работе «Структура художественного текста» (1970), в которой художественный мир предстаёт как система противопоставленных друг другу пространств: «Язык пространственных отношений оказывается одним из основных средств осмысления действительности. Понятия «высокий-низкий», «правый-левый», «открытый-закрытый» <...> оказываются материалом для построения культурных моделей» [2, с. 267]. Их значимой характеристикой является наличие границ. Такой моделью в сказке Крюковой и является зеркало: «Зеркало в большинстве случаев выступает как граница семиотической организации и граница между «нашим» и «чужим» мирами»⁴. Способность зеркала выступать в качестве границы и определяет сюжетобразующую и смыслообразующую функции зеркала.

Сказка «Узник зеркала» начинается с изображения «горы судеб» Фатума. В сказочном дискурсе Тамары Крюковой мотив судьбы играет первостепенную роль. Гора Фатум зримо или незримо царствует над королевством Златы. В изначальном значении древнеримский Фатум «неотвратимое, неизбежное, непостижимое предначертание чьей-либо жизни. Он является внешним по отношению к человеку. В руках Фатума человек

⁴ К семиотике зеркала и зеркальности // Труды по знаковым системам. Вып. XXII. Тарту: Тарт. гос. ун-т, 1988. С. 3-5. URL: https://dspace.ut.ee/bitstream/handle/10062/48446/trudy_po_znakovym_22.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 05.06.2022).

лишь игрушка. «Фатум слеп, иррационален, бесцелен, беспричинен, несправедлив и в силу этого жесток» [3, с. 60]. Однако по мере развития сюжета понятие Фатума наполняется иным смыслом, всё более обретая значение скрытой личной силы Промыслителя, предоставляющей героям свободу выбора, что обуславливает наличие в сказке системы этических проблем христианства.

Высшая воля разнообразно персонифицируется в сказке и предстаёт в разных обликах – судениц, мельника, Одарки. Образ мифологических персонажей судениц, обитающих во дворце на вершине Фатума, автор создаёт по античным образцам. Суденицы, вращая «волшебные веретенца»⁵, «прядут нити человеческих судеб»⁶. Они явно соотносятся с древнегреческими богинями судьбы мойрами (в Древнем Риме Парками), прядущими нити судеб, мойра Клото изображалась с веретеном в руке. Однако суденица Доля ещё и фея, тем самым она обретает статус персонажа европейского фольклора. В то же время она крёстная мать Златы, соответственно, является христианкой, как и Злата, поэтому образ Доли утрачивает языческий подтекст. По всей видимости, такое смешение связано с литературной реминисценцией: здесь очевидна связь со сказкой Шарля Перро «Золушка», в которой крёстная мать Золушки – фея-волшебница – определяет её счастливую участь стать женой принца. Так и Доля, фея и крёстная мать, дарует Злате блестящую участь королевы. Кроме того, само слово «суденицы» имеет корнем «суд», что предполагает личное начало высшей силы, так как безличная сила не может творить суд.

Современный сказочный дискурс имеет аллюзию к международным, «бродячим» сюжетам сказок, таким как преодоление главным героем препятствий на пути к достижению заветной цели, счастьем, помощью волшебных персонажей. В сказке «Узник зеркала» достижение высшей цели заключается в преодолении сказочными героями трудностей при вторжении в их жизнь злых сил и обретении ими искомого счастья. Цен-

тральным героем этой части трилогии становится сын Златы Глеб. Он жертва жестокой Ведуньи, заключившей тело мальчика навсегда в десятилетний возраст. У Глеба есть брат-двойник, подкидыш, который оказался заключённым в Зазеркалье. Глеб оказывается свидетелем разговора родителей, из которого узнаёт, что только он может освободить Гордея из Зазеркалья и таким образом сам сможет освободиться от чар Ведуньи. Воля родителей «не подвергать трудному и страшному пути сына, поскольку этот путь связан с вызовом колдовству... Лучше пусть остаётся таким, как есть, чем мы потеряем его. Мало ли на свете людей маленького роста»⁷. Но перед Глебом стоит не единоличный выбор: от его решения зависит не только судьба его самого, но и судьба Гордея. Он выбирает путь подвига и искупления.

Высшая сила незамедлительно посылает Глебу испытания. В современной сказке мотив ухода из родительского дома (дворца) становится началом тернистого пути к счастью. По мнению автора, именно чужое неосвоенное пространство и своеволие, связанное с порывами чистой души, становятся источниками справедливого выбора и будущего счастья. Кроме того, поиски заветного Зеркала становятся для героя началом не только физического роста, но и духовного. Глеб раскрывает маленькой цыганке Марике тайну своей судьбы: «Знаешь, сколько мне лет? Четырнадцать. В мире магии есть Зеркало, в котором заключён мой двойник». Мальчик поясняет, что они не братья, но колдовство крепко связывает их. Пока Гордей в Зеркале, Глеб не сможет вырасти. В этот момент мальчик думает лишь о телесной составляющей своего несчастья, но именно поиски брата-двойника, умение дружить, отсутствие сословного тщеславия и гордыни позволяют герою найти способ борьбы со злом и обрести заветное счастье – не только для себя, но и для окружающих его людей.

На каждом этапе приключений дети совершают трудный нравственный выбор. Если табор Марика покидает по приказу Варги, по

⁵ Крюкова Т. Узник зеркала. М.: Аквилегия-М, 2001. С. 3.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 8.

велению духов, то уже в следующей главе «Мельница зимы» Глеб и Марика самостоятельно определяют свой путь. В сцене в таборе прабабка Марики ведунья Варга формулирует своё понятие судьбы, которое не вмещает представление о свободе этического выбора: «Нет виновных и безвинных. Есть судьба»⁸. Развитие сюжета отменяет сформулированную Варгой идею безликого фатума, корнями уходящую во времена язычества, позволяет внести понятия личной вины и ответственности.

Заклинания Варги уносят Глеба и Марику в иное пространство, и они оказываются среди зимних просторов, где обитает мельник. Образ мельника, к которому попадают дети, символичен: он вестник судьбы, непостижимо связанный с таинственной силой фатума. Т. Крюкова персонифицирует образ этого героя, обыгрывая метафору «жернова судьбы». Он подобен древнеримским паркам, богиням судьбы, отличаясь единственно судьбоносным орудием: в его руках не нити судьбы, а жернова, в которых он измельчает не зёрна, а драгоценные камни, превращающиеся в снег. Камни – это воспоминания, драгоценные они потому, что окрашивают особым ореолом жизнь человека. Нет ничего драгоценнее памяти, говорит нам автор. Для кого-то эти камни будут представлять истинное сокровище, с помощью которого человек сможет возвращаться к событиям прошлого и черпать в них силы для дальнейшей жизни и её испытаний; а для кого-то эти камни станут непосильной ношей, поскольку в этих воспоминаниях будет заключено зло и преступление, не всегда физическое, а самое тяжёлое – нравственное. Сказочный мельник выступает в роли божественного провидения: «Ты должен сам добиваться того, чего хочешь. Я могу лишь дать тебе выбор, ведь выбор есть у каждого»⁹. Высшая сила в лице мельника не лишает детей свободы воли. Так, он предлагает Марике вернуться в табор, но она решает последовать с Глебом в неведомый и страшный путь. Глеб может спокойно вернуться во дворец и избавиться

от колдовства, но не может бросить Гордея в беде, даже рискуя остаться вечным пленником зеркала, он должен спасти брата. Мельник подчёркивает этическое напряжение момента решения: «Перед выбором каждый остаётся один»¹⁰.

Избрав путь добра, дети оказались у волшебницы Одарки, с которой связаны следующие нравственные испытания. По своему живописному облику Одарка напоминает Флору – древнегреческую богиню цветов, расцвета, весны и полевых плодов. Она окружена растениями, плодами, олицетворяет собой природное начало и имеет власть над силами природы: способна повернуть время вспять, поменять местами времена года, ведь она обладательница четырёх заветных сундуков: белого, зелёного, красного и жёлтого. Это и есть времена года, а сама Одарка – мать природа, которая наделяет весь мир своими дарами. Жилище Одарки – это в своём роде вселенский дом: «Дом высился, вернее рос, на толстом стебле в три обхвата. Покрытый бугристой корой, ствол необычного дерева-избы, как гигантская нога, цепко впивался в почву корневищами, а вместо кроны громоздилось скопище кособоких домишек»¹¹. Огромный стебель – нога у дерева намекает на избушку на курьих ножках, но жилище этого сказочного домика далеко от традиционного образа Бабы-Яги, хотя и имеет с ней семантическую связь: она посылает испытания героям, ставит их перед выбором и становится помощницей. С другой стороны, дом Одарки – это и своеобразный теремок из русской фольклорной сказки.

Испытание, предложенное детям Одаркой, символично. Цель хозяйки – определить, свойственно ли путникам самопожертвование, любовь к ближнему. Испытание пройдено: Марика искренне обрадовалась тому, что Одарка одарит только Глеба, ведь именно его счастье волнует её, а Глеба волнуют босые ноги Марики, он выбирает тёплые башмаки для цыганки. Одарка сообщает им: «Ну что ж, вы оба прошли испытание. Одна

⁸ Крюкова Т. Узник зеркала. С. 47.

⁹ Там же. С. 56.

¹⁰ Там же. С. 57.

¹¹ Там же. С. 58.

порадовалась за другого, другой прежде не о себе подумал»¹².

Приключения детей продолжают в Зазеркалье. Первое, что открывается Глебу и его верной спутнице Марики при входе в Зазеркалье, – это картина записи грехов людей и определения тяжести наказания сказочными персонажами – Медведем, Лисицей и Котом. Говорящие звери часто являются действующими лицами русских народных сказок, волшебными помощниками главного героя. Так, медведь в фольклоре покровительствует герою, помогает добыть богатство. А.Н. Афанасьев связывает этого героя со славянским богом Велесом. Кот-Баюн – известный персонаж русского фольклора. Образ Лисы в русских народных сказках многомерен, чаще всего она предстаёт как хитрая и изворотливая обманщица. Однако никогда антропоморфные фольклорные герои не несут функции суда и наказания. В сказке Крюковой переосмысливаются традиционные амплуа животных как действующих лиц, их статус возвышается до выразителей скрытой от внешнего взора божественной воли. Они «слуги Зеркала Суда»¹³. Зеркало отражает всё происходящее, что знаменует всеведение Бога, и олицетворяет неизбежность высшего суда над каждым человеком. «– Теперь вы поняли, что оказались между бытием и вечностью? – спросила Лисица и пояснила: – Когда у человека заканчивается земной путь, те, кто вершил зло и жил не по совести, должны предстать перед Зеркалом Суда. Оно показывает все грехи, даже самые потаённые. Зеркало Суда говорит, что вы чисты в делах и в помыслах, значит, вам здесь не место.

Зазеркалье имеет статус мира мёртвых, («Разве ты не понял, что живым здесь не место?»¹⁴) и своего рода пространства ада, в котором навечно заключены герои, совершившие тяжкие грехи. Соответственно, вхождение Глеба и Марики в Зазеркалье перекликается с повторяющимся античным сюжетом схождения живых в царство мёртвых Аид: Орфей отправляется в Аид в поисках Эвридики, кентавр Хирон – во избавление от

тяжких страданий, Одиссей сходит в Аид для встречи с тенью прорицателя Тиресия и встречает там множество душ друзей и врагов. В то же время тема перехода детей через границу привычного мира для благородной цели спасения брата подспудно осеняется и важнейшим в христианстве сюжетом схождения во ад самого Христа для спасения ветхозаветных праведников. Важно, что в сказке Крюковой выход грешников из Зазеркалья оказывается возможен при искреннем раскаянии.

На страницах сказки рассыпаны приметы древнего язычества, имена персонажей античной мифологии, иногда они предстают и как действующие лица сказки. В дворцовом парке королевы Златы стоит статуя Пана. Именно рядом с ней Глеб впервые встретил Ведунью из Лисьей норы, воплощение дьявольского зла. Пан как персонаж древнегреческой мифологии, родившийся с рогами и копытами, приметами демонических существ, символизирует вторжение в жизнь Глеба бесовской энергии Ведуньи. В Зазеркалье в поисках Гордея Глеб встречает Нарцисса, персонаж, взятый из античного мифа, главная страсть которого – болезненная самовлюблённость. Юноша является скорее не узником Зеркала, а узником собственного тщеславия и гордыни, за что и несёт наказание. Нимфа Эхо, истаявшая до голоса от любви к Нарциссу, единственный из мифологических персонажей, кто помогает Марики и Глебу обрести счастье.

Если интертекстуальные отсылки к античности преимущественно несут в себе негативную семантику и сопрягаются с темой вторжения демонического зла в жизнь героев, то христианские мотивы символизируют светлое начало, духовное обновление и путь совершенствования. Так, первый благородный поступок Глеба – избавление простой цыганки Марики от преследующих её мальчишек, знаменующий начало их совместного пути подвига, перекликается с евангельским сюжетом поклонения волхвов Богомладенцу Христу. Глеб приносит в сад для Марики яблоки, сыр, булочки, которые кажутся ей «рождественскими подарками». Тема Рождества Христова вновь звучит в главе «Одар-

¹² Крюкова Т. Узник зеркала. С. 74.

¹³ Там же. С. 76.

¹⁴ Там же.

ка». Оказавшись перед домом Одарки, дети хором запевают своего рода рождественскую колядку:

– Тётка Одарка,
Одари подарком.
Если нет подарка,
Дай, что не жалко.
– Сослужи нам службу,
Дай, что не нужно¹⁵.

В песенке детей содержится традиционная для русской и украинской колядки, рождественской обрядовой песни, просьба о некоем даре. В колядках это, как правило, просьба о еде: варениках, каше, колбасе, сале, пирогах и т. п.:

Коляда, коляда,
Ты подай пирога,
Или хлеба ломтину,
Или денег полтину,
Петушка с гребешком!
(Песенка «Коляда, коляда»).

Или:

Щедрик-Петрик,
Дай вареник,
Ложечку кашки,
Кольцо колбаски.
Этого мало,
Дай кусок сала.
Выноси скорей,
Не морозь детей.
(Колядка «Маленький хлопчик»).

В колядке Глеба и Марики прошение не детализируется: они не знают, что им понадобится в далёком пути. Это виднее Одарке как ещё одной после мельника вестнице судьбы. Лёгкий песенный ритм песенки также созвучен большинству колядок.

Жанровая определённости песенки подчёркивается и словами самой хозяйки дома: «Колядовать время не пришло, а попрошайка не жалуя»¹⁶. Соответственно, преспевает, по мысли Одарки, время и колядовать – на Святки. Характерно, что действие в этой главе также происходит зимой, мотив холода,

мороза звучит во многих колядках. В некоторых колядках их мифологическая подоплёка проявляется в отсылках к Мировому Древу, прорастающему через всё мироздание. В этом ключе дом Одарки, стоящий на стволе необычного дерева-избы и даже растущий, подобно дереву, корнями уходящий глубоко в землю, покрытый вместо кроны бесчисленными избышками и домишками, предстаёт как своего рода Мировое Древо, объёмлющее всю природу и человеческий мир.

В сказке косвенно упоминается, помимо Рождества Христова, и главный православный праздник – праздник Пасхи, воскресения Христова:

«Цыганка решительно подошла к фонтану и на этот раз от души тёрла руки и лицо, намываясь, будто перед Пасхой. От холодной воды её щёки покраснелись. Румянец придал смуглой коже нежный оттенок. Умытая и расчёсанная, она преобразилась. Огромные блестящие глаза и богатая копна волос делали её настоящей красавицей»¹⁷. С темой Пасхи связан мотив духовного очищения и преобразования главных героев.

Зазеркалье в сказке Крюковой ближе к миру социальных контрастов «Королевства кривых зеркал» Губарева, нежели к абсурдным гротескным картинам зазеркального мира Кэрролла с его бесконечными метаморфозами, абсурдными персонажами и течением времени вспять. Со сказкой Кэрролла его роднит, пожалуй, лишь такое свойство пространства, как необъяснимое и хаотическое превращение в иное, полная утрата прежних черт, миражность и условность (Беридар открывает дверь кабачка, но вместо стоек видит зеркальную бездну, улица Зеркальчиков исчезает неизвестно куда). Перекличек с миром сказки Губарева значительно больше. В сказке Губарева мальчик Гурд попадает в тюрьму, а Бар запирает Яло в подземелье. Сказочный город полон зеркальными мастерскими, сам город стеклянный. Главные герои Оля и Яло – двойники. В «Узнике зеркала» Глеб и Гордей – тоже двойники. В Зазеркалье есть социальное неравенство, полиция, тюрьма. Как и Гурд, Глеб раз-

¹⁵ Крюкова Т. Узник зеркала. С. 84.

¹⁶ Там же. С. 77.

¹⁷ Там же. С. 7.

бывает зеркало, за это Гурда заключают в Башню смерти, а Глеба берёт под домашний арест лавочник. Цыганка Марика также оказывается под арестом. Улица Зеркальщиков в сказочном городе заставлена лавками с зеркалами, а когда Глеб выходит из полицейского участка, он видит вместо зеркальных лавок дома из хрусталя. В лавке зеркальщика зеркала лгут, подобно кривым зеркалам в сказке Губарева. И ещё один мотив, заявленный, не получивший развития в «Королевстве кривых зеркал», но важнейший в «Узнике зеркала». На вопрос испуганной Оли, попавшей в Зазеркалье, что будет, если она разобьёт зеркало, оно отвечает: «Тогда будет ещё хуже. Ты на всю жизнь останешься по эту сторону зеркала»¹⁸. Героиня сказки Губарева благополучно освобождается из зеркального плена, в то время как Зазеркалье в сказке Крюковой обладает чертами адского пространства: отрицательные героини остаются в нём навечно. И сама суть подвига Глеба заключается в вызволении названного брата Гордея из зеркального заточения.

Финал сказки традиционно счастливый. Вопреки козням Ведуньи и её приспешника Беридара Глеб и Марика выпутываются из сложных ситуаций, их пути сходятся во Дворце Ледяной Дамы. Ледяная Дама подобна Снежной королеве из одноимённой сказки Г.-Х. Андерсена, она несёт в себе семантику душевного холода. Но если Снежная Королева Андерсена душевно мертва и не способна избавиться от ледяного сердца, то Герда своей любовью и самоотверженностью растопила сердце Кая. В сказке Крюковой Марика своей пламенной любовью к мнимой матери растопила её сердце и в Даме, не знавшей материнства, открыла сокровища материнской любви.

Ледяная Дама силами любви получила человеческий облик, утраченный в результате двойного превращения. Это надменная герцогиня Агнесса, некогда строившая козни королеве Злате, подсыпавшая яд маленькому Глебу. За ненависть к матери Глеба она была превращена сначала в мальчика Гордея, двойника Глеба, а затем в Ледяную Даму.

Агнесса страдает, глядя на Глеба: Марика считает её матерью, и лишь мальчик знает, кто она на самом деле. Но раскаяние герцогини растопило и обиду в сердце мальчика: «Марика, нет больше Гордея. Мы пришли сюда за твоей мамой»¹⁹.

ВЫВОДЫ

Сказка Т. Крюковой «Узник зеркала» через трансформацию сказочного пространства синтезировала в себе различные литературные интертекстуальные включения, отсылающие читателя к античной мифологии, мировым сказочным «бродячим» сюжетам, русскому фольклору, к литературным сказкам других авторов, позволили придать тексту большую эмоциональную насыщенность, акцентировать внимание читателя на непреходящих общечеловеческих ценностях. «Приращение смысла за счёт аллюзий позволяет многократно рассмотреть затронутую проблематику и при этом активизировать приём психологизма» [4, с. 179]. Литературные аллюзии, связанные с проникновением внешних сил в судьбы героев, становятся своеобразными «проводниками» читателя в мир сказочных героев, следующих по дороге жизни. Заимствование и использование мотивов, образов, имён, фрагментов из известных произведений позволили в новом контексте, насыщенном современными реалиями, воплотить сложный художественный замысел, ставший своеобразным аллюзивным зеркальным, в котором отразились мифологемы античности и образы русского народного творчества, универсальные сюжеты мировой литературы и мотивы произведений русских и европейских писателей-сказочников.

Важнейшим в поэтике сказки Крюковой становится приём мифологического бриколажа, проявляющийся в использовании персонажей и сюжетных ходов древнегреческой мифологии. Персонажи античных мифов Пан, Нарцисс символизируют демоническое начало и безысходность греха, исключение составляет нимфа Эхо, которая предстаёт как олицетворение самоотверженной любви и

¹⁸ Крюкова Т. Узник зеркала. С. 79.

¹⁹ Там же. С. 204.

выступает в несвойственной для её мифологического статуса роли волшебной помощницы детей. Мифологическая роль замещается фольклорной. Автор создаёт мифологических персонажей по античным образцам (суденицы). В сказке есть и смешение разнородных персонажей, некоторые совмещают в себе черты античного прообраза и персонажа русского фольклора: Одарка напоминает и античную богиню Флору, и – по месту обиталища – Бабу Ягу, в то же время образ возвышается до символа всетворческого начала природы и вестницы судьбы. Традиционные персонажи русских народных сказок (Медведь, Лиса, Кот) получают новый статус вершителей суда и наказания. Реминисценции из сказок Ш. Перро и Г.-Х. Андерсена, Л. Кэрролла и В. Губарева усложняют художественный рисунок произведения.

Заявленная буквально с первых строк тема судьбы претерпевает в сказке серьёзную трансформацию. В противовес фольклору в современной сказке Т. Крюковой «появляются сложные современные проблемы, сказочные произведения отличаются иным качеством психологизма, образной системы, хронологической организации» [5, с. 12], что объясняет устойчивое обращение автора к литературным аллюзиям и реминисценциям. В античном фатуме по мере развития сюжета всё более отчётливо проступают черты божественного промысла в христианском понимании. Не пропадают втуне косвенные упоминания о Рождестве Христовом и Пасхе, обращение к жанру святочной колядки, упоминание о крестнице Злате и крёстной Доле и отзвук события, описанного в апостольских

посланиях Петра и Павла и вошедшего в православную догматику – сошествия во ад Христа по Его воскресении. Божественное провидение проявляет себя и через своих вестников: судениц, мельника, Одарку, которые определяют внешнюю канву событий (суденица Доля) и ставят героев в ситуацию свободного и нравственно ответственного выбора (мельник, Одарка). Именно свобода воли человека в сочетании с волей божества составляют тот богочеловеческий процесс, который понимается в христианстве как судьба. Позиция ведуньи Варги, отрицающей личную вину и ответственность за грех, на фоне событий, происходящих в Зазеркалье, предстаёт как несостоятельная, так как отрицательные герои Беридар и вместе с ним мифологический персонаж Нарцисс обречены на вечное пребывание в адском пространстве Зазеркалья именно за личные грехи. Образ Зеркала Суда довершает картину: оно отражает грехи каждого, все поступки против совести. Понятия греха и совести – гласа Бога внутри человеческой души – отсылают читателя к этическому учению христианства.

Насыщенная мифологическими, фольклорными, литературными аллюзиями и реминисценциями сказка Тамары Крюковой утверждает путь подвига и искупления во имя спасения ближнего, победу над гордыней и другими низкими страстями и торжество самоотречения и христианской любви. Сказочный дискурс позволяет автору в сложном взаимодействии заимствованных и оригинальных персонажей, мотивов, сюжетных ходов ещё и ещё раз декларировать христианскую парадигму нравственных ценностей.

Список источников

1. Павленис Р.И. Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике: теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. Вып. XVII. С. 380-388. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/novoe_v_zarub/text.pdf
2. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. СПб.: Искусство – СПб, 1998. 285 с. URL: <https://studylib.ru/doc/651324/lotman-yu.m.--struktura-hudozhestvennogo-teksta>
3. Денисова Т.Ю. Апория судьбы, или были ли греки фаталистами? // Идеи и идеалы. 2014. Т. 1. № 3 (21). С. 57-70. <https://elibrary.ru/sobhfj>
4. Ильяшенко Я.Ю. Литературные аллюзии в сказках А.С. Байетт // Управленческое консультирование. 2014. № 3. С. 175-180. <https://elibrary.ru/sbpztl>

5. *Куприянова Е.С.* Литературные сказки Оскара Уайльда и сказочно-мифологическая поэтика романа «Портрет Дориана Грея». Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2007. 300 с. <https://elibrary.ru/qtalnp>

References

1. Pavilenis R.I. Ponimanie rechi i filosofiya yazyka [Understanding speech and philosophy of language]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike: teoriya rechevykh aktov* [New in Foreign Linguistics: Theory of Speech Acts]. Moscow, Progress Publ., 1986, Issue 17, pp. 380-388. (In Russ.) Available at: https://www.booksite.ru/fulltext/novoe_v_zarub/text.pdf
2. Lotman Yu.M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The Structure of Literary Text]. St. Petersburg, Iskustvo – SPB Publ., 1998, 285 p. (In Russ.) Available at: <https://studylib.ru/doc/651324/lotman-yu.m.--struktura-hudozhestvennogo-teksta>
3. Denisova T.Yu. Aporia of the fate or were the Greeks fatalists? *Idei i ideally = Ideas and Ideals*, 2014, vol. 1, no. 3 (21), pp. 57-70. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sobhfj>
4. Il'yashenko Ya.Yu. Literary allusions in A.S. Byatt's fairy tales. *Upravlencheskoe kon-sul'tirovanie = Administrative Consulting*, 2014, no. 3, pp. 175-180. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sbpztl>
5. Kupriyanova E.S. Literaturnye skazki Oskara Uail'da i skazochno-mifologicheskaya poetika romana «Portret Doriana Greya» [The Literary Tales of Oscar Wilde and the Fabulous Mythological Poetics of the Novel the Picture of Dorian Gray]. Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2007, 300 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qtalnp>

Информация об авторах

Елепова Марина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-7229-5851>, m.elepova@yandex.ru

Вклад в статью: идея исследования, научное консультирование, набор первичного материала, написание части текста статьи, редактирование, окончательное одобрение рукописи.

Кабанова Наталия Григорьевна, аспирант, кафедра литературы, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-8624-3481>, nataliakabanova30@gmail.com

Вклад в статью: поиск и анализ научной литературы, работа с литературным источником, анализ художественного текста, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 13.09.2022
Поступила после рецензирования 30.11.2022
Принята к публикации 19.01.2023

Information about the authors

Marina Yu. Elepova, Dr. Sci. (Philology), Professor of Literature Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-7229-5851>, m.elepova@yandex.ru

Contribution: study idea, scientific consulting, source material acquisition, part manuscript text drafting, editing, final manuscript approval.

Natalia G. Kabanova, Post-Graduate Student, Literature Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-8624-3481>, nataliakabanova30@gmail.com

Contribution: scientific literature search and analysis, work with literature reference, literary text analysis, part manuscript text drafting.

There is no conflict of interests.

Received: September 13, 2022
Revised: November 30, 2022
Accepted: January 19, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 82-1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-155-164>

Шифр научной специальности 5.9.3

Между утопией и трагедией: конвергенция фаустовского мотива «гомункула» и ключевых образов романа «Доктор Живаго» Б. Пастернака

Сергей Анатольевич КОРНИЕНКО^{1,2} , Оксана Васильевна АФАНАСЬЕВА³

¹ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»

119049, Российская Федерация, г. Москва, Ленинский просп., 4

²ОЧУ ВО «Московский университет им. А.С. Грибоедова»

111024, Российская Федерация, г. Москва, ш. Энтузиастов, 21

³АНО ВО «Московский информационно-технологический университет –

Московский архитектурно-строительный институт»

129161, Российская Федерация, г. Москва, Волгоградский просп., 32

 sergeykornienko@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – выявить семантические и образные параллели второй части «Фауста» Гёте и романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Предметом исследования является влияние текста Гёте на текст Пастернака, который приступил к написанию романа одновременно с завершением перевода «Фауста». Актуальность исследования обусловлена значительным интересом отечественного литературоведения к переводам, выполняемым поэтами и прозаиками XX века, и исследованию в связи с этим сознательного и бессознательного межтекстового диалога, проникающего в авторское творчество писателей-переводчиков. С помощью сравнительно-исторического и структурно-семантического метода выявлена «двойная оптика» написания «Доктора Живаго»: роман создавался под впечатлением мистического и зашифрованного автором текста второй части «Фауста» и в определённом смысле является продолжением «Фауста» на русской почве. Доказано, что у двух текстов гомологичны ключевые темы: тема новых людей, раскрывающаяся Гёте в образах Эвфориона и гомункула, Пастернаком – в образах героев романа Юрия Живаго и Павла Антипова. Сформулированы семантические параллели между образом гомункула и пониманием русской революции в целом: доказано, что прочтение текста «через Гёте» является плодотворным семантическим ключом к тексту Пастернака.

Ключевые слова: Гёте, Пастернак, новые люди, гомология, гомункул

Для цитирования: Корниенко С.А., Афанасьева О.В. Между утопией и трагедией: конвергенция фаустовского мотива «гомункула» и ключевых образов романа «Доктор Живаго» Б. Пастернака // Неофилология. 2023. Т. 9. № 1. С. 155-164. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-155-164>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Between utopia and tragedy: the convergence of Faustian motif of “homunculus” and the key images of the novel “Doctor Zhivago” by B. Pasternak

Sergei A. KORNIENKO^{1,2} , Oksana V. AFANAS'EVA³

¹National University of Science and Technology “MISIS”

4 Leninskiy Ave., Moscow, 119049, Russian Federation

²Moscow University named after A.S. Griboedov

21 Enthusiastov Rte., Moscow, 111024, Russian Federation

³Moscow Information Technology University – Moscow Architectural-Construction Institute

32 Volgogradskiy Ave., Moscow, 129161, Russian Federation

 sergeykornienko@mail.ru

Abstract. The purpose of study is to identify the semantic and figurative parallels of the second part of Goethe’s “Faust” and B.L. Pasternak’s novel “Doctor Zhivago”. The subject of study is the influence of Goethe’s text on the text of Pasternak, who started writing the novel simultaneously with the completion of Faust translation. The relevance of study is due to the significant interest of Russian literary criticism in translations performed by poets and prose writers of the 20th century and, in this regard, the study of conscious and unconscious intertextual dialogue penetrating into the author’s work of writers-translators. Using the comparative-historical and structural-semantic method, the “double optics” of writing “Doctor Zhivago” is revealed: the novel was created under the influence of the mystical text of the second part of Faust encrypted by the author and, in a certain sense, is a continuation of Faust on Russian soil. We prove that the two texts have homologous key themes: the theme of new people, revealed by Goethe in the images of Euphorion and the homunculus, Pasternak – in the images of the heroes of the novel by Yuri Zhivago and Pavel Antipov. We formulate semantic parallels between the image of the homunculus and the understanding of the Russian revolution as a whole: it is proved that reading the text “through Goethe” is a fruitful semantic key to Pasternak’s text.

Keywords: Goethe, Pasternak, new people, homology, homunculus

For citation: Kornienko, S.A., & Afanas’eva, O.V. Between utopia and tragedy: the convergence of Faustian motif of “homunculus” and the key images of the novel “Doctor Zhivago” by B. Pasternak. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(1):155-164. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-155-164>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Б.Л. Пастернак живо интересовался творчеством зарубежных авторов и активно занимался переводами – в том числе «Фауста» Иоганна Вольфганга Гёте. Работа с «Фаустом» и погружение в его художественный мир оказали большое влияние на позднее творчество Пастернака, в частности на роман «Доктор Живаго». Это влияние обозначено в исследованиях М.А. Галкина, О.А. Се-

даковой Н.В. Лаврентьевой, О.В. Добронравовой, Х.Н. Галимовой, А.В. Панькова, К.П. Герасченко [1–5], рассматривается в материалах конференции¹. Также элементы межтекстового диалога с Гёте в творчестве Б.Л. Пастернака затронуты в исследованиях К. О’Коннора, И.П. Смирнова, Н.А. Фатеевой, Ю.В. Шатина, А.К. Жолковского, К.М. Поливанова [6–11], в

¹ Новое о Пастернаках: материалы Пастернаковской конференции 2015 года в Стэнфорде / под ред. Л. Флейшмана. М.: Азбуковник, 2017. 656 с.

коллективной монографии под редакцией В.И. Тюпы [12].

Исследователи отмечают, что Б.Л. Пастернак сам указывал на гомологичность «Фауста» и «Доктора Живаго», видел параллели между «Фаустом» и своей собственной жизнью в период осуществления перевода. В переписке с главой немецкого издательства Пастернак высказывает чрезвычайно значимое соображение: «Когда я переводил его, то в вихре работы позабыл, что вторую часть понять совершенно невозможно. И по рассеянности я её нечаянно понял. Если я, хотя это и нескромно, представляю собой звено в развитии русской поэзии, русских поэтических форм, то это же следует признать и относительно моего перевода «Фауста»². Пастернак фактически указывает на общеизвестный стереотип – сложность трактовки второй части трагедии Гёте, и при этом ему в процессе работы над переводом в сложных исторических и личных обстоятельствах, при параллельном зарождении и развитии замысла собственного романа открылся смысл образов и сюжетного мира второй части. Это обуславливает необходимость анализа сходства образов и мотивов «Доктора Живаго» и второй части «Фауста», предпринимаемого в данном исследовании.

Целью настоящего исследования является выявление закономерностей конвергентности «Фауста» Гёте и «Доктора Живаго» Б.Л. Пастернака на примере ключевых образов произведения, в первую очередь, образа гомункула – искусственно рождённого существа, к появлению которого причастны сверхъестественные силы, и образа антропоморфизированной революции и её воплощения в «новых людях».

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Задача данного исследования состоит в последовательном прослеживании параллелей между образом гомункула во второй час-

ти «Фауста» Гёте и символическим образом русской революции в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Трагедия «Фауст» создавалась в общей сложности более 60 лет, и время её написания совпало с периодом социальных потрясений в Европе – революций и войн. Ключевой идеей второй части трагедии, созданной значительно позже первой, становится вопрос о вкладе в будущее и появлении нового человека. Учёный Вагнер с помощью науки порождает гомункула. Одновременно естественным путём на свет появляется совершенный человек Эвфорион, сын мудрого Фауста и прекрасной Елены.

«Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака, как и «Фауст», создавался в период значительных социальных потрясений и преобразований. Автор начал работу над романом в послевоенный период, а в самом тексте отражаются события начала XX века, революции и Гражданской войны. Ключевой темой романа также становится поиск нового человека, того, кому суждено будет преодолеть противоречия и внести созидательную силу в новый мир. Соответственно, представляется необходимым рассмотреть текст «Доктора Живаго» через «двойную оптику» – учитывая не только замысел автора, но и его глубокое погружение в текст «Фауста». Вторая часть трагедии Гёте, по словам Б.Л. Пастернака, представляет собой «огромную поэтико-философскую фреску, полную зашифрованных символических и мистических ассоциаций и непрояснённых загадок, равной которой по сложности трудно найти в мировой литературе»³, и разгадки этого мистического текста, как представляется, во многом перешли в текст «Доктора Живаго».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Очевидно, что творчество И.В. Гёте в общем и «Фауст» в частности оказали большое влияние на работы Б.Л. Пастернака. Роман «Доктор Живаго» в какой-то степени является символическим наследием и продолжением немецкого романтизма И.В. Гёте.

² Борис Пастернак Бригитте Б. Фишер, 18 декабря 1959 года // «С Вами мне везёт...». Переписка Бориса Пастернака с Бригитте и Готфридом Берман-Фишерами // Знамя. 2020. № 6. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=7631> (дата обращения: 15.11.2022).

³ Гёте И.В. Фауст / пер. с нем. Б. Пастернака. М.: Изд-во АСТ, 2016. С. 4.

«Доктор Живаго» – роман, посвящённый не столько характерам и событиям, сколько тем антропоморфизированным силам, которые управляют и событиями, и людьми. Как указывает О.А. Седакова, роман Пастернака имеет драматургическую природу и в этом отношении также сходен с «Фаустом»: «история этого символического человека, Фауста, Живаго, представлена как зрелище, как театр. Это открыто заявлено у Гёте, и совсем не так очевидно для нас у Пастернака. Всё-таки это роман в семнадцати частях, а не драма в актах и «сценах», как «Фауст» Гёте! Однако драматургический замысел с самого начала лежал в основании этой прозы» [2]. Она указывает на параллели между главными героями, начиная с названия: «Доктор Фауст – Доктор Живаго», и прослеживает последовательное сходство ряда сцен «Фауста» и эпизодов романа, опираясь главным образом на первую часть трагедии.

Смыслы 2-й части произведения И.В. Гёте часто находятся не на поверхности, а скрыты за многочисленными отсылками к историческим и литературным феноменам. Это способствует многоплановости трактовки различных элементов романа. Вторая часть содержит многочисленные отсылки к Ветхому и Новому Завету, а также к античной культуре, и одним из ключевых мотивов становится появление нового человека и в целом тот след, который человек оставляет после своей смерти.

В тексте «Фауста» появляется несколько детей, каждому из которых суждена незавидная судьба. Дочь Фауста и Гретхен, рождённая в первой части трагедии, утоплена собственной матерью. Гёте подчёркивает, что связь Фауста и Гретхен вообще окружена множеством смертей: чтобы они могли встретиться, матери Гретхен дают снотворное, от большой дозы которого она умирает, брат Гретхен Валентин вступает в поединок с Фаустом и Мефистофелем и также погибает, и, наконец, дитя этой связи умирает насильственной смертью, едва родившись. В конце первой части Гретхен говорит Фаусту обо всех смертях, сопровождавших их любовь:

Ты выкопай лопатой
Три ямы на склоне дня:

Для матери, для брата
И третью для меня.
Мою копай сторонкой,
Невдалеке клади
И приложи ребёнка
Тесней к моей груди⁴.

Первая часть трагедии заканчивается сценой неудавшегося побега: Фауст призывает Гретхен, помещённую в тюрьму за убийство младенца, бежать, однако Гретхен отказывается совершить ещё один грех и тем самым спасает себя – последними словами первой части трагедии становится замирающий зов «Генрих, Генрих!»: Мефистофель уводит Фауста, а его возлюбленная остаётся в тюрьме. Таким образом, по сюжету трагедии, обычная земная связь мужчины и женщины, состоявшаяся при содействии злых сил (пожилой Фауст с помощью чар Мефистофеля выглядит юным), несёт смерть всей семье и не может символизировать зарождение нового человечества.

Во второй части, к созданию которой Гёте приступил спустя несколько десятков лет после первой, тема рождения ребёнка выходит на новый уровень: появляются два существа, каждое из которых претендует на совершенство. С помощью достижений науки друг и ученик Фауста Вагнер производит гомункула – по его мысли, это принципиально новый способ создания человека:

О боже! Препрежнее детей прижитье
Для нас – нелепость, сданная в архив.
...
А жребий человека так высок,
Что должен впрямь иметь иной исток⁵.

Это существо, задуманное учёным Вагнером и созданное при помощи Мефистофеля, от обоих «родителей» получило их сильные качества: острый ум, деловитость, жажду познания, но и Вагнер (вследствие своей профессиональной деятельности и образа жизни), и Мефистофель (вследствие своей природы) были отстранены от «человеческого начала» и не смогли передать своему тво-

⁴ Гёте И.В. Фауст. С. 284.

⁵ Там же. С. 416.

рению даже каплю человечности. Тут заметим, что Мефистофель, не будучи человеком, часто апеллирует к качествам, характерным именно для человека: жадности, похоти. Он использует знание человеческой психологии для манипулирования, в том числе и Фаустом. Одна из самых опасных вещей для Мефистофеля – Фауст, который, если начал бы задумываться о происходящем, вернулся бы к себе.

Как заметил С.В. Стахорский, гомункул является «союзом человеческого ума и дьявольского промысла»⁶. На наш взгляд, образ гомункула очень близок пониманию русской революции в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Революция у русского писателя необходима для того, чтобы люди в романе попадали в те или иные ситуации, раскрывали в себе что-то новое, создавали гениальные произведения.

Так и в «Фаусте», гомункул нужен для того, чтобы герои (и читатели) задумались о человеческом начале, о стремлениях людей в разных жизненных ситуациях, о типичных поступках. Для Вагнера создание гомункула было делом всей его жизни – это то событие, к которому он шёл на протяжении своей карьеры учёного. И.В. Гёте не показывает нам весь жизненный путь Вагнера. В первой части мы видим его учеником Фауста, во второй – уже сложившимся учёным, понимающим своё положение и значимость и от этого порой ведущим себя чванливо. Так и для Б.Л. Пастернака революция несомненно была главным событием XX века в России. Как пишет сын писателя Е.Б. Пастернак, русская революция для Б.Л. Пастернака была «экспериментальной проверкой социальных утопий прошлого»⁷.

Б.Л. Пастернаку было интересно изучать её духовные и нравственные основы – те основы, из которых был рождён гомункул И.В. Гёте. Русскому писателю было интересно, как революция как некий живой организм

отреагирует на накладываемые на него ограничения. Восстанет ли этот организм в ответ на попрание красоты и достоинства человека? Как мы видим в дальнейшем развитии сюжетной линии гомункула, он, как раз поддавшись сильным чувствам, взбунтовался против традиционного для него уклада – жизни в колбе, что в конечном счёте привело к трагедии.

Также Е.Б. Пастернак замечает, что его отец считал русскую революцию Божьим замыслом, в котором люди могут плодотворно и самостоятельно участвовать⁸. Это также напрямую перекликается с созданием гомункула, очевидно, что создание новой жизни – это один из основных божьих промыслов, и Вагнер, и Мефистофель как раз принимали участие в этом создании. Алхимической основы в восприятие действительности и создания новой жизни в подходе Б.Л. Пастернака добавляет то, как автор описывает составные части человеческого существования: «вода и воздух, желание радости, земля и небо»⁹. То есть мы видим обычный набор элементов, который не включает огонь, но тем не менее также близок к мировосприятию И.В. Гёте как сторонника теории непутизма – воздействия моря на геологические образования в качестве основного фактора. Эту же теорию И.В. Гёте перенёс и на создание жизни, главную роль в которой играл мировой океан, отсюда и образ слияний выпавшего из разбившейся колбы гомункула с волнами в океане, именно в этих волнах и зародился человек.

Как только гомункул начал осознавать себя и свою жизнь в колбе, его главной задачей стало обретение человечности и своего физического воплощения. Он путешествует по миру, наблюдает за разными людьми и пытается понять, как становятся человеком (здесь можно провести параллели с историческими событиями, в частности с тем, что первые революции происходили в Европе). Вместе с Фалесом они задают Нереею вопрос «Как до конца произойти на свет?»¹⁰. Нерей

⁶ Энциклопедия литературных героев / сост. и ред. С.В. Стахорский. М.: Аграф, 1997. 496 с. URL: https://www.studmed.ru/stahorskiy-svsostav-i-red-enciklopediya-literaturnyh-geroev_ee9d1991d7e.html

⁷ Пастернак Е.Б. И дышат почва и судьба. Предисловие к роману «Доктор Живаго». URL: https://modernlib.net/books/pasternak_boris_leonidovich/doktor_zhivago/read (дата обращения: 19.11.2022).

⁸ Там же.

⁹ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. С. 178.

¹⁰ Там же. С. 320.

же, древнегреческий бог мудрости, покровитель моряков, даровавший им безопасное путешествие, повелитель спокойных морских глубин, не даёт ответа на вопрос. Он мотивирует это тем, что его советов, какими бы мудрыми они ни были, люди не слушают. Он ставит в пример Париса, которого Нерей предупреждал о неизбежной войне как следствия похищения Елены и падении Трои, и который, будучи как раз человеком, совету не внял. Он словно намекает гомункулу, что мудрость, к которой гомункул предрасположен от рождения, не то качество, которое нужно, чтобы по-настоящему стать человеком. Нерей (божество доброе и справедливое) отправляет гомункула «учиться человеческому» к Протею, главной характеристикой которого было непостоянство, а главным умением – способность приобретать разные обличья. Эти характеристики носили явный негативный характер. Но этого, как и любого, в принципе, обличья не хватало бестелесной сущности, состоящей из света духовных качеств.

Духовных качеств у него обилье,
Телесными ж его не наградили¹¹.

Протей также замечает:

Он ранний плод, созревший до посева,
Как преждевременное чадо девы¹².

Этими строками автор даёт нам понять, что отец гомункула Вагнер, несмотря на поразительную перемену своего образа между первой и второй частью романа (он переходит от пассивного изучения и накопления материала к активному воплощению своих идей, созданию жизни по своему образу и подобию, но эта жизнь не может существовать без частички дьявольского), всё равно ещё не созрел, чтобы быть отцом новой жизни.

Протей, в свою очередь, на вопрос, как же родиться-таки гомункулу, обрести физическое воплощение, даёт любопытный ответ:

Довольствуйся простым, как тварь морей.
Глотай других, слабейших, и жирей.

Успешно отъедайся, благоденствуй
И постепенно вид свой совершенствуй¹³.

Протей даёт нам понять, что в любом человеке, в отличие от гомункула, который является воплощением положительных духовных качеств, есть животное начало, и, чтобы родиться и узнать жизнь, необходимо это начало принять.

Б.Л. Пастернак тяжело воспринимает тот факт, что на смену общественным надеждам приходят ненависть, насилие и смерть, что находит отражение в тексте романа (вспомним эпизоды энергичной революционной деятельности Стрельникова).

Но тем не менее на протяжении всей своей жизни он не теряет надежду на позитивные изменения, которые начнутся в обществе. Во время Великой Отечественной войны, в 1944-м г. Б.Л. Пастернак пишет, что изменения к лучшему начнутся изнутри с духовного пробуждения общества. «Если Богу угодно будет, и я не ошибаюсь, в России скоро будет яркая жизнь, захватывающе новый век и ещё раньше, до наступления этого благополучия в частной жизни и обиходе... Предчувствием этим я связан с этим будущим, не замечаю за ним невзгод и старости и с некоторого времени служу ему каждой своей мыслью, каждым делом и движением»¹⁴. В романе мы видим явные проекции «Фауста», размышления о новой жизни, новом поколении и его перспективах.

Дальнейшая судьба гомункула трагична, несмотря на благие намерения и наилучшие побуждения. Он погружается в морскую пучину, стараясь «зародиться человеком», там он встречает Галатею, дочь морского царя. Гомункул без памяти влюбляется в неё.

Гомункул охвачен томленья огнём.
Мне слышатся стоны. Бот вскрик потрясенья,
Несчастный на трон налетает стеклом,
Стекло разбивается, а наполненье,
Светясь, вытекает в волну целиком¹⁵.

В образе гомункула определяющим является стремление к обретению целостности,

¹¹ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. С. 325.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 18.

¹⁵ Гёте И.В. Фауст. С. 332.

разбившееся о любовь и страсть и перетекающее в волну, несущую смерть. Этот образ очень близок к описанию русской революции в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Ему присущи все описанные выше черты. Различие же в том, что у И.В. Гёте гомункул не может существовать вне своего маленького мирка – стеклянной колбы. В России же после долгого, сознательного, скрупулёзного выращивания революционного гомункула он, вырвавшись наконец на свободу («в волну»), начинает навязывать людям «лоскутное одеяло» своих ценностей и идей. Он по природе своей не может быть цельным и гармоничным организмом, его родители-создатели – это разные люди. Они являлись сторонниками революции и питали его разными идеями на протяжении многих поколений, отдавая ему часть своей души. Чаще всего разные «отцы» обучали его ненависти к тем или иным людям – своим противникам, но, в конце концов, создателей становится так много, что разница между группами хороших и плохих стирается, остаётся только ненависть ко всем людям и жизни в целом. Гётевский гомункул же, пытаясь найти в том числе и человеческую радость существования (напомним, что именно она является частью алхимической структуры мира у Б.Л. Пастернака в «Докторе Живаго»), находит любовь и страсть, но не выдерживает напряжения и вместо конкретного воплощения в каком-то обличье сливается с волной. Так же и русская революция у Б.Л. Пастернака, имея многих отцов на протяжении большого количества времени, пытается воплотить себя в жизнь и в конце концов превращается в волну, которая «глочет слабейших» и «жиреет», реализовывая себя. Совершенно неудивительно, что в разговоре с И.П. Эккерманом И.В. Гёте называет гомункула «демоном». Несмотря на положительные качества, гомункул лишён человеческого начала¹⁶. Также по словам И.П. Эккермана гомункул является воплощением идеи чистого человеческого разума, приходящего в жизнь без крупицы опыта. Опыт же для И.В. Гёте является опре-

деляющей философской категорией. В том числе и в опыте, в возможности его осуществления кроется человеческое начало. Революция также получала опыт, поглощая людей, как сторонников и противников, так и «случайных» жертв, у которых не было единого отношения к происходившим событиям.

Заметим также, что в смерти гомункула присутствует мотив самоубийства – он разбивает свою колбу о скалы. В «Докторе Живаго» персонаж, который является выражением романтизма русской революции, Павел Антипов, также заканчивает жизнь самоубийством. Б.Л. Пастернак закладывает в него установку на подвиг и на самоуничтожение. Но как и у Гомункула, у Антипова не получается завоевать свою любовь. Две ситуации очень похожи. И Гомункул, и Антипов (олицетворение русской революции) понимают, что не могут быть вместе со своими возлюбленными, так как они живут в разных мирах. Отчаянные попытки завоевать возлюбленных приводят только к самоубийству.

Своеобразным антиподом гомункула у Гёте является Эвфорион – сын Елены и Фауста, также появившийся на свет мистическим путём: он возникает взрослым, и его недолгое пребывание на сцене трагедии сопровождается постоянным проявлением энергии – он постоянно рвётся двигаться, прыгать, взлетать и в итоге взмывает в небо и сгорает. Эвфорион рождён взрослым, и сама возможность его появления обусловлена мистическими событиями, происходящими с Фаустом. Однако Гёте подчёркивает, что у Мефистофеля нет власти над миром Матерей, в котором пребывает Елена Прекрасная: Фаусту самому приходится отправляться туда и находить её. Эвфорион рождается от искренней и сильной любви (в отличие от гомункула, порождённого разумом), однако, как и гомункул, оказывается нежизнеспособным: он взмывает в небо и сгорает, как Икар.

Если проводить параллель с «Доктором Живаго», то в перипетиях революции и Гражданской войны зарождаются два типа новых людей: это искусственно сформированный «новый характер», подобный гомункулу (этот образ сконцентрирован в Павле Антипове), и выстрадавший, прошедший через

¹⁶ Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М.: Худ. лит., 1986. С. 330.

непринятие и принятие новой действительности истинный «новый человек» (Юрий Живаго). Оба типажа в романе умирают – как умирают и «новые люди» у Гёте. В завершении второй части «Фауста» пожилой Фауст возлагает надежды о новой жизни уже не на потомство, но на проект строительства – он замыслил грандиозную плотину, которая осушит болоту. Когда ослепшему Фаусту кажется, что идёт работа над плотинкой, которую он теперь считает делом всей своей жизни, это на самом деле стучат лопаты роющих ему могилу духов. Несмотря на спасение в вечной жизни, дарованное и Гретхен, и Фаусту, в земной жизни их чаяния не реализовались.

Через этот семиозис прочитывается и финал «Доктора Живаго» – оба ярких представителя «новых людей» не смогли найти себя и реализоваться в новой жизни, казавшееся им важным рушится, а сами они умирают. Размышления над разрушенными судьбами и жизнями людей в период войны и революции приводят Пастернака к поразившему его самого пониманию сложнейшего текста второй части «Фауста», а работа над переводом «Фауста», в свою очередь, обогатила и углубила текст романа «Доктор Живаго».

Указанная гомологичность текстов Гёте и Пастернака коррелирует с параллельным, но прошедшим чуть ранее процессом в лирике Анны Ахматовой. В 1930-х гг. она обратилась к переводу отрывка из трагедии Уильяма Шекспира «Макбет», также видя в описанных мистических событиях прямую связь с настоящим моментом [13]. Выявленные ею в переводе образы затем были перенесены в её авторский текст – «Поэму без героя».

ВЫВОДЫ

Б.Л. Пастернак в период работы над романом «Доктор Живаго» параллельно трудится над переводом «Фауста» Гёте. Мистические поливалентные образы второй части «Фауста» оказывают влияние на образную

систему романа Пастернака: в нём возникает антропоморфизированное отображение русской революции, имплицитно мыслимой как некое самостоятельное существо, появившееся на свет мистическим путём и развивающееся по своим внутренним законам. Научная новизна настоящего исследования состоит в прослеживании гомологии образов и мотивов зарубежной и отечественной литературы в творчестве переводчика, выявлении неочевидных параллелей и имплицитного межтекстового взаимодействия: образа революции из «Доктора Живаго» и образа гомункула из второй части «Фауста» Гёте. Гомункул включён Гёте в треугольник образов нового поколения: обычное дитя от смертной женщины (убитая матерью дочь Гретхен), необыкновенный ребёнок Эвфорион, дитя мифологической Елены Прекрасной (погибает в попытке достичь небес) и необыкновенный гомункул, созданный силой разума и живущий в колбе (погибает в попытке стать человеком). Образы «новых людей» в «Докторе Живаго» гомологичны «новым людям» «Фауста»: многочисленные погибшие в начале революции, «гомункул» Антипов и «Эвфорион» Живаго, также не прожившие долгой и конструктивной жизни. Теоретическая значимость обусловлена вкладом в изучение влияния западноевропейской литературы на отечественную, в частности, на творчество поэтов и писателей, переведивших произведения зарубежных классиков. Практическая значимость определяется возможностью применения полученного алгоритма выявления гомологических параллелей к анализу произведений отечественной литературы XX века. К перспективам проведённого исследования следует отнести дальнейшее сопоставление образного и предметного мира и в целом семиосферы «Фауста» с «Доктором Живаго» и другими произведениями Б.Л. Пастернака, а также развитие идеи транспозиции образов и смыслов из переводимых текстов в отечественную литературу.

Список источников

1. *Галкин М.А.* Отражение стилистической системы «Фауста» Гёте в переводах Пастернака, Холодковского и Брюсова // Московский лингвистический журнал. 2003. Т. 7. № 1. С. 41-54. URL: http://mj1.rshu.ru/issues/_num_7-1-2003.pdf

2. Седакова О.А. Символ и сила. Гётевская мысль в «Докторе Живаго» // Континент. 2009. № 139. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2009/139/se28.html> (дата обращения: 09.11.2022).
3. Лаврентьева Н.В. Рецепция образа Фауста в творчестве Б. Пастернака в контексте проблемы восприятия «Немецкого текста» // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41). С. 26-28. <https://elibrary.ru/refulh>
4. Добронравова О.В., Галимова Х.Н., Паньков А.В. Художественный перевод в творчестве Пастернака // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 2. С. 74-76. <https://elibrary.ru/wfaqlp>
5. Геращенко К.П. Переводческая деятельность Б.Л. Пастернака на примере перевода «Фауста» Гёте // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2022. № 1. С. 111-119. <https://elibrary.ru/nxlxup>
6. O'Connor K. Boris Pasternak's My Sister – Life: The Illusion of Narrative. Ann Arbor: Ardis, 1988, 207 p. URL: https://uta.alma.exlibrisgroup.com/discovery/fulldisplay?docid=alma994197033504911&context=SP&vid=01UTAR_INST:Services&lang=en (accessed: 12.11.2022).
7. Смирнов И.П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака). СПб.: СПбГУ, 1995. 191 с. URL: https://www.studmed.ru/smirnov-ip-porozhdenie-interteksta-elementy-intertekstual'nogo-analiza-s-primerami-iz-tvorchestva-bl-pasternaka_26b928ccf5f.html
8. Фатеева Н.А. Поэт и проза: Книга о Пастернаке. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 400 с. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A4/fateeva-nataljya-aleksandrovna/poet-i-proza-kniga-o-pasternake>
9. Шатин Ю.В. Исторический дискурс в «Докторе Живаго» // Пастернаковский сборник. М., 2011. С. 285-296. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000201_000010_BJVVV1375099?page=1&rotate=0&theme=white
10. Жолковский А.К. Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 608 с. URL: <https://klex.ru/o99>
11. Поливанов К.М. «Доктор Живаго» как исторический роман: дис. ... д-ра филос. наук по русской литературе. Тарту: University of Tartu Press, 2015. 262 с. URL: https://dspace.ut.ee/bitstream/handle/10062/46182/polivanov_konstantin.pdf
12. Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении / под ред. В.И. Тюпы. М.: Intrada, 2014. 512 с. URL: https://litved.com/docs/doktor_final_2014.pdf
13. Кихней Л.Г., Ламзина А.В. Отрывок «Макбета» У. Шекспира в переводе и истолковании Анны Ахматовой // Научный диалог. 2020. № 9. С. 222-234. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-222-234>, <https://elibrary.ru/xaxoeh>

References

1. Galkin M.A. Otrazhenie stilisticheskoi sistemy «Fausta» Gete v perevodakh Pasternaka, Kholodkovskogo i Bryusova [Reflection of the stylistic system of "Faust" by Goethe in the translations of Pasternak, Kholodkovsky and Bryusov]. *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal = Moscow Journal of Linguistics*, 2003, vol. 7, no. 1, pp. 41-54. (In Russ.) Available at: http://mj.l.rshu.ru/issues/_num_7-1-2003.pdf
2. Sedakova O.A. *Simvol i sila. Getevskaya mysl' v «Doktore Zhivago»* [Symbol and power. Goethe's thought in Doctor Zhivago]. *Kontinent* [Continent], 2009, no. 139. (In Russ.) Available at: <http://magazines.russ.ru/continent/2009/139/se28.html> (accessed: 09.11.2022).
3. Lavrent'eva N.V. Reception of the Faust's image in the Boris Pasternak's works in the context of the perception of the "German text". *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of Science, Culture and Education*, 2013, no. 4 (41), pp. 26-28. (In Russ.) <https://elibrary.ru/refulh>
4. Dobronravova O.V., Galimova Kh.N., Pan'kov A.V. Literary translation in the works of Pasternak. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*, 2016, vol. 5, no. 2, pp. 74-76. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wfaqlp>
5. Gerashchenko K.P. Translation activity of B.L. Pasternak on the example of Goethe's Faust translation. *Russkii yazyk i kul'tura v zerkale perevoda* [Russian Language and Culture in the Mirror of Translation], 2022, no. 1, pp. 111-119. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nxlxup>
6. O'Connor K. *Boris Pasternak's My Sister – Life: The Illusion of Narrative*. Ann Arbor, Ardis Publ., 1988, 207 p. Available at: https://uta.alma.exlibrisgroup.com/discovery/fulldisplay?docid=alma994197033504911&context=SP&vid=01UTAR_INST:Services&lang=en (accessed: 12.11.2022).
7. Smirnov I.P. *Porozhdenie interteksta (elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B.L. Pasternaka)* [The Generation of Intertext (Elements of Intertextual Analysis with Examples from the Work of B.L. Pasternak)]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 1995, 191 p. (In Russ.)

- Available at: https://www.studmed.ru/smironov-ip-porozhdenie-interteksta-elementy-intertekstualnogo-analiza-s-primerami-iz-tvorchestva-bl-pasternaka_26b928ccf5f.html
8. Fateeva N.A. *Poet i proza: Kniga o Pasternake* [Poet and Prose: A Book about Pasternak]. Moscow, New Literary Observer Publ., 2003, 400 p. (In Russ.) Available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A4/fateeva-nataljya-aleksandrovna/poet-i-proza-kniga-o-pasternake>
 9. Shatin Yu.V. Istoricheskiy diskurs v «Doktore Zhivago» [Historical discourse in “Doctor Zhivago”]. *Pasternakovskii sbornik* [Pasternak Collection]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2011, pp. 285-296. (In Russ.) Available at: https://viewer.rusneb.ru/ru/000201_000010_BJVVV1375099?page=1&rotate=0&theme=white
 10. Zholkovskii A.K. *Poetika Pasternaka: Invarianty, struktury, interteksty* [Pasternak’s Poetics: Invariants, Structures, Intertexts]. Moscow, New Literary Observer Publ., 2011, 608 p. (In Russ.) Available at: <https://klex.ru/o99>
 11. Polivanov K.M. «Doktor Zhivago» kak istoricheskii roman: dis. ... d-ra filos. po russkoi literature [“Doctor Zhivago” as a Historical Novel. PhD (Phil. in Russian Literature) diss.]. Tartu, University of Tartu Press, 2015, 262 p. (In Russ.) Available at: https://dspace.ut.ee/bitstream/handle/10062/46182/polivanov_konstantin.pdf
 12. Туупа V.I. (ed.). *Poetika «Doktora Zhivago» v narratologicheskom prochtenii* [Poetics of “Doctor Zhivago” in Narratological Reading]. Moscow, Intrada Publ., 2014, 512 p. Available at: https://litved.com/docs/doktor_final_2014.pdf
 13. Kikhnei L.G., Lamzina A.V. An excerpt from “Macbeth” by W. Shakespeare, translated and interpreted by Anna Akhmatova. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, 2020, no. 9, pp. 222-234. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-222-234>, <https://elibrary.ru/xaxoeh>

Информация об авторах

Корниенко Сергей Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»; докторант, кафедра истории журналистики и литературы факультета журналистики, Московский университет им. А.С. Грибоедова, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-8154-0935>, sergeykornienko@mail.ru

Вклад в статью: идея исследования, поиск научной литературы, анализ зарубежной и отечественной литературы, написание части текста статьи, окончательное редактирование.

Афанасьева Оксана Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, г. Москва, Российская Федерация, <http://orcid.org/0000-0001-8077-8709>, oxana4u2014@yandex.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ зарубежной и отечественной литературы, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 27.12.2022
Поступила после рецензирования 14.02.2023
Принята к публикации 17.02.2023

Information about the authors

Sergei A. Kornienko, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of Foreign Languages Department, National University of Science and Technology “MISIS”; Doctoral Candidate, History of Journalism and Literature Department of Journalism Faculty, Moscow University named after A.S. Griboedov, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-8154-0935>, sergeykornienko@mail.ru

Contribution: study idea, scientific literature search, foreign and domestic literature analysis, part manuscript text drafting, final editing.

Oksana V. Afanas'eva, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of Foreign Languages Department, Moscow Information Technology University – Moscow Architectural-Construction Institute, Moscow, Russian Federation, <http://orcid.org/0000-0001-8077-8709>, oxana4u2014@yandex.ru

Contribution: study conception, foreign and domestic literature analysis, part manuscript text drafting.

There is no conflict of interests.

Received: December 27, 2022
Revised: February 14, 2023
Accepted: February 17, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 070

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-165-172>

Шифр научной специальности 5.9.9

Краеведческий аспект дореволюционной журналистики (на примере публикаций Б.П. Княжинского)

Ольга Евгеньевна ВИДНАЯ , Максим Сергеевич СЕРЕДА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

 maksimus.sereda@yandex.ru

Аннотация. Со временем краеведческие материалы не устаревают, а наоборот, приобретают ещё большую актуальность. В связи с этим исследование краеведческой тематики дореволюционной прессы способно ликвидировать белые пятна в изучении регионов. Цель исследования – оценить вклад врача и публициста Б.П. Княжинского в развитие тамбовского краеведения. Применён принцип историзма, системный подход, метод контент-анализа содержания. Проанализирован исторический очерк «Древне-Усманский Успенский девичий монастырь». Отмечено, что Епархиальные ведомости, в которых был опубликован очерк, выполняли в дореволюционной России просветительскую и образовательную функцию в рамках системы средств массовой информации, а духовенство играло прогрессивную функцию в региональном сообществе. Выявлена краеведческая ценность очерка и его исследовательский характер, связанный с использованием документальных и научных источников того времени. Публикация Б.П. Княжинского об истории женского монастыря в XVII–XVIII веках, раскрывая аспекты жизни населения самой Усмани, расширяет возможности применения очерка в современной региональной историографии. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения истории Тамбовского края и соседних территорий, а также для полноценного описания системы СМИ региона.

Ключевые слова: дореволюционная журналистика, краеведение, Тамбовские епархиальные ведомости, церковная пресса, Б.П. Княжинский, Усмань

Для цитирования: Видная О.Е., Середина М.С. Краеведческий аспект дореволюционной журналистики (на примере публикаций Б.П. Княжинского) // Неофилология. 2023. Т. 9. № 1. С. 165-172. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-165-172>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Local history aspect of pre-revolutionary journalism (on the example of B.P. Knyazhinskiy's publications)

Olga E. VIDNAIA , Maksim S. SEREDA
Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation
 maksimus.sereda@yandex.ru

Abstract. Over time, local history materials do not become obsolete, but, on the contrary, become even more relevant. In this regard, the study of local history topics of the pre-revolutionary press can eliminate white spots in the study of regions. The purpose of the study is to evaluate the contribution of the doctor and publicist B.P. Knyazhinskiy in the development of Tambov local history. We apply the principle of historicism, a systematic approach, the content analysis method of the content. We analyze the historical essay “Ancient Usmanskyy Assumption Maiden Monastery”. It is noted that the Diocesan Gazette, in which the essay was published, performed an enlightening and educational function in pre-revolutionary Russia within the framework of the mass media system, and the clergy played a progressive function in the regional community. We reveal the local history value of the essay and its research nature associated with the use of documentary and scientific sources of that time. B.P. Knyazhinskiy's publication about the history of the convent in the 17th–18th centuries, revealing aspects of the life of the population of Usman itself, expands the possibilities of using the essay in modern regional historiography. The study results can be used to further study the history of the Tambov region and neighboring territories, as well as to fully describe the media system in the region.

Keywords: pre-revolutionary journalism, local history, Tambov Diocesan Gazette, church press, B.P. Knyazhinskiy, Usman

For citation: Vidnaia, O.E., & Sereda, M.S. Local history aspect of pre-revolutionary journalism (on the example of B.P. Knyazhinskiy's publications). *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(1):165-172. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-165-172>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Краеведение как междисциплинарная сфера, предполагающая «изучение какого-нибудь края, изучение отдельных местностей, районов со стороны их природы, истории, экономики, быта и т. п., производимое преимущественно местными силами»¹, является важнейшей сферой духовной деятельности, позволяющей нам сохранить наследие прошлых лет во всём его многообразии.

«Краеведение предполагает максимально возможно исчерпывающее постижение того или иного пространства и превращение его в семантически нагруженное, заполненное смыслами «место» [1, с. 10].

Специалисты называют краеведение «малой наукой», подчёркивая большой интерес к этому явлению среди обычных людей, непрофессионалов. Именно поэтому краеведение постепенно стало восприниматься как «феномен русской культуры» [2], «культурно-социальное явление» [3] и т. п.

Становление тамбовского краеведения началось в дореволюционный период. Определённую роль в увеличении интереса к ло-

¹ Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1. Стб. 1494.

кальной истории и культуре в дореволюционной России играли печатные СМИ, о чём свидетельствует тематика провинциальных газет и журналов. Справедливо отмечено, что попытка аккумулировать знание по истории малой родины коррелирует с просветительской функцией прессы. Считается, что «одним из главных уроков, достоинств прошлой, дореволюционной журналистики, была её просветительская роль» [4, с. 73].

Отмечено, что важную роль в развитии исторической науки о Тамбовском крае играли представители духовенства, протоиерей С.А. Берзнеговский назван «отцом-основателем» краеведения [3]. Одним из важнейших СМИ, ставших источником информации для современников и потомков, являются Епархиальные ведомости. О.И. Лепилкина при анализе типа издания Епархиальных ведомостей отмечает, что «большинство епархиальных ведомостей публиковали много материалов по истории приходов, монастырей, церквей и стали важным источником информации для последующих поколений краеведов» [5, с. 105]. Поэтому изучение этого важнейшего ресурса развития краеведческих дискурсов является актуальным, ведь именно клерикальная периодика дала многим энтузиастам изучения истории родного края возможность для публикации результатов исследований.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧ

Одним из начинающих любителей-краеведов, чьи первые работы были опубликованы в епархиальном издании, являлся писатель, журналист, врач, уроженец Тамбовщины Борис Княжинский. К нему в полной мере можно применить слова курского историка и философа С.П. Щавелёва, который писал о различных этапах развития краеведения в России: «Ревнителями локальной истории и культуры были повсеместно основаны музеи, архивы, проведены раскопки и этнографические сборы; опубликованы ценные материалы по краеведению» [2, с. 39]. Его имя необходимо поставить в число истинных собирателей ценной информации по истории края, что является целью данного

исследования. В задачи работы входит выявление краеведческого потенциала дореволюционной прессы на примере публикаций Б.П. Княжинского, определение тематики и формы подачи материала, демонстрация значения данного канала распространения знаний об истории края.

В исследовании использовался принцип историзма и системный метод, при которых средства массовой информации рассматриваются как системный объект в конкретный исторический период. Также применялись методы исследования текстов. В основном это материалы, представленные в официальном церковном издании «Тамбовские епархиальные ведомости», выходившем в Тамбовской губернии с 1861 по 1918 г. В развитии данного издания большую роль сыграл видный церковный деятель епископ Тамбовский и Шацкий Феофан. Цель журнала – информирование о событиях церковной жизни, влияние на религиозно-духовную сферу, создание проверенного и всеобъемлющего сборника церковно-религиозной, исторической, справочно-статистической информации. О.Ю. Левин отмечает, что с началом XX века в издании «стало появляться огромное количество полемических статей, авторы их активно обсуждали насущные проблемы церковной жизни. Практиковалось и опубликование отдельными брошюрами некоторых наиболее значительных работ» [6, с. 45]. Просветительский характер имели и выходившие в разное время приложения: одно из них – «Церковная старина» – было создано специально для публикаций материалов по истории епархии.

Современные учёные в последние годы всё чаще используют религиозную печать в качестве источника документальной информации. Е.И. Хабарова называет «Тамбовские епархиальные ведомости» «одним из наиболее ценных исторических источников при изучении патриотической деятельности тамбовского духовенства» [7, с. 234]. Иерей В. Лисюнин отмечает просветительскую функцию духовенства, а епархиальной прессы придаёт особое значение, подчёркивая, что «церковная пресса используется как официальное средство формирования обще-

ственного мнения по важнейшим общественно-политическим проблемам» [8, с. 338].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Борис Петрович Княжинский (1892–1975) хорошо известен в Липецкой области, Воронеже, однако в Тамбове о нём вспоминают нечасто, хотя он имеет непосредственное отношение к культурному наследию Тамбовского края. Борис Княжинский (псевдоним Борский) – писатель, врач, краевед, журналист, уроженец Тамбовской губернии, посвятивший много сил изучению своей малой родины Усмани (с 1779 до 1923 г. город входил в состав Тамбовской губернии), основатель Усманского музея, автор историко-краеведческих работ.

Публикации Б.П. Княжинского носят краеведческий характер и дают представление о жизни населения губернских поселений, в первую очередь города Усмани, в разные периоды.

Одна из первых публикаций Б.П. Княжинского в Приложении к «Тамбовским епархиальным ведомостям» от 1912 г. «Тамбовская церковная старина» № 3 носила название «Древне-Усманский Успенский девичий монастырь (Краткий исторический очерк)». Стоит отметить, что «статья напечатана во исполнение утверждённого Его Пресвященством постановления Тамбовского епархиального церковно-археологического комитета»². «Тамбовские епархиальные ведомости» публиковали не только материалы, касающиеся жизни церкви или духовной жизни, духовного развития населения губернии, но и обширные исторические, краеведческие исследования, в неофициальной части журнала, занимавшей большую его часть, обсуждали и светские темы.

Первые же строки очерка демонстрируют, что он носит краеведческий, исследовательский характер: «...почти о всех прежде

бывших и ныне существующих православных монастырях Российской империи имеются более или менее подробные исторические сведения, об Успенской обители, бывшей предшественницей современного Усманского Софийского женского монастыря, при всём желании, найти в печати можно только очень немного»³. Таким образом, Княжинский берёт за основу исторического очерка в первую очередь публикации в периодической печати. Источниками очерка послужили такие периодические печатные издания, как «Воронежская старина», «Известия Тамбовской учёной архивной комиссии», «Тамбовские епархиальные ведомости». Также источниками послужили различные выпуски: Описание документов Московского архива Мин. юст. Кн. 13. М., 1903. Стб. 1187; Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей. СПб., 1878; История российской иерархии, Арх. Амвросий. М., 1815. Ч. VI. С. 468-471. Всего для написания очерка было использовано 22 источника.

В очерке «Древне-Усманский Успенский девичий монастырь» Б.П. Княжинский ставил перед собой цель заполнить существующие пробелы в истории Успенского монастыря. Княжинский придаёт краеведческой деятельности в Тамбовской губернии большое значение: «Будем надеяться, что при возникновении у нас, в Тамбовской епархии, собственного Церковно-Археологического Комитета, более уже не придётся предоставлять соседям изучения родной истории, вследствие достаточного обследования её местными работниками»⁴.

Княжинский, ссылаясь на «Тамбовские епархиальные ведомости» за 1903 г., отмечает, что и в ней монастырю посвящено всего несколько строк, основанных на предположениях и догадках. Причина – отсутствие материала, освещающего историю Успенского монастыря. Настоящим источником для Княжинского стал печатный орган Воронежского церковно-археологического комитета «Воронежская старина».

² Княжинский Б.П. Древне-Усманский Успенский девичий монастырь (Краткий исторический очерк) // Тамбовские епархиальные ведомости № 27. 1912. 7 июля. Приложение «Тамбовская церковная старина», № 3. С. 12. URL: <https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=1844#n=1>

³ Там же. С. 1.

⁴ Там же. С. 2.

Не вызывает сомнений, что и эта публикация, предполагавшая описание условий жизни женского монастыря в XVII–XVIII веках, носит широкий краеведческий характер и раскрывает многие аспекты жизни населения самой Усмани. Таким образом, в тексте очерка мы находим описание не только монастыря и монашеского уклада, но и истории самой Усмани.

Социальный состав города можно определить по следующим строкам: «население... состояло из незадумывающихся о своей душе, огрубевших в стычках с кочевниками солдат и ссылаемых со всех концов Московского государства закоренелых преступников»⁵.

Автор очерка, основываясь на «строельных книгах»⁶ первых воевод г. Усмани, предполагает, что обитель основана в конце 70-х или начале 80-х гг. XVII столетия. «Около города, а не где-нибудь в пустынном месте, была построена Усманская обитель вследствие опасности со стороны хищных кочевников, постоянно тревоживших своими набегами Усманский край»⁷. Таким образом, город служил для защиты не только монастыря, но и рубежей страны от набегов в целом, что указывает на важное стратегическое и экономико-географическое положение города. Будучи пограничным городом, Усмань одновременно в силу своего географического положения не имела выгодных внешнеэкономических связей, но служила оборонительной крепостью при военной угрозе. Даже мужской Преображенский монастырь являлся не только обителью, но и оборонительным сооружением: имел осадный двор напротив Пушкарской слободы, в котором укрывались монашествующие во время прихода татар.

Экономическое положение Усмани и её жителей Княжинский также описывает через связь с монастырём. Успенский монастырь, существующий исключительно на пожертво-

вания, находился в сложном материальном положении. Бедность эта связана с бедностью Усмани вообще: городских доходов иногда едва хватало на свечи и бумагу для приказных расходов, а служилые люди получали жалование с большими задержками – «часто вследствие хищений местной администрации»⁸.

Хищениям подвергалась не только городская казна, но и сами монастыри, что было вполне в обычаях конца XVII века. Бедность, однако, приводила в том числе к решительным действиям от самих монахинь: в 1690 г. игуменья Марина обратилась «к царям Петру и Иоанну Алексеевичам с просьбою о материальной поддержке обители»⁹ – в результате на имя воеводы Петра Амена поступила грамота о жаловании хлеба монастырю, которое выдавалось довольно аккуратно. Об экономическом положении города говорит и следующая история, связанная с хлебным жалованием: в Усмани вследствие увоза всех хлебных запасов в Донской отпуск недоставало собственного хлеба – монастырь получил довольствие из Воронежа. Как обходились жители города, остаётся только догадываться.

Так, в краеведческом очерке появляются личности – игуменья Марина, воеводы Игнат Иванович Дулов (1693 г.) и Богдан Васильевич Лавров (1699 г.). Роль настоятельницы монастыря и её авторитет и власть были достаточными для этого, на месте указ царя исполнялся исправно: хлебное жалование монастырю выдавалось довольно аккуратно, причём даже тогда, когда хлеба не хватало самому населению города. Несмотря на существовавший произвол среди чиновников и землевладельцев, в том числе в отношении монастырей: «Так в 1685 году землевладельцем, сыном боярским Флором-Никиф. Сониным, была захвачена мельница, отказанная монастырю священником села Пчельников Никифором Антоновым»¹⁰, с игуменьею маленького монастыря считались, и она продолжала пользоваться поддержкой властей для улучшения условий жизни монастыря.

⁵ Княжинский Б.П. Древне-Усманский Успенский девичий монастырь ... С. 2.

⁶ Строельные, или строительные книги – книги о постройке новых и восстановлении укреплений старых городов в XVI–XVII вв.

⁷ Княжинский Б.П. Древне-Усманский Успенский девичий монастырь ... С. 2.

⁸ Там же. С. 3.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Игуменья Марина не остановилась на одном ходатайстве и обратилась с просьбой о пожаловании земельного угодья, и снова её просьба была услышана, однако позже по неизвестным причинам земли были утрачены монастырём. Также в дальнейшем пропадают сведения и о выдаче хлебного довольствия.

Благосостояние монастыря улучшилось после передачи Усмани в ведение Воронежского епископа от Рязанской митрополии. Монастырю неоднократно посылались денежная милостыня.

Но стоит отметить в развитии монастыря именно роль настоятельницы Марины – женщины, занимавшей в то время единственный доступный руководящий пост. Хотя напрямую об этом в очерке и исторических документах не говорится, но, видимо, именно при Марине монастырь переживал определённый подъём: во-первых, экономическая поддержка со стороны властей, во-вторых, количество только постриженных монахинь, кроме тех, кто просто жил при монастыре, в 1700 г. было 17 человек, в 1701 г. – 25 человек, в 1703 г. – 13. Развитие монастыря, однако, скоро завершилось, что связано не только с общей бедностью города, но и с общей обстановкой и политикой в отношении церкви и монастырей. Княжинский, ссылаясь на архивные источники, пишет: «Пётр I смотрел на монахов, как на людей, которые «поддают чужие труды», распространяют «забобоны¹¹, ереси и суеверия»¹². Были изданы ограничивающие монастыри указы, смягчение законов относительно монастырей произошло лишь при императрице Елизавете Петровне. Усманский монастырь уже переживал упадок: ещё в 1730 г. в нём оставалось два человека: настоятельница и монахиня, затем в 1763 г. – настоятельница и 8 монахинь.

В 1764 г. в жизнь монастыря снова вмешалась царская воля: Екатерина II установила нормы количества монашествующих в монастырях. Не соответствующие этой норме монастыри были упразднены, в том числе

Успенский монастырь. Из 9 монахинь 3 перешли в Воронежский Покровский девичий монастырь, 5 монахинь и настоятельница Ирина остались на месте. Подаяния они не имели, вероятно, из-за общей бедности города. После их переезда в Покровский монастырь была составлена опись монастыря, которая показала его бедность. В кельях оставались только старицы, жившие на подаяние местной помещицы и благотворительницы Надежды Георгиевны Фёдоровой.

ВЫВОДЫ

Таким образом, различные аспекты жизни города: политику, экономику, социальный состав и духовную жизнь – Княжинский описывает через жизнь монастыря, неразрывную связь монастыря с жизнью и жителями Усмани. Через историю монастыря показана история города Усмани и её населения.

На основании очерка читатели знакомятся с историей города. Также в очерке встречаются имена личностей, которые влияли на жизнь не только монастыря, но и всего города. Например, отказ земли игуменье Марине мог сказаться на чьём-то личном благосостоянии, а история закрытия и возобновления монастыря связана с именами местных помещиков и купцов-меценатов, что даёт представление об условиях жизни города (часто тяжёлых), социальном составе, экономическом положении и влиянии на развитие города политики.

Важно отметить: Борис Княжинский использует для воссоздания исторических реалий распространённую для того времени форму очерка, сочетая в своём исследовании публицистический и научный стили, базирующиеся на обращении ко всем доступным документам и источникам информации. Публикация в приложении к Епархиальным ведомостям давала автору возможность получить заинтересованную аудиторию.

Всё это представляет несомненный краеведческий интерес с точки зрения истории не только монастыря, но и всего города Усмани и Тамбовской губернии.

¹¹ Забобоны – суеверия.

¹² Княжинский Б.П. Древне-Усманский Успенский девичий монастырь ... С. 7.

Список источников

1. Чернов А.В. Культурные исследования: сюжетики российской провинции. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2019. 132 с. <https://elibrary.ru/igyjyf>
2. Щавелёв С.П. Краеведение как феномен русской культуры // Наука. Искусство. Культура. 2020. № 1 (25). С. 39-57. <https://elibrary.ru/grexhj>
3. Пирожков Г.П., Пирожкова Г.И. Дискурсивные краеведческие практики: Тамбовский край // Наука сегодня: теория, практика, инновации: XXIII Междунар. науч.-практ. конф. М.: Научный центр «Олимп», 2017. С. 24-31. <https://elibrary.ru/yjkjze>
4. Вахрушев А.А. О просветительской миссии журналистики (исторический опыт вятской печати) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 3. С. 73-77. <https://elibrary.ru/dtoyuy>
5. Лепилкина О.И. Становление и типологические характеристики Епархиальных ведомостей в XIX – начале XX века // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. № 2. С. 103-107. <https://elibrary.ru/tsjmcj>
6. Левин О.Ю. «Тамбовские епархиальные ведомости» – периодическое издание, основанное святителем Феофаном затворником // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2015. № 2. С. 43-46. <https://elibrary.ru/jxckvy>
7. Хабарова Е.И. «Тамбовские епархиальные ведомости» как исторический источник для изучения патриотической деятельности тамбовского духовенства в период войн XIX – начала XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2 (82). С. 233-236. <https://elibrary.ru/mbdgij>
8. Иерей Виктор Лисюнин. Просветительская функция православного духовенства в конце XIX – начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 335-343. <https://elibrary.ru/ndlctv>

References

1. Chernov A.V. *Kul'turnye issledovaniya: syuzhetika rossiiskoi provintsii* [Cultural Studies: Plot of the Russian Province]. Cherepovets, Cherepovets State University Publ., 2019, 132 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/igyjyf>
2. Shchavel'ev S.P. Local history studies as a phenomenon of Russian culture. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura = Science. Art. Culture*, 2020, no. 1 (25), pp. 39-57. (In Russ.) <https://elibrary.ru/grexhj>
3. Pirozhkov G.P., Pirozhkova G.I. Diskursivnye kraevedcheskie praktiki: Tambovskii krai [Discursive local history practices: Tambov Region]. *23 Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Nauka segodnya: teoriya, praktika, innovatsii»* [23rd International Scientific and Practical Conference “Science Today: Theory, Practice, Innovations”]. Moscow, Science Center “Olimp” Publ., 2017, pp. 24-31. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yjkjze>
4. Vakhrushev A.A. O prosvetitel'skoi missii zhurnalistiki (istoricheskii opyt vyatskoi pechati) [About the educational mission of journalism (historical experience of the Vyatka press)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika = Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2022, no. 3, pp. 73-77. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dtoyuy>
5. Lepilkina O.I. Stanovlenie i tipologicheskie kharakteristiki Eparkhial'nykh vedomostei v XIX – nachale XX veka [Formation and typological characteristics of the Diocesan Gazette in the 19th – early 20th century]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova = Vestnik of Nekrasov Kostroma State University*, 2009, no. 2, pp. 103-107. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tsjmcj>
6. Levin O.Yu. «Tambovskie eparkhial'nye vedomosti» – periodicheskoe izdanie, osnovannoe svyatitelem Feofanom zatvornikom [“Tambov Diocesan Gazette” – a periodical founded by St. Theophan the Recluse]. *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii = Theological Collection of Tambov Theological Seminary*, 2015, no. 2, pp. 43-46. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jxckvy>
7. Khabarova E.I. Tambov diocesan bulletin as a historical source for studying of patriotic activity of the Tambov clergy during the period of wars of the 19th – beginnings of the 20th centuries. *Vestnik Tambovskogo*

universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities, 2010, no. 2 (82), pp. 233-236. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mbdgij>

8. Ierei Viktor Lisyunin. Enlightenment function of orthodoxies clergy in the end of 19th – beginning of 20th centuries. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 2011, no. 2, pp. 335-343. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ndlctv>

Информация об авторах

Видная Ольга Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-6760-1578>, olga0871@mail.ru

Вклад в статью: разработка общей концепции статьи, анализ научной литературы и архивных источников, анализ полученных результатов, написание части текста статьи.

Середя Максим Сергеевич, аспирант, кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-8678-7657>, maksimus.sereda@yandex.ru

Вклад в статью: поиск и анализ литературы, изучение эмпирического материала, изучение газетного материала, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 02.11.2022
Поступила после рецензирования 30.01.2023
Принята к публикации 17.02.2023

Information about the authors

Olga E. Vidnaia, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of Journalism, Advertising and Public Relations Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-6760-1578>, olga0871@mail.ru

Contribution: main concept development, scientific literature analysis and archival sources, obtained results analysis, part manuscript text drafting.

Maksim S. Sereda, Post-Graduate Student, Journalism, Advertising and Public Relations Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-8678-7657>, maksimus.sereda@yandex.ru

Contribution: literature search and analysis, empirical material study, newspaper material study, part manuscript text drafting.

There is no conflict of interests.

Received: November 2, 2022
Revised: January 30, 2023
Accepted: February 17, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 070

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-173-185>

Шифр научной специальности 5.9.9

Маркеры фейковой информации в новостях о COVID-19

Валерия Валерьевна БИТКОВА

ФГАОУ «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

✉ lera.bitkova2016@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена интересом современной лингвистики к феномену фейка, необходимостью его комплексного осмысления и описания. Целью работы является изучение распространения фейковой информации в условиях пандемии COVID-19, а также создание классификации маркеров фейковой информации на основе исследования И.А. Стернина и А.М. Шестериной. Для анализа фейков создана база данных «Фейковые новости в социальных сетях и СМИ», материалом послужили 252 интернет-текста, содержащие ложные высказывания о COVID-19 с января 2020 г. по февраль 2022 г. Тексты собраны методом сплошной выборки, источниками для сбора материала послужили социальные сети и сайты СМИ. Все фрагменты разделены на шесть групп по содержанию: «Вакцинация» (32 %), «Теории заговора» (20 %), «Международные новости» (18 %), «Панические сообщения и предупреждения» (14 %), «Псевдомедицинские советы» (9 %), «Сообщения о подтверждённых случаях/смертях» (7 %). Дополнительно рассмотрено распространение фейков в каждом году. В приведённых фрагментах фейков выявлены следующие группы типовых маркеров фейковой информации: Формальные маркеры, Содержательные маркеры, Лексические маркеры, Прагматические маркеры, Источники информации, Аргументация. К каждому маркеру подобраны примеры из базы данных.

Ключевые слова: фейк, фейковая новость, маркеры фейковой информации, COVID-19, пандемия

Для цитирования: *Биткова В.В.* Маркеры фейковой информации в новостях о COVID-19 // Неофилология. 2023. Т. 9. № 1. С. 173-185. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-173-185>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Fake information markers in COVID-19 news

Valeria V. BITKOVA

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
19 Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russian Federation

 lera.bitkova2016@gmail.com

Abstract. The relevance of the study is due to the interest of modern linguistics in the phenomenon of fake, the need for its comprehensive understanding and description. The aim of the work is to study the spread of fake information in the context of the COVID-19 pandemic, as well as to create a classification of fake information markers based on the study of I.A. Sternin and A.M. Shesterina. For the analysis of fakes, the database “Fake News in Social Networks and Media” was created, the material was 252 Internet texts containing false statements about COVID-19 from January 2020 to February 2022. Texts were collected using a continuous sampling method, sources for collecting material served as social networks and media sites. All fragments are divided into six groups by content: “Vaccination” (32 %), “Conspiracy Theories” (20 %), “International News” (18 %), “Panic Reports and Warnings” (14 %), “Pseudo-medical advice” (9 %), “Reports of confirmed cases/deaths” (7 %). In addition, the distribution of fakes in each year is considered. In the above fragments of fakes, the following groups of typical markers of fake information were identified: Formal markers, Content markers, Lexical markers, Pragmatic markers, Information sources, Argumentation. Examples from the database are selected for each marker.

Keywords: fake, fake news, fake information markers, COVID-19, pandemic

For citation: Bitkova, V.V. Fake information markers in COVID-19 news. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(1):173-185. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-173-185>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В связи с началом пандемии COVID-19 проблема распространения недостоверной информации снова приобрела свою актуальность. Из-за отсутствия какой-либо значимой информации информационное поле переполнилось многочисленными фейками. Такой переизбыток новостей стал обозначаться термином «инфодемия»¹.

Несмотря на то, что данное явление достаточно изучено как в зарубежных [1–6], так и в отечественных исследованиях [7; 8], существует ряд нерешённых проблем, среди которых важное место занимает поиск методов обнаружения ложной информации и предотвращения её распространения. Исследователи предлагают разнообразные методы борьбы с фейками: повышение цифровой грамотности населения, совершенствование методов верификации информации и фактчекинга, введение юридической ответственности за распространение недостоверной информации.

В исследованиях, посвящённых проблематике определения фейковой новости, подчёркивается сложность выделения понятия «фейк». Термин не имеет закреплённого определения и может относиться к ряду яв-

¹ Борьба с инфодемией на фоне пандемии COVID-19: поощрение ответственного поведения и уменьшение пагубного воздействия ложных сведений и дезинформации. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation> (дата обращения: 01.11.2022).

лений, связанных с распространением ложной информации [2]. Среди разновидностей ложной информации можно выделить следующие: газетная утка, дезинформация, мисинформация, пропаганда, сатира и пародия, реклама, псевдожурналистика и др. [4; 9; 10].

В исследованиях встречаются две тенденции к определению термина «фейковая новость», или «фейк»: 1) фейк как жанр, связанный с намеренным созданием и распространением ложной информации; 2) фейк как политический инструмент, направленный на критику СМИ [6, р. 98]. Исследователи выделяют три основные характеристики фейковой новости: 1) содержит ложные и недостоверные сведения; 2) обладает манипулятивным характером; 3) имитирует определённый жанр – принимает вид новостной статьи в медиадискурсе или поста в социальных сетях [1–4; 6].

Отдельно стоит отметить факторы, способствующие популярности фейков. Подобную актуальность можно объяснить такой важной особенностью фейковых новостей, как сенсационность и новизна информации – склонность к распространению новой информации, которая представляет значительную ценность для человека [5].

Ещё одной важной чертой фейков является апелляция к эмоциям – фейки способны вызывать определённые формы поведения у аудитории [11]. Такая эмоциональная передача событий провоцирует сильные эмоции. Успешностью пользуются новости, вызывающие отвращение, страх и удивление, а также новости, сформулированные негативно [12].

Одним из факторов успешности фейков является мотивация. В большинстве исследований подчёркивается политическая и финансовая мотивация [1; 2; 10]. Среди других причин, побуждающих к созданию фейков, может быть создание сатиры и пародии в целях развлечения аудитории [13]; желание предупредить родственников и знакомых [14]; демонстрация превосходства и уникальности пользователя [15]; распространение новостей, которые отвечают политиче-

ским и идеологическим убеждения [16]; получение быстрого притока аудитории и повышение посещаемости ресурса [17, с. 150].

Среди нерешённых задач, связанных с распространением фейковой информации, можно выделить исследование происхождения фейков и изучение существующих моделей их распространения в виртуальном пространстве; влияние разновидностей ложной информации на аудиторию; разработка методов обнаружения фейков и своевременное предотвращение их распространения и др.

Таким образом, распространение недостоверной информации на примере конкретной ситуации – в условиях пандемии COVID-19 – представляет большой интерес, несмотря на изученность данного явления с точки зрения разных научных областей. В то же время важной задачей является изучение особых черт – «маркеров», позволяющих выявить недостоверную информацию. Для решения данной задачи была предложена классификация маркеров фейковой информации на основе исследования И.А. Стернина и А.М. Шестериной.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

В настоящем исследовании описан анализ фрагментов фейковых новостей о COVID-19, в ходе которого была разработана классификация маркеров фейковых новостей подобного типа. Исследование проводилось на материале интернет-текстов, содержащих ложные высказывания о COVID-19 с января 2020 г. по февраль 2022 г. К таким текстам относятся массовые рассылки в мессенджерах, посты в социальных сетях, статьи в интернет-СМИ и др. Всего было найдено 252 интернет-текста. Все тексты собраны методом сплошной выборки, источниками для сбора материала послужили социальные сети, а также сайты СМИ.

В исследовании используются традиционные для лингвистики методы: описательный, сопоставительный, классификационный, метод сплошной выборки, комплекс методов лингвистического анализа (синтаксический и дефиниционный анализ).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для исследования фейковых новостей была создана база данных «Фейковые новости в социальных сетях и СМИ». Данная база создана на основе содержания приведённых фрагментов фейковых новостей, которые были опровергнуты такими авторитетными организациями, как ВОЗ, Минздрав РФ, а также сайтами фактчекинга, проводящими проверку достоверности сведений. Все фрагменты были разделены на 6 групп.

Группа «Вакцинация» (81 фрагмент). В данной группе можно выделить следующие подгруппы: информация о вреде вакцины, включающая в себя сообщения о побочных эффектах от вакцинации (бесплодие, рак); о вреде вакцины для детей; а также о смертельных исходах вследствие вакцинации. Среди актуальных тем выделяется тема распространения сведений о составе вакцины (оксид графена, гидро, наночипы).

Группа «Теории заговора» (50 фрагментов). В данную группу входят как фейки о происхождении вируса, так и фейковые новости о существовании мирового заговора или новости, отрицающие существование вируса. Среди распространённых конспирологических теорий можно выделить следующие:

- 1) использование коронавируса властями в своих интересах; сокрытие реальной информации;
- 2) искусственное происхождение коронавируса (вирус создан внешними врагами как биологическое оружие или как оружие по уничтожению биороботов);
- 3) распространение коронавируса через вещи, сотовую связь, вышки 5G;
- 4) создание нового мирового порядка с помощью методов социального контроля и чипирования населения;
- 5) предсказания в газетах; опубликованные ранее патенты.

Группа «Международные новости» (44 фрагмента). В группу входят фейковые новости о распространении коронавирусной инфекции в разных странах мира. Фейки данной группы имитируют настоящие новос-

ти и направлены на введение в заблуждение читателей.

Группа «Панические сообщения/предупреждения» (36 фрагментов). Фейки данной группы в основном направлены на создание паники среди населения и активизацию определённых страхов. В качестве фейков выступают как предупреждения и тревожные сообщения (слухи об активизации деятельности мошенников, вредительских действиях мигрантов), так и свидетельства очевидцев и первых лиц, распространяемые во время эпидемии. Наиболее встречающейся моделью в данной группе является получение секретной информации от инсайдера, обладающего авторитетом.

Группа «Псевдомедицинские советы» (23 фрагмента). В группу входят советы о лечении и профилактике коронавирусной инфекции от авторитетных врачей, рецепты народной медицины, а также ссылки на проведённые научные исследования. Например, среди распространённых в группе методов лечения коронавируса встречаются как продукты питания (лук, чесночный настой, алкоголь, щелочные продукты), так и нетрадиционные методы (плавание, наращивание ресниц, специально разработанная музыка).

Группа «Сообщения о подтверждённых случаях/смертях» (18 фрагментов). Фейки данной группы были направлены на передачу информации о заражённых и распространялись с марта по апрель 2020 г. В последующие годы группа перестала быть актуальной.

Дополнительно было рассмотрено распространение фейков за каждый год (табл. 1, рис. 1). В 2020 г. большая часть фейковых новостей относится к группе «Панические сообщения / предупреждения» (25 %). Актуальность данной группы можно обосновать новизной события и отсутствием информации. Такое распространение фейков можно объяснить желанием предупредить и обезопасить родственников и близких, передать важную и уникальную информацию [18].

Следующей по частотности идёт группа «Вакцинация» (17 %), которая начала распространяться в апреле с появлением ложных новостей о создании первой вакцины.

Таблица 1

Фейковые новости в социальных сетях и СМИ

Table 1

Fake news in social and mass media

Группа	Абсолютные цифры за 2020 г.	%	Абсолютные цифры за 2021 г.	%	Абсолютные цифры за 2022 г.	%	Абсолютные цифры	%
Вакцинация	20	17	47	46	14	45	81	32
Теории заговора	14	12	27	26	9	29	50	20
Международные новости	20	17	20	20	4	13	44	18
Панические сообщения / предупреждения	30	25	4	4	2	7	36	14
Псевдомедицинские советы	19	16	4	4	0	0	23	9
Сообщения о подтверждён- ных случаях/смертях	16	13	0	0	2	6	18	7

ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

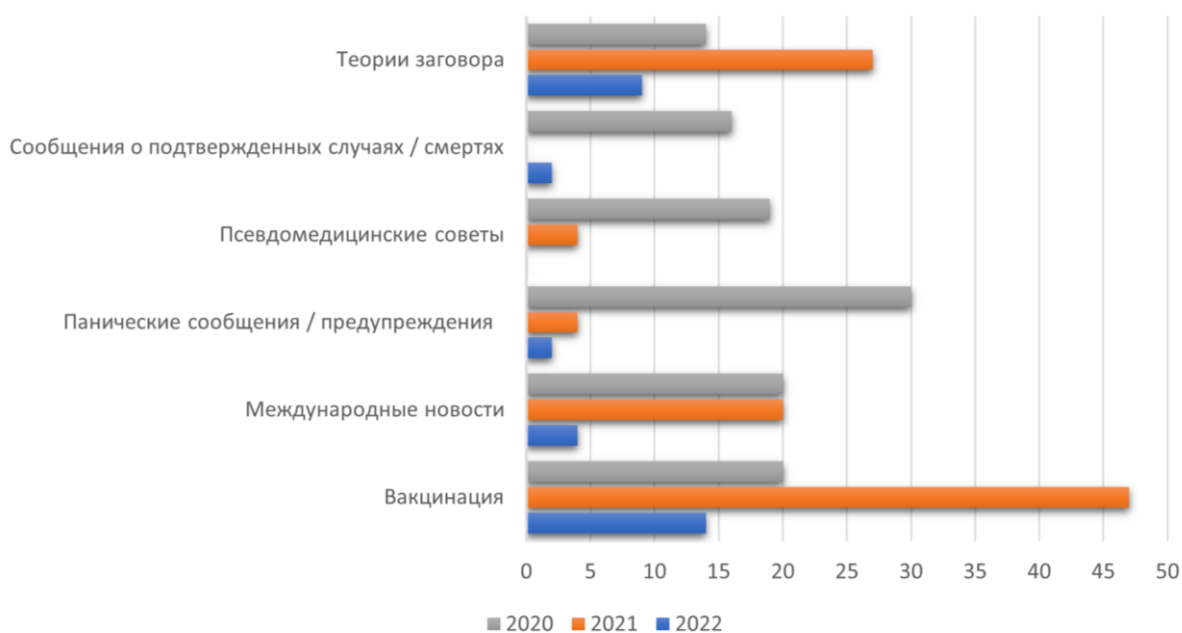

Рис. 1. База данных «Фейковые новости в социальных сетях и СМИ»

Fig. 1. Database “Fake news in social and mass media”

Такой же частотностью обладает группа «Международные новости» (17 %), где собраны фейки о распространении коронавирусной инфекции в разных странах мира. Наименее популярными группами являются «Псевдомедицинские советы» (16 %) и «Сообщения о подтверждённых случаях/смер-

тях» (13 %), которые были актуальны в первое полугодие 2020 г.

В 2021 г. актуальность приобрела группа «Вакцинация» (46 %). Фейковые новости данной группы в основном сообщали об опасности вакцинации, а также нераскрытых в официальных документах компонентах

вакцины, что послужило доказательством против обязательной вакцинации. Особую популярность обрела группа «Теории заговора» (26 %), в которой собраны как фейки о происхождении вируса и методах его распространения, так и фейки, свидетельствующие о существовании мирового заговора.

В 2021 г. потеряла актуальность группа «Сообщения о подтверждённых случаях/смертях» (0 %), что свидетельствует о больших масштабах распространения вируса. Одной из причин неактуальности данной группы является введение уголовной ответственности за распространение недостоверной информации. Группа «Псевдомедицинские советы» (4 %) также перестала быть актуальной в связи с публикацией рекомендаций по профилактике коронавирусной инфекции от ВОЗ и Минздрава РФ.

В 2022 г. по-прежнему самыми частотными были группы «Вакцинация» (45 %) и «Теории заговора» (29 %). Особенностью фейков первой четверти 2022 г. является высокая встречаемость старых фейков – «зомби-фейков», а также появление новых доказательств и версий к существующим теориям. Следует отметить, что в конце февраля поток фейков о коронавирусе снизился из-за смены информационной повестки. Новости о коронавирусе стали меньше интересовать жителей России и стран СНГ.

Анализ фрагментов фейковых новостей проводился с опорой на приведённые в исследовании И.А. Стернина и А.М. Шестеринной маркеры фейковой информации [19]. Такие «маркеры фейка» служат для верификации недостоверной информации в тексте [19, с. 2]. Предложенные в работе маркеры были разделены на 6 групп. К каждой группе маркеров были приведены примеры из базы данных. Рассмотрим каждую группу маркеров фейковой информации.

1. Формальные маркеры. К маркерам данной группы относится метатекстовая информация: информация о распространении новости на сайтах, имитирующих крупные новостные порталы; использование фейкового аккаунта в соцсети, в котором информация публикуется от имени известной личности или организации; малое количество ре-

сурсов и площадок, где опубликована новость и др.

Также в группу входят признаки фейка, связанные с формальной структурой. Цель фейковой новости – стать популярной, виральной, поэтому она может повторять композицию новостной статьи или поста, копируя все элементы: заголовок, изображение, подписи, источник [20, с. 166]. Для подтверждения правдивости информации могут использоваться фразы-клише, имитирующие определённый стиль, например, использование официально-делового стиля для имитации заявлений государственных органов или общественных организаций: *Сообщение датировано 20 января 2020 года, с подписью Государственной санитарной инспекции Кыргызской Республики (Соцсети, текстовая рассылка, январь 2020).*

К важным маркерам также относятся графические признаки, например, наличие в тексте грамматических, пунктуационных и стилистических ошибок: *Отличные новости! Вирусная вакцина Карона готова (Соцсети, пост, 23.03.2020)*; использование восклицательных знаков и верхнего регистра для подчёркивания важности информации: *СРОЧНО! НАС ХОТЯТ УБИТЬ! (Соцсети, текстовая рассылка, 20.05.2020).*

Стоит отметить важную роль заголовков фейковой новости – фейковых заголовков, или кликбейтов. Такие заголовки привлекают внимание аудитории к новости, содержат в себе актуальные темы и провоцируют сильные эмоции: *Жуткий прогноз учёных: от коронавируса умрёт 80 % человечества («Московский комсомолец», статья, 13.07.2020).*

2. Содержательные маркеры. Несмотря на то, что в фейковых новостях повестка дня используется та же, что и в новостных статьях или постах, отличие фейков от реальных новостей проявляется в содержании [19; 20].

Среди содержательных характеристик фейков можно выделить следующие:

– упоминание событий, которые не происходили в действительности: *Срочная новость, на первом канале Китая! 20 миллионов китайцев приняли ислам после коронавируса, так как было установлено, что*

мусульмане не болеют вирусом (Соцсети, текстовая рассылка с видеофрагментом, 26.02.2020);

– публикация устаревшей информации как актуального события: *Республика Татарстан (г. Набережные Челны) стала первой в мире, которая провела вскрытие трупа с использованием протокола вскрытия COVID-19 (Соцсети, пост, 01.11.2021)*. Изначально данное открытие приписывалось итальянским и немецким учёным;

– экстраполяция утверждения на геополитическую ситуацию: *Основываясь на всех моих знаниях и исследованиях на сегодняшний день, я могу сказать это со 100 % уверенностью, что корона не является естественной. Он исходил не от летучих мышей. Это сделал Китай. Если то, что я говорю сегодня, окажется ложью сейчас или даже после моей смерти, правительство может отозвать мою Нобелевскую премию, но Китай лжёт, и эта правда однажды откроется всем (Соцсети, пост, 28.04.2020)*;

– характеристика текущих событий с точки зрения широкого исторического контекста: *Планы фашистов повторяются! 1918 ПАНДЕМИЯ Испанского гриппа. От массовой вакцинации погибло 65 млн человек. 2020 ПАНДЕМИЯ коронавируса. В эту массовую вакцинацию погибнет ? млн человек (Соцсети, картинка с текстом, декабрь 2020)*.

3. Лексические маркеры. Важную роль во всех группах фейковых новостей из базы данных играют лексические маркеры. Данную особенность можно объяснить тем, что повышенная эмоциональность как средство воздействия на адресата является важной чертой фейковой новости. Такая эмоциональность достигается широкими возможностями лексики и синтаксиса русского языка, важными маркерами являются разнообразные языковые средства и риторические приёмы:

– оценочные слова с негативной коннотацией: *Все остальные будут болеть и болеть, пока не вымрут («Московский комсомолец», статья, 13.07.2020)*;

– пейоративная лексика по отношению к определённым лицам: *Маразм людской*

крепчает и доводит до отупения! (Соцсети, текстовая рассылка, 19.03.2020);

– манипулятивная семантика и приёмы речевого воздействия: *Концлагеря для не вакцинированных! Сегодня в Америке, которая является полигоном социальной инженерии, – завтра везде! Волки жрут овец, по одной отбивая от стада (Соцсети, текстовая рассылка с видеофрагментом, 20.10.2021)*;

– сленговые и жаргонные выражения: *Есть такая информация что те кто получили бустеры Зю прививку они будут проверены тестами пир и у них будет омикрон-лохотрон (Соцсети, текстовая рассылка, январь 2022)²*;

– тропы: *Мы сами от незнания позволяем одурочить себя, надеть на себя намордники, посадить на цепь, лишить себя свободы, права на труд и достойную жизнь (Соцсети, пост, 02.05.2020)*;

– навязывание пресуппозиций: *Почему Минздрав Таджикистана скрывает информацию о двух погибших от Коронавируса? («TheAsiaTimes», статья, 27.01.2020)*;

– ложная аналогия: *В древние времена все войны и также другие страны умирали и разрушались, чтобы жила и цвела Италия. Ну, а теперь Италия должна разрушиться, чтоб выжили люди (Соцсети, текстовая рассылка с иллюстрацией, 27.03.2020)*.

В фейковых новостях широко используются языковые выражения, которые указывают на окончательное раскрытие истины: *На самом деле вакцина была создана в Германии врачами турецкого происхождения (Соцсети, текстовая рассылка с иллюстрацией, 21.10.2021)*; простоту решения проблемы и эффективность метода: *Прямой эфир с доктором Мурадином Узденовым нашего эффе́ктивный метод лечения КВИ. Уже немало отзывов-подтверждений что его метод работает! (Соцсети, текстовая рассылка, 03.09.2021)*; достоверность, актуальность и новизну информации: *Ребят, короче пришла новая информация из Министерства Здравоохранения, о новом способе*

² Здесь и далее орфография и пунктуация при цитировании авторов комментариев из сети Интернет сохранены.

передачи коронавируса (Соцсети, голосовая рассылка, март 2020).

4. Прагматические маркеры. Прагматические маркеры обладают определённым воздействием потенциалом на аудиторию и направлены на передачу коммуникативного намерения адресанта. Такие маркеры выражены в форме повелительного наклонения и направлены на побуждение аудитории к определённым действиям. Среди намерений в данной группе встречаются следующие:

– настойчивые призывы к распространению информации и требование быстроты реакции: *Будьте бдительны, передайте дальше! Сразу на горячую линию и в Росгвардию звонить! Особенно предупредите их и пенсионеров!!!* (Соцсети, текстовая рассылка, 19.03.2020);

– предостережение или угроза – возможность наказания за определённое действие: *Если вдруг ребёнок окажется в школе по таким причинам как дополнительные занятия или кружки, то будут наказаны школы. Но если детей обнаружат в магазинах, в автобусах, на улицах родителей накажут штрафом!* (Соцсети, пост, 19.03.2020);

– призывы к размышлениям и принятию определённых выводов: *Вы понимаете, что всё не так просто?! Что происходит страшное глобальное устрашение людей вирусом, дабы потом вакцинировать всех и установить всем чипы! Вот и думайте теперь* (Соцсети, пост, 22.04.2020);

– побуждение к совершению определённого выбора: *Выбирайте – 0,1 % смертность или 3 % побочных уже впервые дни после введения вакцины* (Соцсети, пост, 23.12.2020);

– призывы к определённым действиям: *Опомнись, пока не поздно! Перестань носить намордник, получать QR-код и мириться с прочими знаками Чертей! ...Долой карантин и армейский контроль гражданского населения! Даёшь контроль народа над чиновниками!* (Соцсети, пост с изображением, 29.05.2020).

Особый интерес вызывают примеры агрессивной и потенциально конфликтной коммуникации, встречающиеся в фейковых новостях. Среди форм речевой агрессии

можно выделить высказывания общеагрессивного характера: *Миллионы людей здесь изнасилованы инъекцией, которую они не хотели... Это геноцид* (Соцсети, текстовая рассылка, январь 2022); инвективы: *Где там тролли, которые клялись, что тесты на ковид безопасны? Мне особенно понравилась здесь одна дама, хвастающаяся, что она психотерапевт. Ведь только полный идиот не знает, как и чему обучают психотерапевтов и что они должны делать своим клиентам. Но многие психотерапевты такие идиоты, что сами не понимают, что то, чему их учат, противозаконно* (Соцсети, пост, 04.12.2020); пожелания с негативной семантикой: *Многие ваши знакомые, что кольнулись и им сейчас норм, не переживайте, веселье скоро начнется* (Соцсети, текстовая рассылка, декабрь 2021); обвинения: *«Карантин» придумали политики, а не медики!* (Соцсети, изображение с текстом, май 2020).

5. Источники информации. Среди источников фейковой информации встречаются следующие:

– авторитетные лица, от имени которых распространяется информация: *Сегодня утром речь президента Италии Серджио Маттареллы потрясла весь мир* (Соцсети, текстовая рассылка с иллюстрацией, 27.03.2020);

– несуществующие авторитеты, которым приписывается определённый статус: *Климов Юра – молодой врач из РФ, работает в больнице Шэньчжэня, переведён на изучение вируса пневмонии Ухань* (Соцсети, текстовая рассылка с видеофрагментом, 21.10.2021);

– знакомый источник: *Позвонила подружка в панике...* (Соцсети, голосовая рассылка, апрель 2020).

Также важным маркером является анонимная атрибуция фейков – отсутствие конкретных источников информации: *Из источника, пожелавшего остаться анонимным, но приближённого к высшим эшелонам мирового закулисья...* (Соцсети, пост, 07.08.2020). Источником фейка может служить авторитетное лицо без указания имени или должности: *Врач из Айдахо сообщает о «20-кратном росте» заболеваемости раком*

у вакцинированных пациентов (Соцсети, текстовая рассылка с видеофрагментом, 06.10.2021).

6. Аргументация. Аргументация в фейках преимущественно используется для подтверждения достоверности информации. В качестве аргументов могут выступать цитаты, искажённые или вырванные из контекста: *Швеция отказалась от борьбы с коронавирусом: «Этот вирус не угрожает людям!»* (Naqin.az, статья, 17.03.2020); догадки и домыслы о возможных фактах или событиях: *По одной из версий, пока ещё не до конца доказанной, но уже довольно жуткой, длительный иммунитет к коронавирусу вырабатывается лишь у 17% населения земли («Московский комсомолец», статья, 13.07.2020); предположения и мнения в форме факта: «Транспорт прекратит работу, выехать или въехать в город будет нельзя даже на личном транспорте. Введут комендантский час»* (Соцсети, текстовая рассылка, март 2020).

Аргументация в фейках может быть конспирологической: рассекреченные данные, раскрытие истины, ссылка на заговор, пророчества и др. (рис. 2).

Особую роль играют иллюстрации, которые выступают как свидетельство достоверности фейковой новости и оказывают эмоциональное воздействие на аудиторию [21]. К ним относятся препринты – неопубликованные или не прошедшие экспертную оценку научные исследования, – патенты, инфографика, статистические данные, а также фото- и видеоизображения. Часто такие материалы подвергаются искажению, например, создатели фейков могут манипулировать статистическими данными: *Израильский врач Коби Хавив заявил 13-му каналу новостей: «95 % тяжелобольных вакцинированы. Полностью вакцинированные люди составляют 85–90 % госпитализаций»* (Соцсети, пост, 14.09.2021).

Распространёнными иллюстрациями являются подложные фотографии или видеоизображения – достоверные иллюстрации, которые используются в ложном контексте, а также сфальсифицированные иллюстрации – отредактированные видеокadres и изображения (рис. 3).

Рис. 2. Конспирологическая аргументация (Соцсети, изображение с текстом, 05.08.2021)

Fig.2. Conspiracy argumentation (Social networks, image with a text, 05.08.2021)

Турецкий новостной канал Beyaz TVB сообщает: в Турции дети рождались с несколькими ногами и руками, а также с хвостами животных! Матери были вакцинированы Biontech и Moderna. Таких младенцев родилось Много!

Рис. 3. Отредактированная фотография (Соцсети, пост с иллюстрацией, 08.10.2021)

Fig. 3. Doctored photo (Social networks, post with an image, 08.10.2021)

Для каждой группы фейковых новостей были выделены совокупности наиболее частотных маркеров фейковой информации. Так, в группе «Вакцинация» преобладают следующие маркеры: имитация композиции новостной статьи (Формальные маркеры); использование оценочной лексики для провоцирования определённой реакции у адресата; использование манипулятивных приёмов.

мов (Лексические маркеры); конспирологическая аргументация; ссылки на врачей-антипрививочников; использование собственных догадок и предположений в качестве фактов (Источники информации и Аргументация).

Для группы «Теория заговора» частотным маркером является использование конспирологической аргументации (Аргументация). Характерными чертами данной группы также являются экстраполяция утверждения на геополитическую ситуацию (Содержательные маркеры); апелляция к авторитету – ссылки на врачей-антипрививочников (Источники информации). Данные черты демонстрируют тенденцию недоверия адресанта новостного сообщения к официальной власти, а также его повышенное внимание к поиску внешних врагов и доказательств существования мирового заговора.

Группу «Международные новости» отличают следующие маркеры фейковой информации: имитация композиции новостной статьи и широкое использование фейковых заголовков (Формальные маркеры); использование манипулятивных приёмов и оценочной лексики (Лексические маркеры); публикация ложных выводов, манипуляции статистикой (Аргументация); использование ненадёжных и непроверенных источников информации (Источники информации). Отличительной особенностью данной группы является публикация так называемых «зомби-фейков» – старых фейков, повторяющихся через какое-то время на фоне определённых событий. Помимо упоминания событий, не происшедших в действительности, распространённым маркером также является публикация устаревших новостей в качестве актуальных событий (Содержательные маркеры).

Наиболее частотной характеристикой группы «Панические сообщения / предупреждения» являются прагматические маркеры, которые выражаются при помощи повелительного наклонения, а именно через призывы к распространению информации, требования к скорости реакции, предупреждения о возможности наказания.

В группе «Псевдомедицинские советы» встречаются следующие маркеры: фейковые

заголовки (Формальные маркеры); простота решения проблемы (Лексические маркеры); ссылки на препринты и неопубликованные исследования, ссылки врачей на собственную практику, ссылки на авторитетных врачей (Источники информации).

Группа «Сообщения о заболеваниях/ смертях» обладает следующими частотными характеристиками: публикация неподтверждённых сведений (Содержательные маркеры); отсутствие доверия официальной информации и требования к публикации реальной статистики, призывы к распространению информации (Прагматические маркеры).

ВЫВОДЫ

Настоящее исследование является попыткой осмысления явления фейковой новости. Для изучения распространения фейков было проанализировано 252 фрагмента фейковой информации о COVID-19. Все фрагменты разделены на шесть групп: «Вакцинация» (32 %), «Теории заговора» (20 %), «Международные новости» (18 %), «Панические сообщения и предупреждения» (14 %), «Псевдомедицинские советы» (9 %), «Сообщения о подтверждённых случаях/смертях» (7 %).

Дополнительно рассмотрено распространение фейков в каждом году. В 2020 г. больше всего фейковых новостей относятся к группе «Панические сообщения / предупреждения» (25 %). Далее идут группы «Вакцинация» (17 %) и «Международные новости» (17 %). Наименее популярными группами являются «Псевдомедицинские советы» (16 %), «Сообщения о подтверждённых случаях/смертях» (13 %). В 2021 г. актуальными были группы «Вакцинация» (46 %) и «Теории заговора» (26 %). Группы «Сообщения о подтверждённых случаях/смертях» (0 %) и «Псевдомедицинские советы» (4 %) потеряли свою актуальность. В 2022 г. по-прежнему самыми частотными являются группы «Вакцинация» (45 %) и «Теории заговора» (29 %). В конце февраля 2022 г. поток фейков о коронавирусе снизился из-за смены информационной повестки.

Для анализа фейковых новостей была разработана классификация маркеров фейко-

вой информации на основе работы И.А. Стернина и А.М. Шестериной. Проведённое исследование выявило следующие группы типовых маркеров: Формальные маркеры, Содержательные маркеры, Лексические марке-

ры, Прагматические маркеры, Источники информации, Аргументация. Данная классификация может быть применена в дальнейшем комплексном изучении явления фейковой новости.

Список источников

1. Allcott H., Gentzkow M. Social media and fake news in the 2016 election // *Journal of Economic Perspectives*. 2017. Vol. 31 (2). P. 211-236. <https://doi.org/10.1257/jep.31.2.211>
2. Lazer D.M., Baum M.A., Benkler Y. The science of fake news // *Science*. 2018. Vol. 359 (6380). P. 1094-1096. <https://doi.org/10.1126/science.aao2998>
3. Tandoc Jr. E.C., Lim Z.W., Ling R. Defining “Fake News” // *Digital Journalism*. 2018. Vol. 6 (2). P. 137-153. <https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1360143>
4. Tandoc Jr. E.C., Thomas R.J., Bishop L. What is (Fake) News? Analyzing News Values (and More) in Fake Stories // *Media and Communication*. 2021. Vol. 9 (1). P. 110-119. <https://doi.org/10.17645/mac.v9i1.3331>
5. Vosoughi S., Roy D., Aral S. The Spread of True and False News Online // *Science*. 2018. Vol. 359 (6380). P. 1146-1151. <https://doi.org/10.1126/science.aap9559>
6. Egelhofer J.L., Lecheler S. Fake news as a two-dimensional phenomenon: a framework and research agenda // *Annals of the International Communication Association*. 2019. Vol. 43 (2). P. 97-116. <https://doi.org/10.1080/23808985.2019.1602782>
7. Карасик В.И. Фактоиды как лингвокультурное явление // *Политическая лингвистика*. 2017. № 3 (63). С. 21-30. <https://elibrary.ru/zdmbfx>
8. Зуйкина К.Л., Соколова Д.В. Специфика контента российских фейковых новостей в Интернете и на телевидении // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2019. № 4. С. 3-22. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2019.322>, <https://elibrary.ru/xccerj>
9. Molina M.D., Sundar S.S., Le D. “Fake News” Is Not Simply False Information: A Concept Explication and Taxonomy of Online Content // *American Behavioral Scientist*. 2021. Vol. 65 (2). P. 180-212. <https://doi.org/10.1177/0002764219878224>
10. Bakir V., McStay A. Fake news and the economy of emotions // *Digital Journalism*. 2018. Vol. 6 (2). P. 154-175. <https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1345645>
11. Martel C., Pennycook G., Rand D.G. Reliance on emotion promotes belief in fake news // *Cognitive Research Principles and Implications*. 2020. Vol. 5 (1). P. 47. <https://doi.org/10.1186/s41235-020-00252-3>
12. Heath C. Do People Prefer to Pass along Good or Bad News? Valence and Relevance of News as Predictors of Transmission Propensity // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1996. Vol. 68 (2). P. 79-94. <https://doi.org/10.1006/obhd.1996.0091>
13. Vorderer P., Klimmt C., Ritterfeld U. Enjoyment: At the Heart of Media Entertainment // *Communication Theory*. 2004. Vol. 14 (4). P. 388-408. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2004.tb00321.x>
14. Duffy A., Tandoc E., Ling R. Too Good to Be True, Too Good Not to Share: The Social Utility of Fake News // *Information, Communication & Society*. 2019. Vol. 23 (13). P. 1-15. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2019.1623904>
15. Bright J. The Social News Gap: How News Reading and News Sharing Diverge // *Journal of Communication*. 2016. Vol. 66 (3). P. 343-365. <https://doi.org/10.1111/jcom.12232>
16. Marwick A.E. Why Do People Share Fake News? A Sociotechnical Model of Media Effects // *Georgetown Law Technology Review*. 2018. Vol. 2 (474). P. 474-512. URL: <https://georgetownlawtechreview.org/wp-content/uploads/2018/07/2.2-Marwick-pp-474-512.pdf>
17. Суходолов А.П., Бычкова А.М. «Фейковые новости» как феномен современного медиапространства: понятия, виды, назначение, меры противодействия // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2017. Т. 6. № 2. С. 143-169. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6\(2\).143-169](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6(2).143-169), <https://elibrary.ru/xsetyb>
18. Архипова А.С., Радченко Д.А., Козлова И.В., Пейгин Б.С., Гаврилова М.В., Петров Н.В. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 6. С. 231-265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>, <https://elibrary.ru/gwigpr>

19. Стернин И.А., Шестерина А.М. Маркеры фейка в медиатекстах. Воронеж: ООО «Изд-во РИТМ», 2021. 60 с. URL: <https://www.vsu.ru/ru/university/structure/communi-cate/pdf/monographs/markers2.pdf>
20. Панченко Н.Н. Фейк-новость в аспекте достоверности // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2013. Т. 8. № 1. С. 164-169. <https://elibrary.ru/qcdasf>
21. Brennen J.S., Simon F.M., Nielsen R.K. Beyond (Mis)Representation: Visuals in COVID-19 Misinformation // The International Journal of Press/Politics. 2021. Vol. 6 (1). P. 277-299. <https://doi.org/10.1177/1940161220964780>

References

1. Allcott H., Gentzkow M. Social media and fake news in the 2016 election. *Journal of Economic Perspectives*, 2017, vol. 31 (2), pp. 211-236. <https://doi.org/10.1257/jep.31.2.211>
2. Lazer D.M., Baum M.A., Benkler Y. The science of fake news. *Science*, 2018, vol. 359 (6380), pp. 1094-1096. <https://doi.org/10.1126/science.aao2998>
3. Tandoc Jr. E.C., Lim Z.W., Ling R. Defining “Fake News”. *Digital Journalism*, 2018, vol. 6 (2), pp. 137-153. <https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1360143>
4. Tandoc Jr. E.C., Thomas R.J., Bishop L. What is (Fake) News? Analyzing News Values (and More) in Fake Stories. *Media and Communication*, 2021, vol. 9 (1), pp. 110-119. <https://doi.org/10.17645/mac.v9i1.3331>
5. Vosoughi S., Roy D., Aral S. The Spread of True and False News Online. *Science*, 2018, vol. 359 (6380), pp. 1146-1151. <https://doi.org/10.1126/science.aap9559>
6. Egelhofer J.L., Lecheler S. Fake news as a two-dimensional phenomenon: a framework and research agenda. *Annals of the International Communication Association*, 2019, vol. 43 (2), pp. 97-116. <https://doi.org/10.1080/23808985.2019.1602782>
7. Karasik V.I. Factoids as a linguocultural phenomenon. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*, 2017, no. 3 (63), pp. 21-30. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zdmbfx>
8. Zuikina K.L., Sokolova D.V. Content specifics of Russian fake news on the internet and on television. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism], 2019, no. 4, pp. 3-22. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2019.322>, <https://elibrary.ru/xccerj>
9. Molina M.D., Sundar S.S., Le D. “Fake News” Is Not Simply False Information: A Concept Explication and Taxonomy of Online Content. *American Behavioral Scientist*, 2021, vol. 65 (2), pp. 180-212. <https://doi.org/10.1177/0002764219878224>
10. Bakir V., McStay A. Fake news and the economy of emotions. *Digital Journalism*, 2018, vol. 6 (2), pp. 154-175. <https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1345645>
11. Martel C., Pennycook G., Rand D.G. Reliance on emotion promotes belief in fake news. *Cognitive Research Principles and Implications*, 2020, vol. 5 (1), p. 47. <https://doi.org/10.1186/s41235-020-00252-3>
12. Heath C. Do People Prefer to Pass along Good or Bad News? Valence and Relevance of News as Predictors of Transmission Propensity. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 1996, vol. 68 (2), pp. 79-94. <https://doi.org/10.1006/obhd.1996.0091>
13. Vorderer P., Klimmt C., Ritterfeld U. Enjoyment: At the Heart of Media Entertainment. *Communication Theory*, 2004, vol. 14 (4), pp. 388-408. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2004.tb00321.x>
14. Duffy A., Tandoc E., Ling R. Too Good to Be True, Too Good Not to Share: The Social Utility of Fake News. *Information, Communication & Society*, 2019, vol. 23 (13), pp. 1-15. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2019.1623904>
15. Bright J. The Social News Gap: How News Reading and News Sharing Diverge. *Journal of Communication*, 2016, vol. 66 (3), pp. 343-365. <https://doi.org/10.1111/jcom.12232>
16. Marwick A.E. Why Do People Share Fake News? A Sociotechnical Model of Media Effects. *Georgetown Law Technology Review*, 2018, vol. 2 (474), pp. 474-512. Available at: <https://georgetownlawtechreview.org/wp-content/uploads/2018/07/2.2-Marwick-pp-474-512.pdf>
17. Sukhodolov A.P., Bychkova A.M. Fake news as a modern media phenomenon: definition, types, role of fake news and ways of taking measures against it. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2017, vol. 6, no. 2, pp. 143-169. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6\(2\).143-169](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6(2).143-169), <https://elibrary.ru/xsetyb>
18. Arkhipova A.S., Radchenko D.A., Kozlova I.V., Peigin B.S., Gavrilova M.V., Petrov N.V. Specifics of infodemic in Russia: from WhatsApp to the Investigative Committee. *Monitoring obshchestvennogo mneniya:*

- ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny* = *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, no. 6 (160), pp. 231-265. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>, <https://elibrary.ru/gwigpr>
19. Sternin I.A., Shesterina A.M. *Markery feika v mediatekstakh* [Markers of fake in media texts]. Voronezh: LLC "Publisher RITM", 2021, 60 p. (In Russ.) Available at: <https://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/pdf/monographs/markers2.pdf>
20. Panchenko N.N. Feik-novost' v aspekte dostovernosti [Fake news in terms of reliability]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti* = *Theoretical and Applied Aspects of Studying Speech Activity*, 2013, vol. 8, no. 1, pp. 164-169. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qcdasf>
21. Brennen J.S., Simon F.M., Nielsen R.K. Beyond (Mis)Representation: Visuals in COVID-19 Misinformation. *The International Journal of Press/Politics*, 2021, vol. 6 (1), pp. 277-299. <https://doi.org/10.1177/1940161220964780>

Информация об авторе

Биткова Валерия Валерьевна, лаборант-исследователь научно-образовательного центра «Цифровая гуманитаристика», Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-3144-9607>, lera.bitkova2016@gmail.com

Вклад в статью: идея исследования, поиск и анализ интернет-текстов, сбор материала, обработка полученных результатов, написание и оформление текста статьи.

Поступила в редакцию 18.11.2022
Одобрена после рецензирования 22.12.2022
Принята к публикации 19.01.2023

Information about the author

Valeria V. Bitkova, laboratory researcher of the Research and Education Center "Digital Humanities", Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-3144-9607>, lera.bitkova2016@gmail.com

Contribution: study idea, Internet-texts search and analysis, materials acquisition, processing of the received results, drafting and formatting the text of manuscript.

Received: November 18, 2022
Revised: December 22, 2022
Accepted: January 19, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 339.138; 796.012.412.5; 070

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-186-194>

Шифр научной специальности 5.9.9

Комьюнити-маркетинг в индустрии спорта (на примере бегового движения)

Андрей Васильевич ПРОХОРОВ , Станислав Андреевич ПОПОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

 popovstan@icloud.com

Аннотация. В настоящее время спорт является самостоятельной индустрией, имеющей собственные принципы функционирования, характеризующейся спецификой этапов развития, поэтому вполне объяснимо обособление спортивного маркетинга как комплекса мер по продвижению отдельных видов спорта, спортивных событий, а также брендов через сферу спорта. Снижение эффективности традиционных подходов в маркетинге создаёт потребность в поиске новых инструментов продвижения спортивных продуктов. Проанализированы подходы к пониманию спортивной индустрии и спортивного маркетинга, дано авторское толкование данных терминов. Интенсивное уплотнение конкуренции на спортивном рынке актуализирует роль маркетинговых активаций, реализуемых его субъектами. Обращает на себя внимание направление комьюнити-маркетинга в сфере спорта. Выявлено, что сообщества являются площадкой, участники которой могут обрести новые знакомства среди единомышленников. Рассмотрены актуальные тенденции комьюнити-маркетинга применительно к различным сферам, раскрыты цели и задачи направления, рассмотрены условия, необходимые для существования сообществ бренда. Актуальность исследования обеспечивается рассмотрением практики компаний в сфере комьюнити-маркетинга в продвижении спортивных брендов. Проанализированы наиболее яркие кейсы бренда Adidas в использовании комьюнити-маркетинга. Цель исследования – уточнение содержания комьюнити-маркетинга в продвижении спортивных брендов.

Ключевые слова: спортивный маркетинг, индустрия спорта, комьюнити-маркетинг, сообщества, бренд

Для цитирования: Прохоров А.В., Попов С.А. Комьюнити-маркетинг в индустрии спорта (на примере бегового движения) // Нефилология. 2023. Т. 9. № 1. С. 186-194. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-186-194>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Community marketing in the sports industry (on the example of running)

Andrey V. PROKHOROV , Stanislav A. POPOV

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

 popovstan@icloud.com

Abstract. Nowadays, sport is an independent industry that has its own principles of functioning, characterized by the specifics of the stages of development, therefore, the isolation of sports marketing as a set of measures to promote individual sports, sports events, and brands through the field of sports is quite understandable. The decrease in the effectiveness of traditional approaches in marketing creates a need to find new tools for promoting sports products. Approaches to understanding the sports industry and sports marketing are analyzed, the author's interpretation of these terms is given. The intensive consolidation of competition in the sports market actualizes the role of marketing activations implemented by its subjects. The direction of community marketing in the field of sports attracts attention. It was revealed that communities are a platform where members can make new acquaintances among like-minded people. The current trends in community marketing in relation to various areas are considered, the goals and objectives of the direction are disclosed, the conditions necessary for the existence of brand communities are considered. The relevance of the study is ensured by considering the practice of companies in the field of community marketing in promoting sports brands. The most striking cases of the Adidas brand in the use of community marketing are analyzed. The purpose of the study is to clarify the content of community marketing in the promotion of sports brands.

Keywords: sports marketing, sports industry, community marketing, communities, brand

For citation: Prokhorov, A.V., & Popov, S.A. Community marketing in the sports industry (on the example of running). *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(1):186-194. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-186-194>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Маркетинг в сфере спорта изначально был связан с увеличением доходной части за счёт реализации билетов на спортивные события и прав на телевизионные трансляции, в качестве элемента спортивного маркетинга теоретиками и практиками стало рассматриваться спонсорство, которое получило новое звучание благодаря активности букмекерских компаний. Со временем спортивная индустрия актуализировала необходимость построения позитивного имиджа спортивных команд, отдельных спортсменов, популяризации видов спорта, обеспечения массовости аудитории спортивных событий. В нашей

стране 1990-е гг. ознаменовали пик исследовательского и прикладного интереса к спортивному брендингу [1]. Вполне объяснимо обособление спортивного маркетинга в качестве самостоятельного направления, имеющего целью разработку привлекательных и конкурентоспособных спортивных событий, обеспечение взаимовыгодного взаимодействия всех заинтересованных сторон – стейкхолдеров (спортсменов, болельщиков, рекламодателей, спонсоров, телеведущих) [2; 3].

Актуальность настоящего исследования связана с тем, что частью спортивной индустрии стали миллионы людей и компаний – от спортсменов-любителей и болельщиков до государственных и коммерческих организа-

ций. Популярность здорового образа жизни, в частности особая доступность бега, с каждым годом охватывает всё большую аудиторию. В настоящих условиях требует уточнение содержания понятия «спортивный маркетинг».

Спорт окружает нас повсеместно: от рекламных билбордов спортивной тематики до рекламы с участием спортивных звёзд на телевидении и в сети Интернет. Знаменитости из сферы спорта становятся синонимами спортивного маркетинга. Каждый человек, задумывающийся о занятии спортом, стремится стать частью чего-то более масштабного и интересного, чем просто объектом традиционных маркетинговых кампаний. В связи с этим целесообразно рассмотреть новые маркетинговые подходы в продвижении брендов на спортивном рынке. В век распространения сетевых коммуникаций люди демонстрируют потребность в реальном общении с людьми схожих интересов. В свою очередь крупные бренды, понимая поведенческую модель любителей бега, начинают активно реализовывать свою деятельность в этом направлении, создавая условия, которые способствуют удовлетворению данной потребности.

Эмпирической базой исследования послужили кейсы ведущих спортивных брендов, отражающие усилия по формированию и поддержанию сообществ («комьюнити»).

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ СПОРТИВНОГО МАРКЕТИНГА

Число приверженцев здорового образа жизни и регулярно занимающихся спортом постепенно растёт, напрямую оказывает воздействие на расширение спортивной индустрии. Значимым фактором выступает объединение двух индустрий: спортивной и развлекательной – в связи с тем, что оба сектора являются формами проведения досуга. Возникает конкуренция, в которой обе стороны стремятся отвечать на вызовы друг друга.

Индустрия спорта, кроме прочего, характеризуется экономическими показателями. Спорт на данный момент представляет собой область регулярного развития, что, напри-

мер, подтверждается повышением интереса к приобретению прав на трансляцию спортивных событий различного уровня [4, с. 255], букмекерских компаний к спонсорству отдельных клубных команд, чемпионатов, спортивных событий.

Глобальные изменения в области спорта и интенсивное развитие спортивной отрасли заставляют всерьёз задуматься над тем, что включает в себя понятие «спортивная индустрия». Традиция отечественных исследований в этой области достаточно непродолжительна, и авторы не дают однозначного определения этому термину. Основная их часть базируется на экономических началах термина «индустрия», под которым понимается производство, имеющее результативные итоги своей деятельности. В.В. Галкин в своей работе определяет спортивную индустрию как круг участников экономических отношений в сфере спорта, который включает в себя тех, кто осуществляет продажи, и тех, кто покупает спортивные продукты, поставщиков и организаторов спортивных событий и других специалистов спортивного рынка¹.

Анализ зарубежной литературы даёт более узкое определение данного понятия. Так, З. Савич, Н. Ранделович, Н. Стоянович, В. Станкович, В. Силяк говорят о спортивной индустрии как о новой форме бизнеса, фокусирующейся на инвестициях и являющейся средством получения прибыли. Она состоит из микро- и макропроцессов, которые делятся на определённый промежуток времени и представляют собой целый комплекс факторов. По их мнению, спортивная индустрия является для людей возможностью совмещения интересов к спорту и другим видам деятельности (спортивный дизайн, программирование и т. д.) [5, р. 514].

Американские специалисты в сфере маркетинга Б. Питтс, Л. Филдинг и Л. Миллер рассматривают спортивную индустрию как сектор, реализующий продукты, которые имеют прямое отношение к спорту, активному отдыху и фитнесу. К данной категории

¹ Галкин В.В. Экономика спорта и спортивный бизнес. М.: КНОРУС, 2006. 320 с. URL: https://www.studmed.ru/galkin-vv-ekonomika-sporta-i-sportivnyy-biznes_ec4db4f6ac2.html

они относят: спорт, реабилитационные и восстановительные мероприятия, другие спортивные товары и услуги. Спортивная индустрия, по их мнению, также включает в себя менеджмент, маркетинг, финансы и другие административные и деловые взаимодействия [6, p. 17].

Спортивная индустрия понимается нами как сектор экономики, объединяющий в себе производство, продвижение, сбыт спортивных товаров и услуг, спортивные события, кадры, массмедиа, инфраструктуру, а также благотворительность и спонсорство в спорте.

Развитие спортивной сферы как индустрии определяет качественный уровень маркетингового сопровождения. На данный момент отсутствует чётко сформулированное определение спортивного маркетинга. В некоторых определениях спортивный маркетинг выступает подвидом традиционного маркетинга. Бытует мнение, что спортивный маркетинг выступает формой маркетинга применительно к деятельности спортивных клубов. Несмотря на то, что данное определение спортивного маркетинга широко описывает возможности направления, оно является достаточно точным: «социальный и управленческий процесс, посредством которого спортивный менеджер стремится получить то, в чём нуждаются и чего хотят спортивные клубы, за счёт создания и обмена продуктами и ценностями с другими» [7, с. 90].

Дж. Бич и С. Чедвик дают следующее определение спортивного маркетинга: «непрерывный поиск возможностей комплексного решения как непосредственных, так и косвенных задач потребителей спорта, компаний, работающих в спортивной сфере, других лиц и организаций, связанных со спортом, в условиях изменчивой и непредсказуемой среды, характерной для самого понятия «спорт»². Специалисты считают, что спортивным организациям необходимо регулярно осуществлять маркетинговые активации вне зависимости от периодичности проведения спортивных мероприятий. В своей работе исследователи уделяют отдельное

внимание такой важной характеристике спортивной индустрии, как её непредсказуемость. Именно непредсказуемость делает спортивные события такими увлекательными. Ведь люди становятся потребителями спорта во многом потому, что никто точно не знает будущего победителя состязаний³.

Принимая во внимание существующие подходы к трактовке спортивного маркетинга, можно сделать вывод, что спортивный маркетинг представляет собой одну из разновидностей маркетинга, ориентированную на работу по продвижению спортивных событий и организаций, а также на продвижение сторонних продуктов и услуг в условиях непредсказуемости спорта. Целесообразно использовать расширенную концепцию спортивного маркетинга, которая объединяет «маркетинг спорта» (комплексная деятельность по продвижению спортивных продуктов), «маркетинг через спорт» (маркетинг неспортивных брендов) и «массовый спортивный маркетинг» (продвижение идей здорового образа жизни, физической активности) [1, с. 34].

КОМЬЮНИТИ-МАРКЕТИНГ И ЕГО ИНТЕГРАЦИЯ В СПОРТИВНУЮ ИНДУСТРИЮ

С развитием конкуренции на спортивном рынке усиливается роль маркетинговых активаций. Привычные маркетинговые инструменты теряют свою эффективность, в связи с чем возникает потребность в новых подходах к продвижению спортивных продуктов. Продолжает удерживать позиции спонсорство в сфере спорта, набирают силы относительно новые инструменты («селебрити-маркетинг», «событийный маркетинг», «лицензирование»). Наибольшее воздействие на изменения в сфере спортивного маркетинга связано с необходимостью обеспечения непрерывной коммуникации между брендами и потребителями, вследствие чего появляются новые каналы взаимодействий.

Эти обстоятельства подталкивают к поиску эффективных маркетинговых решений,

² Маркетинг спорта / под ред. Дж. Бича и С. Чедвика; пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019. С. 37.

³ Там же.

фокусирующихся в первую очередь на создании и продвижении сообществ (комьюнити-маркетинг). Стратегия комьюнити-маркетинга направлена на объединение потребителей вокруг продукта, разделение с аудиторией ценностей и традиций бренда. Но, в отличие от традиционных инструментов маркетинга, данная активация не в силах оказать влияние на все возможные этапы взаимодействия потребителя с продуктом.

Комьюнити-маркетинг строится на удовлетворении потребностей и сохранении действующих клиентов, а также отличается рядом особенностей, используемых для поддержания взаимодействий с потребителями [8, с. 339].

Х. Кертаджая говорит о создании сообществ как о линейной маркетинговой деятельности, где участники отличаются наличием общих интересов и заботой друг о друге⁴.

Можно сказать, что через комьюнити-маркетинг реализуется стратегия двустороннего взаимодействия компании с потенциальной аудиторией посредством создания сообществ, участники которых наиболее активно проявляют интерес к продукту/бренду/компания. Комьюнити-маркетинг базируется на ценностях, которые открываются клиентам. Коммуникация между участниками сообщества способствует образованию независимой системы с органичным развитием.

Организация комьюнити в любой сфере основывается на хорошем знании своей аудитории, понимании целей и миссии, подпитывается регулярными и продуктивными контактами с участниками комьюнити. Главной целью организаторов выступает повышение лояльности потребителей к бренду. Благодаря комьюнити-маркетингу бренд становится частью жизни своих потребителей, а сами сообщества выступают площадкой общения единомышленников [9, с. 56].

В современной практике продвижения товаров и услуг существуют различные виды комьюнити. Такие сервисы, как *Airbnb* и *BlaBlaCar*, например, привлекают членов сообщества на первоначальном этапе работы

технической поддержки. Участники оперативно делятся своим опытом с пользователями, которые столкнулись с проблемами в работе сервиса. В том случае, если ошибка не исправляется, вопрос переадресовывается напрямую в службу поддержки.

Любая организация, реализующая продукты на рынке, обладает собственной аудиторией. Следует уточнить тот факт, что аудитория бренда не является его сообществом. В данном случае её составляют люди, перед которыми открывается возможность пользования продуктом. Взаимодействие между брендом и потребителями говорит о появлении клиентской базы, но и её не стоит относить к сообществу компании. Основным отличительным фактором между перечисленными группами выступает взаимосвязь между их участниками. Так, участники сообществ, объединяясь вокруг каких-либо ценностей, обладают чувством сопричастности и сопереживания.

Достоинство сообществ заключается в их участниках. Во-первых, они – главная помощь в генерации контента. Информация, полученная через сторителлинг, значительно лучше запоминается людьми благодаря воздействию на чувства и эмоции. Во-вторых, сообщество является неформальной ресурсной базой, при обращении к которой открывается возможность знакомства с новыми специалистами и дополнительной аудиторией. Так называемый нетворкинг может сэкономить время на принятие важных решений, предоставить преимущества в поиске кадров и поставщиков. В-третьих, отзывы членов сообщества помогут усовершенствовать товар, при этом возможная критика с их стороны будет иметь только позитивный посыл. В-четвёртых, участники сообщества могут выступать в роли его организаторов и модераторов, помогая бренду поддерживать активность.

На одной из конференций *Strategium Conference* «Спорт как бизнес. Управление спортивным сообществом» спикерами обсуждался вопрос о комплексном подходе к созданию сообществ, по результатам которого можно сделать вывод, что организаторы сообществ стремятся создать подходящие ус-

⁴ Kertajaya H. *New Wave Marketing* // Gramedia Pustaka Utama. 2011. P. 12.

ловия для их функционирования путём выполнения следующих задач:

1. Выявление ценностей бренда. Продуктивность работы сообщества напрямую зависит от наличия идеи, которая способствует объединению людей вокруг общей цели. Ценности во многом определяют направление развития и продвижения бренда.

2. Проявление внимания к потребностям членов сообщества. Каждый участник сообщества желает ощущать ценность и значимость личного мнения, поэтому бренду необходимо постоянно поддерживать двустороннюю коммуникацию.

3. Демонстрация качества продукта. Комьюнити выступают возможностью тестирования продукта, что способствует дальнейшим продажам.

4. Информационная поддержка и обучение участников. Регулярные изменения во всех общественных сферах создают потребность в непрерывном образовании.

Учитывая особенности коммуникации в рамках комьюнити, необходимо помнить, что комьюнити-маркетинг подразумевает коммуникацию с уже сформировавшимся объединением людей, а не прямое вовлечение новых клиентов.

ОПЫТ ADIDAS В ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОМЬЮНИТИ-МАРКЕТИНГА

Со временем бег стал социальным занятием, объединяющим единомышленников по всему миру. Спортивные мобильные сервисы перерастают из индивидуальных наставников в социальную площадку, на которой любой желающий может найти себе единомышленников для совместной тренировки. Без сомнения, это не представлялось бы возможным без участия крупных компаний. Так, например, в 2015 г. бренд Adidas, поставив целью развитие собственного бегового движения, выкупил платформу *Runtastic* – сервис по отслеживанию физической активности.

Мировое сообщество «Adidas Runners» выходит за рамки бегового клуба. В календаре его мероприятий зачастую можно встретить обучающие семинары, мастер-классы,

другие формы физической активности, а также вечеринки.

Для крупных брендов подобные активности становятся необходимостью. Пресс-секретарь компании Adidas Оливер Брюгген подчеркнул, что беговые клубы открывают новые возможности перед их участниками: компания схожих по духу атлетов создаёт атмосферу спортивного праздника и позволяет взглянуть на свой город с другого ракурса.

Безусловно, беговые клубы существовали и раньше, но никогда прежде участие в них не было настолько простым. Внимание со стороны брендов к развитию и трансформации любительского бега из индивидуального вида спорта в командный выглядит абсолютно оправданным. Новая концепция подобных сообществ, включающая в себя больше развлекательных и образовательных направлений, способна привлечь даже начинающих атлетов.

В рамках развития бегового движения в России компания Adidas запустила проект под названием «Разбуди район», целью которого была активизация и вовлечение в бег жителей столицы. По данным представителей Adidas и международного рекламного агентства TWBA, которое являлось одним из организаторов кампании, в проекте приняло участие порядка 15 тысяч человек, а передовая на тот момент модель беговых кроссовок *Adidas Ultra Boost* была полностью продана за первый месяц.

Проект получил одноимённый гимн, который представил хип-хоп исполнитель Влади. Помимо этого, в период своего проведения кампания регулярно сопровождалась и другими акциями. Так, агентство TWBA украсило здания Москвы мотивирующими рисунками.

Одна из задач кампании заключалась в привлечении аудитории к ежедневным тренировкам рядом со своим домом вместо пробежек в центре города. Организаторы разделили столицу на 24 сообщества, каждое из которых представляло свой беговой район. Победителями становились те, кто принёс наибольшее количество километров в копилку своего района. Подсчёт результатов проводился с помощью приложения-агрегатора

Runkeeper, которое собирало информацию с личных спортивных гаджетов. Платформа ежедневно обрабатывала данные и вела таблицу промежуточных результатов с подробной статистикой о лидирующих командах, общей дистанции и наиболее активных атлетах. В ходе проекта приложение продолжало дорабатываться, развивался его мотивационный компонент. Например, вводились коэффициенты, позволяющие получать дополнительные бонусы за регулярные занятия; также, в случае улучшения позиций своего района, каждый член команды получал уведомления с поздравлениями.

На старте проекта каждое из сообществ назначало собственного капитана – атлета, чьей миссией была мотивация каждого участника своей команды на беговую активность в своём районе и привлечение новых бегунов. Одновременно с запуском кампании Adidas организовал собственные беговые клубы в каждом районе-участнике. Во всех клубах спортсмены-любители могли обратиться за консультацией к профессиональным специалистам и получить поддержку от своих напарников. Многие клубы, сформировавшиеся во время данной кампании, продолжают своё существование и до сих пор. Соревновательный эффект, созданный организаторами данной акции, является для многих участников мотивирующим двигателем, позволяющим чувствовать ответственность за результат своего сообщества.

Результаты кампании оказались убедительными: около 15 тысяч участников, свыше миллиона беговых километров, более 400 тысяч просмотров клипа Влади на Youtube, успешная реализация линейки передовых кроссовок. О повышении лояльности к бренду говорит тот факт, что 70 % участников

высказались о возрастании мотивации к занятию спортом благодаря данной кампании от Adidas.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует отметить динамичное развитие спортивного маркетинга, который охватывает как спортивные, так и неспортивные бренды, которые тем не менее выбирают линию продвижения «через спорт». В условиях плотной конкуренции компаниям необходимо предпринимать усилия по повышению узнаваемости собственного бренда, охвату новой аудитории, трансляции ценностей и качественных характеристик производимого продукта. В последние годы произошли изменения в маркетинговых коммуникациях между компаниями и их целевыми аудиториями: увеличилось число возможных точек взаимодействия, расширился инструментарий. Заметно возросло значение комьюнити-маркетинга как способа продвижения, что получило практическую реализацию в индустрии спорта. Компании стремятся к созданию сообществ, участники которых будут объединены общими ценностями и традициями, коррелирующими с ценностями бренда. Процесс формирования сообщества позволяет создать канал горизонтальных взаимодействий между участниками и дальнейшего создания среды, в которой они заинтересованы. Получая обратную связь от организации, её клиенты ощущают понимание деятельности бренда, что способствует построению долгосрочных взаимоотношений между ними. Показателен опыт комьюнити-маркетинга бренда Adidas по развитию массового бегового движения.

Список источников

1. *Малыгин А.В.* Введение в спортивный маркетинг // Вестник РМОУ. 2012. № 1 (2). С. 32-45. <https://elibrary.ru/zuexzh>
2. *Manoli A.E.* Sport marketing's past, present and future // Journal of Strategic Marketing. 2018. Vol. 26. № 1. P. 1-5. <https://doi.org/10.1080/0965254X.2018.1389492>
3. *Прохоров А.В.* Матчевая программа как инструмент коммуникации клуба с болельщиками (на примере изданий футбольных клубов) // Вестник Воронежского университета. Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 4. С. 138-142. <https://elibrary.ru/igyayau>

4. Леднев В.А., Солнцев И.В. Предпринимательство в индустрии спорта: направления, инновации и формы поддержки // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2021. Т. 12. № 3. С. 252-261. <https://doi.org/10.17747/2618-947X-2021-3-252-261>, <https://elibrary.ru/hjhdxe>
5. Savic Z., Randelovic N., Stojanovic N., Stankovic V., Siljak V. The sports industry and achieving top sports results // Facta Universitatis. Series: Physical Education and Sport. 2017. Vol. 15. № 3. P. 513-522. <https://doi.org/10.22190/FUPES1703513S>
6. Pitts B.G., Fielding L.W., Miller L.K. Industry segmentation theory and the sport industry: Developing a sport industry segment model // Sport Marketing Quarterly. 1994. № 3 (1). P. 15-24. URL: https://www.researchgate.net/publication/320597049_Industry_segmentation_theory_and_the_sport_in_dustry_Developing_a_sport_industry_segment_model (дата обращения: 01.10.2022).
7. Овчаров Д.О. Продвижение бренда компании в сфере спорта // Молодой учёный. 2018. № 9 (195). С. 89-92. <https://moluch.ru/archive/195/48610/>, <https://elibrary.ru/yreqnh>
8. Аширალი А.С., Дядов Г.И. Community-маркетинг как маркетинговая концепция // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 2 (42). С. 338-342. <https://elibrary.ru/bjmlze>
9. Агамерьянц А.А. Комьюнити-маркетинг // Студенческие научные исследования: материалы VIII Международ. науч.-практ. конф. 2021. С. 55-57. <https://elibrary.ru/gshstay>

References

1. Malygin A.V. Vvedenie v sportivnyi marketing [Introduction to sports marketing]. *Vestnik RMOU = Russian International Olympic University Herald*, 2012, no. 1 (2), pp. 32-45. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zuexzh>
2. Manoli A.E. Sport marketing's past, present and future. *Journal of Strategic Marketing*, 2018, vol. 26, no. 1, pp. 1-5. <https://doi.org/10.1080/0965254X.2018.1389492>
3. Prokhorov A.V. Match-day program as an instrument of communication between club and fans (on the example of football clubs). *Vestnik Voronezhskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika = Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2022, no. 4, pp. 138-142. (In Russ.) <https://elibrary.ru/igyyau>
4. Lednev V.A., Solntsev I.V. Entrepreneurship in sports industry: directions, innovations and support. *Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment = Strategic Decisions and Risk Management*, 2021, vol. 12, no. 3, pp. 252-261. (In Russ.) <https://doi.org/10.17747/2618-947X-2021-3-252-261>, <https://elibrary.ru/hjhdxe>
5. Savic Z., Randelovic N., Stojanovic N., Stankovic V., Siljak V. The sports industry and achieving top sports results. *Facta Universitatis. Series: Physical Education and Sport*, 2017, vol. 15, no. 3, pp. 513-522. <https://doi.org/10.22190/FUPES1703513S>
6. Pitts B.G., Fielding L.W., Miller L.K. Industry segmentation theory and the sport industry: Developing a sport industry segment model. *Sport Marketing Quarterly*, 1994, no. 3 (1), pp. 15-24. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/320597049> (accessed: 01.10.2022).
7. Ovcharov D.O. Prodvizhenie brenda kompanii v sfere sporta [Promotion of the brand of the company in the field of sports]. *Molodoi uchenyi [Young Scientist]*, 2018, no. 9 (195), pp. 89-92. (In Russ.) <https://moluch.ru/archive/195/48610/>, <https://elibrary.ru/yreqnh>
8. Ashirali A.S., Dyadov G.I. Community marketing as a marketing concept. *Skif. Voprosy studencheskoi nauki = Sciff. Questions of Students Science*, 2020, no. 2 (42), pp. 338-342. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bjmlze>
9. Agamer'yants A.A. Community marketing. *Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: «Studencheskie nauchnye issledovaniya» [Proceedings of the 8th International Scientific and Practical Conference: "Student Scientific Research"]*, 2021, pp. 55-57. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gshstay>

Информация об авторе

Прохоров Андрей Васильевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-1263-695X>, proh_and@rambler.ru

Вклад в статью: концепция исследования, научное консультирование, написание части текста, редактирование материала.

Попов Станислав Андреевич, сотрудник лаборатории теоретических и прикладных исследований рекламы, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-2957-0715>, popovstan@icloud.com

Вклад в статью: подбор первичного материала, поиск и анализ литературы, написание и оформление статьи.

Поступила в редакцию 26.10.2022
Одобрена после рецензирования 13.02.2023
Принята к публикации 17.02.2023

Information about the author

Andrey V. Prokhorov, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of Journalism, Advertising and Public Relations Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-1263-695X>, proh_and@rambler.ru

Contribution: study conception, scientific consulting, part of text drafting, material editing.

Stanislav A. Popov, Employee of the Laboratory for Theoretical and Applied Research of Advertising, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-2957-0715>, popovstan@icloud.com

Contribution: selection of primary material, literature search and analysis, manuscript drafting and design.

Received: October 26, 2022
Revised: February 13, 2023
Accepted: February 17, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 659.11+339.13

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-195-201>

Шифр научной специальности 5.9.9

Элементы геймификации в событийном маркетинге

Виктор Алексеевич РОМАШКИН

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ viktormoney1@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена специфика использования элементов геймификации в событийном маркетинге с позиций вовлечения и удержания участников специального события. Геймификация обозначена как использование игровых механик в неигровых ситуациях. Приемы геймификации используются в образовании, бизнесе, маркетинге. В системе продвижения приемы геймификации демонстрируют состоятельность в борьбе компаний и брендов за внимание аудитории. Уточнены границы понятий «игра» и «геймификация». Как показывает сложившаяся практика, геймификация может использоваться на различных стадиях реализации специального события: на этапе анонса, на стадии приветствия и знакомства участников перед началом мероприятия, элементы геймификации могут включаться в структуру отдельных блоков специального события. Геймифицированные решения могут использоваться при сборе обратной связи по завершении мероприятия. При использовании элементов геймификации в событийном маркетинге важно следовать ряду правил, а именно: геймификация должна нести понятную, достижимую актуальную для игрока цель; правила геймификации должны быть понятны участникам; геймификация должна иметь простые для выполнения задания; игровая механика должна полно и точно отражать прогресс игрока; нельзя процесс геймификации полностью превращать в игру и предлагать только виртуальные достижения за участие и т. д.

Ключевые слова: событийный маркетинг, специальное событие, геймификация, игра

Для цитирования: Ромашкин В.А. Элементы геймификации в событийном маркетинге // Неофилология. 2023. Т. 9. № 1. С. 195-201. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-195-201>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Gamification elements in event marketing

Viktor A. ROMASHKIN

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation
✉ viktormoney1@yandex.ru

Abstract. We consider the specifics of using gamification elements in event marketing from the standpoint of involving and retaining participants in special event. Gamification is defined as the use of game mechanics in non-game situations. Gamification techniques are used in education, business, and marketing. In the promotion system, gamification techniques demonstrate consistency in the struggle of companies and brands for the attention of the audience. The work clarifies the boundaries of the concepts of “game” and “gamification”. As the established practice shows, gamification can be used at various stages of the implementation of special event: at the stage of announcement, at the stage of greeting and meeting participants before the start of event, gamification elements can be included in the structure of individual blocks of special event. Gamified solutions can be used to collect feedback at the end of event. When using gamification elements in event marketing, it is important to follow a number of rules, namely: gamification should have a clear, achievable goal that is relevant for the player; gamification rules should be clear to participants; gamification should have simple tasks to complete; game mechanics should fully and accurately reflect the progress of the player; you cannot completely turn the gamification process into a game and offer only virtual achievements for participation, etc.

Keywords: event marketing, special event, gamification, game

For citation: Romashkin, V.A. Gamification elements in event marketing. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(1):195-201. (In Russ., abstract in Eng.) [https://doi.org/ 10.20310/2587-6953-2023-9-1-195-201](https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-195-201)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблемы вовлечения аудитории длительное время исследуются практически во всех областях научного знания, которые подразумевают работу с людьми: от педагогики до менеджмента. Множество научных работ посвящено теории мотиваций, психологии принятия решений и вопросам психоэмоционального вовлечения.

В контексте решения вопросов вовлечения аудитории в последнее десятилетие сформировалось новое направление, которое привлекло к себе внимание специалистов. Геймификация стала актуальной темой исследований учёных, попала в фокус внимания практиков. Относительно новая технология вовлечения стала новым флагманом пе-

дагогике, психологии, маркетинга, менеджмента. Со временем геймификация начала захватывать рынок и по оценкам Kenneth Research в 2019 г. его объём составлял 1 млрд долларов. Ожидается, что к 2028 г. эта сумма достигнет 58,8 млрд долларов в год¹.

В нашем исследовании мы рассмотрим основные трактовки понятия геймификации, специфику применения данной технологии в

¹ Gamification Market By Deployment (On premises, Cloud based, and Hybrid), Enterprise Size (Small and Medium Enterprises, and Large Enterprises), End User (Retail, Banking, Government, and Others), and Geography (North America, Europe, APAC, and RoW) “ Global Forecast up to 2025 // Kenneth Research. A Multiclient Market Research Database: website. URL: <https://www.kenneth-research.com/report-details/gamification-market/10094799> (accessed: 01.11.2022).

событийном маркетинге для повышения вовлечения аудитории. В рамках исследования будут выделены ключевые составляющие геймификации при организации событийного маркетинга, охарактеризовано их влияние на вовлечение аудитории.

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ВОВЛЕЧЕНИЯ

Само понятие «геймификация» подразумевает под собой игровые элементы и алгоритмы, используемые в неигровых процессах. Причём в каждой сфере трактовка геймификации может отличаться, но в целом её смысл не меняется и заключается в процессе адаптации неигровых ситуаций в игровые. В образовании, например, геймификация трактуется как метод повышения мотивации учащегося к образовательному процессу, как методика воспитания и обучения [1].

При определении содержания понятия «геймификация» необходимо отметить различия между понятиями «геймификация» и «игра». Очень часто на практике эти два термина отождествляют, создавая путаницу в терминах и подходах. Для чёткого разграничения этих двух понятий стоит обратиться к фундаментальным исследованиям понятия «игры». Й. Хёйзинга в своей книге «*Homo ludens*» («Человек играющий») привёл исчерпывающее понимание игры. Он определяет игру как «действие, протекающее в определённых рамках места, времени и смысла, в обозримом порядке, по добровольно принятым правилам и вне сферы материальной пользы и необходимости» [1]. Опираясь на это суждение, мы можем отметить, что цель игры – сам процесс и получение от этого процесса удовольствия.

Геймификация реализует гораздо более практичные цели, которые укладываются в понятие прибыли, эффективности, достижения материальных и ощутимых результатов. В процессе геймификации используются механики игры, к примеру, соревновательный аспект, или ролевой, но цель всегда ориентирована на получение результата. Исходя из этого, в ходе внедрения геймификации в любой процесс необходимо конкретизировать

цели и задачи, для чего в данный момент создаём игровую ситуацию.

Необходимо отметить ещё одно важное сходство понятия геймификации и игры, а именно отражение реальной действительности в упрощённой форме. Игра является фасилитированной формой взаимодействия, которая может копировать реальные системы. К примеру, детские экономические игры в «магазин», где средствами обмена выступают листья деревьев, заменяющие денежные знаки, а товаром то, что представляет минимальный интерес для ребёнка.

Геймификация использует тот же механизм упрощения, который заключается в создании фасилитированных моделей взаимодействия, вследствие чего можно наблюдать примеры экономических игр в образовательном процессе, или элемент рейтинга в крупных учреждениях.

Сам механизм вовлечения средствами геймификации строится как раз на упрощении и погружении в процесс игры. Из-за своей простоты и непринужденности он упрощает вовлечение аудитории в неигровое действие, а азарт и желание победить или получить какую-то выгоду стимулирует и вовлекает целевую аудиторию.

Таким образом, используя игровые механики, можно вовлекать, удерживать и мотивировать целевую аудиторию, что будет способствовать их участию в мероприятиях и процессах. Специалисты подчёркивают, что геймификация демонстрирует эффективность в работе с молодёжной аудиторией.

ГЕЙМИФИКАЦИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЯХ

В настоящее время геймификация применяется в таких областях, как образование, управление, маркетинг и др. Внедрение игровых практик будет эффективно в тех сферах, где требуется вовлечение и удержание аудитории.

В образовательных процессах перед педагогами стоит задача вовлечения аудитории, большую часть которой составляют школьники и студенты. Геймификация ответственна в работе с дошкольной аудиторией,

так как в этом возрасте ведущим видом деятельности является игра [1]. Геймификация применима во взаимодействии с более старшей аудиторией, но, следует отметить, чем старше человек, тем сложнее будет вовлечение в игру.

В образовании большое значение имеют требования аудитории к игре. Исследования Е.В. Ликсиной показывают, что 89 % респондентов считают, что система поощрений в процессе выполнения профессиональных функций повышает их приверженность при работе с учебным материалом [2]. При этом участники хотели бы сделать акцент на уровневую механику игры, рейтинговую систему и получение обратной связи. Таким образом, аудитория требует в первую очередь видения своего прогресса и его признания игровой системой (или организатором), через повышение уровня. Уровневая механика в приведенном исследовании понимается как прогрессия задач, через повышение сложности, с помощью которых участники игровой технологии могут отслеживать свой результат. Рейтинговая система – балльная оценка достижений участника, который отображается на общей таблице лидерства и стимулирует соревноваться с другими участниками. Часто за первые места в таблице лидеров участники получают награду, что и стимулирует их стараться лучше выполнять задачи и принимать участие в игре.

В настоящее время есть много примеров геймификации, начиная от простых упражнений в игровой форме и заканчивая полноценной деловой игрой, в которой игроки применяют роли. Приведём пару примеров:

– LearningApps – интернет-ресурс со множеством упражнений в игровом формате. Портал создан для поддержки обучения и не имеет самостоятельных образовательных модулей. Все упражнения рекомендуется только интегрировать в образовательный процесс и не использовать как отдельный учебный материал²;

– «Модель ООН» – глобальная ролевая игра, где участники применяют на себя роли

представителей разных стран и пытаются решить актуальные проблемы современности. Игра реализуется для школьников и студентов, где участники учатся разбираться в ключевых вопросах политики, мира и др.³

В управленческой деятельности с геймификацией дела обстоят несколько иначе, так как здесь задача не только обучить, но и мотивировать сотрудников к исполнению рабочих задач и повысить их эффективность. Сами элементы игры реализуются в формате тренингов либо внедряются в производственные процессы организации. При этом ключевые требования к игре сохраняются: добровольное участие и система поощрения (наград). Исследователи С.В. Ямщиков и М.П. Колечиц отмечают, что чаще всего в управленческой сфере используются рейтинговые системы и корпоративные конкурсы, в которых сотрудники могут соревноваться сами между собой, а также система наград за победу, включая виртуальные и материальные поощрения и выигрыши. Геймификация в таком подходе представляет комплекс мероприятий, направленных на совершенствование внутриорганизационного управления и дополняющих традиционные управленческие инструменты [3].

ГЕЙМИФИКАЦИЯ В МАРКЕТИНГЕ

В маркетинге, рекламе и связях с общественностью геймификация в первую очередь используется для продвижения товара или услуги, формирование, развитие и поддержание бренда, создание имиджа и привлечения новой аудитории [4; 5]. Причём внедрение игровых технологий происходит в цифровом, очном и гибридном формате.

А.А. Ревенко отмечает возможность сбора обратной связи при помощи проведения маркетинговых исследований, а также вовлечения целевых групп молодёжной аудитории [6].

Ярким примером геймификации в маркетинге можно отметить появление программ лояльности (система бонусов и скидок

² LearningApps.org: сайт. URL: <https://learningapps.org/impressum.php> (дата обращения: 10.10.2022).

³ Модель ООН: сайт. URL: <https://modelun.ru/> (дата обращения: 10.10.2022).

для постоянных клиентов) или кэшбэка (система процентного вознаграждения клиента за покупки), основанных на уровнях. Так реализуют свои программы сети франшиз «CoffeeLike», программа «СберСпасибо». Помимо этого, «Сбер» применяет технологию геймификации и в социальных сетях, предлагая участникам получать стикеры VK за участие в мини-викторинах, которые продвигают услуги банка.

Крупные сетевые ретэйлеры (например, «Магнит», «Пятёрочка») разрабатывали отдельные приложения под площадку социальной сети VK, в которых игроки проходили мини-квест, в конце которого они получали промокод на скидки в магазине и информировались о проходящих акциях.

И это лишь кейсы крупных компаний, которые не имеют нужды в повышении узнаваемости и направлены на повышение лояльности клиентов. Менее масштабные компании интегрируют геймифицированные элементы уже в программы привлечения новых клиентов, и на этом возможности геймификации не ограничены.

ГЕЙМИФИКАЦИЯ В СОБЫТИЙНОМ МАРКЕТИНГЕ

Очень часто геймификация используется не как самостоятельный инструмент продвижения и вовлечения, а как составляющая часть целого комплекса маркетинговой программы. Это в первую очередь относится к событийному маркетингу, где геймификация выступает способом вовлечения аудитории в само событие.

Рассматривая геймификацию как инструмент вовлечения участников в специальное событие, важно обозначить ключевые моменты. Специальные события различаются форматом и содержанием, и следует выделить в отдельную категорию те ивенты, в которых геймификация интегрирована в контекст мероприятий. К примеру, пробные квесты или викторины, в которых уже в самом сценарии заложен процесс игры и соревнования. В более масштабных мероприятиях, крупных пресс-конференциях или выставках, игровые элементы не лежат в основе меро-

приятия, но часто встречаются как отдельные активности.

Задачи у геймификации специального события могут быть следующие:

- вовлечение аудитории;
- удержание внимания аудитории;
- повышение узнаваемости;
- сбор обратной связи.

Геймификация может применяться уже на этапе продвижения самого мероприятия в целях привлечения потенциальной аудитории специального события. Так, телеканал «ТВ-3», будучи партнёром «VK Fest», устраивал розыгрыши билетов на фестиваль и других призов в эфире канала. Участники должны были смотреть программы телеканала. В случайное время на экране появлялся уникальный код, который они могли ввести и поучаствовать в розыгрыше. Телеканал решил две задачи: увеличение просмотров канала и информирование зрителей о фестивале.

Применение игровых механик можно наблюдать в организации welcome-зоны перед началом специального события. Участников, приходящих на мероприятие, необходимо как можно быстрее погрузить в событие, для чего также используются механики геймификации. К примеру, во время регистрации на молодёжной конференции «Траектория» в 2021 г. участникам предлагалось принять участие в лотерее, подписавшись на канал в Telegram и с помощью бота получить уникальный номер. На этом этапе сам конкурс не проводился, но он мотивировал участников дожидаться розыгрыша, который проходил каждый час, чтобы получить свой приз от партнёров мероприятия. Таким образом, организаторы создали сообщество участников, одновременно мотивировали не покидать мероприятие до финала, а компании-партнёры могли представить себя.

Геймификация может встраиваться как элемент вовлечения в ходе самого мероприятия, выступая в качестве отдельного элемента каждого блока мероприятия. В ходе мероприятия «SpeechUp» от Центра карьеры Державинского университета по окончании выступления спикеров участникам предлагалось задать вопрос. За лучший вопрос по мнению спикеров участники получали брэн-

дированные подарки. Таким образом, геймификация позволила активизировать аудиторию, вовлечь её в диалог со спикерами.

Геймификация может быть включена в программу специального события и являться полностью самостоятельным элементом, повышая узнаваемость бренда, создавая позитивные эмоции через игру. Чаще всего это реализуется в формате отдельных викторин, квестов, ролевых игр и т. д.

В качестве примера можно привести викторину от «Клуба интеллектуальных игр Державинского» Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, организованную в рамках «Недели первокурсника». В задачи этого блока входило формирование представлений о клубе, об активностях в Державинском университете, информировании о студенческих сообществах.

Важно уделить внимание высокому уровню информационного сопровождения по окончании мероприятия. В этом случае геймификация чаще всего используется для сбора обратной связи, причём форматы могут отличаться: от обычной лотереи после мероприятия и до конкурса отзывов.

Во всех вышеизложенных примерах сохраняются как элемент игры, так и конкретные цели, для достижения которых используется геймификация. Важно отметить необходимость сохранять баланс между игрой и реальностью. Геймификация позволяет мотивировать и вовлекать, но для эффективного вовлечения необходима конкретная цель. Как отмечают авторы книги «Вовлекай и власт-

вуй» К. Вербах и Д. Хантер, все виртуальные награды, рейтинги и таблицы являются лишь аналогами реальных достижений, к которым стремится человек, в том числе и на мероприятии [7].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучив примеры, мы можем выделить несколько основных правил реализации геймификации:

- геймификация должна нести понятную, достижимую актуальную для игрока цель;
- правила геймификации должны быть понятны игроку;
- геймификация должна иметь простые для выполнения задания;
- игровая механика должна полно и точно отражать прогресс игрока;
- в геймификации игрок должен получить материальную награду;
- нельзя процесс геймификации полностью превращать в игру и предлагать только виртуальные достижения за участие;
- игра должна быть ограничена по механике взаимодействия в рамках правил.

Геймификация может реализовываться как в цифровом формате, так и комбинированном (гибридном), что позволяет увеличить охваты и вовлечённость аудитории. Элементы геймификации являются очень мощным средством вовлечения и мотивации аудитории, но существует необходимость постановки конкретных задач.

Список источников

1. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с. URL: <https://mymap-life.ru/wp-content/uploads/2013/09/Йохан-Хейзинга—Человек-играющий.pdf>
2. Ликсина Е.В. Исследование пользовательских требований к геймификации процесса обучения // Человек, общество, образование: состояние, проблемы и пути их решения: сб. материалов VI Международ. науч.-практ. конф. Прага, 2021. С. 86-89. <https://elibrary.ru/hhsnuw>
3. Ямицков С.В., Колечиц М.П. Геймификация как новая управленческая технология // Социосфера. 2021. № 1. С. 109-112. <https://elibrary.ru/znsqjb>
4. Прохоров А.В. Геймификация как инструмент повышения вовлеченности аудитории социальных сетей университета // Нефилология. 2022. Т. 8. № 1. С. 137-143. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-137-143>, <https://elibrary.ru/tdijgg>
5. Курганова Е.Б. Типология геймифицированных решений в современной практике PR // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 2. С. 112-114. <https://elibrary.ru/bqftwc>

6. Ревенко А.А. Геймификация как инструмент продвижения массмедиа и медиаманипулирования // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2021. № 1. С. 346-358. <https://doi.org/10.37691/2311-5351-2021-0-1-346-358>, <https://elibrary.ru/dnyuw1>
7. Вербак К., Хантер Д. Вовлекай и властвуй. Игровое мышление на службе бизнеса. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 224 с. URL: <http://www.ds45.detkin-club.ru/editor/2169/files/воспитательгода/москoвeц/cdfc60370c1f412552923fa958803094.pdf>

References

1. Kheizinga I. *Homo ludens. Chelovek igrayushchii* [Homo Ludens]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publishing House, 2011, 416 p. (In Russ.) Available at: <https://mymap-life.ru/wp-content/uploads/2013/09/Iokhan-Kheizinga---Chelovek-igrayushchii.pdf>
2. Likhsina E.V. Issledovanie pol'zovatel'skikh trebovaniy k geimifikatsii protsessa obucheniya [Study of user requirements for the gamification of the learning process]. *Sbornik materialov 6 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Chelovek, obshchestvo, obrazovanie: sostoyanie, problemy i puti ikh resheniya»* [Collection of Materials of the 6th International Scientific and Practical Conference “Human, Society, Education: State, Problems and Ways to Solve them”]. Prague, 2021, pp. 86-89. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hhsnuw>
3. Yamshchikov S.V., Kolechits M.P. Gamification as a new management technology. *Sotsiosfera = Sociosphere*, 2021, no. 1, pp. 109-112. (In Russ.) <https://elibrary.ru/znsqjb>
4. Prokhorov A.V. Gamification as a tool for increasing the engagement of the university social media audience. *Neofilologiya = Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 137-143. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-137-143>, <https://elibrary.ru/tidjgg>
5. Kurganova E.B. Classification of game technologies in modern PR-practice. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistsika = Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2020, no. 2, pp. 112-114. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bqftwc>
6. Revenko A.A. Gamification as a tool for promoting mass media and media manipulation. *Vestnik Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo institute = Herald of Moscow Humanitarian Economic University*, 2021, no. 1, pp. 346-358. (In Russ.) <https://doi.org/10.37691/2311-5351-2021-0-1-346-358>, <https://elibrary.ru/dnyuw1>
7. Verbakh K., Khanter D. *Vovlekai i vlastvui. Igrovoe myshlenie na sluzhbe biznesa* [For the Win: How Game Thinking Can Revolutionize Your Business]. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2015, 224 p. (In Russ.) Available at: <http://www.ds45.detkin-club.ru/editor/2169/files/воспитательгода/москoвeц/cdfc60370c1f412552923fa958803094.pdf>

Информация об авторе

Ромашкин Виктор Алексеевич, специалист Центра карьеры, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-7710-1211>, viktormoney1@yandex.ru

Вклад в статью: идея и концепция исследования, поиск и анализ научной литературы, обзор зарубежного и отечественного опыта, анализ актуальных тенденций, написание и оформление текста статьи.

Поступила в редакцию 12.11.2022
Поступила после рецензирования 08.02.2023
Принята к публикации 17.02.2023

Information about the author

Viktor A. Romashkin, Career Center Specialist, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-7710-1211>, viktormoney1@yandex.ru

Contribution: study idea and conception, scientific literature search and analysis, foreign and domestic experience review, current trends analysis, manuscript text drafting and design.

Received: November 12, 2022
Revised: February 08, 2023
Accepted: February 17, 2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 008+712.3

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-202-210>

Шифр научной специальности 5.10.1

А.Т. Болотов и создание новых концепций садово-паркового искусства в России (к проблеме трансферта европейских садоводческих практик на русскую «почву»)

Руслан Магометович ЖИТИН , Алексей Геннадьевич ТОПИЛЬСКИЙ
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
 a-topil@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрен вклад А.Т. Болотова в создание и развитие паркового искусства в Российской империи второй половины XVIII века. Проанализированы вопросы распространения в России европейской литературы, посвящённой созданию рекреационных зон и агротехники, её влияние на развитие отечественных парков. Охарактеризована концепция миропонимания А.Т. Болотова, при которой испытываемые субъектом ощущения или внутренние состояния вызывались вовсе не внешними (материальными) раздражителями, а внутренним, «душевым» миром человека, становящегося в итоге способным отличать добро от зла, нравственность от аморальности. Таким образом, именно душа индивида придавала устойчивую форму ощущениям и формировала склад мировоззрения. Эту мысль учёный неоднократно развивал в своём творчестве. По мнению А.Т. Болотова, особенно сильно воздействовали на внутренний («чувственный») мир человека три вещи: чтение литературы, хорошая беседа и созерцание природы. Осмысление этих занятий побудило А.Т. Болотова к увлечению садово-парковым искусством, являющимся приложением всех чувственных устремлений человека. Отмечено, что тщательность изучения садово-паркового искусства и проверка его в условиях своего поместья обеспечили создание собственной практики российских парков, при которой А.Т. Болотов описывал способы отбора качественных семян, методики обработки почвы, обращал внимание на сроки посадки растений, особенности их прививки.

Ключевые слова: дворянские библиотеки, домашнее чтение, Просвещение, усадьбы, книжная культура, Российская империя, Центральное Черноземье

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (Проект № 22-28-01964).

Для цитирования: *Житин Р.М., Топильский А.Г.* А.Т. Болотов и создание новых концепций садово-паркового искусства в России (к проблеме трансферта европейских садоводческих практик на русскую «почву») // Нефилология. 2023. Т. 9. № 1. С. 202-210. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-202-210>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

A.T. Bolotov and the creation of new concepts of landscape gardening in Russia (on the problem of the transfer of European horticultural practices to the Russian “soil”)

Ruslan M. ZHITIN , Aleksey G. TOPILSKY

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation
 a-topil@yandex.ru

Abstract. We examine the contribution of A.T. Bolotov to the creation and development of park art in the Russian Empire in the second half of the XVIII century. The issues of the dissemination of European literature in Russia devoted to the creation of recreational areas and agricultural technology, its impact on the development of domestic parks are analyzed. The concept of the worldview of A.T. Bolotov is characterized. Bolotov, in which the sensations or internal states experienced by the subject were caused not by external (material) stimuli at all, but by the inner “spiritual” world of a person who eventually becomes able to distinguish good from evil, morality from immorality. Thus, it was the soul of the individual that gave a stable form to sensations and formed the warehouse of the worldview. The scientist has repeatedly developed this idea in his work. According to A.T. Bolotov, three things had a particularly strong effect on the inner (“sensual”) world of a person: reading literature, good conversation and contemplation of nature. The comprehension of these classes prompted A.T. Bolotov to become interested in landscape art, which is the application of all human sensual aspirations. It is noted that the thoroughness of the study of landscape gardening and its verification in the conditions of his estate ensured the creation of his own practice of Russian parks, in which A.T. Bolotov described methods of selecting high-quality seeds, methods of tillage, paid attention to the timing of planting plants, the features of their grafting.

Keywords: noble libraries, home reading, Enlightenment, estates, book culture, Russian Empire, Central Chernozem region

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 22-28-01964).

For citation: Zhitin, R.M., & Topilsky, A.G. A.T. Bolotov and the creation of new concepts of landscape gardening in Russia (on the problem of the transfer of European horticultural practices to the Russian “soil”). *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(1):202-210. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-202-210>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Классическая историография изучает состояние провинциальной культуры дореволюционной России через анализ истории отдельных социальных групп и публичных организаций. Это важная, совершенно необходимая, но не единственная линия исследова-

ний информационной среды. Для успешной верификации проблем развития регионов надо учитывать факторы, которые носили скрытый, глубинный характер. К важнейшим из них можно отнести практики сохранения и воспроизводства читательских традиций, обеспечивающих формирование новаторских подходов и практик. Как известно, широкое

распространение в России идей Просвещения и нового политического мышления было обусловлено проникновением в страну новых европейских концепций [1]. Западная литература играла важную роль в проводимой модернизации, оказывалась своего рода посредником и транслятором инновационных положений, знаний, практических навыков [2]. Одновременно книжная грамотность и осведомлённость выступали инструментом реформирования, являлись источником рецепции замыслов европейских просветителей. Локальные данные об этих процессах весьма ограничены. В связи с этим огромное значение для исследования российской модернизации приобретает анализ читательской культуры и библиотечных собраний дворянского сословия – интеллектуальной элиты дореволюционного общества. Включение данного пласта документов важно для осмысления «идейного наполнения» русской культуры эпохи Просвещения и роли Запада в этих процессах.

Особую роль иностранная литература играла в социально-экономической жизни Центрально-Чернозёмного региона. Несмотря на провинциальность и невысокий уровень книжной культуры на территории края, в конце XVIII – начале XX века местные ценители печатной книги – владельцы усадебных библиотек – сумели собрать в своих имениях богатые коллекции зарубежной литературы [3]. Этому способствовали два важнейших фактора. Первый – аграрное Черноземье выступало одной из важнейших площадок рационализации крупного землевладения, требовавшего накопления специальных знаний, умений, навыков в области сельскохозяйственной новатки. Второй – большое влияние на культурную динамику края оказывали выдающиеся деятели, создававшие условия для форсированного развития просвещения и образования в регионе. Переплетение двух факторов (объективного и личностного) и привело к формированию в регионе уникальной социокультурной среды, характеризующейся высоким уровнем развития частных библиотек, значительным распространением книг.

Сложившиеся условия, в свою очередь обеспечивая трансферт просветительских идей и практик в разные сферы экономической и культурной деятельности чернозёмных помещиков, создавали условия для дальнейшего социально-экономического развития провинции. Изучение данных процессов ещё не стало трендом российской историографии, тем не менее анализ читательских традиций провинциального дворянства и репертуара созданных ими библиотек позволяет выявить источники социокультурной трансформации отдельных групп высшего сословия, лучше понять факторы модернизации помещичьих владений.

На внимание к проблеме личных библиотек дворянства в значительной мере влияет недостаток источниковой базы [4]. О мире книжности помещиков сохранилось мало сведений: не все владельческие коллекции уцелели после революции и гражданской войны, их каталогизирование происходило в единичных случаях, проблемы чтения и репертуара собраний относительно редко затрагивались в повседневной переписке или мемуарном наследии помещиков [5].

В этой связи целью исследования является анализ сохранившихся воспоминаний видных представителей дворянства, позволяющий на микроуровне проследить особенности формирования их библиотечных подборок, специфику практического освоения книжных знаний. Литературные наброски и мемуарные произведения дворянина А.Т. Болотова дают прекрасную возможность для исследования читательской культуры высшего сословия на микроуровне, позволяют изучить роль книги в их повседневной хозяйственной деятельности¹.

¹ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793 гг.: в 4 т. СПб.: Печатня В.И. Головина, 1871–1873. Т. 1, ч. 1-7. 1871. 1017 стб.; Т. 2, ч. 8-14. 1120 стб.; Т. 3, ч. 15-21. 1244 стб.; Т. 4, ч. 22-29. 1330 стб. URL: <http://prussia.online/books/zhizn-i-priklucheniya-andreya-bolotova>

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Становление мировоззрения А.Т. Болотова. А.Т. Болотов вошёл в историю русской культуры как человек энциклопедического склада ума и инновационного мышления. В каждой из многочисленных сфер своей деятельности он формировал инновационную среду. А.Т. Болотов был автором философских трудов, профессионально изучал проблемы сельскохозяйственных наук, интересовался лесоводством и занимался этическими и педагогическими вопросами. В его творческом наследии более 350 томов исследовательских сочинений, в которых обосновывались уникальные решения в сфере аграрного производства, полеводства, садового искусства, и сейчас не потерявшие свою актуальность². Являясь одним из самых образованных людей своего времени, он не забывал о популяризации знаний. При его участии были подготовлены и стали выходить первые русские сельскохозяйственные журналы: «Сельский житель» (1778–1779) и «Экономический магазин» (1780–1789) [6].

Значительное место в творчестве А.Т. Болотова занимает мемуарное наследие. Алексей Тимофеевич был автором многотомных автобиографических «Записок», над написанием которых он работал около тридцати лет (с 1789 по 1816 г.). Созданный им труд даёт исчерпывающее представление о состоянии сельского хозяйства конца XVIII века, быте дворянского сословия, столичной и провинциальной жизни, уточняет биографию и мотивы деятельности самого автора.

А.Т. Болотов родился 18 октября 1738 г. в семье мелкопоместного дворянина Т.П. Болотова. Своё детство и юность он провёл в родовом селе Дворянинове Алексинского уезда Тульской губернии. Здесь он получил домашнее образование, причём арифметику, историю и географию, немецкий и французский языки ему преподавал отец. Не пренебрегал будущий агроном и самообразованием. Со временем изучение книг становится главным занятием. Особенно запомнились ему

«Похождения Телемака», позволившие получить объёмные сведения «о мифологии, о древних войнах и обыкновениях, о Троянской войне». По воспоминаниям самого А.Т. Болотова, эта книга стала «первым камнем, положенным в фундаменте будущей учёности»³.

В 12 лет А.Т. Болотова отдали в Петербургский частный пансион. Однако здесь он проучился всего несколько месяцев и, вернувшись в деревню, решил поступить на военную службу (1757 г.). Начавшуюся Семилетнюю войну А.Т. Болотов встретил в Кёнигсберге, где служил в качестве переводчика официальных бумаг в канцелярии генерала Н.А. Корфа. Одновременно он продолжает самообразование, знакомится с местной профессурой, много читает. Указ «О вольности дворянской» мемуарист встретил с особым воодушевлением. В 1762 г. А.Т. Болотов подал в отставку и поселился в своём имении.

Как продукт своей эпохи, А.Т. Болотов был приверженцем гуманистических взглядов и позиций. В основе его мировоззрения лежали идеи Иоганна Георга Зюльцера (1720–1779), немецкого философа, с творчеством которого он познакомился ещё в Кёнигсберге.

Главным в воззрениях А.Т. Болотова стало понятие «чувство» (Empfindsamkeit), рассматриваемое им в качестве особой (духовной) способности к миропониманию. При этом испытываемые субъектом ощущения или внутренние состояния вызывались вовсе не внешними (материальными) раздражителями, а внутренним, «душевым» миром человека, становящегося в итоге способным отличать добро от зла, нравственность от аморальности. Таким образом, именно душа индивида придавала устойчивую форму ощущениям и формировала склад мировоззрения. Эту мысль учёный неоднократно развивал в своём творчестве. По мнению А.Т. Болотова, особо сильно воздействовали на внутренний («чувственный») мир человека три вещи: чтение литературы, хорошая беседа и созерцание природы. Осмысление этих занятий побудило А.Т. Болотова к увлечению садово-парковым искусством, являю-

² Глаголева О.Е. А.Т. Болотов – учёный, писатель, энциклопедист // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 3-16. URL: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=8589

³ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 1, ч. 1-7. 1871. Стб. 227.

щимся приложением всех чувственных устремлений человека⁴.

Важность садово-паркового искусства была подмечена А.Т. Болотовым ещё в Пруссии. Описывая своё времяпрепровождение в Кёнигсберге, он не раз отмечал «особливое удовольствие» от «садов и гульбищ», в которых можно было пить «чай или кофей и препровождать всё остальное время в играх в кегли и фортуна». Особенно автору нравилось «тихое, кроткое и безмятежное обхождение» посетителей садовых зон и «вежливость, оказываемая всеми»⁵.

Эстетика живой природы и формы её благоустройства не только оказывали существенное воздействие на впечатлительную натуру, но и формировали тягу к творчеству. А.Т. Болотов неоднократно вспоминал, как «выносил с собою туда столик» и, «любясь красотою места, упражнялся либо в чтении какой-нибудь приятной и полезной книжки, либо в писании чего-нибудь себе в науку и в наставление»⁶. Пребывание в Кёнигсберге, таким образом, открывало для автора источник вдохновения. В городе Канта он начинает записывать свои практические наблюдения, интересоваться различными этическими и педагогическими вопросами, слушает лекции в местной библиотеке. Важной частью деятельности становится чтение произведений передовых европейских просветителей и закупки новой сельскохозяйственной литературы.

В Кёнигсберге А.Т. Болотов приходит к идее по изменению садово-парковой зоны в своём родом имении. Задумав «расширить один из дворянских садов», он нарисовал «порядочный план, раскрасил его красками, сделал подробнейшее наставление [служащим имения], где и что садить, и где какие деревья и кустарники располагать»⁷. Хотя предпринятая работа и была первым опытом А.Т. Болотова в парковом искусстве, тем не менее все деревья были посажены «довольно

порядочно», а сама зелёная зона в последующем стала «основанием для большого сада» в поместье⁸.

Создание садово-парковых зон в России. После ухода с военной службы и переезда в родовом имении А.Т. Болотов не оставляет увлечения садоводством. Прямо в пути из Кёнигсберга он «многажды помышлял о том, как бы поправить сад и привести его в такое состояние, чтоб можно было с удовольствием проводить время в сельском уединении». Для ответа на данный вопрос А.Т. Болотов «запасся несколькими иностранными, до садоводства относящимися, книгами», из которых он «вознамеривался учиться садоводческому искусству»⁹.

Однако первый опыт оказался неудачным. Виной всему стало излишнее внимание к зарубежной литературе. «Писанные не на наш климат и по не нашим обстоятельствам», эти книги вводились «в лабиринты погрешностей и ошибок»¹⁰.

Однако неудачи не сломили начинающего садовода. Более глубокое осмысление собственной деятельности обуславливало более серьёзное отношение к делу. А.Т. Болотов начинает изучать вопросы привития и посадки растений, выстраивает приоритеты хозяйственной деятельности. В этом ему помогало «прилежное чтение иностранных и всех экономических книг, какие только попадались в руки», а также выделение в прочитанном сельскохозяйственной инноватики, практическое «упражнение в разных частях сельского домоводства»¹¹.

В части теории А.Т. Болотов обратил внимание на первоначально второстепенное для него «ботанизирование» (авторский термин). С наступления весны «отыскивал везде в садах, полях, лесах, лугах и в самых усадьбах всё новые и мне ещё неизвестные травы, и при помощи своей ботанической книги» приступал к их изучению¹². В результате ав-

⁴ Веселова А.Ю. Пространство пейзажного парка в трудах А.Т. Болотова. URL: <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=217> (дата обращения: 02.08.2022).

⁵ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 1, ч. 1-7. 1871. Стб. 859-861.

⁶ Там же. Стб. 889.

⁷ Там же. Стб. 975.

⁸ Там же.

⁹ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 2, ч. 8-14. Стб. 314-315.

¹⁰ Там же. Стб. 343.

¹¹ Там же. Стб. 558.

¹² Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 3, ч. 15-21. Стб. 513.

тор «познакомился в оный почти со всеми в наших местах самородно растущими травами»¹³. Вторым аспектом стало изучение методик привития растений для получения качественного садового материала. Выполнение этой задачи не было простым делом. Ботанические улучшения в конце XVIII века ещё не вошли в хозяйственную практику русских помещиков [7, с. 226-229]. По наблюдениям современников в Туле, как и в других местах России отсутствовала великая торговля улучшенными произведениями, так что этому искусству «пришлось учиться из книг, а не от других людей»¹⁴.

Результатом работы А.Т. Болотова стала подготовка первого в России труда по помологии «Изображения и описания разных пород яблок и груш, родящихся в Дворяниновских, а отчасти и в других садах» (1797–1800, 7 томов), в котором он описал более 600 сортов яблочных насаждений и способов их прививки. Одновременно им было подготовлено практическое руководство по морфологии лекарственных растений, основанное на собственном опыте «ботанизирования» [8].

Огромный объём прочитанной литературы и первые садоводческие успехи вызывали потребность поделиться опытом. В 1765 г. было основано Вольное экономическое общество (ВЭО), главной целью которого стал поиск новых форм ведения сельского хозяйства, повышения уровня агрономических знаний населения [9, с. 104-105]. Для выявления потребностей отечественного аграрного сектора общество подготовило специальные анкеты для помещиков. Заинтересованным в передаче опыта и новых знаний А.Т. Болотов завязал переписку с членами организации. В итоге им было подготовлено 28 статей, опубликованных затем в Трудах ВЭО.

Видя уозсть читательской аудитории Трудов Вольного экономического общества, А.Т. Болотов принял решение издавать собственный сельскохозяйственный журнал. Первые выпуски этого издания выходили под названием его «Сельский житель. Экономическое в пользу сельских жителей слу-

жащее издание». В 1780 г. журнал стал приложением к газете «Московские ведомости» под названием «Экономический магазин». За 10 лет (1780–1789) было выпущено более 40 томов изданий, ставших своеобразной энциклопедией сельского хозяйства дореволюционной России.

В своих статьях А.Т. Болотов подробно описывал способы отбора качественных семян, методики обработки почвы, обращал внимание на сроки посадки растений, особенности их прививки, обосновывал необходимость борьбы с сорняками и вредителями [10, с. 18]. Собранный Андреем Тимофеевичем материал расширил фактическое наследие русской агротехники, продемонстрировал важность правильной постановки хозяйства в имениях.

Познания А.Т. Болотова в сельском хозяйстве оценила сама Екатерина II. В 1774 г. она поручает ему управление дворцовым имуществом в Богородицкой и Бобриковской волостях (Тульская губерния). Новый пост требовал переезда в г. Богородицк, откуда А.Т. Болотов должен был вести наблюдение за царской собственностью. Не довольствуясь точным исполнением своих обязанностей, А.Т. Болотов рационализировал хозяйство поместий, преобразил императорский дворец и местную церковь. Одновременно он продолжил свои садоводческие эксперименты. Именно здесь им был создан Богородицкий сад – один из прекраснейших пейзажных парков России¹⁵.

Закладка нового парка означала изменение и взгляда на окружающий мир. Переход от регулярного стиля, основанного на прямых линиях и гармонии пропорций, к естественному пейзажу обозначал смену зримой парадигмы пространства. А.Т. Болотов восхищался родными пейзажами и стремился использовать сильные стороны естественного убранства природы. Считая, что «русские сады природою и искусственными украшениями не уступают ни английским, ни французским, ни итальянским», он искал возможность создания национального типа парка,

¹³ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 3, ч. 15-21. Стб. 513..

¹⁴ Там же.

¹⁵ Глаголева О.Е. А.Т. Болотов – учёный, писатель, энциклопедист... С. 5.

который бы «способствовал всем местным «обстоятельствам», реальным, а не выдуман-ным потребностям»¹⁶. В замечаниях по паркостроению А.Т. Болотов призывал быть «осторожными и не спешить никак перени-мать манеры у других, а паче испытать про-изводить сады собственного своего вкуса, и такие, которые бы, колико можно, сообраз-нее были с главнейшими чертами нашего нравственного характера» [11, с. 145].

Чтение тематических книг и их рецепция стали главной причиной перемен в болотов-ском восприятии садового искусства. Опи-сывая своё времяпрепровождение в Богоро-дицком, он неоднократно упоминал «изуче-ние новокупленных книг» как главную фор-му осмысления паркового строительства¹⁷. «Особую очаровали» его монографии Г. Гир-шфельда, видного немецкого теоретика садо-водства эпохи Просвещения, предлагающего считать сады «публичными монументами наций», выразителями характера отдельных народов. Взгляды немецкого специалиста заставили А.Т. Болотова пересмотреть своё отношение к регулярным насаждениям. «И как до сего времени я любил сады регуляр-ные, писал он в своих воспоминаниях, – так, напротив того, в сие время их совсем разлюбил и получил вкус в садах новых, названных садами иррегулярными, натуральными»¹⁸.

Обосновывая идею национальных пар-ков, А.Т. Болотов показывал преимущества использования отечественных сортов деревь-ев, кустарников, трав, наиболее адаптиро-ванных для формирования благоустроенного пространства. Одновременно он представил концепт включения в зелёные зоны сплош-ных лесных массивов. Для этого предполагалось использовать систему продуманных троп и просек. По его мнению, парковое ис-кусство должно было «подражать натуре и всем вещам придавать красоты, более сооб-разные натуральным»¹⁹.

¹⁶ Делиль Ж. Сады, или Искусство украшать сель-ские виды / пер. А. Воейкова. Спб.: В Медицинской тип., 1816. С. 163.

¹⁷ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Бо-лотова... Т. 3, ч. 15-21. Стб. 1117.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Освоив теоретические знания, А.Т. Бо-лотов приступил к их практическому вопло-щению. При этом всё своё время он прово-дил в работе. «Одна заря меня выгоняла из дому, а другая вгоняла», – писал он [11, с. 145]. Правильной постановке дела способ-ствовал и продуманный план благоустройст-ва зелёной зоны, разработанный А.Т. Боло-товым в 1784 г. Основная часть предложен-ного проекта заключала в себе акварели бу-дущих мест благоустройства. Созданные ри-сунки формировали визуальные зелёные на-саждения, определяли экстерьер и интерьеры разных частей садовой части. При этом, про-думывая проект, он «советовался с натураль-ным положением места» и делал не то «что хотелось», «а то, к чему удобнее и способнее быть месту»²⁰.

Созданный парк в полной мере отвечал идее гармонии человека и природы. Садовая зона строилась как театральное зрелище, в котором одни живописные картины должны были сменяться другими. Внимание устраи-телей к деревьям отечественной флоры по-зволяло добиться интересных сочетаний. В парке соседствовали осина, груша, ветла, ря-бина, сирень и акация. Автором было де-тально продумано расположение искусст-венных водоёмов и водопадов, создающих эффектные шумовые наполнения.

Проделанная работа впечатлила Екате-рину II. За труды по управлению А.Т. Боло-тов был удостоен Высочайшего благоволе-ния и награждён чином коллежского асессо-ра. Однако важнее было утверждение новой идеи паркостроения, символизировавшей отказ от французского регулярного стиля и выработка самобытных форм паркового ис-кусства. В результате творение А.Т. Болотова получило широкую известность не только в России, но и за рубежом. Его посещало ог-ромное количество людей, желающих насла-диться оригинальными пейзажными реше-ниями благоустройства.

После кончины Екатерины II её родовые имения были переданы графу А.Г. Бобринско-му, находящемуся с А.Т. Болотовым в натяну-тых отношениях. В конце концов, А.Т. Боло-

²⁰ Там же. Стб. 1162-1165.

тов отказался от управления царскими поместьями и вернулся в своё имение [11, с. 154].

Деятельность А.Т. Болотова прекрасно иллюстрирует сложный процесс трансферта в Россию западных идей посредством рецепции книжного наследия. Его увлечение садово-парковым искусством показывает, насколько важным для процесса модернизации являлось чтение зарубежной литературы, позволяющей обратить внимание на те проблемы, которые не находили своего решения в стране. При этом главным фактором переноса иностранных идей на русскую почву, помимо чтения

текстов, являлось созерцание и практическая адаптация полученной информации. В тиши провинциальной жизни, основываясь на лучших трудах европейских просветителей, А.Т. Болотов смог трансформировать теоретические концепты садово-паркового искусства (прежде всего И.Г. Зульцера) под русские реалии. В результате этого им был создан оригинальный пейзажный парк в Богородицком. Прделанная работа заложила основы пейзажных форм отечественного паркостроения, став отправной точкой новых концептов и теорий садового искусства.

Список источников

1. Овшинов А.Н. Эволюция представлений о генезисе политической мысли в России: дооктябрьский период // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 1 (37). С. 155-166. <https://elibrary.ru/yupacl>
2. Коковин И.С. Историография проблемы рецепции идей западноевропейского просвещения в России XVIII в. // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12. № 2-1. С. 214-228. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-214-228>, <https://elibrary.ru/hxwbxk>
3. Житин Р.М., Патрина Л.Н., Сабетова М.В. Книгоиздание на территории Тамбовского края в конце XVIII в. как фактор формирования книжной культуры дворянства // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XXI вв.: материалы 6 Междунар. науч. конф. Липецк, 2019. С. 104-109. <https://elibrary.ru/xewkkt>
4. Ильина О.Н. Личные библиотеки как источник по истории культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры и искусств. 2003. № 1 (1). С. 63-69. <https://elibrary.ru/odvjcf>
5. Патрина Л.Н., Житин Р.М., Топильский А.Г. Национализация книг тамбовских имений в 1918–1920 гг. // 9 Бартевские чтения: материалы Всерос. науч. конф. Липецк, 2020. С. 307-313. <https://elibrary.ru/fxqbkz>
6. Веселова А.Ю. Журналы А.Т. Болотова «Сельский житель» и «Экономический магазин»: история издания // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2017. № 5. С. 124-150. <https://elibrary.ru/ztpkjb>
7. Лёвшин В.А. Топографическое описание Тульской губернии. Тула: Пересвет, 2006. 391 с. <https://elibrary.ru/qkgfst>
8. Болотов А.Т. О лекарственных травах. М.: [б. и.], 2010. 334 с. <https://elibrary.ru/qlyhxd>
9. Лукичёв П.М. Императорское Вольное экономическое общество как первая общественная организация России // Экономическое возрождение России. 2015. № 4 (46). С. 104-106. <https://elibrary.ru/vhgssj>
10. Гулянов Ю.А. У истоков «умного землепользования» в России: Андрей Тимофеевич Болотов // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2019. № 2 (76). С. 16-20. <https://elibrary.ru/hwnbir>
11. Чекмарёв В.М. Вклад А.Т. Болотова в закрепление теории и практики английского пейзажного садоводства на русской почве // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2012. № 4. С. 143-154. <https://elibrary.ru/oijmsl>

References

1. Ovshinov A.N. The evolution of ideas about the emergence of political thought in Russia: pre-revolutionary period. *Vestnik Kalmytskogo universiteta = Bulletin of Kalmyk University*, 2018, no. 1 (37), pp. 155-166. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yupacl>
2. Kokovin I.S. Historiography of the problem of reception of western european education ideas in the 18th century Russia. *Idey i ideally = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, no. 2-1, pp. 214-228. (In Russ.) <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-214-228>, <https://elibrary.ru/hxwbxk>

3. Zhitin R.M., Patrina L.N., Sabetova M.V. Knigozdaniye na territorii Tambovskogo kraya v kontse XVIII v. kak faktor formirovaniya knizhnoy kul'tury dvoryanstva [Book publishing on the territory of the Tambov region at the end of the 18th century. as a factor in the formation of the book culture of the nobility]. *Materialy 6 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Rossiyskaya gosudarstvennost' v litsakh i sud'bakh eye sozidateley: 9–21 vv.»* [Proceedings of the 6th International Scientific Conference “Russian Statehood in the Faces and Fates of the Creators Eyes: 9–21 Centuries”]. Lipetsk, 2019, pp. 104-109. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xewkkt>
4. Ilina O.N. Personal libraries as a source on the history of culture. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture and Arts], 2003, no. 1 (1), pp. 63-69. (In Russ.) <https://elibrary.ru/odvjcf>
5. Patrina L.N., Zhitin R.M., Topilsky A.G. Natsionalizatsiya knig tambovskikh imeniy v 1918–1920 gg. [Nationalization of books of Tambov estates in 1918–1920]. *Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «9 Bartenevskiy chteniye»* [Proceedings of All-Russian Scientific Conference “The 9th Bartenev Readings”]. Lipetsk, 2020, pp. 307-313. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fxqbkz>
6. Veselova A.Y. A.T. Bolotov's journals “Selsky zhitel” and “Economicheskyy magazin”: the history of their publication. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika = Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism*, 2017, no. 5, pp. 124-150. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ztpkjb>
7. Levshin V.A. *Topograficheskoye opisaniye Tul'skoy gubernii* [Topographic Description of the Tula Governorate]. Tula, Peresvet Publ., 2006, 391 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qkgfst>
8. Bolotov A.T. *O lekarstvennykh travakh* [About Medicinal Herbs]. Moscow, 2010, 334 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qlyhxd>
9. Lukichev P.M. Imperial free economic society as the first public organization in Russia. *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii = Economic Revival of Russia*, 2015, no. 4 (46), pp. 104-106. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vhgssj>
10. Gulyanov Y.A. At the origins of “reasonable land use” in Russia: Andrey Timofeyevich Bolotov. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Reports of the Orenburg State Agrarian University], 2019, no. 2 (76), pp. 16-20. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hwnbir>
11. Chekmarev V.M. Contribution of A.T. Bolotov to the consolidation of the theory and practice of English landscape gardening on Russian soil. *Dekorativnoye iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik MGKhpA = Decorative Art and Environment. Gerald of the MGHPA*, 2012, no. 4, pp. 143-154. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oijmsl>

Информация об авторах

Житин Руслан Магомедович, кандидат исторических наук, научный сотрудник центра фрактального моделирования социальных и политических процессов, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-6031-6088>, istorik08@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, написание текста статьи.

Топильский Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-9416-1312>, a-topil@yandex.ru

Вклад в статью: работа с архивными документами и материалами.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 16.09.2022
Одобрена после рецензирования 23.11.2022
Принята к публикации 02.12.2022

Information about the authors

Ruslan M. Zhitin, Cand. Sci. (History), Research Scholar of Fractal Modeling of Social and Political Processes Center, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-6031-6088>, istorik08@mail.ru

Contribution: study conception, manuscript text drafting.

Aleksey G. Topilsky, Cand. Sci. (History), Senior Lecturer of General and Russian History Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-9416-1312>, a-topil@yandex.ru

Contribution: work with archival documents and materials.

There is no conflict of interests.

Received September 16, 2022
Revised November 23, 2022
Accepted December 02, 2022

РЕЦЕНЗИЯ / REVIEW

УДК / UDC 81'33

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-211-219>

Шифр научной специальности 5.9.5

Журнал «Юрислингвистика»: реферативный обзор

Ирина Николаевна МУРСА ✉, Ксения Дмитриевна ШАДРИНА

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

656049, Российская Федерация, г. Барнаул, просп. Ленина, 61

✉ 10spore@mail.ru

Аннотация. Результатом тесного и значимого в социальном, государственном и научном плане взаимодействия языка и права стало формирование новой прикладной отрасли лингвистического знания – юрислингвистики. Термин «юрислингвистика» был введён в 1999 г. В это же время выходит первый номер издания «Юрислингвистика» – проекта, призванного осмыслить и обсудить актуальные проблемы на стыке языка и права и сразу ставшего одним из наиболее цитируемых научных источников в академическом сообществе России. Рубрикация журнала, постепенно сформировавшаяся в ходе анализа редколлегией присылаемых авторских материалов, отражает наиболее острые и глобальные вопросы указанного научного направления. В ноябре 2021 г. произошло значимое событие, открывшее новую веху в жизни издания с двадцатилетней историей. Журнал «Юрислингвистика» вошёл в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (ВАК) по следующим специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки, 5.1.4. Уголовно-правовые науки, 5.9.5. Русский язык. Языки народов России, 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика. Представлен реферативный обзор выпусков журнала «Юрислингвистика», обобщающий научные разработки исследователей в сфере взаимодействия языка и права. Проанализированы специфика журнала и периодичность его издания; указаны основные тематические разделы и рубрики.

Ключевые слова: юрислингвистика, язык, право, прикладная лингвистика

Для цитирования: Мурса И.Н., Шадрина К.Д. Журнал «Юрислингвистика»: реферативный обзор // Неофилология. 2023. Т. 9. № 1. С. 211-219. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-211-219>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Journal “Legal Linguistics”: abstract review

Irina N. MURSA , Kseniya D. SHADRINA

Altai State University
61 Lenina Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation
 10spore@mail.ru

Abstract. The result of close and significant social, state and scientific interaction between language and law is the development of a new applied branch of linguistic knowledge – Legal Linguistics. The term “legal linguistics” was introduced in 1999. At the same time, the first issue of the publication “Legal Linguistics” was published – a project designed to comprehend and discuss current problems at the intersection of language and law and immediately became one of the most cited scientific sources in the academic community of Russia. The rubrication of the journal, gradually formed in the course of analysis by the editorial board of submitted copyright materials, reflects the most acute and global issues of this scientific direction. In November 2021, a significant event took place that opened a new milestone in the life of a twenty-year-old publication. The journal “Legal Linguistics” is included in the list of peer-reviewed scientific publications, which should publish the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science (VAK) in the following specialties: 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences, 5.1.4. Criminal Law Sciences, 5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia, 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics. The work presents an abstract review of the issues of the journal “Legal Linguistics”, summarizing the scientific developments of researchers in the field of interaction between language and law. The specifics of the journal and the periodicity of its publication are analyzed; the main thematic sections and headings are indicated.

Keywords: Legal Linguistics, language, law, applied linguistics

For citation: Mursa, I.N. & Shadrina, K.D. Journal “Legal Linguistics”: abstract review. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(1):211-219. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-211-219>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Ключевой особенностью научного процесса последних десятилетий является его междисциплинарность, объединение знаний тех областей, объектом которых выступает один и тот же объект. Результатом тесного и значимого в социальном, государственном и научном плане взаимодействия языка и права стало формирование новой прикладной отрасли лингвистического знания – юрислингвистики. Термин «юрислингвистика» был введён в 1999 г. региональной ассоциацией лингвистов-экспертов и преподавателей (АЛЭП «Лексис») и научным коллективом Лаборатории юрислингвистики Алтайского государственного университета под руководством доктора

филологических наук, профессора Н.Д. Голева. В это же время выходит первый номер издания «Юрислингвистика» – проекта, призванного осмыслить и обсудить актуальные проблемы на стыке языка и права и сразу ставшего одним из наиболее цитируемых научных источников в академическом сообществе России.

На сегодняшний день пост главного редактора «Юрислингвистики» занимает А.А. Васильев, доктор юридических наук, доцент Алтайского государственного университета. Журнал издаётся 4 раза в год. Авторы статей – учёные и практикующие эксперты, изучающие вопросы лингвистической экспертизы тек-

стов, юридической и языковой коммуникации, языковой политики и юридического образования и письма. В ноябре 2021 г. журнал «Юрислингвистика» вошёл в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (ВАК) по следующим специальностям (в соответствии с новой номенклатурой): 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки, 5.1.4. Уголовно-правовые науки, 5.9.5. Русский язык. Языки народов России, 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика. Этот факт открыл новую веху в жизни журнала с двадцатилетней историей.

Рубрикация журнала, постепенно сформировавшаяся в ходе анализа редколлекцией присылаемых авторских материалов, отражает наиболее острые и глобальные вопросы данного научного направления, такие как «Правовая коммуникация», «Юридическая техника», «Юридическая герменевтика», «Речевые правонарушения и лингвоэкспертология», «Лингвоконфликтология» и др.

Раздел «Юридическая герменевтика» посвящён вопросам толкования юридических текстов. Авторы статей рассуждают о соотношении буквы закона и духа права, высказывают идею об иерархичности принципов законности, справедливости и милосердия применительно к их практическому использованию. Вариативность интерпретаций, типичная для эпохи постмодерна и губительная для права, должна преодолеваться в первую очередь с помощью языка [1–3]. Не остаются без внимания исследователей и новые реалии современности, требующие юридической квалификации, такие как виртуальный мир, виртуальная реальность [4]. Авторы статьи доказывают, что мир, являющийся копией человеческого социума, должен отражать и правила его организации, в том числе и правовые нормы. В других статьях раздела авторами даются юридические толкование и оценка положениям о праве на жизнь [5], двойной ответственности в российском праве [6], административной преюдиции в уголовном законе [7]. Учёными также рассматри-

ваются зарубежные юридические и политические практики, в частности эволюция и трансформация древнекитайских учений о наказаниях и их отражение в государственных институтах современного китайского общества [8].

В разделе «Речевые правонарушения» авторами описываются противоправные действия, выраженные с помощью вербальных средств, даётся их правовая и лингвистическая оценка. В последнее время эксперты-практики обращаются к анализу понятия «Оскорбление чувств верующих» в сознании религиоведа, судебного эксперта-лингвиста и рядовых носителей языка и причинам возникновения данных социальных конфликтов [9]. Также исследуются такие возможные формы выражения информационных угроз, как треш-контент и шок-контент, проанализированы вопросы коммуникативного функционирования и соотношения данных понятий [10]. Кроме того, уделяется внимание правовой квалификации рекламы в видеоиграх, таргетинга и делается вывод о совершенствовании праворегулирования в данной сфере [11]. Учёными поднимается вопрос об оскорбительности лексемы «хач» [12], подробно описываются и анализируются этапы становления уголовного законодательства в сфере разглашения государственной тайны со времён Древней Руси до 1996 г. [13].

Авторы статей в разделе «Лингвоэкспертология» концентрируются на изучении способов и приёмов анализа текста, ставшего объектом лингвистического исследования в связи с наступлением правовых последствий той или иной речевой деятельности. Несмотря на то, что вопросы экспертного анализа давно обсуждаются лингвистами, и многие принципы достаточно однозначно определены, предметом обсуждения становятся новейшие методы лингвистического анализа, а также новые виды речевых конфликтов. Исследователи предлагают анализировать тексты экстремистской направленности с опорой на Национальный корпус русского языка с целью однозначного определения контекстуального значения лексем в спорном тексте [14]. Без внимания не остаются и традиционные методы лингвистического анализа

текста: пропозициональный, контекстуальный, дистрибутивный и лексико-семантический – в части их применения к новым объектам электронной коммуникации [15]. В статьях также рассматривается понятие «дискредитация» с точки зрения экспертной практики, подтверждается неопределённость лингвистических и психологических признаков исследуемого понятия и нечёткая позиция законодателя и правоприменителя, затрудняющая анализ информационных материалов в ряде случаев [16]. На страницах раздела обсуждается жизнь особых коммуникативных единиц, нечасто становящихся объектом внимания лингвистических наук. Одним из таких феноменов являются товарные знаки, требующие обсуждения их номинативных свойств и в связи с этим регламента употребления в качестве коммерческих обозначений [17]. Другой особый практически не обсуждаемый феномен – татуировки и их семиотические свойства. На страницах журнала «Юрислингвистика» можно познакомиться с серией работ, описывающих эволюцию криминальных татуировок, их семиотические свойства и возможности их экспертного анализа [18].

Раздел «Лингвоконфликтология» освещает вопросы конфликтогенности разнообразных по своему статусу и сфере функционирования текстов. Объектами новейших исследований в данном разделе становятся комментарии в сети Интернет на тему вакцинации с целью выявления структуры конфликтов и способов их разрешения [19], а также тексты-монологи выступлений политических деятелей с точки зрения использования ими инвективных речевых стратегий и их воздействия на реципиентов [20].

В разделе «Язык и право» представлены исследования, описывающие язык, лингвистическую сторону какого-либо юридического явления или нормативного акта. Например, в статье Д.В. Голенко «О языке Особенной части современного уголовного закона» «обозначены некоторые дискуссионные вопросы использования языка при построении диспозиций статей Особенной части УК РФ» [21, с. 5]. Здесь же отмечается одна из основных проблем современного уголовного ко-

декса: отсутствие терминологической определённости. То есть использование законодателем терминов, которые в разных ситуациях воспринимаются неодинаково, или наличие разных терминов, которые на практике обозначают одно и то же. Из этого следует необходимость унификации юридической терминологии во избежание ошибок. Язык закона должен быть прост и понятен. «Точность понятий и формулировок, определённость используемых терминов, лаконичность и логичность уголовного закона создают условия для одинакового его понимания и толкования, единообразного применения, а это является определённой гарантией соблюдения прав и свобод человека и гражданина» [21, с. 8].

Также интересной с точки зрения юрислингвистики является статья Е.О. Щур «Преступления в художественной литературе и возможные меры наказания за них». Здесь исследуются описания преступлений и различных обстоятельств, которые смягчают или отягчают вину, в художественной литературе (в качестве материала выступают произведения русских и зарубежных авторов). В первую очередь стоит отметить, что в этой работе рассматриваются правонарушения, описанные литературным языком. Уже при анализе автор использует язык закона (когда даются возможные для применения в том или ином случае меры наказания, а также комментарии относительного этого). В заключении автор приходит к следующему выводу: «исследование демонстрирует нам, что многие, на первый взгляд очевидные решения, являются неверными при более детальном рассмотрении обстоятельств преступлений и соответствующих нормативно-правовых актов» [22, с. 12]. Причём это возвращает нас к предыдущему исследованию и мысли о том, что язык закона должен быть прост и понятен как для законодателя, так и для обычного гражданина.

В статьях раздела «Правовая коммуникация» рассматриваются различные аспекты функционирования правовой информации сквозь призму коммуникации. Так, например, в статье «Университеты как субъекты научного права» авторы А.А. Васильев, Д. Шпопер, Ю.В. Печатнова изучают «статус

образовательных организаций как субъектов научного права, подчёркивают несовершенство российского образовательного законодательства относительно разграничения образовательных организаций высшего образования и научных организаций», исследуют позитивные и негативные мнения относительно введения новой категории вузов – опорных университетов [23, с. 5]. В результате они приходят к выводу, что «логическим завершением реформы опорных университетов может стать установление статуса опорных университетов в законодательстве об образовании и чёткое разведение опорных и федеральных университетов» [23, с. 5]. То есть необходимо чёткое разграничение категорий высших учебных заведений и закрепление этой информации в нормативно-правовых документах.

В разделе «Юридическая техника» исследователей в первую очередь интересуют терминологические вопросы. Проблемы юридической терминологии [24–26], её функционирования [27], анализ и подходы к изучению правовых понятий [28–31]. Помимо отдельных терминов авторы рассматри-

вают и целые категории в разных аспектах. Так, категории «рамочное законодательство» и «гендерное равенство» рассматриваются в функциональном аспекте [32; 33], категории «несостоятельность» и «банкротство» – в уголовно-правовом [34], категории «права женщин», «содействие» и «склонение» исследуются в аспекте эволюции их функционирования [35; 36].

Помимо этого, в текстах статей находят отражение и новая судебная практика в условиях антироссийских санкций. Внешнеполитическая ситуация оказывает влияние на язык права, на функционирование некоторых категорий и понятий [37; 38].

Таким образом, журнал «Юрислингвистика» охватывает широкий спектр взаимодействий языка и права: от частных методологических основ экспертиз до глобальных вопросов взаимоотношения этих явлений. Редколлегия журнала приглашает к сотрудничеству аспирантов, докторантов, практикующих экспертов, преподавателей вузов, исследователей – всех тех, кому интересны проблемы, возникающие на стыке языка и права.

Список источников

1. Сорокин В.В. Генезис внутренних убеждений правоприменителя в процессе толкования норм права // Юрислингвистика. 2021. № 22. С. 38-40. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2021\)2207](https://doi.org/10.14258/leglin(2021)2207), <https://elibrary.ru/rkwucm>
2. Сорокин В.В., Стоилов Я. О субординации принципов права при толковании правовых актов // Юрислингвистика. 2022. № 23. С. 23-26. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2304](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2304), <https://elibrary.ru/qcyhiu>
3. Сорокин В.В. Толкование права в интерпретации постмодернизма // Юрислингвистика. 2022. № 26. С. 65-68. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2611](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2611), <https://elibrary.ru/gnfbsu>
4. Васильев А.А., Архипов В.В., Андреев Н.Ю., Печатнова Ю.В. Виртуальный мир и социальная реальность: аспекты соотношения // Юрислингвистика. 2022. № 26. С. 48-52. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2608](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2608), <https://elibrary.ru/abbybj>
5. Казанцева О.Л. О ценности жизни и понятии права на жизнь // Юрислингвистика. 2022. № 26. С. 60-64. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2610](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2610), <https://elibrary.ru/rmtulv>
6. Губернаторова Э.В., Тимофеев Е.И., Пинчук А.П. Двойная ответственность как межотраслевая проблема // Юрислингвистика. 2022. № 26. С. 53-59. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2023\)2709](https://doi.org/10.14258/leglin(2023)2709), <https://elibrary.ru/bcujch>
7. Караваева Ю.С. Общественная опасность и целесообразность в свете криминализации деяний с признаками административной преюдиции: анализ теории и правоприменения // Юрислингвистика. 2022. № 25. С. 35-41. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2506](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2506), <https://elibrary.ru/wmhsos>
8. Моисеева О.Г., Блинова О.А. Древнекитайская политико-правовая мысль о наградах и наказаниях // Юрислингвистика. 2022. № 24. С. 26-31. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2405](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2405), <https://elibrary.ru/djcdij>

9. Доронина С.В., Кацаева М.В., Трубникова Ю.В. «Оскорбление религиозных чувств»: обыденное сознание и правоприменение // Юрислингвистика. 2022. № 24. С. 45-52. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2408](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2408), <https://elibrary.ru/zdgrqz>
10. Богатырёв К.М. Треш-контент как форма информационных угроз медиабезопасности в цифровой среде // Юрислингвистика. 2022. № 24. С. 38-44. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2407](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2407), <https://elibrary.ru/cbiikf>
11. Кирюшина И.В. Реклама в видеоиграх: вопросы правовой квалификации // Юрислингвистика. 2021. № 22. С. 41-47. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2021\)2208](https://doi.org/10.14258/leglin(2021)2208), <https://elibrary.ru/nyjogj>
12. Флоря А.В. Является ли оскорбительной лексема «хач»? // Юрислингвистика. 2022. № 23. С. 37-43. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2207](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2207), <https://elibrary.ru/vtsynx>
13. Баранов В.Е., Овчаров В.Р., Мананников А.С. Развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за разглашение государственной тайны со времён Древней Руси до 1996 года // Юрислингвистика. 2022. № 23. С. 44-57. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2308](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2308), <https://elibrary.ru/yzvjqf>
14. Зуга О.В. Семантическое исследование материалов по делам о преступлениях экстремистской направленности с опорой на данные Национального корпуса русского языка (на примере анализа комментариев в социальной сети «ВКонтакте») // Юрислингвистика. 2022. № 25. С. 42-49. [https://doi.org/10.14258/leglinleglin\(2022\)2507](https://doi.org/10.14258/leglinleglin(2022)2507), <https://elibrary.ru/ruacpq>
15. Новгородова Е.В. Лингвоправовой характер электронного письма (из практики судебной лингвистической экспертизы) // Юрислингвистика. 2022. № 23. С. 31-36. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2306](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2306), <https://elibrary.ru/nreehg>
16. Колтунова Е.А., Давыдов С.В. К вопросу о параметризации понятия дискредитация в судебных психолого-лингвистических экспертизах // Юрислингвистика. 2022. № 26. С. 69-75. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2612](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2612), <https://elibrary.ru/jivsqv>
17. Новичихина М.Е. Об обозначениях, образующих единую семантическую конструкцию, в лингвистической экспертизе // Юрислингвистика. 2022. № 24. С. 32-37. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2406](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2406), <https://elibrary.ru/vmwgbi>
18. Грачёв М.А. Появление и эволюция криминальных татуировок в России // Юрислингвистика. 2022. № 23. С. 27-30. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2305](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2305), <https://elibrary.ru/fzgtng>
19. Голев Н.Д., Мельникова В.С., Юнг Д.А. Понятийно-категориальное описание конфликтной ситуации (на примере интернет-комментариев на тему вакцинации от коронавируса) // Юрислингвистика. 2022. № 25. С. 50-55. [https://doi.org/10.14258/leglinleglin\(2022\)2508](https://doi.org/10.14258/leglinleglin(2022)2508), <https://elibrary.ru/rwyese>
20. Зюбина И.А. Конфликтотенный потенциал феномена доминирования в юрислингвистическом аспекте // Юрислингвистика. 2022. № 26. С. 76-80. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2613](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2613), <https://elibrary.ru/ukjicb>
21. Голенко Д.В. О языке Особенной части современного уголовного закона // Юрислингвистика. 2022. № 25. С. 5-9. [https://doi.org/10.14258/leglinleglin\(2022\)2501](https://doi.org/10.14258/leglinleglin(2022)2501), <https://elibrary.ru/ggwmvw>
22. Щур Е.О. Преступления в художественной литературе и возможные меры наказания за них // Юрислингвистика. 2022. № 25. С. 10-14. [https://doi.org/10.14258/leglinleglin\(2022\)2502](https://doi.org/10.14258/leglinleglin(2022)2502), <https://elibrary.ru/ijkcba>
23. Васильев А.А., Шноппер Д., Печатнова Ю.В. Университеты как субъекты научного права // Юрислингвистика. 2021. № 22. С. 5-12. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2021\)2201](https://doi.org/10.14258/leglin(2021)2201), <https://elibrary.ru/alsauf>
24. Головинов А.В., Головинова Ю.В. Понятие «права женщин» и конституционная свобода труда: терминологические уточнения и проблемы реализации // Юрислингвистика. 2021. № 22. С. 24-27. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2021\)2204](https://doi.org/10.14258/leglin(2021)2204), <https://elibrary.ru/vqarpa>
25. Дудко Н.А. Суд присяжных или суд с участием присяжных заседателей: проблемы терминологии // Юрислингвистика. 2022. № 26. С. 26-32. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2605](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2605), <https://elibrary.ru/yaysqz>
26. Тыдыкова Н.В. О понятии и содержании половой свободы и половой неприкосновенности как объектах половых преступлений // Юрислингвистика. 2022. № 26. С. 33-39. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2606](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2606), <https://elibrary.ru/plqsnp>
27. Поляков В.В. К проблеме использования понятия «искусственный интеллект» в криминалистике // Юрислингвистика. 2022. № 25. С. 21-28. [https://doi.org/10.14258/leglinleglin\(2022\)2504](https://doi.org/10.14258/leglinleglin(2022)2504), <https://elibrary.ru/szotcs>
28. Шутова А.А. Юридикологический анализ понятия «3D-биопринтинг» // Юрислингвистика. 2022. № 26. С. 40-47. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2607](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2607), <https://elibrary.ru/zwlzls>

29. Головинов А.В. «Понятие «провинция» в философско-правовом учении сибирских областников: анализ категориального аппарата политико-правовой мысли Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина // Юрислингвистика. 2022. № 26. С. 17-21. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2603](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2603), <https://elibrary.ru/zksaov>
30. Михайленко Ю.А. Денежные выплаты в социальном обеспечении: трансформация законодательства и научных подходов к определению используемых понятий // Юрислингвистика. 2021. № 22. С. 33-37. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2021\)2206](https://doi.org/10.14258/leglin(2021)2206), <https://elibrary.ru/dprgiu>
31. Бегишев И.Р. Юрико-терминологический анализ понятия «робот» // Юрислингвистика. 2022. № 26. С. 13-16. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2602](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2602), <https://elibrary.ru/huqerd>
32. Довгань К.Е. Категория «рамочное законодательство» в национальной правовой системе РФ // Юрислингвистика. 2022. № 26. С. 22-25. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2604](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2604), <https://elibrary.ru/ndwmcu>
33. Головинов А.В., Головинова Ю.В. Сущность и содержание принципа гендерного равенства в текстах нормативно-правовых актов скандинавских стран // Юрислингвистика. 2022. № 23. С. 18-22. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2303](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2303)
34. Коренная А.А. Терминологический анализ категорий «несостоятельность» и «банкротство»: уголовно-правовой аспект // Юрислингвистика. 2021. № 22. С. 28-32. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2021\)2205](https://doi.org/10.14258/leglin(2021)2205), <https://elibrary.ru/ufusdp>
35. Головинов А.В., Головинова Ю.В. Формирование категории «права женщин» в текстах международно-правовых актов // Юрислингвистика. 2022. № 24. С. 11-14. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2402](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2402), <https://elibrary.ru/sugwzm>
36. Тимофеев Е.И. Употребление категорий «содействие» и «склонение» как средство формирования режима благоприятствования примирению в цивилистическом процессе // Юрислингвистика. 2022. № 24. С. 21-25. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2404](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2404), <https://elibrary.ru/gpewdc>
37. Кирюшина И.В. Понятие «существенное изменение обстоятельств» в контексте новых антироссийских экономических санкций // Юрислингвистика. 2022. № 25. С. 15-20. [https://doi.org/10.14258/leglinleglin\(2022\)2503](https://doi.org/10.14258/leglinleglin(2022)2503), <https://elibrary.ru/uiturj>
38. Поповская В.И. Особенности заголовков законодательных текстов (на примере ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») // Юрислингвистика. 2022. № 25. С. 29-34. [https://doi.org/10.14258/leglinleglin\(2022\)2505](https://doi.org/10.14258/leglinleglin(2022)2505), <https://elibrary.ru/pfddvl>

References

1. Sorokin V.V. The genesis of the internal convictions of a law enforcement officer in the process of interpreting the norms of law. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2021, no. 22, pp. 38-40. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2021\)2207](https://doi.org/10.14258/leglin(2021)2207), <https://elibrary.ru/rkwucm>
2. Sorokin V.V., Stoilov Ya. Principles of legal responsibility: new criteria for classification and subordination. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 23, pp. 23-26. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2304](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2304), <https://elibrary.ru/qcyhiu>
3. Sorokin V.V. Interpretation of the law in the light of postmodernism. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 26, pp. 65-68. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2611](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2611), <https://elibrary.ru/gnfbu>
4. Vasil'ev A.A., Arkhipov V.V., Andreev N.Yu., Pechatnova Yu.V. Virtual world and social reality: correlation aspects. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 26, pp. 48-52. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2608](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2608), <https://elibrary.ru/abbybj>
5. Kazantseva O.L. On the value of life and the concept of the right to life. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 26, pp. 60-64. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2610](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2610), <https://elibrary.ru/rmtulv>
6. Gubernatorova E.V., Timofeev E.I., Pinchuk A.P. Dual responsibility as a cross-sectoral problem: some practical application issues. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 26, pp. 53-59. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2023\)2709](https://doi.org/10.14258/leglin(2023)2709), <https://elibrary.ru/bcujch>
7. Karavaeva Yu.S. Public danger and expediency in relation to criminalization of acts with signs of administrative prejudice: analysis of theory and law enforcement. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 25, pp. 35-41. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglinleglin\(2022\)2506](https://doi.org/10.14258/leglinleglin(2022)2506), <https://elibrary.ru/wmhsox>
8. Moiseeva O.G., Blinova O.A. Ancient Chinese political and legal thought about rewards and punishments. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 24, pp. 26-31. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2405](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2405), <https://elibrary.ru/djedij>

9. Doronina S.V., Kashchaeva M.V., Trubnikova Yu.V. “Insulting religious feelings”: everyday consciousness and law enforcement. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 24, pp. 45-52. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2408](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2408), <https://elibrary.ru/zdgrqz>
10. Bogatyrev K.M. Trash content as a form of information threats to media security in the digital environment. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 24, pp. 38-44. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2407](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2407), <https://elibrary.ru/cbiikf>
11. Kiryushina I.V. Advertising in video games: legal qualifications. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2021, no. 22, pp. 41-47. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2021\)2208](https://doi.org/10.14258/leglin(2021)2208), <https://elibrary.ru/nyjogj>
12. Florya A.V. Is the lexeme “khach” offensive? *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 23, pp. 37-43. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2207](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2207), <https://elibrary.ru/vtsynx>
13. Baranov V.E., Ovcharov V.R., Manannikov A.S. The development of domestic criminal legislation on liability for disclosure of state secrets from the time of Ancient Rus to 1996. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 23, pp. 44-57. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2308](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2308), <https://elibrary.ru/yzvjqf>
14. Zuga O.V. Semantic study of materials on extremism-related crimes through data from the national corpus of the Russian language (case study of comments on the social network VKontakte). *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 25, pp. 42-49. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglinleglin\(2022\)2507](https://doi.org/10.14258/leglinleglin(2022)2507), <https://elibrary.ru/ruacpq>
15. Novgorodova E.V. The linguistic and legal nature of the email (from the practice of forensic linguistic expertise). *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 23, pp. 31-36. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2306](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2306), <https://elibrary.ru/mreehg>
16. Koltunova E.A., Davydov S.V. On parametrization of the concept of defamation in forensic psychological and linguistic examinations. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 26, pp. 69-75. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2612](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2612), <https://elibrary.ru/jivsqv>
17. Novichikhina M.E. On commercial names forming a single semantic construction in forensic linguistic examination. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 24, pp. 32-37. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2406](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2406), <https://elibrary.ru/vmwgbi>
18. Grachev M.A. The emergence and evolution of criminal tattoos in Russia. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 23, pp. 27-30. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2305](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2305), <https://elibrary.ru/fzgtmq>
19. Golev N.D., Mel'nikova V.S., Yung D.A. Conceptual and categorical description of the conflict situation (case study of internet comments on vaccination against coronavirus). *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 25, pp. 50-55. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglinleglin\(2022\)2508](https://doi.org/10.14258/leglinleglin(2022)2508), <https://elibrary.ru/rwyese>
20. Zyubina I.A. Conflictogenic potential of the dominance phenomenon in the jurislinguistic aspect. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 26, pp. 76-80. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2613](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2613), <https://elibrary.ru/ukjicb>
21. Golenko D.V. On the language of the special part of the modern criminal law. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 25, pp. 5-9. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglinleglin\(2022\)2501](https://doi.org/10.14258/leglinleglin(2022)2501), <https://elibrary.ru/ggwmvw>
22. Shchur E.O. Crimes in fiction and alleged punishments. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 25, pp. 10-14. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglinleglin\(2022\)2502](https://doi.org/10.14258/leglinleglin(2022)2502), <https://elibrary.ru/ijkcba>
23. Vasil'ev A.A., Shpopper D., Pechatnova Yu.V. Universities as subjects of scientific law. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2021, no. 22, pp. 5-12. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2021\)2201](https://doi.org/10.14258/leglin(2021)2201), <https://elibrary.ru/alsauf>
24. Golovinov A. V., Golovinova Yu.V. The concept of “women’s rights” and constitutional freedom of labor: terminology clarifications and implementation problems. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2021, no. 22, pp. 24-27. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2021\)2204](https://doi.org/10.14258/leglin(2021)2204), <https://elibrary.ru/vqarpa>
25. Dudko N.A. Jury trial or court with jury participation: terminology issues. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 26, pp. 26-32. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2605](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2605), <https://elibrary.ru/yaysqz>
26. Tydykova N.V. On the concept and content of sexual freedom and sexual inviolability as objects of sexual offences. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 26, pp. 33-39. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2606](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2606), <https://elibrary.ru/plqsnp>
27. Polyakov V.V. On using the concept of “artificial intelligence” in forensic science. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 25, pp. 21-28. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglinleglin\(2022\)2504](https://doi.org/10.14258/leglinleglin(2022)2504), <https://elibrary.ru/szotcs>

28. Shutova A.A. Legal and terminological analysis of the concept of "3D-bioprinting". *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 26, pp. 40-47. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2607](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2607), <https://elibrary.ru/zwlzls>
29. Golovinov A.V. The concept of "province" in the philosophical and legal doctrine of the Siberian regionalists: analysis of the categorical apparatus of political and legal thought of N.M. Yadrintsev and G.N. Potanin. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 26, pp. 17-21. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2603](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2603), <https://elibrary.ru/zksaov>
30. Mikhaïlenko Yu.A. Cash benefits in social welfare: transformation of legislation and scientific approaches to the definition of employed concepts. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2021, no. 22, pp. 33-37. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2021\)2206](https://doi.org/10.14258/leglin(2021)2206), <https://elibrary.ru/dprgiu>
31. Begishev I.R. Legal and terminological analysis of the concept of "robot". *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 26, pp. 13-16. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2602](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2602), <https://elibrary.ru/huqerd>
32. Dovgan' K.E. Category of "framework legislation" in the national legal system of the Russian Federation. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 26, pp. 22-25. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2604](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2604), <https://elibrary.ru/ndwmcy>
33. Golovinov A.V., Golovinova Yu.V. The essence and content of the principle of gender equality in the texts of normative legal acts of the Scandinavian countries. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 23, pp. 18-22. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2303](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2303)
34. Korennaya A.A. Terminology analysis of the categories "insolvency" and "bankruptcy": criminal law aspect. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2021, no. 22, pp. 28-32. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2021\)2205](https://doi.org/10.14258/leglin(2021)2205), <https://elibrary.ru/ufusdp>
35. Golovinov A.V., Golovinova Yu.V. Development of the category "women's rights" in the texts of international legal acts. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 24, pp. 11-14. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2402](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2402), <https://elibrary.ru/sugwzm>
36. Timofeev E.I. The use of the categories "assistance" and "inducement" as a means of forming a reconciliation favoring regime in the civil process. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 24, pp. 21-25. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglin\(2022\)2404](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2404), <https://elibrary.ru/gpewdc>
37. Kiryushina I.V. The concept of "material change in the circumstances" in the context of new anti-Russian economic sanctions. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 25, pp. 15-20. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglinleglin\(2022\)2503](https://doi.org/10.14258/leglinleglin(2022)2503), <https://elibrary.ru/uiturj>
38. Popovskaya V.I. Features of headings of legislative texts (case study of the federal law "about bases of protection of public health in the Russian Federation"). *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 25, pp. 29-34. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/leglinleglin\(2022\)2505](https://doi.org/10.14258/leglinleglin(2022)2505), <https://elibrary.ru/pfddvl>

Информация об авторах

Мурса Ирина Николаевна, аспирант, ассистент кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-3169-3618>, 10spore@mail.ru

Вклад в статью: идея, анализ литературы, написание части текста статьи.

Шадрина Ксения Дмитриевна, аспирант, ассистент кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-9184-3120>, shadrina-22@mail.ru

Вклад в статью: идея, анализ литературы, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 14.01.2023

Принята к публикации 17.02.2023

Information about the authors

Irina N. Mursa, Post-Graduate Student, Assistant of General and Applied Philology, Literature and Russian Language Department, Altai State University, Barnaul, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-3169-3618>, 10spore@mail.ru

Contribution: idea, literature analysis, part manuscript text drafting.

Kseniya D. Shadrina, Post-Graduate Student, Assistant of General and Applied Philology, Literature and Russian Language Department, Altai State University, Barnaul, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-9184-3120>, shadrina-22@mail.ru

Contribution: idea, literature analysis, part manuscript text drafting.

There is no conflict of interests.

Received: January 14, 2023

Accepted: February 17, 2023

ПЕРСОНАЛИЯ / PERSONALIA

УДК / UDC 81-119

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-220-228>

Шифр научной специальности 5.9.5

Светлой памяти Иосифа Абрамовича Стернина

Гульчера Вахобовна БЫКОВА

ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет»
675004, Российская Федерация, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104

✉ gulchera-bykova@yandex.ru

In blessed memory of Joseph Abramovich Sternin

Gulchera V. BYKOVA

Blagoveshchensk State Pedagogical University
104, Lenina St., Blagoveshchensk, 675000, Amur Region, Russian Federation

✉ gulchera-bykova@yandex.ru

Моему научному консультанту
И.А. Стернину посвящается

Благословение святого Иосифа, человека-планеты

У каждого из нас на жизненном пути – великое множество встреч, и лишь единичные из них судьбоносны. Именно таким стало для меня общение с Иосифом Абрамовичем Стерниным, доктором филологических наук, профессором, заведующим кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, куда меня направили для работы над докторской диссертацией.

После холодного Приамурья Воронеж ослепил белоснежной кипенью садов. На клумбах цвели первые весенние тюльпаны, распускались нарциссы.

Не до красот сейчас! – сурово урезонила я себя. Надо было спешить: через несколько дней 9 Мая, а за ним – черед праздничных дней, и всем будет не до меня. Время дорого! Не расслабляться!

В Воронежский государственный университет, едва я зашла в приёмную и представилась, меня сразу проводили к ректору. Не успела как следует оглядеться, как в кабинете появились декан филологического

факультета, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики, комендант общежития. Речь ректора была короткой, но убедительной: «Этой многолетней женщине с Дальнего Востока надо найти жильё, оперативно определиться с научной темой и помочь в работе над исследованием. За работу!» Вот так спонтанно я поступила в распоряжение научного консультанта доктора филологических наук, профессора Иосифа Абрамовича Стернина, внешне скромного, мягкого, интеллигентного, улыбчивого, открытого человека с умными добрыми глазами, при этом стремительного, энергичного и поразительно деятельного, который на тот момент возглавлял не только кафедру общего языкознания и стилистики ВГУ – ведущую в России, но и созданную им кафедру теории и практики коммуникации Института переподготовки и повышения квалификации учителей русского языка – первую в России.

Не успели выйти из приёмной, как к Иосифу Абрамовичу стали подходить с вопросами. Так, в окружении нескольких человек, он и зашёл на кафедру, а меня попросил подождать. Я остановилась у окна. На подоконнике лежал забытый кем-то сборник научных трудов по психолингвистике. Наугад открыла его и наткнулась на термин «лакуна». О! Это интересно! Какие ещё пустоты,

или провалы могут быть в языке? Заинтригованная, стала читать: «Большинство исследователей при рассмотрении расхождений как в языках, так и культурах предпочитают термин лакуна (от лат. *lacuna* – углубление, впадина, провал, полость; от фр. *lacune* – пустота, брешь). Такие пустые места в лексической системе языка мы обозначаем термином лексическая лакуна. Приведём пример: в русском языке есть слово *молодожёны* – лица, только что вступившие в брак, но нет лексемы для обозначения лиц, которые давно состоят в браке. Эта лексема в принципе возможна (например, *старожёны*), но не признанная узусом, она виртуальна, потенциальна и является для системы языка на современном этапе его развития нулевой, то есть отсутствующая лексема при системно обусловленном наличии соответствующей семемы. В этом месте лексической системы русского языка – пустота, брешь, лакуна. Аналогично однословно не обозначены в русской лексико-фразеологической системе такие значения, как «владелец гаража», «вода, отбрасываемая винтом парохода», «житель приграничного района», «открыть дорогу иностранному влиянию», «предварительный просмотр фильма» и т. д. Явление лексической лакунарности в системе русского языка ждёт своего исследователя...» Увлечённо углубилась в чтение, но тут меня пригласили, и я с трепетом вошла на знаменитую кафедру.

Иосиф Абрамович спросил:

– С какой проблемой была связана ваша кандидатская?

– С феноменом звукового символизма в системе русского языка как родного.

– Так... Феномен – это неплохо, а вот методикой мы не занимаемся.

– Я настаиваю на продолжении темы.

– Хорошо, – охотно согласился высокий собеседник. – Я предложу вам несколько тем для исследования, а вы подумайте и выберите одну из них. Проще, конечно, не с нуля всё-таки начинать, а использовать наработки кандидатской.

И знаменитый профессор стал обстоятельно формулировать возможные темы моей будущей диссертации. Первые две были

связаны со звуковым символизмом, а потом он увлечённо заговорил о концептах, национальной концептосфере, языковой картине мира, о том, что система национальных образов может быть выражена не только лексическими единицами, но и их значимым отсутствием – лакунами разных типов. Глаза профессора вдруг залучились, лицо озарилось. Спыхватившись, он спросил:

– А Вы знакомы с явлением лакунарности?

– Очень поверхностно. – И кратко изложила то, как поняла прочитанное.

– Ну вот, уже хорошо, что вы имеете представление о лакунарности. Это, между прочим, тоже феномен, загадка.

– К сожалению, в голове у меня больше лакун, чем знаний о них, – невесело пошутила я.

– Ничего, – ободрил он. Компетентность – дело наживное. Лишь бы у вас было желание поскорее элиминировать, то есть заполнить эти «белые пятна», да ещё способность обобщить и проанализировать всё, что наработано нашей кафедрой на материале европейских и русского языков. Есть немало других источников. Доктор наук – это не учёная степень, это особый, аналитический, способ мышления. Думайте, выбирайте... Я не настаиваю. Главное – ваше желание! Вот вам список предложенных тем и разрешение посещать библиотеки – областную научную и нашу, без этого не обойтись.

И мы расстались. Я вышла и подумала: если всё дело в моём желании, то уважаемый профессор даже не догадывается, с каким упорством я стану воплощать эту цель в реальность. Твёрдое убеждение, что желающего судьба ведёт, а нежелающего – тащит, у меня с детства. Привыкшая к переходам по таёжному бездорожью и лососевым нерестилищам, охоте на водоплавающих птиц и рыбалке по суровым дальневосточным рекам, я знала трудности. Но всё равно было страшно, и я подбадривала себя как могла: да прекрати ты трусить! За плечами у тебя – пять лет работы в редакциях газет – напишешь хоть чёрта лысого, аспирантура в Москве, публицистическим и научным стилями, слава Богу, владеешь... Но легче от такой «поддержки»

не стало. Ещё раз взглянула на сборник, по-прежнему лежащий на подоконнике, и подумала: а может, это знак судьбы? Я ведь наугад открыла его и сразу попала на ключевую единицу феномена. Интересно, кто написал тезисы, которые так меня выручили? Раскрыв книжку, рассмеялась: их автором оказался И.А. Стернин. Ну что тут скажешь? На ловца и зверь бежит!

Зашла в библиотеку, оформила читательский билет и припала к каталогу работ Иосифа Абрамовича: надо хотя бы приблизительно знать, какой проблемой занимается руководитель, в научных традициях которого предстояло выполнить фундаментальное исследование. И вот тут-то глаза у меня, что называется, разбежались: профессору Стернину принадлежали теоретические труды по компонентному анализу значения слова и его дейктических функций, теоретическому языкознанию, варьированию значения слова в речи, контрастивной лексикологии и фразеологии, проблемам психолингвистики, социолингвистики и методов лингвистических исследований, коммуникативной лингвистике, коммуникативному поведению и др. Библиотекарь, видя мои потрясение и растерянность, наверно, сжалилась и на время праздничных каникул дала с собой несколько монографий Стернина.

Вот так майскими праздниками и началось моё знакомство с Воронежем. Меня поразили День Победы, Дон, овраги и соловьи. Я впервые увидела, осознала, почувствовала, что значит празднование этого великого Дня теми, кто пережил фашистскую оккупацию. Накануне с вечера весь город пришёл в волнение – люди ходили по улицам, поздравляли друг друга, пели, ликовали, во время салюта многие плакали. На другое утро нескончаемые вереницы горожан потянулись на кладбища и братские могилы. День радости и печали продолжался до позднего вечера. Потом я поспешила увидеть Дон, который воспел Шолохов в своей знаменитой эпопее. И вот я на его берегу. И это Дон? Сразу за городом среди голых песчаных берегов текла неприметная река средних размеров, больше похожая на канал, в несколько раз меньше Амура или Зеи. Хотя, наверно,

здесь Дон такой невзрачный, как и Амур в верховьях, а надо видеть, каков он, батюшка, в низовьях! Скорее всего, возле станицы Вёшенской и Дон совсем другой? Вот чего я не видела ни на Памире, ни на Алтае, ни на Дальнем Востоке, ни в Узбекистане – так это оврагов. Какие они оказывается глубокие! Казалось, их склоны захлестнуло ослепительно-белым половодьем. Это неистово и пронзительно цвёл тёрн. А вечером, лишь закатилось солнце, в белопенных зарослях как запели, как защёлкали соловьи! Никогда такого не слышала! Вот это чудо природы и подарок судьбы!

Все праздничные дни с интересом читаю теоретические работы И.А. Стернина, изложенные чётким научным языком, а сама всё думаю, размышляю над будущей темой. На какой остановиться? На исходе праздников решила – выбираю феномен лакуарности, который «ждёт своего исследователя». Пусть труднее начинать с нуля, зато любопытно мне, интересно моему руководителю. Давно известно миру: когда работа увлекает, захватывает воображение, тогда и с трудностями справляться легче. А их впереди было столько, что и не снилось. Самое тяжкое испытание – неопределённость, да ещё сомнения: вдруг не справлюсь? Господи, помоги!

Сразу после праздника тема «Лакуарность как категория лексической системологии» была утверждена на заседании кафедры общего языкознания и стилистики ВГУ, и я приступила к исследованию. Объём работы был такой, что не поднимала головы от монографий, научных сборников и диссертаций по восемь–десять часов без праздников и выходных, а всё равно продвигалась вперёд медленнее, чем хотелось. Утешало понимание того, что здесь настоящая лингвистическая школа, серьёзные научные наработки, на основе которых можно выявить глобальные закономерности в развитии малоизученного явления лакуарности как внутри подсистем русского языка, так и «в зеркале» родственных европейских языков.

С места в карьер начала посещать лекции профессора Стернина по психолингвистике, одновременно штудирова соответствующую литературу, так как значимое отсут-

ствие номинативных средств в языковом образе (картине) мира – лексическая лакунарность – представляет собой в первую очередь психолингвистический феномен: в условиях одноязычной ситуации общения лакуны как бы не замечаются носителями языка, оставаясь за пределами «светлого поля» сознания. Область «бытия» лакун – потенциальная сфера языка, виртуальные единицы которой в случае формирования коммуникативной релевантности актуализируются на уровне синтаксической объективации или окказиональной номинации, а также могут лексикализироваться.

Можно представить себе уровень ошеломляющих, ярких, остроумных, вдохновляющих, зажигающих, информативно фонтанирующих, блистательных лекций ведущего специалиста по психолингвистике не только в Воронежской области, но и в России – председателя Воронежской психолингвистической ассоциации; члена совета Российской психолингвистической ассоциации; члена Международной ассоциации прикладной психолингвистики, вице-президента Российской риторической ассоциации! Не лекции, а просто искрящееся мега-чудо! Роскошный пир богов! «Вот это лекция!», «просто восторг!», «классный лектор!», «феномен», «неугасимый маяк», «человек-оркестр», «педагог, интеллигент, умница», «коллега и партнёр», «трудоголик», «мастер», «генератор идей», «Sturm und Drang – буря и натиск», «добрый наставник» – не раз слышала я от студентов после его лекций или от аспирантов и докторантов. Сама пыталась определить его суть через определения: «человек-солнце», «человек-планета», «человек-вулкан».

В последующем постепенно узнавала – его работы и идеи воплощены во многих диссертационных исследованиях его учеников, в монографиях и научных работах: «Экспериментальные методы в семасиологии» (Воронеж, 1989, в соавт.), «Психолингвистика» (Москва, 2006, в соавт.), «Языковое сознание жителей Воронежа» (Воронеж, 2010), «Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы» (Saarbrücken, 2011, в соавт.), «Психолингви-

стические методы в описании семантики слова» (Воронеж, 2016, в соавт.) и др.

Каждая встреча с Иосифом Абрамовичем впечатляла: спокойно и убедительно, нередко с добрым юмором он говорил о сложных научных проблемах так, что они становились понятными и близкими, будили воображение, наталкивали на догадки. При этом строгий, требовательный, логически-последовательный в теоретических рассуждениях, он обладал потрясающим даром: никогда не ставил себя выше собеседника, общаясь с ним как с равным, щедро одаривая своими идеями, точнее, зажигая, заряжая каждого, не заботясь о том, кому будет принадлежать высказанное им сию минуту. В момент общения с ним мозг озарялся мгновенно. В процессе исследования и обстоятельных консультаций я постепенно успокаивалась: Иосиф Абрамович по-доброму радовался тому, что я смогла понять, конкретизировать и развить его научные догадки и предположения.

После каждой такой встречи я не шла – летела, будто крылья у меня отрастали. Так бывает. Одни словом могут вселить сомнение и страх, а иные – высоко поднять и на крыло поставить, и в долгий успешный полёт благословить. К таким, несомненно, принадлежал он, мой удивительный руководитель и Ангел-хранитель не только на время пребывания в докторантуре, но и на всю оставшуюся жизнь. Встреча с ним стремительно и бесповоротно изменила траекторию моей судьбы, как, впрочем, и десятков других его аспирантов и докторантов. К тому же в этом старинном университете была роскошная библиотека: всё, что требовалось, обычно находилось. Если чего-то не оказывалось, отправлялась в Ленинку (ночь – и ты в Москве!) или в диссертационный зал, где обнаруживала доказательства своим догадкам и гипотезам, ненавязчиво подсказанным моим гениальным руководителем. Иногда за нужной информацией неутомимый Иосиф Абрамович отправлял меня в Питер, как всегда чётко обозначив пути поиска искомых идей.

Иосиф Абрамович Стернин и Зинаида Даниловна Попова не делили аспирантов на своих и чужих. По очереди они находились

на кафедре, консультируя студентов, аспирантов и докторантов, охотно и щедро одаривая своими идеями всех нас. С ними всегда было легко, просто, комфортно и, я бы сказала, тепло и радостно. Я убедилась тогда, что настоящие большие учёные – доступные, демократичные, открытые и щедрые люди. Их отношения были удивительно тёплыми и сердечными. Иосиф Абрамович участливо, по-сыновьи трепетно, заботился о самочувствии немолодой Зинаиды Даниловны. Зная её проблемы со зрением, регулярно заходил за ней и провожал до университета. В его отсутствие это делали преподаватели кафедры или студенты. Они же переводили её из аудитории в аудиторию и сопровождали домой. Он сам оплатил ей операцию на глазах, а когда следом свою помощь предложили коллеги по кафедре, организовал ей достойную реабилитацию. Все вместе на юбилей мы подарили ей персональный компьютер, и Зинаида Даниловна быстро освоила работу с ним.

И.А. Стернин всегда говорил, что Зинаида Даниловна – светило российской науки, лингвист мирового уровня, основатель воронежской научно-лингвистической школы, потому и старался сохранить её как можно дольше для докторантов, аспирантов и студентов. Себе он давал более скромную оценку, несмотря на то, что его наперебой приглашали зарубежные университеты: Институт славистики университета им. М. Лютера (ФРГ), Орхусский и Копенгагенский университеты (Дания), университеты Ювяскюля и Хельсинки (Финляндия), Варшавский университет (Польша), Венский экономический университет (Австрия) и др. Как раз в год моей защиты его наградили «Золотой медалью Гердера» (Германия, 1999), двумя годами раньше несколько лет подряд Кембриджским биографическим центром ему присваивалось звание «Человек года в области образования» (1997–1998 гг.), он был действительно Заслуженным деятелем науки РФ.

Между тем журналистское любопытство не давало мне покоя: как, почему и зачем одновременно с олимпийскими высотами вузовской науки блистательный теоретик занимается дошкольниками, школьниками, их

воспитателями и учителями? Для чего он впервые в России создал кафедру теории и практики коммуникации в Институте переподготовки и повышения квалификации учителей русского языка? Вот зачем ему это? Некоторое время эти вопросы оставались без ответа. Однажды Иосиф Абрамович пригласил меня на «Фестиваль риторики» для учащихся школ Воронежской области, организатором и председателем которого он, оказывается, стал с 1994 г. Выступления начались с самых маленьких ораторов – дошкольников старших групп детских садов, потом первоклашек и закончились старшекласниками. Я сидела в зале и только диву давалась, как замечательно владеют речью, голосом и речевой осанкой дети! Надо было видеть Иосифа Абрамовича, сидевшего в жюри – он слушал так, как будто на сцену выходили знаменитые артисты или известные учёные. Умение слушать – тоже риторический дар! Лицо его светилось, бессменный председатель был доволен фестивалем. К вечеру мы поехали в Институт учителей на организованные профессором Стерниным летние международные курсы по теории и практике коммуникации, которые в этот сезон вели специалисты из Америки, Германии, Франции и Москвы. Мне стало ну очень интересно! И я вечерами ездила на другой конец города на лекции и мастер-классы по теории и практике коммуникации, получив позже свидетельство о повышении квалификации в этой сфере.

Постепенно мне стало ясно, что Иосиф Абрамович фактически открыл и теоретически описал новое научное направление – коммуникативную лингвистику, определив и чётко описав базовые категории нового направления (коммуникативное сознание, коммуникативное поведение, коммуникативная личность и др.), а при активном участии воронежских учителей теоретические обоснования учёного получили экспериментальную проверку, доработку и подтверждение.

На основе описанных им категорий коммуникативной лингвистики теперь изучаются особенности языкового общения людей, относящихся к разным социальным группам: «Коммуникативное поведение младшего школьника» (Воронеж, 2000, в соавт.),

«Коммуникативные аспекты толерантности» (Воронеж, 2001, в соавт.), «Коммуникативное поведение дошкольника» (Воронеж, 2004, в соавт.), «Профессиональная коммуникативная личность» (Воронеж, 2007, в соавт.), «Речевая культура государственного служащего» (Воронеж, 2012, в соавт.), «Общение с разными типами собеседников» (Воронеж, 2013), «Анализ коммуникативных ситуаций» (Воронеж, 2013) и др.

Позже под руководством профессора Стернина было изучено и описано коммуникативное поведение людей разных стран – немцев, американцев, англичан, китайцев, финнов и др., истоком которых послужил его «Очерк русского коммуникативного поведения» (Галле, 1991), «Очерк американского коммуникативного поведения» (Воронеж, 2001, в соавт.), «Очерк английского коммуникативного поведения» (Воронеж, 2003, в соавт.), «Специфика деятельности коммуникантов в межкультурной среде» (Воронеж, 2009, в соавт.) и др. Под руководством директора Центра коммуникативных исследований ВГУ И.А. Стернина уже во время моего пребывания в докторантуре начал формироваться банк будущих психолингвистических словарей русского языка, на базе которого сделаны наблюдения над сходством и различиями категорий разных языков, обнаружены концептуальные лакуны в концептосферах разных народов, что позволило по-новому представить ряд проблем контрастной лингвистики: «Очерки по контрастной лексикологии и фразеологии» (Галле, 1989, в соавт.), «Контрастивная лексикология и лексикография» (Воронеж, 2006, в соавт.), «Контрастивная лингвистика» (Москва, 2007, в соавт.) и др.

В 2008 г. профессор Стернин станет неизменным научным редактором и автором предисловий ряда выпусков наших словарей: «Лакуны русского языка» (Быкова Г.В., Фраер В.Л., Издательство БГПУ, Благовещенск, 2008), где выявлены и описаны пустые клетки русского языка «в зеркале» близкородственных английского, французского, немецкого, итальянского и испанского языков; словаря лакун «Межкультурная коммуникация: Россия – Китай» в сравнении с неродст-

венным китайским языком (Быкова Г.В., Глазачева Н.Л., Лу Чуньюэ, Издательство БГПУ, Благовещенск, 2012) и др., под редакцией профессора Института языкознания РАН Ю.А. Сорокина и при активном участии И.А. Стернина в Центре лингвистики и межкультурной коммуникации БГПУ вышло пять выпусков всероссийского сборника «Лакуны в языке и речи».

Поразительно, но факт: И.А. Стернин – автор более 1200 научных работ, из которых 34 монографии, три из них – зарубежные, и около 60 пособий для школ и вузов, вышедших не только в России, но и за рубежом, включая иностранные издания (Болгария, ГДР, ФРГ, США, Финляндия, Румыния, Украина, Литва). Он научный редактор более 150 сборников и монографий. Подготовил 70 кандидатов и 10 докторов наук.

Мировой уровень профессора Стернина (и это бесспорно!) убедительно подтверждают энциклопедии «Русский язык» (Москва, 1997), «Ведущие языковеды мира» (Москва, 2000); справочник «Воронежский государственный университет. Ведущие научные школы» (Воронеж, 2001), энциклопедия «Славянские языковеды» (Москва, 2005) и др. Его научные достижения имеют высокий авторитет среди университетского лингвистического сообщества в России и за рубежом. К нему не зарастёт научная тропа: его индекс Хирша – 70, число цитирований из публикаций автора, входящих в РИНЦ, – 30825, из них число цитирований из публикаций автора, входящих в ядро РИНЦ, – 1565 (на январь 2023 г.).

В 2020 г. персональному сайту профессора Стернина присвоено первое место в международном конкурсе сайтов преподавателей вузов Pedagogical Diskaveri Universiti, годом позже – первое место во Всесоюзном конкурсе «Лучший сайт педагога».

Бесспорно, и это факт – природа одарила Иосифа Абрамовича Стернина даром великого организатора-подвижника. С 1975 г. он организовал на базе Воронежского государственного университета более 60 межвузовских, региональных и всероссийских конференций и научных семинаров по проблемам теоретического языкознания и культуры речи. Он ненавязчиво советовал мне участво-

вать во многих из них с докладами, чтобы «набрать» публикации. Наиболее достойные из них он редактировал и сам отправлял в другие российские сборники и журналы. Благодаря ему список моих научных публикаций стремительно пополнялся перед приближающейся защитой докторской диссертации.

Научные идеи, методы исследования и обучения Иосифа Абрамовича Стернина для вузов и школ вызвали огромный интерес лингвистов и школьных учителей РФ, он часто читал лекции в различных вузах (Белгород, Борисоглебск, Липецк, Мурманск, Салехард, Санкт-Петербург, Тверь, Тобольск, Тольятти, Тюмень, Ярославль и др.). Побывал он и на самой окраине России – в нашем пограничном городе-заставе Благовещенске. Мобильный, демократичный, коммуникабельный, лёгкий на подъём, он охотно откликнулся на приглашение нашего ректора и не заставил себя долго ждать. Прямо из аэропорта я не без умысла повезла его на набережную Амура. Пока шли от машины к реке, он о чём-то увлечённо говорил. И вдруг на противоположном берегу громко запел петух. «Иосиф Абрамович, Вас приветствует китайский петух!» Он оглянулся по сторонам. «Да не в России, вот же – в Китае!» Он недоумённо остановился, растерянно посмотрел через Амур и очень удивился: «Что, это Китай? Так близко? Не может быть!» Мы стояли на самом узком повороте пограничной реки на расстоянии петушиного крика из Поднебесной. Я осталась довольна произведённым эффектом: пусть мы не престижная Европа, но и на задворках матушки России есть чем удивить искушённого человека!

Спешно позавтракали в кафе китайской кухни и поехали в университет. А там переполох: самая большая аудитория самого старинного на Дальнем Востоке педуниверситета не вмещает всех желающих, потому что на встречу «с самим» профессором Стерниным пришли не только лингвисты вузов и школьные учителя областного центра, но словесники других городов и сёл нашего огромного региона, входящего в первую десятку субъектов РФ по размеру территории. Да и актовый зал едва вместил всех желающих, где в

последующем блистательный профессор и продолжил свои блестящие лекции, одновременно консультируя пятерых будущих аспирантов из числа молодых преподавателей филфака и инфака нашего вуза. Все они успешно защитились в ВГУ и стали кандидатами наук.

В один из дней мы отправились с ним в приграничный Хэйхэ Хэйлунцзянской провинции Китая. Переход двух таможен и пересечение Амура заняли не более получаса. Рассматривая в китайском городе названия магазинов, кафе и фирм на русском языке с жуткими ошибками и несуразностями, Иосиф Абрамович остроумно шутил, смеялся и снимал китайско-русские вывески на видеокамеру, как пояснил, для исследования огорок и ошибок, которые так важны для психолингвистики. В узких многолюдных улочках хэйхэских окраин мы заблудились и не могли по-русски узнать дорогу на таможню. Иосиф Абрамович тут же перешёл на английский, и только благодаря его находчивости мы успели на последний катер в Благовещенск.

Кроме многого, в сферу интересов И.А. Стернина входили исследования, связанные с юрислингвистикой, лингвокриминалистикой, лингвоконфликтологией, экспертологией, психолингвистикой и, конечно, лингвистикой. Он одним из первых в регионе России создал и возглавил Воронежскую ассоциацию экспертов-лингвистов, был не просто бессменным членом Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГУ Минюста по г. Москве), он был и остаётся её блестящим теоретиком! Продолжая выполнять судебные экспертизы, я не перестаю удивляться, как часто нам, лингвистам-экспертам Гильдии, приходится цитировать его теоретические работы. При этом Иосиф Абрамович руководил дополнительной специализацией при Центре коммуникативных исследований ВГУ и одноимённой магистерской программой «Лингвокриминалистика», регулярно выступал экспертом в спорных вопросах. Основные идеи этого направления отражены в его учебных пособиях «Экспертиза товарного знака» (Воронеж, 2013, в соавт.), «Ос-

новы лингвокриминалистики» (Воронеж, 2018), «Маркеры фейка в медиатекстах» (Воронеж, 2020, в соавт.) и др.

Удивление и почтение вызывает его подвижническая просветительская деятельность. Это создание первой в России Службы русского языка, организация передачи о русском языке «Территория слова» на ГТРК «Воронеж», он регулярно вёл рубрики в газетах (в том числе «Русское слово» в «Коммуне»), традиционные городские Дни грамотности, фестиваль риторики, Дни родного языка и толерантности, публичные лекции в Воронежской областной библиотеке им. И.С. Никитина, выступления в вузах и школах перед студентами, детьми и учителями. Курс по культуре общения, пособия и учебники были разработаны И.А. Стерниным и его единомышленниками – воронежскими учителями. Благодаря этому во всех школах Воронежской области и во многих других регионах дети от мала до велика сейчас учатся грамотно и культурно общаться.

И ещё. Иосиф Абрамович не был набожным человеком. В разговоре со мной он живо интересовался Дальним Востоком, традициями обучения в вузах Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, малочисленными этносами и языковой ситуацией на нашей отдалённой окраине, многими другими проблемами. Именно он убедил меня, что я смогу и должна возглавить проект документирования стремительно исчезающего миноритарного маргинального языка амурских эвенков, что и было сделано при активной поддержке сектора тунгусо-маньчжурских языков Институтов филологии и сектора эвенкийской филологии ИГИ и ПМНС СО РАН. В результате подготовлены и изданы диалектные словари говоров амурских эвенков. Словарь селемджинского говора сейчас находится в издательстве Сибирского отделения РАН. Попутно велось интенсивное документирование эвенкийско-якутско-бурятско-монгольско-славянского топонимикона огромного и древнего Приамурья, на бескрайних просторах которого можно разместить или Германию, или Японию, или 12 Бельгий! Только рек здесь 37 тысяч, а сколько озёр, гор, долин, урочищ и других географических объектов! И всё это

тщательно наименовано многими поколениями древних малочисленных народов, живших здесь искони в согласии с природой и её законами. Рукопись словаря географических названий Амурской области в двух томах (Населённые пункты и Географические объекты), выполненный на новой этнологической основе по методикам и под редакцией профессора М.В. Горбаневского, получил высокую оценку сектора языков Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН. После завершения камеральной лингвистической обработки словаря здесь же планируется его издание. С благословения неумоимого Иосифа Абрамовича теоретическим обоснованием нашего единственно успешного в России XXI века проекта спасения исчезающего языка стала монография «Механизмы адаптации субстратных топонимов и феномен лакунарности» (Калинина Е.Н., Быкова Г.В., 2011), которую он прочитал в рукописи и дополнил. Особенно высоко он оценил широкомасштабный психолингвистический эксперимент по выявлению ассоциативных реакций эвенков и русских на субстратные топонимы Приамурья.

Но о Боге мы не говорили. Тем не менее я убеждена – не обязательно быть канонизированным Церковью, чтобы считаться святым. Святые живут среди нас, а не только в монастырях, служат в храмах, молятся в пустынях. Почти неизвестно о благотворительной деятельности Иосифа Абрамовича. В Воронежском университете действует «Фонд поддержки молодых учёных-лингвистов ВГУ (Фонд Стерниных)». Его учредителями стали физические лица – профессора ВГУ, доктора филологических наук Иосиф Абрамович и Мария Абрамовна Стернины. Финансовые средства фонда сформированы и пополняются из личных средств учредителей. Официально Фонд предназначен для стимулирования исследований в области лингвистики и оказания материальной поддержки научной деятельности молодых учёных-лингвистов в Воронежском университете, но не только. Здесь учреждены и присуждаются премии за публикации научных работ по филологии, неоднократно состоялось вручение премий воронежским учителям за успехи в научной

деятельности, решением совета Фонда выделены гранты преподавателю романо-германского факультета Павлу Кузьменко и ещё целому ряду аспирантов для подготовки и проведения защиты кандидатской диссертации, а также городской телефонной «Службе русского языка» для поддержки деятельности и др.

Как-то в разговоре с Иосифом Абрамовичем посетовала, что не могу найти денег на издание подготовленного словаря. Через какое-то время получаю вдруг от него увесистую бандероль – изданный на средства Фонда Стерниных опыт словаря «Лакуны русского языка» (Быкова Г.В., Фраер В.Л., Издательство ВГУ, Воронеж, 2013) на материале близкородственных белорусского, украинского, болгарского, польского, сербо-

хорватского, чешского и старославянского языков. Вот так с форзаца нового словаря я узнала о фонде Стерниных. Нечаянной радости моей не было предела: Благодетелю, Спасе мой, слава тебе!

Иосиф Абрамович Стернин, Учитель, Педагог, Лингвист, Психолингвист, Просветитель, великий подвижник, крупнейший учёный России, Европы и мира, жил по совести, по заповедям, что Христовыми именуются, а проще сказать – неистово, преданно, свято и терпеливо служил людям, жил открыто, искренне, щедро и самоотверженно взращая не одно поколение российских учёных. Он лелеял и любил всех нас, ближних своих, яко себя и, возможно, чуточку сильнее. Не иссякнет и преумножится светлая память о нём! И да святится имя его!

Информация об авторе

Быкова Гульчера Вахобовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Благовещенский государственный педагогический университет, г. Благовещенск, Российская Федерация, член Союза журналистов СССР, член Союза писателей России, академик РАЕН, член ГЛЭДИС, член Воронежской научной лингвистической школы, gulchera-bykova@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.01.2023
Принята к публикации 17.02.2023

Information about the author

Gulchera V. Bykova, Dr. Sci. (Philology), Professor of Russian Language and Literature Department, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russian Federation, gulchera-bykova@yandex.ru

Received: January 16, 2023
Accepted: February 17, 2023

